Юрий Васильевич Емельянов
Хрущев. Смутьян в Кремле

Хрущев – 2

Djvuing, Zed Exmann, 2008
«Хрущев. Смутьян в кремле»: Вече; Москва; 2005
ISBN 5-9533-0379-3

Аннотация

В книге дилогии историка Ю.В. Емельянова рассказывается о жизни и деятельности Н.С. Хрущева после смерти И.В. Сталина. Автор подробно останавливается на всех этапах биографии знаменитого генсека, возглавлявшего страну одиннадцать лет.

Юрий Емельянов
Хрущев. Смутьян в кремле

Часть 1
ЗАЩИЩАЯ ОБРЕТЕННУЮ ВЛАСТЬ

Глава 1
XX СЪЕЗД И ЕГО ЗАКУЛИСНАЯ СТОРОНА

Вскоре после своего завершения XX съезд вошел в историю как яростное осуждение «культа личности Сталина и его последствий», в ходе которого Хрущев обвинил Сталина в развязывании жестоких репрессий. Между тем во время подготовки съезда, в ходе него и почти до самого его конца о «культе личности Сталина» открыто было сказано очень мало. Этот вопрос не стоял ни в повестке дня съезда, ни в материалах, которые публиковались в печати по мере приближения съезда. Казалось, что съезд ограничится отчетами о деятельности ЦК КПСС и Центральной ревизионной комиссии за почти четырехлетний период их деятельности с октября 1952 года, одобрит основные направления развития советской экономики на шестую пятилетку (1956–1960 годы) и изберет новый состав ЦК и другие центральные органы партии.

Хотя обычные при жизни Сталина ежедневные здравицы в его честь прекратились с весны 1953 года, в дни годовщин смерти Сталина и его рождения в центральных газетах страны

публиковались статьи, посвященные ему, в которых неизменно давалась высокая оценка покойному. Правда, значительная часть этих статей была посвящена восхвалению текущей деятельности советского руководства и содержала больше цитат из Ленина, чем из Сталина. Хрущев лично одергивал тех, кто успел опубликовать свои мемуары о встречах со Сталиным. Так, от Н.С. Хрущева попало авиаконструктору А.С. Яковлеву, автору известных воспоминаний о Сталине, опубликованных в очерке «О великом и простом человеке». Обратившись к нему во время знакомства с самолетами «Як», Хрущев сказал: «Вы кто, конструктор или писатель, зачем книжки пишете?» «На такой странный вопрос, – вспоминал Яковлев, – я решил не отвечать и подождал, что будет дальше». «Вы конструктор и занимайтесь конструкциями, – продолжал Хрущев. – Для книг есть писатели, пусть они и пишут. А ваше дело конструкции…»

Впрочем, писателям о Сталине тоже не разрешалось писать. Об этом свидетельствовала реакция руководства страны на публикацию поэмы Александра Твардовского «За далью даль» на страницах возглавлявшегося им журнала «Новый мир» в марте 1954 года (к первой годовщине смерти Сталина). Ряд строф в поэме, посвященных Сталину («Мы были сердцем с ним в Кремле…»; «Ему, кто вел нас в бой и ведал, какими быть грядущим дням, мы все обязаны победой, как ею он обязан нам»; «Да, мир не знал подобной власти отца, любимого в семье. Да, это было наше счастье, что с нами жил он на земле».), вызвали резкое осуждение в партийном руководстве. Как писал Кожинов, «вскоре же, с начала июня 1954-го, была развернута громкая критическая кампания против Твардовского, и в августе он был снят с поста главного редактора "Нового мира" и заменен… Симоновым, который после наказания за «сталинскую» статью более о вожде не заикался».

И все же ничто не свидетельствовало о том, что уважение к Сталину ослабело в советской стране. В интерьерах государственных учреждений по-прежнему находились портреты Сталина и его скульптурные изображения. В дни праздников портретами Сталина украшали фасады зданий и их несли демонстранты. Как и до 1953 года, в высших учебных заведениях изучали отредактированный Сталиным «Краткий курс истории ВКП(б)», «Экономические проблемы социализма», «Вопросы ленинизма» и другие работы Сталина. Наконец, ничто не свидетельствовало о том, что сам Хрущев собирался критиковать Сталина.

Так, в ходе своего пребывания в Югославии он настолько решительно защищал Сталина от нападок югославских руководителей, что это чуть не помешало успешному завершению этого визита.

Поэтому разногласия, возникшие среди членов Президиума ЦК на заседании 5 ноября 1955 года по вопросу о том, как отмечать очередной день рождения И.В. Сталина, были неожиданными. Кто-то (возможно, Хрущев) внес предложение: «Дату отмечать только в печати; собрания не проводить». Каганович возражал и предлагал провести собрания по заводам. Его поддержал Ворошилов. Против них выступили Булганин и Микоян. При этом последний заметил: «Сталинские премии есть, а ленинских нет». Тогда Каганович сказал: «Расхождений с тобой, т. Хрущев, не имею. Сталин меня критиковал… Я не мыслю, что Сталин выше Ленина. Я предлагаю отметить день рождения Сталина». В ответ Хрущев возражал Кагановичу. Запись гласит: «Т. Хрущев. Кадры перебили. Военные». В ответ Ворошилов заметил: «Все что говорили– правда… Есть еще сторона: меня выгнали, но я и это прощал». Однако Ворошилов настаивал на решении: «О Ленине – так-то, о Сталине – в печати, по радио». В итоге было принято решение: «В день рождения Сталина И.В. – 21 декабря осветить его жизнь и деятельность опубликованием статей в печати и в передачах по радио. Приурочить к 21 декабря присуждение Международных Сталинских премий».

Стремление Хрущева ослабить прославление Сталина было вызвано предшествовавшими событиями 1955 года. Хотя Молотов потерпел поражение на июльском пленуме, победа Хрущева над ним не была полной. Молотов сохранил все свои правительственные посты, а главное – авторитет опытного партийного руководителя. Молотов воспринимался как живой ученик и продолжатель дела Ленина – Сталина, под начальством которых он работал в Секретариате ЦК, а затем в Политбюро с начала 1920-х годов. Несмотря на острую критику Сталина в его адрес на октябрьском (1952 г.) пленуме ЦК, Молотов в течение трех десятилетий был вторым человеком в стране после Сталина. Молотов вместе с Кагановичем и

Ворошиловым являлись наиболее близкими людьми к Сталину в 1930-е годы, в разгар острой внутрипартийной борьбы. Авторитет Молотова позволял ему давать наиболее весомые идейно-политические оценки. С такой же жесткостью, с которой Молотов обвинял Маленкова в «теоретически ошибочных и политически вредных взглядах» и критиковал политику в отношении Югославии за «отступление от ленинизма», Молотов мог обрушиться на всю политику Хрущева. Поскольку неурожай на целине осенью 1955 года подтвердил опасения Молотова, Хрущев боялся, что кремлевский ветеран станет обвинять его в «авантюризме» или в чем-нибудь похлеще.

О том, что Хрущев опасался Молотова, как наиболее сильного конкурента, свидетельствуют его воспоминания, в которых он уверял, что вместо него докладчиком на XX съезде мог стать Молотов. Хрущев писал: «Итак, мы подошли вплотную к очередному съезду партии. Я отказывался от отчетного доклада и считал, что раз мы провозгласили коллективное руководство, то отчетный доклад должен делать не обязательно секретарь ЦК. Поэтому на очередном заседании Президиума ЦК я предложил решить, кто будет делать отчетный доклад. Все, в том числе Молотов (а он как старейший среди нас имел более всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно высказались за то, чтобы доклад сделал я. Видимо, тут сыграло роль то обстоятельство, что по формальным соображениям именно Первый секретарь Центрального Комитета партии обязан выступить с отчетом. Если же обратиться к другому докладчику, то могло оказаться много претендентов, что вызовет сложности. После смерти Сталина среди нас не было человека, который считался бы признанным руководителем. Поэтому и поручили сделать доклад мне».

Комментируя это замечание Хрущева, Эдвард Крэнкшоу писал: «Хрущев никогда бы не позволил кому бы то ни было выступать с отчетным докладом. Это было бы равносильно признанию им своего поражения». В то же время упоминание Хрущевым того, что Молотов «имел более всего оснований претендовать на роль докладчика», могло свидетельствовать о том, что о таком варианте говорили некоторые члены Президиума.

Хрущев вряд ли мог спокойно воспринять выдвижение кандидатуры Молотова в качестве основного докладчика на съезде. Однако вряд ли в последние дни перед съездом партии подвергалось пересмотру решение, о котором было объявлено в повестке дня съезда задолго до его начала. Скорее всего, Хрущев, как обычно, излагал события весьма неточно и речь шла о другом.

Во-первых, речь могла идти о предложении Молотова выступить с докладом о программе партии. Как известно, на XIX съезде была создана комиссия, которая должна была доложить следующему съезду о проделанной работе. Каганович вспоминал, что еще во время отпуска Хрущев позвонил ему и сказал: "Молотов предлагает включить в повестку дня XX съезда вопрос о программе партии. Видимо, он, Молотов, имеет в виду, что докладчиком по этому вопросу будет он. Но если уже включать в повестку дня съезда вопрос о программе, то докладчиком надо назначать тебя, потому что ты этим вопросом занимался еще к XIX съезду. Но вообще, – сказал он, – мы не готовы к этому вопросу". Я ему ответил, что я тоже считаю, что мы не успеем подготовить этот вопрос, поэтому включать его в повестку дня XX съезда нельзя».

Во-вторых, Хрущев мог спутать вопрос о первом докладчике с вопросом о первом председательствующем на съезде. Дело в том, что уже в течение четверти века съезды партии открывал В.М. Молотов. Поэтому накануне XX съезда, вероятно, обсуждался протокольный вопрос, кто будет открывать его, и некоторые члены Президиума ЦК решили следовать сложившейся традиции. Хотя выступление в связи с открытием съезда было обычно кратким, оно могло содержать ряд принципиальных оценок периоду, прошедшему после XIX съезда. Согласиться на то, что его главный оппонент станет открывать съезд, Хрущев не желал. Сам факт обсуждения кандидатуры Молотова в качестве лица, которое могло открыть съезд партии, вероятно, вызвал опасения Хрущева.

Он мог заподозрить, что если накануне съезда его основному сопернику предлагают открыть съезд партии, то еще большие сюрпризы могут ожидать Хрущева в ходе съезда и после него, когда встанет вопрос о перевыборах руководства. Где гарантия того, что в ходе съезда или на пленуме ЦК сразу после съезда Хрущев не будет смещен с поста Первого секретаря, а его

место займет Молотов? Отстранение Хрущева могло произойти без отряда вооруженных генералов, а в строгих рамках выборных процедур, предусмотренных уставом КПСС. Обвинение же Молотовым Хрущева в «не ленинской» политике могло привести к его политическому крушению и гибели. Поэтому он добился того, что ему было поручено открыть XX съезд партии. И все же Хрущев не был достаточно уверен в прочности своего положения.

Для того чтобы одержать верх над Молотовым, Хрущеву надо было сокрущить его авторитет. А для этого надо было ударить по исторической основе авторитета Молотова, как второго человека в стране после Сталина. Чтобы доказать негодность Молотова как партийного руководителя, надо было опровергнуть правильность действий самого Сталина. Первую попытку такого рода Хрущев предпринял уже на июльском пленуме ЦК, когда обвинил Молотова и Сталина в самовольном принятии решений о разрыве с Югославией в 1948 году. Видимо, после этого Хрущев решил пойти по тому же пути дискредитации Сталина, по которому уже шел Берия в марте – июне 1953 года. При этом, как и Берия, Хрущев решил, что, возложив на Сталина главную ответственность в нарущении закона, он таким образом снимет вину с работников государственной безопасности. Ведь из заявлений Хрущева на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС получалось, что сама система государственной безопасности такова, что она может плодить лишь «липовые дела». Хрущеву было невыгодно ссориться со столь влиятельной силовой структурой, во главе которой он поставил своего соратника со времен пребывания на Украине – Серова. Поэтому в докладе на XX съезде партии Н.С. Хрущев заметил, что «у некоторых товарищей стало проявляться известное недоверие к работникам органов государственной безопасности». «Это, конечно, неправильно и очень вредно, – сказал Хрущев.

Но главным для Хрущева было не допустить обвинений в свой адрес за нарушения законности в 1937–1938 годах и последующие годы. Свержение Маленкова под аккомпанемент обвинений в близости к Берии, заявления о «моральной ответственности» Маленкова за ряд сфабрикованных дел показали, что такие же обвинения могли быть выдвинуты и против Хрущева. Поэтому Хрущев был заинтересован в том, чтобы изобразить таких людей, как Берия, Маленков и он сам, лишь невольными исполнителями воли Сталина, возложив на Сталина главную ответственность за злоупотребления властью.

Для этого Хрущев постарался взять под свой контроль документы, которые могли бы его компрометировать, и использовать их так, чтобы дискредитировать Сталина. Как свидетельствовал В.М. Молотов, сразу же после смерти И.В. Сталина была создана комиссия по сталинскому архиву, во главе которой встал Н.С. Хрущев. Хотя комиссия ни разу не собиралась, ее председатель получил возможность разбирать архивные документы Сталина. После отставки Д.Н.Суханова Н.С. Хрущев взял под свой контроль Общий отдел ЦК. (Суханов же был арестован по надуманному обвинению.) В книге Р. Баландина и С. Миронова «Заговоры и борьба за власть» приведено высказывание историка В.П. Наумова: «В 1955 году по распоряжению Хрущева были уничтожены бумаги Берии, документы о Сталине и о других руководителях партии. Всего было уничтожено 11 бумажных мешков. Чем более надежно скрывались документы, тем более эмоционально осуждал Хрущев преступления, в которых сам принимал участие». Хрущев решил также взять в свои руки начавшуюся еще в первые месяцы после смерти Сталина реабилитацию политических заключенных. В октябре 1955 года Хрущев предложил представить делегатам съезда информацию о нарущениях законности в ходе репрессий 1930-х – начала 1950-х годов.

В отличие от репрессированных «кулаков» и членов других социальных групп, подвергнувшихся массовым репрессиям в годы советской власти, жертвы политических репрессий 1930-х – начала 1950-х годов имели значительно больший вес в обществе. Занимая до своих арестов крупные посты в советском руководстве, они и после возвращения из лагерей сохранили знакомства с теми, кто в середине 1950-х годов играл значительную роль в советском обществе. Некоторые из них были близки к видным руководителям страны или имели родственные связи с ними. Эти обстоятельства не могли способствовать объективности при рассмотрении дел о реабилитации. В результате глубокий анализ причин, вызвавший внутриполитический кризис в середине 1930-х годов, подменялся рассказом о несправедливых обвинениях, выдвинутых против осужденных. При этом скрывалось, что многие из осужденных

сами были активными инициаторами массовых репрессий, начиная с 1918 года.

Совершенно справедливо отметая надуманные обвинения в шпионаже в пользу различных иностранных держав или подготовке террористических актов, организаторы реабилитации не стремились обратить внимание на те действия ряда осужденных, которые были направлены против руководства страны и могли привести к государственному перевороту и ослаблению советского государства перед войной. Последующие исследования историков показали, что некоторые обвинения в организации заговоров, выдвинутые в отношении ряда участников процессов 1930-х годов, не были беспочвенными. Вне внимания организаторов реабилитации оставались также исторические и социальные причины, порождавшие как острую внутрипартийную борьбу, так и жестокие репрессии. Руководство партии явно не желало углубляться в такой анализ, результатом которого могли бы быть выводы, свидетельствующие о том, что советский общественный строй далеко не идеален, как это утверждала официальная пропаганда. Об уязвимости советского строя в случае отрыва партии от народа не раз говорил Сталин, но об этом, видимо, старались не думать его наследники. По своему теоретическому уровню они не были способны к углубленному научному анализу общественных процессов.

Несмотря на то что на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС Л.П. Берию осудили за попытки использовать реабилитацию осужденных в политиканских целях, жертвы репрессий продолжали служить удобными фигурами в соперничестве руководителей страны. Воспользовавшись опытом Берии, Хрущев и его сторонники стали изыскивать среди показаний реабилитированных свидетельства против Сталина. На заседании 31 декабря 1955 года имя Сталина было вновь упомянуто, и на этот раз в связи с обсуждением вопроса о реабилитации. В ходе дискуссии А.И. Микоян внес на рассмотрение переданное ему письмо от знакомой ему по бакинскому подполью О. Шатуновской, которая долго пробыла в заключении, а в середине 1950-х годов проходила лечение от тяжелого нервного расстройства. В своем письме Шатуновская, ссылаясь на факты вопиющего попустительства органов НКВД действиям убийцы Л. Николаева и гибели важных свидетелей этого убийства, утверждала, что Сталин организовал убийство Кирова. Комментируя это письмо, Хрущев заявил: «Если проследить, пахнет нехорошим. Товарищам вызвать врача, шофера, Куприянова» (то есть оставшихся в живых свидетелей). (Известно, что многочисленные правительственные комиссии, созданные в 1955–1989 годах для проверки версии Шатуновской, не смогли ее подтвердить.)

31 декабря 1955 года Президиум ЦК принял решение о создании комиссии по реабилитации, которую возглавил секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов. В его состав вошли А.Б. Аристов, Н.М. Шверник, П.Т. Комаров, Р.А. Руденко, И.А. Серов. Очевидно, что в течение следующего месяца члены Президиума ЦК получили от комиссии Поспелова немало материалов, в которых вина за беззакония возлагалась исключительно на Сталина и самых ближайших к нему руководителей. Это видно из того, что 1 февраля 1956 года на заседании Президиума ЦК Хрущев бросил реплику в адрес Молотова: «Расскажите в отношении тт. Постышева, Косиора, как вы их объявляли врагами. Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел». Однако, видимо не решаясь прямо обвинить Молотова, Хрущев заключал: «Виноват Сталин… Ежов, наверное, не виноват, честный человек». Стремление выгородить Ежова было объяснимо: Хрущев и Ежов были соавторами многих сфабрикованных дел.

Хрущеву возражал Молотов: «Но Сталина как великого руководителя надо признать. Нельзя в докладе не сказать, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина». Его поддерживал Каганович: «Нельзя в такой обстановке решать вопрос. Много пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе». Ворошилов заявлял: «Страну вели мы по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Молотов вновь выступил: «Присоединяюсь к Ворошилову. Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности соразмерить. И позорные дела – тоже факт». Однако в поддержку Хрущева выступало большинство членов Президиума. Среди активно поддержавших Хрущева был и Маленков. Он также был заинтересован в том, чтобы вина с его соратников, Берии и Ежова, была перенесена на Сталина.

В заключение дискуссии Хрущев заявил: «Ягода, наверное, чистый человек. Ежов – наверное, чистый человек. Сталин – преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все своим капризам подчинял. На съезде не

говорить о терроре. Надо наметить линию – отвести Сталину свое место (почистить плакаты, литературу). Усилить обстрел культа личности».

9 февраля Президиум рассмотрел итоги работы комиссии П.Н. Поспелова. К этому времени Хрущев уже был готов низвергнуть авторитет Сталина. Он заявлял: «Несостоятельность Сталина как вождя раскрывается. Что за вождь, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду… Может быть, т. Поспелову составить доклад и рассказать. Причины: культ личности, концентрация власти в одних руках. Нечистых руках. Где сказать: на заключительном заседании съезда. Завещание (так Хрущев называл «Письмо к съезду» Ленина. – *Прим. авт.)* напечатать и раздать делегатам. Письмо по национальному вопросу (опять же Ленина. – *Прим. авт.)* печатать и раздать делегатам съезда».

Молотов возражал: «На съезде надо сказать. Но при этом сказать не только это. Но по национальному вопросу Сталин – продолжатель дела Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина – индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией. Культ личности, но мы о Ленине говорим, о Марксе говорим». Каганович поддержал Молотова, считая, что «редакцию доклада преподнести политически, чтобы 30-летний период не смазать, хладнокровно подойти». «Осторожность нужна», – призывал Ворошилов. Однако большинство членов, кандидатов в члены Президиума и секретарей поддерживали Хрущева без всяких оговорок. Более того, Аристов осудил Молотова, Кагановича и Ворошилова за их выступления. Очевидно, что многие руководители, такие, как Аристов, рассуждали так: свалив вину за репрессии исключительно на Сталина, можно будет избежать анализа внутрипартийной борьбы и дискредитации многих партийных деятелей.

Суммируя дискуссию, Хрущев утверждал: «Нет расхождений, что съезду надо сказать… Не бояться. Не быть обывателями, не смаковать. Развенчать до конца роль личности. Кто будет делать доклад – обдумать».

Каганович в своих мемуарах писал, что после обсуждения материалов комиссии Поспелова на Президиуме было принято решение заслущать ее доклад на пленуме после съезда партии. Однако в черновых протокольных записях заседания Президиума ЦК от 13 февраля говорилось: «На закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности». Вероятно, твердого решения о том, когда огласить доклад Поспелова, не было. К тому же Молотов, Каганович и Ворошилов, требовавшие от Хрущева уравновешенной оценки Сталина, успокоились, поскольку в тексте отчетного доклада был включен абзац: «Вскоре после XIX съезда партии смерть вырвала из наших рядов великого продолжателя дела Ленина – И.В. Сталина, под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы».

Открыв XX съезд партии 14 февраля 1956 года в 10 часов утра, Хрущев заявил, что за период между съездами «мы потеряли виднейших деятелей коммунистического движения: Иосифа Виссарионовича Сталина, Клемента Готвальда и Кюици Токуда. Прошу почтить их память вставанием». То обстоятельство, что Хрущев не выделил особо Сталина и поставил его в один ряд с руководителями компартий Чехословакии и Японии, свидетельствовало о том, что Хрущев явно постарался снизить статус Сталина. Об этом же свидетельствовало и все содержание доклада Хрущева.

Правда, в разделе доклада, названном «Партия», было сказано: «Вскоре после XIX съезда партии смерть вырвала из наших рядов Иосифа Виссарионовича Сталина». Однако вторичное упоминание о смерти Сталина служило лишь для того, чтобы сказать о том, что «враги социализма рассчитывали на возможность растерянности в рядах партии», но их «расчеты провалились». Слова, содержавшиеся в утвержденном проекте отчетного доклада, о том, что Сталин был «великим продолжателем дела Ленина» и что «под его руководством партия осуществляла ленинские заветы», исчезли. В докладе не приводилось ни одной цитаты из Сталина, которыми обычно пестрели речи ораторов на предыдущих съездах, в том числе и речи Хрущева.

В то же время в докладе говорилось, что культ личности противоречит идеологии коммунизма: «Борясь за всемерное развитие творческой активности коммунистов и всех трудящихся, Центральный Комитет принял меры к широкому разъяснению марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. ЦК решительно выступил

против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс, ведет к снижению их творческой активности. Распространение культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе». Этими общими фразами и туманными намеками ограничилось упоминание о культе личности в докладе. На «культ личности» была возложена ответственность не за беззакония в ходе репрессий, а лишь на отдельные, хотя и «серьезные упущения» в работе партии.

Подавляющая же часть стостраничного доклада была посвящена обычным для такого жанра темам – международное положение, внутреннее положение страны, внутрипартийная жизнь. Впоследствии в советской пропаганде подчеркивалось, что новым вкладом в теорию марксизма-ленинизма явились положения доклада о возможности победы социалистической революции мирным путем и об отсутствии фатальной неизбежности новой войны. Однако новизна первого положения была сомнительна. Еще в 1950 году не без ведома Сталина и советского руководства в газете Информационного бюро коммунистических партий «За прочный мир, за народную демократию!» была опубликована программа британской компартии «Путь Британии к социализму», где впервые была высказана до сих пор необычная для коммунистов мысль о возможности их прихода к власти мирным путем.

Заявление Хрущева было предназначено для того, чтобы показать, что советские коммунисты не стремятся к вооруженным захватам власти и, таким образом, содействовать победе своих единомышленников в других странах мира. Однако в последующей истории имелись лишь отдельные и не слишком убедительные примеры того, как коммунисты в союзе с другими левыми силами могут взять власть в результате парламентских выборов (например, в крохотной республике Сан-Марино). Наиболее убедительным примером такого рода стала победа социалистов и коммунистов в Чили. Однако пришедшее мирным путем к власти в конце 1970 года правительство Альенде было свергнуто в результате военного переворота в сентябре 1973 года. Даже в крохотном Сан-Марино правительство из коммунистов и социалистов, пришедшее к власти путем парламентских выборов, было насильственно свергнуто в октябре 1957 года. Таким образом, высказанное с большой претензией заявление Хрущева о начале новой эры мирного осуществления социалистической революции не оправдалось. В подавляющем же большинстве случаев приход к власти правительств, провозгласивших в 1960-е – 1970-е годы целью строительство социализма, совершался вооруженным путем (например, революции на Кубе, в Никарагуа, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Лаосе и другие).

Большей новизной отличалось положение об отсутствии фатальной неизбежности войны. Хрущев утверждал: «Пока на земном шаре остается капитализм, реакционные силы, представляющие интересы капиталистических монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии, могут попытаться развязать войну. Но фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются их начать – дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы… Чем активнее народы будут защищать мир, тем больше гарантий, что новой войне не бывать».

Это положение доклада порождало надежду на возможность того, что «силы мира» остановят «силы войны». Однако история показала, что недолгий период мира после окончания корейской войны в 1953 году и войны в Индокитае в 1954 году сменился новыми войнами. Уже осенью 1956 году была развязана война Великобритании, Франции и Израиля против Египта. Эта и другие войны на Ближнем Востоке, индо-пакистанские войны, американская агрессия против народов Индокитая 1961–1973 годов, интервенции США в страны Латинской Америки, англо-аргентинская война из-за Фолклендских островов, война в Афганистане и другие военные конфликты свидетельствовали о том, что надежды на прекращение войн в XX веке, рожденные положением доклада Хрущева, не реализовались. Кстати, сам Хрущев, провозгласивший тезис об отсутствии фатальной неизбежности войны, в дальнейшем внес немалый вклад в обострение международной обстановки и доведение ситуации до возможности новой мировой войны. Однако высокий авторитет советского руководства, накопленный за годы успешного развития страны и укрепления ее международного положения, позволял

советским людям доверять прогнозам Хрущева относительно перспектив международных отношений и внутриполитических процессов в капиталистических странах. Такое же доверие вызывали и пятилетние планы развития народного хозяйства.

Хотя доклад на эту тему делал Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев в своем докладе обозначил основные задания шестого пятилетнего плана. Он объявил о том, что за пятилетку уровень промышленного производства возрастет на 65%. Хотя тяжелая промышленность будет развиваться опережающими темпами, легкая промышленность возрастет на 60%. При этом, сообщал Хрущев, производство предметов народного потребления возрастет в 1960 году в 3 раза по сравнению с 1950 годом.

Особое внимание Хрущев уделил в своем докладе вопросам развития сельского хозяйства. Он превозносил достижения в освоении целинных и залежных земель и всячески рекламировал выращивание кукурузы. Он сурово критиковал тех местных руководителей в областях и республиках, где были собраны низкие урожаи кукурузы. Хрущев считал, что причина низких урожаев одна – «беззаботное отношение к ее возделыванию руководителей этих районов. Речь идет о значительной части районов Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Костромской, Ярославской, Тульской и некоторых других областей. Спрашивается, может быть, Центральный Комитет КПСС допустил ошибку, рекомендовав эту освоенную на Юге культуру для всего Советского Союза? Нет, товарищи, это не было ошибкой… Факты убедительно доказывают, что во всех зонах страны кукуруза может давать высокие урожаи, что кукуруза не имеет себе равной культуры по урожайности и количеству кормовых единиц, получаемых с гектара посева, по лучшей оплате труда, затраченного на ее возделывание».

Успехи в развитии народного хозяйства СССР должны были позволить добиться и значительного улучшения в социальном положении советских людей. Хрущев объявил о намерении ввести 7-часовой рабочий день с 1957 года, принять новый закон о пенсионном обеспечении, увеличить зарплату низкооплачиваемым рабочим и служащим, значительно расширить жилищное строительство и ввести ряд других социальных благ. Выполнение этих широких социальных программ зависело от успешного выполнения шестого пятилетнего плана. В своем докладе Хрущев наметил радужные перспективы развития советского общества в мире, который будет все более безопасным и в котором коммунистическое движение будет мирно завоевывать одну страну за другой.

Екатерина Фурцева, выступившая первой в прениях, заявила: «В отчетном докладе Центрального комитета КПСС тов. Н.С. Хрущев с предельной ясностью и исключительной глубиной раскрыл неодолимую силу великих идей марксизма-ленинизма в борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране». В своем выступлении Фурцева упомянула Хрущева три раза. Никакой другой фамилии, кроме Ленина, в ее речи не было упомянуто.

Выступавший следом за Фурцевой первый секретарь Компартии Украины А.И. Кириченко упомянул фамилию Хрущева уже 7 раз. Всякий раз это было связано с положительной оценкой содержания доклада или каких-либо инициатив Хрущева. В ходе его выступления Хрущев трижды вставлял замечания и обменивался репликами с Кириченко. Никто другой из членов Президиума ЦК подобного себе не позволял. Семь раз упомянул Хрущева и выступавший следом за Кириченко первый секретарь Ленинградского обкома партии Ф.Р. Козлов. Правда, число упоминаний региональными лидерами фамилии Хрущева было раза в два меньше, чем число упоминаний фамилии Сталина Хрущевым на XVII съезде партии. Правда, и то, что, когда ораторы говорили о Хрущеве, они не называли его «великим» и «гениальным вождем». И все же было очевидно, что, несмотря на осуждение «культа личности», упоминания о Хрущеве были многочисленны и всегда сопровождались исключительно положительными оценками.

Хрущев мог ощущать удовлетворение: выступления на съезде свидетельствовали о том, что он стал общепризнанным Первым руководителем страны. И все же, по словам Хрущева, по мере продолжения съезда он испытывал смешанные чувства. Он вспоминал: «Съезд шел хорошо. Для нас это было, конечно, испытанием. Каким будет съезд после смерти Сталина? Но все выступавшие одобряли линию ЦК, не чувствовалось никакой оппозиции, ходом событий не предвещалось никакой бури. Я же все время волновался, несмотря на то, что съезд шел хорошо,

а доклад одобрялся выступавшими. Однако я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: "Вот кончается съезд, будет принята резолюция, и все это формально. А что дальше? На нашей совести остаются сотни тысяч безвинно расстрелянных людей, включая две трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII съезде. Мало, кто уцелел, почти весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко кому повезло так, что он остался. Что же теперь?" На самом деле Хрущев прекрасно знал о решении заслущать доклад Поспелова о реабилитации многих членов партии. Очевидно, что Хрущева беспокоило что-то другое. В своих воспоминаниях он писал: «На этом съезде мы должны были взять на себя обязательства по руководству партией и страной. Для этого надо точно знать, что делалось прежде и чем были вызваны решения Сталина по тем или иным вопросам».

Теперь Хрущев занимал то же положение, которое занимал Сталин в руководстве партии, и он мог сопоставлять свою деятельность за два с лишним года после своего избрания на пост Первого секретаря ЦК партии с деятельностью Сталина. Если Хрущев верил в собственные заявления, которые он делал в своем отчетном докладе, то получалось, что лишь после его избрания на пост Первого секретаря дела в стране пошли на лад. Получалось, что ему удалось добиться решающего перелома в развитии сельского хозяйства, которое заметно отставало по темпам производства от промышленности при Сталине. Хрущев обратил внимание и на то, что многие промышленные предприятия работают по старинке и с использованием устарелой технологии. Он предлагал быстро решить жилищный вопрос путем строительства дешевых панельных пятиэтажных домов. Широко разрекламированные смелые обещания Хрущева об увеличении производства потребительских товаров и улучшении социального положения ряда категорий населения наводили на мысль, что до него никто не задумывался об этих проблемах. Своими вояжами в различные страны и предложениями по радикальному решению таких вопросов, как проблема разоружения, Хрущев создавал впечатление, что лишь он оказался способным помириться с таким бывшим врагом, как Югославия, и существенно укрепить дружеские отношения с такими державами, как Индия и Китай. Бесконечное повторение в советской пропаганде фраз о мирных инициативах СССР последних лет могло создать впечатление о том, что Хрущев добился серьезного укрепления международных позиций СССР, какого не было при Сталине.

Хрущев, которого прежде Сталин не принимал всерьез как теоретика, изрекал новые теоретические положения марксизма-ленинизма, опровергавшие установки Сталина. Атакуя культ личности, он косвенно критиковал политику Сталина и убеждал, что страна достигла за неполные три года таких успехов, которые были бы невозможны при Сталине.

О том, что продолжавшееся развитие страны быстрыми темпами, рост ее экономического потенциала, улучшение материального благосостояния населения, укрепление международных позиций страны стало следствием огромных достижений СССР за последние десятилетия, Хрущев старался вспоминать как можно реже. И его неспособность к серьезному историческому анализу, и его эгоцентризм способствовали тому, что он мог искренне забывать об очевидных достижениях СССР до своего прихода к власти и заслугах Сталина. Многочисленные воспоминания свидетельствуют о том, что Хрущев к этому времени утратил способность к критической самооценке. Н.К. Байбаков вспоминал, как летом 1955 года Н.С. Хрущев объявил ему о желании назначить на пост председателя Госплана. В ответ на возражение Байбакова о том, что он – не экономист, Хрущев заявил: «А я? А я разве экономист?… Я что ли, разбираюсь в планировании? А ведь руковожу всей экономикой страны. Приходится». (Байбаков вспоминал: «Несмотря на этот «весомый» аргумент, я решил защищаться до конца». Однако возражения Байбакова были напрасными. Вскоре он узнал, что решение о его назначении было принято Президиумом ЦК до беседы Хрущева с ним.)

Очевидно, что Хрущев исходил из того, что и, не разбираясь в планировании, он блестяще руководил экономикой.

Хрущев не только перестал выслущивать возражения людей, но грубо обрывал всех, кто занимал отличную от него позицию. Вспоминая совещание военных в Крыму, проведенное в октябре 1955 года, адмирал Н.Г. Кузнецов писал: «На первом же заседании Хрущев бросил в мой адрес какие-то нелепые обвинения с присущей ему грубостью… После совещания я просил принять меня. Мне было отказано. Да и что он мог бы сказать мне прямо в глаза? Возмущало

лишь его злоупотребление властью. Я еще формально был Главкомом ВМФ, и он не имел права распоряжаться государственными делами, как в своей вотчине. В еще большее смятение я приходил, слущая в те дни его речь на корабле при офицерах всех рангов о флоте, о Сталине, о планах на будущее. Вел он себя как капризный барин, которому нет преград и для которого законы не писаны».

Скорее всего, Каганович имел основание писать: «Не прошло много времени с момента избрания его Первым секретарем ЦК, как Хрущев начал демонстрировать, как бы говоря: "Вы, мол, думаете, что я не «настоящий» Первый секретарь, я вам покажу, что я «настоящий»" – и наряду с проявлением положительной инициативы, начал куражиться». Имитация дурашливой исполнительности в стиле Швейка, к которой прибегал Хрущев при Сталине, сменилась самодовольным куражем в стиле Курослепова.

В то же время Хрущев мог вспоминать многие неприятные для него эпизоды из общения с покойным, когда Сталин явно не признавал в нем деятеля, способного руководить страной. И после смерти Сталина Хрущев чувствовал, что он находится в тени покойного. Он мог считать, что его достижения несправедливо считаются чем-то второсортными. Возможно, что в глубине дущи Хрущев понимал, что ни он сам, ни его коллеги-соперники по Президиуму, не смогут заменить Сталина. Они не обладали ни его знаниями, ни его способностями, ни его опытом. Они не были окружены всеобщим обожанием и безграничной верой. Хрущев старался разрущить веру в Сталина. Осуждая культ личности, Хрущев привел в докладе строки из «Интернационала»: «Никто не даст нам избавления, ни Бог, ни царь и не герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

Вольно или невольно Хрущев стремился противопоставить Сталину себя и таких партийных руководителей, как он сам, на которых он опирался. Хрущев старался убедить советских людей, что и без обожествленного героя, каким был Сталин, страна может добиться немалых успехов, а может быть, и более грандиозных. Энциклопедическим знаниям Сталина, его опыту, заставлявшему его опираться на наиболее знающих и талантливых людей, его мудрости, позволявшей ему выбирать оптимальные решения, Хрущев вольно или невольно противопоставлял знания, способности и опыт, которыми обладал средний партийный работник, вроде него самого. Этому способствовали неприязнь Хрущева к теории и фундаментальной науке, ограниченность его культурного кругозора, примитивность его политических методов, сложившихся в годы Гражданской войны. Хрущев старался показать, что Сталин не знал настоящей жизни, что его теоретические схемы нежизненны, его методы управления порочны, а поэтому не могли не вести к провалам. Он старался показать, что задачи, стоящие перед страной, значительно проще, чем это казалось Сталину, и могут быть решены быстрее.

Своими речами, своими манерами, даже своим внешним видом Хрущев демонстрировал триумф «простоты». Он напоминал самодовольного капиталиста Баундерби из романа Диккенса «Тяжелые времена», который бравировал своими неотесанными манерами и повторял выдуманную им историю о своем происхождении из социального отребья. Это делалось для того, чтобы окружающие поразились его природным способностям, позволившим занять высокое положение в обществе. Аналогичным образом Хрущев не только постоянно напоминал о том, что он был «простым рабочим», но даже занижал свои стартовые позиции. Хотя известно, что в Калиновке Хрущев ходил в школу, он любил говорить о том, что в детстве он учился лишь «одну зиму у попа за пуд картошки». Он не старался показать, что приобщился к общей культуре, чтобы сильнее подчеркнуть свои самобытные достоинства, которые нельзя было приобрести образованием. Хрущев, который мог процитировать слова из поэмы Пущкина или спеть арию из оперы Римского-Корсакова, чаще «украшал» свои речи примитивными байками и раблезианской лексикой. Он не раз противопоставлял выводам ученых свои немудрящие расчеты, приговаривая, что они основаны на четырех правилах арифметики, которые он запомнил по дореволюционному задачнику Малинина и Буренина. Он предпочитал шокировать окружающих своими выходками, идущими вразрез с этикетом, чтобы лишний раз напомнить о том, что он достиг высокого положения, не подлаживаясь под светские манеры.

Игра в «простоту» позволяла Хрущеву быть более агрессивным, напористым в наступлении на своих оппонентов. Многие принимали его «простоту» за чистую монету.

«Простота» Хрущева привлекала многих советских людей, потому что его судьба напоминала жизненный путь, проделанный ими, выходцами из крестьянских семей, ставшими рабочими, а затем служащими. То обстоятельство, что Хрущев стал высшим советским служащим, должно было лишь доказывать великие возможности советского строя. Он старался говорить и вести себя так, чтобы показать, что, в сущности, он остался таким же простым человеком, какими были миллионы советских людей. Одновременно, атакуя Сталина, Хрущев старался показать триумф «простого» человека над «великим» и «гениальным» вождем, и он рассчитывал на поддержку таких же «простых» людей.

В то же время агрессивная «простота» Хрущева далеко не всегда нравилась тем, кого он считал «простыми» людьми. Подчеркнутая «простота» Хрущева отдавала вульгарностью, грубостью, примитивизмом, то есть теми качествами, которые вызывали отвращение в любом человеческом обществе. Тем острее реагировали многие люди в стране, в которой постоянно подчеркивался высокий престиж образованности и высокой культуры. Нарочито опрощенное поведение Хрущева убеждало многих советских людей в том, что их руководитель не выше их, а ниже по своему культурному уровню, и это лишь вызывало раздражение. Я помню, как водитель такси возмущался выступлением Хрущева, в котором тот рассказывал, как во время своего пребывания в Вене ему кто-то показал «увесистый кулак», а Хрущев ответил тем же. «И это наш Первый секретарь!» – возмущался шофер. То обстоятельство, что критиковавший Хрущева мог сам прибегать к выразительным жестам и крепким выражениям, особенно в пылу горячих споров, не извиняло в его глазах первого руководителя страны.

Однако, апеллируя к среднему, «простому» человеку, Хрущев сам вряд ли осознавал себя таковым. Вполне возможно, что со временем Хрущев намеревался показать всему миру, что его «простота» лишь мнимая, что он не в меньшей степени, чем Сталин, а может быть и в большей, заслуживает почитания и восторженных восхвалений. Путешествуя по разным странам, Хрущев видел, как возвеличиваются их руководители. Он видел, что его партнер по переговорам в Пекине Мао Цзэдун окружен почитанием, доходящим до обожествления. Находясь в Югославии, Хрущев видел, что там портреты Тито ставят рядом с портретами Маркса, Энгельса и Ленина. Хотя, наверное, Хрущев полагал, что сейчас ему еще рано ставить свой портрет рядом с изображениями основоположников марксизма-ленинизма, он, вероятно, решил для начала убрать Сталина из принятого у коммунистов всего мира с начала 1930-х годов перечня четырех великих вождей. Первые шаги в этом направлении были сделаны Хрущевым на XX съезде в отчетном докладе.

Однако понижение статуса Сталина не получило одобрения среди зарубежных гостей съезда. В первом же выступлении зарубежного гостя – главы китайской делегации Чжу Дэ – прозвучало несогласие с тем, как оценивал Сталина Хрущев в своем докладе. Хотя в зачитанном на заседании съезда приветствии, подписанном Мао Цзэдуном, отдавалось должное Хрущеву, в нем говорилось: «Чем крепче Коммунистическая партия Советского Союза, чем больше побед одержано Советским Союзом во всех областях, тем больше проявляется непобедимость Коммунистической партии Советского Союза, созданной Лениным и выпестованной Сталиным вместе с его ближайшими соратниками». Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами всего зала. Слова Мао Цзэдуна и реакция делегатов съезда свидетельствовали о том, что непризнание выдающейся роли Сталина Хрущевым не принимают ни в Пекине, ни в Кремле.

Ответом на послание Мао Цзэдуна стала речь М.А. Суслова, который уже на следующем заседании высказался о вреде культа личности. Суслов заявил: «Чуждые духу марксизма-ленинизма теория и практика культа личности, получившие распространение до XIX съезда, наносили значительный ущерб партийной работе как организационной, так и идеологической. Они умаляли роль народных масс и роль партии, принижали коллективное руководство, подрывали внутрипартийную демократию, подавляли активность членов партии, их инициативу и самодеятельность, приводили к бесконтрольности, безответственности и даже произволу в работе отдельных лиц, мешали развертыванию критики и самокритики и порождали односторонние, а подчас ошибочные решения вопросов».

Хотя Суслов осудил многие стороны политики Сталина, его критика носила анонимный характер в духе известной песни о том, что «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет».

В то же время следующий абзац в выступлении Суслова мог быть адресован не столько Сталину, сколько нынешнему руководству. Суслов подчеркивал: «Восстановление ленинского принципа коллективного руководства означает восстановление основы основ партийного строительства… Коллективность руководства, выборность и подотчетность партийных органов, критика и самокритика – все это важные условия для проявления инициативы, вскрытия ошибок и недостатков в работе, нахождения путей их устранения, для развития активности коммунистов».

Очевидно, Хрущев и его союзники были не удовлетворены выступлением Суслова. На следующем заседании выступил А.И. Микоян, который заявил: «В течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем и Лениным, и это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на ее деятельность. И теперь, когда в течение последних трех лет восстановлено коллективное руководство Коммунистической партии на основе ленинской принципиальности и ленинского единства, чувствуется все плодотворное влияние ленинских методов руководства. В этом-то и заключается главный источник, придавший за последние годы новую силу нашей партии». Так Микоян давал понять, что Сталин нарушал ленинские партийные нормы не только в последние годы, а на протяжении 20 лет.

Однако, выступая на следующем заседании, руководитель Французской компартии Морис Торез, подтвердил верность традиционному восприятию Сталина как одного из четырех вождей мирового коммунизма. Он заявил: «Коммунистическая партия Советского Союза всегда была образцом принципиальной твердости, нерушимой верности идеям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Слова одного из самых авторитетных коммунистов Западной Европы были встречены аплодисментами всего зала. Вряд ли можно признать случайным, что в своей речи на съезде Л.М. Каганович неожиданно стал расхваливать Мориса Тореза. Правда, он хвалил его не за выступление на съезде, а за работу «об обнищании трудящихся Франции». Однако таким образом Каганович выразил свою поддержку позиции Тореза.

Хрущев имел основания для волнений: гладкое течение съезда скрывало разногласия, которые могли неожиданно проявиться в конце съезда или после его завершения. Изгнание Хрущевым Сталина из великих вождей коммунизма не получало единодушной поддержки. А это можно было рассматривать как вызов ему лично. Напоминавшие же о выдающейся роли Сталина в советской истории невольно ставили под сомнение значимость «успехов», достигнутых Хрущевым. Он мог заподозрить, что среди делегатов съезда бродит недовольство им и его политикой, что проявлялось в аплодисментах при упоминаний имени Сталина. Хрущев мог осознать, что деяния Сталина оцениваются несравнимо более высоко, чем его собственные начинания.

Чтобы доказать, что достижения Сталина сильно преувеличены, надо было постоянно напоминать о культе его личности. Одновременно надо было принизить положительные деяния Сталина, шокировав слущателей сведениями о беззаконных репрессиях и свалив ответственность за них на Сталина. Однако Хрущев не был уверен, что доклад Поспелова, который решили огласить на закрытом заседании съезда, будет отвечать этим целям. Поэтому Хрущев решил сам выступить вместо Поспелова. В ходе съезда доклад, представленный Поспеловым, был переработан им вместе с Аристовым. Потом к работе подключился Шепилов.

Каганович вспоминал: «XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслущивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка – проект текста доклада. Заседание проходило в ненормальных условиях – в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам внутрипартийной демократии принять решение. Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан».

Каганович утверждал, что он и ряд других членов Президиума сослались на решение обсудить доклад комиссии Поспелова на пленуме ЦК после съезда партии: «Именно об этом говорили товарищи Каганович, Молотов, Ворошилов и другие, высказывая свои возражения», –

писал Каганович. Он замечал: «Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с одной стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел… Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина».

Хрущев признавал, что «согласия никакого не было, и я увидел, что добиться правильного решения от членов Президиума ЦК не удастся. В Президиуме же съезда мы пока этот вопрос не поставили, пока не договорились внутри Президиума ЦК. Тогда я выдвинул такое предложение: "Идет съезд партии. Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК, в том числе и я, имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада". Я не сказал, что выступлю с сообщением о записке комиссии. Но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и изложить свою точку зрения касательно арестов и расстрелов. Сейчас не помню, кто после этого персонально поддержал меня. Думаю, что это были Булганин, Первухин и Сабуров. Не уверен, но думаю, что, возможно, Маленков тоже поддержал меня».

Микоян несколько иначе вспоминает это заседание: «К концу съезда мы решили, чтобы доклад был сделан на заключительном его заседании. Был небольшой спор по этому вопросу. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку, чтобы этого доклада вообще не делать. Хрущев и больше всего я активно выступали за то, чтобы этот доклад состоялся. Маленков молчал. Первухин, Булганин и Сабуров поддержали нас… Тогда Никита Сергеевич сделал очень хороший ход, который разоружил противников доклада. Он сказал: "Давайте спросим съезд на закрытом заседании, хочет ли он, чтобы доложили по этому делу, или нет". Это была такая постановка вопроса, что деваться было некуда. Конечно, съезд бы потребовал доклада. Словом, выхода другого не было».

Чувствуя отсутствие поддержки в Президиуме ЦК, Хрущев решил обратиться к съезду и предложить его делегатам свое изложение истории последних десятилетий. Хрущев шел на известный риск, но это было характерно для его натуры. Пытаясь очернить Сталина, память о котором была священной для миллионов советских людей, в том числе и для многих делегатов съезда, Хрущев ставил под угрозу свой авторитет. Поэтому он постарался создать впечатление, будто доклад подготовлен от имени Президиума ЦК. Этому способствовало решение не устраивать прений после доклада. Таким образом, Хрущев мог предотвратить выступления, в которых делегаты сразу бы увидели иные мнения среди членов Президиума, а это могло бы привести ко все более откровенной и резкой критике доклада.

Хрущев придавал большое значение форме, в которой он собирался произнести доклад. Его явно не устроил справочный характер доклада, подготовленного Поспеловым, и наукообразные замечания о культе личности, внесенные Шепиловым. Хрущев решил пренебречь высказанными им же перед съездом мыслями о том, что «на съезде не говорить о терроре. Не быть обывателями, не смаковать». Он решил изложить доклад эмоционально, смакуя истории о беззакониях и снижая уровень повествования до обывательских баек, которыми он впоследствии украшал свои мемуары. Первыми слушателями Хрущева явились стенографистки, которые записывали за ним. Первый эксперимент оказался удачным: стенографистки расплакались, слушая Хрущева.

Помимо выбора эмоциональной формы доклада и создания условий, не допускающих дискуссий по нему, Хрущев постарался найти оптимальное время для его оглашения в ходе съезда. Он решил зачитать доклад на закрытом заседании съезда после того, как состоялось тайное голосование по выборам центральных органов партии, но до официального закрытия съезда, на котором следовало принять заключительные резолюции и огласить результаты выборов. Прекрасно понимая, на какой риск он шел, атакуя Сталина, Хрущев знал, что те, кто оказался бы несогласным с содержанием доклада, голосовал бы против избрания Хрущева и его сторонников в состав ЦК. Поэтому он позаботился о том, чтобы эти люди слушали доклад

после своего голосования. В то же время Хрущев рассчитывал, что содержание доклада не вызовет такой реакции у членов и кандидатов ЦК, среди которых должны были быть избраны многие его ставленники. Эти люди должны были поддержать кандидатуру Хрущева в члены Президиума ЦК и на пост Первого секретаря ЦК КПСС в ходе выборов, которые должны были состояться на первом же пленуме ЦК после завершения XX съезда.

Молотов так объяснял причины своего отступления перед Хрущевым на этом заседании: «Я считаю, что при том положении, которое тогда было, если бы мы, даже я выступил с такими взглядами, нас бы легко очень исключили. Это вызвало бы, по крайней мере, в некоторых слоях партии раскол. И раскол мог быть очень глубоким. Вот Тевосян, тогдашний министр черной металлургии, он мне кричал: "Как это так? Как это так?" Он сталинист, да. Тоже самое Юдин, посол в Китае. Вот они двое ко мне приходили на съезде…» «Некоторые, стоящие примерно на такой точке зрения, предъявляют Молотову обвинение: "А чего же вы молчали на XX съезде?"… Вот и получилось, что молчал, значит согласился». Отвечая на замечание Чуева, что доклад Хрущева «перевернул всю политику», Молотов говорил: «Не с него началось… Началось это раньше, *конечно.* Югославский вопрос был в 1955 году… Я считаю, что уже в югославском вопросе поворот был совершен… А я сделал попытку выступить – все против меня, все, в том числе и те, которые через год-полтора поддержали. Поворот-то был раньше съезда, а поскольку поворот был сделан, Хрущев на XX съезде подобрал такой состав, который орал ему «ура!»»

Аналогичным образом объясняли свое поведение и другие члены Президиума, возражавшие тогда Хрущеву. Отвечая Чуеву на вопрос о причинах своего молчаливого отступления перед Хрущевым, Каганович говорил: «Мы тогда не выступили открыто лишь потому, что не хотели раскола партии». Страх перед расколом партии оказывал мощное психологическое давление на ее членов, особенно тех, кто вступил в нее еще до революции. Созданная в результате раскола РСДРП на две фракции, большевистская, а затем коммунистическая партия долго жила под угрозой повторения раскола внутри ее радов. Вся ранняя история партии представляла рассказ о борьбе против различных оппозиций, платформ и группировок, которые могли довести свое соперничество с центральным руководством до распада партии. Хрущев прекрасно знал об этом и сознательно шантажировал ветеранов партии угрозой раскола КПСС.

Глава 2
МИФ XX СЪЕЗДА

25 февраля, на утреннем закрытом заседании XX съезда КПСС, которое стало его заключительным, Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». С первых же строк доклада стало ясно, что он содержит не теоретические рассуждения о культе личности, а принципиально новую и сугубо отрицательную оценку Сталина. Хрущев так обосновывал заведомо одностороннюю и негативную характеристику Сталина: «Целью настоящего доклада не является тщательная оценка жизни Сталина. О заслугах Сталина при его жизни уже было написано вполне достаточное количество книг, брошюр и работ». И хотя можно было подумать, что Хрущев не собирался подвергать критике содержание этих «книг, брошюр и работ», из содержания доклада следовало, что все до сих пор опубликованное в СССР о Сталине следует признать ошибочным. Для того чтобы объяснить, почему понятие «культ личности» используется для атаки на Сталина, Хрущев заявлял: «Мы имеем дело с вопросом… о том, как постоянно рос культ личности Сталина, культ, который стал на определенной стадии своего развития источником целого ряда чрезвычайно серьезных и грубых извращений партийных принципов, партийной демократии и партийной законности». Получалось, что не будь неумеренных восхвалений в адрес Сталина, никаких «извращений» не было бы. Для придания научно-теоретической глубины в ход была пущена все та же цитата из письма Карла Маркса Вильгельму Блоссу, которая уже использовалась на июльском (1953 г.) пленуме ЦК в докладе Маленкова и в резолюции того же пленума. Хрущев привел и несколько цитат из Ленина, которые, правда, имели довольно отдаленное отношение к обсуждаемому вопросу.

Затем Хрущев воспользовался избитым приемом антисталинской пропаганды, к которому постоянно прибегала оппозиция 1920-х годов, процитировав известные места о Сталине из «Письма к съезду» Ленина. Правда, из этого следовало, что недостатки Сталина возникли задолго до появления его культа личности, но докладчик не замечал очевидной натяжки в своих рассуждениях. Натяжки допускал Хрущев и в своем комментировании ленинского «Письма». Если Ленин писал о том, что «Сталин слишком груб» и что он не уверен в том, что Сталин «всегда будет в состоянии использовать… власть с необходимой осторожностью», то Хрущев истолковывал их так: «Ленин указал, что Сталин является чрезвычайно жестоким человеком, что он… злоупотребляет властью». Таким же вольным образом были процитированы письма Крупской Каменеву с жалобой на Сталина, и письмо Сталину от Ленина, когда последний узнал о жалобе Крупской.

Хрущев игнорировал обстоятельства написания письма Лениным. Он умалчивал, что в это время Ленин был тяжело болен, а его душевное равновесие было нарушено. Хрущев ничего не говорил о том, что Политбюро ЦК поручило взять под контроль лечение Ленина Сталину, как наиболее близкому к нему человеку из руководства. Хрущев умалчивал, что обвинения Сталина в грубости провоцировались Крупской, которая была измучена затяжным и серьезным недугом Ленина, с одной стороны, а с другой стороны, болезненно воспринимала любой контроль за лечением ее мужа. Хрушев вольно использовал отдельные цитаты из ленинских писем для того, чтобы утверждать, что Ленин пророчески разглядел отвратительные черты характера Сталина и их усиление в будущем.

К этому времени споры вокруг «Письма к съезду» Ленина уже были забыты. Мало кто помнил, что сам Сталин цитировал наиболее обидные для него строки из этого письма в своем выступлении от 23 октября 1927 года. Хрущев же создавал впечатление о том, что он впервые знакомил своих слушателей с «завещанием» Ленина. Он создавал впечатление о том, что предложение Ленина об отставке Сталина с поста Генерального секретаря было скрыто. Не объяснял Хрущев и то обстоятельство, что в 1922 году, когда Ленин писал свое письмо, пост Генерального секретаря не считался главным постом в партии, а предлагавшаяся Лениным мера не влекла опалы Сталина, а объяснялась лишь его желанием предотвратить обострение разногласий в руководстве партии. Хрущев умалчивал и о том, что после ознакомления делегатов XIII съезда с «Письмом к съезду» Сталин подал в отставку, но она не была принята.

Характеризуя Сталина, Хрущев утверждал, что тот «абсолютно не терпел коллективности в руководстве и в работе», «практиковал грубое насилие по отношению ко всему, что противоречило его мнению, но также и по отношению к тому, что по мнению его капризного и деспотического характера, казалось, не соответствовало его взглядам». Хрушев уверял, что «Сталин действовал не методом убеждения, разъяснения и терпеливого сотрудничества с людьми, а путем насильственного внедрения своих идей и требования безусловного к себе подчинения. Тот, кто выступал против такого положения вещей или же пытался доказать правоту своих собственных взглядов, был обречен на удаление из числа руководящих работников, на последующее моральное и физическое уничтожение».

Следует учесть, что в то время воспоминаний очевидцев о Сталине почти не было. Лишь после отстранения Хрушева от власти появились воспоминания, на основе которых можно было достаточно полно воссоздать наиболее типичные черты характера Сталина и стилъ его деловой активности. Благодаря таким воспоминаниям стало ясно, что, вопреки словам Хрущева, Сталин стремился к обеспечению максимальной коллегиальности в работе, очень ценил оригинальные суждения, не терпел тех, кто поддакивал ему и, напротив, порой поощрял острые споры.

Уже на закате своих дней Микоян, поддержавший Хрущева в его нападках на Сталина, да и сам Хрушев, фактически признали абсурдность обвинений Сталина в нетерпимости к иным мнениям. Вспоминая свое участие в заседаниях со Сталиным, Микоян писал: «Каждый из нас имел полную возможность высказать и защитить свое мнение или предложение. Мы откровенно обсуждали самые сложные и спорные вопросы… встречая со стороны Сталина в большинстве случаев понимание, разумное и терпимое отношение даже тогда, когда наши высказывания были явно ему не по душе. Сталин прислушивался к тому, что ему говорили и советовали, с интересом слушал споры, умело извлекая из них ту самую истину, которая

помогала ему потом формулировать окончательные, наиболее целесообразные решения, рождаемые, таким образом, в результате коллективного обсуждения. Более того, нередко бывало, когда, убежденный нашими доводами, Сталин менял свою первоначальную точку зрения по тому или иному вопросу».

Было известно, что Хрущев, в отличие от Микояна, избегал вступать в споры со Сталиным, и поэтому его заявление о нетерпимости Сталина к чужим мнениям могло прикрывать его склонность постоянно поддакивать Сталину. И все же даже он в своих воспоминаниях признал, что, когда доказывал Сталину «свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело и поддержит… Бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество».

Более того, различные свидетели, которые могли сравнивать стиль работы Сталина и Хрущева, отмечали, что, в отличие от Сталина, Хрущев проявлял нетерпимость к чужим мнениям, самоуверенность и самодовольство. Как это нередко бывает, Хрущев был слеп к своим недостаткам, но был готов обвинить других людей в собственных слабостях. При этом яростное изобличение этих пороков создавало у него иллюзию, что он надежно от них избавлен. На XX съезде Хрущев объявил, что нетерпимость Сталина к чужим мнениям была главным свойством его характера, ставшая причиной многих тяжелых последствий для советской страны. Созданное советской пропагандой идеализированное представление о Ленине Хрущев противопоставлял сугубо негативному образу Сталину, утверждая, что «ленинские приемы были абсолютно чужды Сталину».

В то же время Хрущев был готов полностью оправдать жесткие методы управления Ленина в годы Гражданской войны. Он говорил: «Владимир Ильич не допускал никаких компромиссов, когда он имел дело с врагами революции и рабочего класса и, когда это было необходимо, применял самые решительные методы. Вспомните только борьбу В.И. Ленина с эсэровцами – организаторами антисоветского восстания, с контрреволюционным движением кулаков в 1918 году и др., когда Ленин безо всякого колебания применял самые суровые меры подавления врагов». Не осудил Хрущев и методы, применявшиеся властями во время коллективизации крестьянства в 1920-е – 1930-е годы. Осуждению Хрущева подверглись лишь репрессии середины 1930-х годов, затронувшие прежде всего партийных руководителей. При этом Хрущев использовал широко распространенное в ту пору идеализированное представление о том, что советское общество свободно от каких-либо острых внутренних противоречий. Хрущев исходил из невозможности конфликтов внутри советского общества, и он объяснял жестокость того времени исключительно злой волей Сталина, заявляя: «Является абсолютно ясным, что здесь Сталин, в целом ряде случаев, проявил свое нетерпимое отношение, свою жестокость, злоупотребление властью».

Не замечая, что его доклад, в котором осуждался культ личности, должен был исходить из того, что движущей силой исторического развития являются общественные силы, а не отдельная личность, Хрущев сваливал вину исключительно на Сталина. «В чем же причина, что массовые репрессии против активистов начали принимать все большие и большие размеры после XVII партийного съезда?»– спрашивал Хрущев и отвечал: «В том, что в это время Сталин настолько возвысил себя над партией и народом, что перестал считаться и с Центральным комитетом и с партией… Сталин думал, что теперь он может решать все один, и все, кто ему еще были нужны, – это статисты; со всеми остальными он обходился так, что им только оставалось слущаться и восхвалять его».

Хрущев утверждал, что для обоснования своих злых дел «Сталин создал концепцию «врага народа». Осуждая эту «концепцию», Хрущев забывал, что всего 11 дней назад он использовал ее в отчетном докладе. Тогда он говорил: «Троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты и прочие злейшие враги народа (здесь и далее подчеркнуто мной. – *Авт.),* поборники реставрации капитализма делали отчаянные попытки подорвать изнутри ленинское единство партийных рядов – и все они разбили себе головы об это единство».

Оправдывая разгром оппозиционеров, Хрущев в то же время предупреждал, что необходимости в применении суровых репрессий по отношению к ним не было, поскольку они

«до этого были политически разгромлены партией». Сообщая, что «массовые репрессии происходили под лозунгом борьбы с троцкистами», Хрущев вопрошал: «Но разве троцкисты действительно представляли собой в это время такую опасность? Надо вспомнить, что в 1927 году, накануне XV партийного съезда, только около 4000 голосов было подано за троцкистско-зиновьевскую оппозицию, в то время как за генеральную линию голосовало 724 000. В течение 10 лет, прошедших с XV партийного съезда до февральско-мартовского пленума ЦК, троцкизм был полностью обезоружен». Эти сведения Хрущев приводил для того, чтобы посрамить Сталина. Однако достаточно взять доклад Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК, чтобы убедиться в том, что Хрущев почти буквально повторил слова Сталина. Тогда Сталин говорил: «Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году… Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии.

Из них за большевиков, за Центральный комитет партии, против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов – 4 тысячи… Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил».

Объясняя же причины, почему «троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии», Сталин заявлял: «Это потому что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы». А ведь, как об этом говорилось выше, именно для Хрущева в середине 1930-х годов было характерно такое «бездушное» отношение и именно он был инициатором расширения жестоких репрессий.

Хрущев объявил, что «доклад Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году… содержал попытку теоретического обоснования политики массового террора под предлогом, что поскольку мы идем навстречу социализму, классовая борьба должна обостряться». Во-первых, Хрущев существенно упрощал заявление Сталина, который говорил: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных». При этом Сталин исходил из того, что эти «остатки эксплуататорских классов» малочисленны, но они «имеют поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР». То обстоятельство, что во время Великой Отечественной войны немецко-фашистские оккупанты нашли на оккупированных землях немало людей, из которых были сформированы полиция и местная администрация, то обстоятельство, что из части военнопленных были созданы власовская армия и воинские части, представлявшие различные народы СССР, свидетельствует о том, что Сталин реалистично оценивал потенциал сил, враждебных советской власти.

Во-вторых, главным в докладе Сталина был не тезис об озлоблении «остатков разбитых классов», а выдвинутый им лозунг «об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости». Этот лозунг конкретизировался в предложениях Сталина о создании системы учебы для партийных руководителей всех ступеней. Предложение же Сталина о том, чтобы все партийные руководители подготовили себе по два заместителя, означало, что фактически в системе партийного управления объявлен конкурс на все существующие должности. Именно это предложение так напугало многих партийных руководителей, включая Хрущева. Однако Хрущев умалчивал об этом, предпочитая обвинять Сталина в том, что он в марте 1937 года провозгласил политику массового террора «под предлогом борьбы с "двурушничеством"».

Хотя Хрущев был хорошо осведомлен обо всех сложных перипетиях событий 1937 года, включавших и заговоры с целью свержения Сталина, и тайные сговоры членов ЦК, он не стал говорить об этом. Постарался он умолчать и о том, как многие секретари обкомов в ответ на предложение Сталина о проведении альтернативных выборов спешили подготовить квоты лиц, которых надо будет либо выслать, либо расстрелять под тем предлогом, что они могут

попытаться провести своих кандидатов в Верховный Совет СССР. Как отмечалось выше, Хрущев и Эйхе опередили всех секретарей обкомов в составлении таких квот. Хрущев не стал говорить, что по его рекомендациям были арестованы почти все партийные руководители райкомов Москвы и Московской области, а затем руководители наркоматов и обкомов на Украине. Теперь же Хрущев с возмущением осуждал массовые репрессии и говорил о том, что «этот террор был в действительности направлен не на остатки побежденных эксплуататорских классов, а против честных работников партии и советского государства».

Играя на чувствах людей, Хрущев зачитывал отчаянные письма бывших видных советских руководителей, которые подвергались пыткам и издевательствам следователей. Эти строки сопровождались замечаниями Хрущева, из которых следовало, что в их мучениях был виноват исключительно Сталин. Хрущев утверждал: «Он сам был Главным Прокурором во всех этих делах».

Хотя половина доклада была посвящена репрессиям, в которых обвинялся Сталин, Хрущев попытался доказать порочность всей политической деятельности Сталина. Особое внимание он уделил критике действий Сталина в период подготовки и ходе войны. По словам Хрущева, Сталин только мешал успешному руководству Красной Армии. Он говорил: «После начала войны нервность и истеричность, проявленные Сталиным, вмешательство в руководство военными действиями причинили нашей армии серьезный ущерб». Вопреки всем последующим воспоминаниям советских военачальников, Хрущев голословно утверждал: «Сталин, вместо проведения крупных оперативных маневров, с помощью которых, обойдя противника с флангов, можно было прорваться ему в тыл, требовал лобовых атак и захвата одного населенного пункта за другим. Эта тактика стоила нам больших потерь».

В качестве же единственного примера неудачного руководства Сталиным военными действиями Хрущев привел Харьковскую операцию 1942 года. Однако, как говорилось выше, за провал этой операции наибольшую вину несли члены военного совета Юго-Западного фронта Тимошенко и Хрущев. То обстоятельство, что Хрущев решил рассказать о Харьковской катастрофе (он мог бы привести другие примеры неудач Верховного Главнокомандующего), лишний раз свидетельствовало о том, что главная цель доклада состояла в том, чтобы переложить на Сталина вину за собственные ошибки, провалы и преступления. Явно увлекшись своими фантазиями, Хрущев сказал: «Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе… Да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта». Вскоре после отставки Хрущева многие военачальники, бывшие свидетелями того, как работал Сталин во время войны, неоднократно опровергали в своих мемуарах это вопиющее измышление.

Умышленно запутывая вопрос о выселении ряда народов СССР из мест их проживания и искажая факты, Хрущев утверждал, что Сталин был инициатором этих акций. Осудив высылку чеченцев, ингущей, калмыков, балкарцев и карачаевцев, Хрущев демагогически заявлял: «Не только марксист-ленинец, но и просто ни один здравомыслящий человек не поймет, как можно обвинять в изменнической деятельности целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев; как можно применять против них массовые репрессии, обрекать их на бедствия и страдания за враждебные акты отдельных лиц и групп». Однако в течение более десяти лет миллионы советских людей, миллионы марксистов-ленинцев, являвшихся членами партии, знали об этих репрессиях, хотя бы потому, что на всех картах СССР исчезли Калмыцкая АССР, Чечено-Ингущская АССР, Карачаево-Черкесская АО, а Кабардино-Балкарская АССР превратилась в Кабардинскую. При этом не было известно, что бы кто-либо из «здравомыслящих людей» решительно выразил сомнения в разумности этих действий. В то же время Хрущев умалчивал о том, что выселению подверглись также татары Крыма и немцы Поволжья, а также ряд других национальных групп. Их национальные образования не были восстановлены, а они продолжали жить там, куда их выселили в годы войны. Получалось, что эти народы можно было огульно «обвинять в изменнической деятельности» и при этом считаться «здравомыслящим человеком» и даже «марксистом-ленинцем». Доводя обвинения Сталина в геноциде народов СССР до абсурда, Хрущев заявил: «Украинцы избегли этой участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их сослать. Иначе он их тоже сослал бы».

Перейдя к разбору деятельности Сталина в послевоенные годы, Хрущев уверял, что в то

время, как «страна переживала период послевоенного энтузиазма… Сталин стал еще более капризным, раздражительным и жестоким; в особенности возросла его подозрительность. Его мания преследования стала принимать невероятные размеры. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще более оторвался от коллектива. Он все решал один, не обращал внимания ни кого и ни на что». На самом деле в эти годы болезненное состояние Сталина не позволяло ему заниматься делами столь активно, как прежде, и с февраля 1951 года он даже передоверил подписание правительственных документов троице в составе Маленкова, Берии и Булганина.

Хрущев уверял, что из-за «мании преследования» Сталина «именно в это время появилось на свет так называемое "Ленинградское дело"… Факты показывают, что "Ленинградское дело" было одним из проявлений сталинского произвола над партийными кадрами». Снимая с себя ответственность за осуждение Вознесенского и других, Хрущев заявлял: «Большинство членов Политбюро в это время не знали всех обстоятельств этого дела и не могли вмешаться».

Особое внимание Хрущев уделил конфликту с Югославией. Уходя от разбора подлинных причин этого конфликта, Хрущев заявлял: «Сталин в этом играл постыдную роль». Он уверял, что в этом конфликте проявилась «сталинская мания величия». В доказательство Хрущев приводил фразу, которую якобы сказал Сталин: «Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет». Затем Хрущев высмеивал эту выдуманную им же фразу.

По Хрущеву, получалось, что следствием пребывания Сталина у власти стало экономическое и научно-техническое отставание страны. Хрущев уверял: «Мы не должны забывать, что из-за многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных деятелей, многие трудящиеся стали работать неуверенно, проявляли чрезмерную осторожность, стали бояться всех новшеств, бояться своей собственной тени, проявлять меньше инициативы в своей работе». На самом деле даже в период наибольших репрессий советские люди успешно осваивали новую технику и активно применяли новаторство. Вследствие этого хозяйство страны развивалось темпами, невиданными ни прежде, ни после этих лет.

Хрущев обвинял Сталина в незнании жизни. Он заявлял: «Он знал страну и сельское хозяйство только по кинокартинам. А эти кинокартины приукрашивали положение в сельском хозяйстве». Между тем многочисленные свидетельства очевидцев показывали, что Сталин отличался тем, что по любому обсуждавшемуся в правительстве вопросу тщательно собирал достоверную информацию, беседовал с лучшими специалистами в данной области, сопоставлял их мнения в свободной дискуссии, старался получить наиболее реалистичное впечатление.

Еще недавно Хрущев определял качество политического воспитания коммунистов по числу кружков, в которых изучались биография Сталина и «Краткий курс ВКП(б)». Теперь, признав в конце своего доклада негодность «Краткой биографии Сталина», «Краткого курса истории ВКП(б)», высмеяв памятники, сооруженные в честь Сталина, а также слова в «Гимне Советского Союза» о Сталине, Хрущев призвал «по-большевистски осудить и искоренить культ личности, как чуждый марксизму-ленинизму». Одновременно он потребовал «восстановить полностью ленинские принципы советской социалистической демократии, выраженные в Конституции СССР». При этом Хрущев не упоминал о том, что текст Конституции СССР был тщательно отредактирован Сталиным и содержал многие положения, написанные им лично.

Вспоминая это заседание, Н.К. Байбаков писал о потрясении, которое испытывали первые слущатели доклада Хрущева: «Хорошо помню и свидетельствую, что не было тогда в зале ни одного человека, которого этот доклад не потряс, не оглушил своей жестокой прямотой, ужасом перечисляемых фактов и деяний. Для многих это все стало испытанием их веры в коммунистические идеалы, в смысл всей жизни. Делегаты, казалось, застыли в каком-то тяжелом оцепенении, иные потупив глаза, словно слова хрущевских обвинений касались и их, другие, не отрывая недвижного взгляда от докладчика. С высокой трибуны падали в зал страшные слова о массовых репрессиях и произволе власти по вине Сталина, который был великим в умах и сердцах многих из сидящих в этом потрясенном зале».

«И все же, – замечал Байбаков, – что-то смутно настораживало – особенно какая-то неестественная, срывающаяся на выкрик нота, что-то личное, необъяснимая передержка. Вот Хрущев, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспаленный, решительный. Пауза. А в зале все так же тихо, и в этой гнетущей тишине он продолжил читать свой доклад уже о том, как Сталин

обращался со своими соратниками по партии, о Микояне, о Д. Бедном. Факты замельчили, утрачивая значимость и остроту. Разговор уже шел во многом не о культе личности, а просто о личности Сталина в жизни и быту. Видно было, что докладчик целеустремленно «снижает» человеческий облик вождя, которого сам недавно восхвалял. Изображаемый Хрущевым Сталин все же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Сталин самодурствовал, не признавал чужих мнений? Изощренно издевался? Это не так. Был Сталин некомпетентен в военных вопросах, руководил операциями на фронтах "по глобусу"»?

«И опять – очевидная и грубая неправда. Человек, проштудировавший сотни и сотни книг по истории, военному искусству, державший в памяти планы и схемы почти всех операций прошедшей войны? Зачем же всем этим домыслам, личным оценками соседствовать с горькой правдой, с истинной нашей болью? Да разве можно ли в наших бедах взять и все свалить только на Сталина, на него одного? Выходила какая-то густо подчерненная правда. А где были в это время члены Политбюро, ЦК, сам Н.С. Хрущев? Так зачем возводить в том же масштабе культ – только уже «антивождя»? Человек, возглавлявший страну, построивший великое государство, не мог быть сознательным его губителем. Понятно, что, как всякий человек, он не мог не делать ошибки и мог принимать неправильные решения. Никто не застрахован от этого… В сарказме Хрущева сквозила нескрываемая личная ненависть к Сталину. Невольно возникала мысль – это не что иное, как месть Сталину за вынужденное многолетнее подобострастие перед ними. Так, в полном смятении думал я тогда, слущая хрущевские разоблачения».

Не дав потрясенным делегатам возможности обсудить доклад, Хрущев объявил небольшой перерыв. После перерыва он продолжил председательствовать. Возможно, он был готов лично остановить любые попытки начать обсуждение доклада. Сразу же после возобновления заседания Хрущев поставил на голосование резолюции съезда, которые были приняты единогласно. Был оглашен и новый состав ЦК КПСС. Известный американский советолог Джерри Хаф позже писал: «Среди членов Центрального комитета более трети – 54 из 133 – и более половины кандидатов – 76 из 122 – были избраны впервые. Во многих случаях можно увидеть, что эти люди были ранее связаны с Хрущевым. Более 45 процентов из вновь избранных работали на Украине, были на Сталинградском фронте, работали в Москве под непосредственным руководством Хрущева».

В заключение заседания Хрущев сказал: «Товарищи! Все вопросы, которые стояли на повестке дня XX партийного съезда, исчерпаны. Разрешите объявить XX съезд Коммунистической партии Советского Союза закрытым». Впервые в истории партии основной докладчик сам открывал и сам закрывал съезд партии.

На состоявшемся после XX съезда пленуме ЦК КПСС в составе Президиума были прежние члены. Однако в состав кандидатов в члены вошли новые люди: Жуков, Брежнев, Фурцева, Мухитдинов. Все они были сторонниками Хрущева. Брежнев и Фурцева стали секретарями ЦК. Кроме того, на пленуме было создано Бюро по РСФСР, которое возглавил сам Хрущев. Он не только удержался у власти, но и сумел существенно укрепить свои позиции.

Фактически Хрущев закрыл не только съезд партии. Своим докладом Хрущев закрывал почти тридцатилетний период, предшествовавший его приходу к власти. Вскоре этот период был объявлен «периодом культа личности».

Несмотря на то что в конце доклада Хрущев говорил о том, что «у Сталина несомненно были большие заслуги перед партией, перед рабочим классом и перед международным рабочим движением», все остальное содержание доклада характеризовало Сталина как маниакального тирана и некомпетентного правителя. Такое изображение Сталина игнорировало исторический контекст описываемых событий и было откровенно лживым. Как и во всяком мифе, в докладе отражались многие реальные события, но им были даны искаженные объяснения, не имеющие ничего общего ни с исторической правдой, ни с законами общественного развития.

Осуждая культ личности Сталина, Хрущев в то же время постоянно прибегал к использованию мифологизированных представлений, сложившихся в сознании советских людей. По сути, Хрущев лишь перевернул мифологизированные черты, приписываемые Сталину восторженным общественным мнением, превратив его из полубога в дьявольское существо. Демонизированному образу Сталина Хрущев противопоставлял Ленина, образ

которого уже с первых лет советской власти обрел мифологизированные черты. Лживо обвиняя Сталина в «неуважении к памяти Ленина», Хрущев обещал усилить прославление Ленина в будущем. Это было одно из редких обещаний, которое Хрущев выполнил. При нем Сталинские премии были переименованы в Ленинские. В стране были воздвигнуты новые памятники Ленину. Имя Ленина присваивалось новым заводам, совхозам и даже первому атомному ледоколу. Порой имя Ленина звучало не один раз в названии предприятия. Так, на каждом входном билете в столичное метро было написано: «Ордена Ленина метрополитен имени Ленина».

Неумеренным стало и восхваление КПСС. Как известно, Сталин, завершив «Краткий курс истории ВКП(б)» изложением греческого мифа о Геракле и Антее, дал понять, что партия-Антей может быть побеждена, как только оторвется от народа. Запретив «Краткий курс», Хрущев одновременно перечеркнул это зловещее предупреждение, а заодно и саму мысль о том, что партия может оторваться от народа и потерпеть поражение. Отныне в торжественных официальных заявлениях Коммунистическая партия обретала черты мифологизированного существа, обладающего непревзойденной мудростью и непобедимой силой. В такую же мифологизированную фигуру превратился и прославлявшийся Хрущевым «ленинский Центральный комитет». Если прежде слагались песни в честь Сталина, то теперь на торжественных собраниях исполнялись кантаты и песни в честь партии и «ленинского Центрального комитета».

Использовал Хрущев мифологизированные представления и для характеристики тех, кто принадлежал к первым поколениям партийцев и кто до сих пор составлял большинство в Президиуме ЦК. К тому времени несколько поколений советских людей были воспитаны на безграничном уважении к «старым большевикам», которое во многом опиралось на мифологизированные представления о дореволюционной подпольной работе и Гражданской войне. Поэтому, когда персонаж повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика» пожелал, чтобы юный Сергей Щербачев доверился уголовнику, сбежавшему из лагеря, он уверял, что тот – «старый партизан-чапаевец», «политкаторжанин», «много в жизни пострадал», «звенел кандалами и взвивал чапаевскую саблю… а когда нужно, то шел не содрогаясь на эшафот». В таком же стиле народного мифа Хрущев описывал репрессированных лиц, которые, по его выражению, «страдали и сражались за интересы партии и на фронтах Гражданской войны… храбро сражались против врагов и часто бесстрашно смотрели в глаза смерти». Когда Хрущев говорил о том, что «восемьдесят процентов участников XVII съезда, имевших право решающего голоса, вступили в партию в годы подполья, перед революцией и во время гражданской войны», предполагалось, что эти сведения служат надежнейшими характеристиками честности и порядочности этих людей. При этом Хрущев умалчивал, что многие из этих людей были организаторами бесчеловечных расправ с крестьянами в начале 1930-х годов, а затем способствовали развязыванию репрессий 1937–1938 годов, от которых они же впоследствии пострадали. Однако использование расхожих мифологизированных представлений о героях Гражданской войны не позволяло сомневаться в их невиновности.

Обращаясь к представителям партийной номенклатуры, Хрущев напоминал не только о революционных заслугах репрессированных лиц, но и об их высоком положении в партийной иерархии. Он так их представлял слушателям: «Рудзутак, кандидат Политбюро, член партии с 1905 года, человек, который провел Шлет на царской каторге», «бывший кандидат в Политбюро, один из виднейших работников партии и советского правительства, товарищ Эйхе», «секретарь Свердловского областного комитета партии, член ЦК ВКП(б) Кабаков, член партии с 1914 года». Сообщив о том, что «с 1954 года по настоящее время Военная Коллегия Верховного Суда реабилитировала 7679 человек, и многие из них были реабилитированы посмертно», Хрущев обращал внимание прежде всего на представителей партийной номенклатуры. Скорее всего, Хрущев умышленно занижал в несколько раз цифры жертв репрессий, так как, узнав подлинное количество репрессированных, слушатели доклада могли бы поставить вопрос о том, что Сталин физически не мог контролировать аресты и расстрелы сотен тысяч людей. Люди могли бы попытаться выяснить, кто же на местах отдавал распоряжения об арестах и расстрелах.

Хрущев опирался и на мифологизированные представления о рабочем классе страны и

советском народе, исключавшие возможность того, что люди из народа могут заниматься клеветническими доносами, что такие люди могут, добиваясь признания от арестованных по ложным обвинениям, прибегать к пыткам и издевательствам. Хрущев ни слова не говорил о том, что жертвы репрессий многократно умножились из-за желания различных людей свести счеты со своими противниками или конкурентами. Он не желал пускаться в анализ сложных и противоречивых социальных процессов, породивших массовую шпиономанию. Он не говорил о том, что жертвами стали многие люди, не занимавшие высоких должностей.

Зато, учитывая, что первые слущатели его доклада были делегатами партийного съезда, Хрущев привел данные о том, что было арестовано 70% всех делегатов XVII съезда партии и членов ЦК, избранных на этом съезде. Таким образом, он давал присутствовавшим понять, какие ужасы им пришлось бы пережить, если бы они были делегатами XVII, а не XX съезда. Он убеждал их в том, что подавляющее большинство из них были бы брошены в тюрьмы, где под воздействием невыносимых пыток они бы подписали нелепые самообвинения, а затем были бы либо расстреляны, либо направлены в лагеря.

Хрущев убеждал своих слушателей в том, что Сталин был злейшим врагом партии и партийных руководителей. Очернение Сталина помогало Хрущеву осудить начавшийся при Сталине поворот к усилению государственных органов власти за счет партийных. Посмертное торжество над Сталиным служило Хрущеву для идейного обоснования восстановления главенствующей роли партийного аппарата в жизни советского общества.

Теперь, опираясь на поддержку значительной части партийных верхов, Хрущев уже мог меньше опасаться своих соперников в Президиуме ЦК и их действий, которые они могли предпринять против него. Более того, он даже попытался создать впечатление в докладе, что все члены Президиума поддерживали его в нападках на Сталина. Он даже выразил сочувствие Молотову и Ворошилову за то, что они стали объектами сталинской критики. Хрущев осудил заявления Сталина против Молотова и Микояна на октябрьском (1952 г.) пленуме ЦК КПСС. Он сказал: «Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде». Хрущев утверждал, что у Сталина «появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом». Хрущев даже обратился к Ворошилову с призывом разоблачить сложившиеся представления о боевых заслугах Сталина в годы Гражданской войны.

Хрущев постарался создать впечатление, что все члены Президиума ЦК могли пострадать, если бы Сталин не умер в марте 1953 года. Избрание на XIX съезде образованных и более сведущих в современном производстве людей Хрущев изображал как временное торжество темных сил. Хрущев решительно осуждал предложение Сталина «об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета», так как оно «было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина». Хрущев давал понять, что новые выдвиженцы были лишь льстецами и подхалимами, способными лишь на то, чтобы восхвалять Сталина. Хрущев говорил: «Можно было предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро и таким образом скрыть все те постыдные действия Сталина, которые мы теперь рассматриваем».

Так Хрущев старался убедить всех членов Президиума ЦК, что они – все потенциальные жертвы Сталина, а поэтому должны поддержать его курс на очернение истории, предшествовавшей приходу Хрущева к власти. В то же время Хрущев давал понять, что он может нанести удар по тем, кто не согласен с ним. Он говорил: «Как у нас привыкли судить об авторитете и значении того или иного человека? Судят по тому, сколько городов, фабрик и заводов, сколько колхозов и совхозов носят его имя. Не пора ли уничтожить эту «частную собственность» и «национализировать» фабрики и заводы, колхозы и совхозы? (Смех, аплодисменты, голоса: «Правильно!») В то время ни для кого не было секретом, что Молотов, Ворошилов, Каганович намного опережали других членов Президиума по названным в их честь городов, населенных пунктов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Правда, Хрущев оговаривался: «Если мы теперь начнем всюду снимать эмблемы и менять названия, то люди могут подумать, что тех товарищей, в честь которых названы города, предприятия и

колхозы… постигла печальная участь, что они… арестованы. (Оживление в зале.)» Хрущев давал понять делегатам съезда, что аресты партийных руководителей теперь невозможны.

Это же обязательство следовало из всего содержания доклада. Своим решительным осуждением Сталина за то, что с его санкции арестовывали и судили кандидатов в члены Политбюро, членов ЦК, делегатов съезда, Хрущев давал понять представителям партийной номенклатуры, что теперь никакие судебные преследования им не страшны. Он давал гарантию своим выдвиженцам и другим участникам съезда, что он берет их под свою защиту. Фактически с этого времени Хрущев ввел «принцип ненаказуемости» партийных верхов.

В то же время, обвинив Сталина в подозрительности, нетерпимости к иным мнениям, готовности устранить любого критика, Хрущев создавал иллюзию того, что отныне у власти находится человек, свободный от подозрительности, исключительно терпимый к инакомыслию и готовый поддерживать мир с любым критиком его взглядов. Как это часто бывало в истории, подобные декларации вызвали доверие у многих и в течение долгого времени лишь близкие к Хрущеву люди замечали присущие ему мнительность, нетерпимость к чужим мнениям и интриганство. Хотя Хрущев сумел создать впечатление о том, что не он, а Сталин постоянно устранял своих коллег по руководству, на самом деле за 11 лет своего пребывания у власти Хрущев отправил в отставку больше членов высшего руководства страны, чем Сталин за 29 лет.

Через четыре с лишним года Хрущев в присутствии участников Совещания компартий 1960 года рассказывал о том, как он решил выступить с антисталинским докладом и опять повторил рассказ Винниченко. По словам Ф.М. Бурлацкого, Хрущев говорил: «Вот так и на XX съезде. Уж поскольку меня избрали Первым, я должен был, как тот сапожник Пиня, сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы я ни рисковал». Но поскольку для Пини идеи, за которые боролись его товарищи, были безразличны, из рассказа Хрущева следует, что ему были глубоко безразличны те оценки, которые он высказывал в отношении Сталина. Получалось, что Хрущев лишь выполнял свой долг перед своими товарищами из партийной номенклатуры.

Однако Хрущев заботился не только о своих коллегах из партийных верхов. Во-первых, с помощью доклада, в котором впервые было столько сказано о незаконных репрессиях, он отводил от себя подозрения в том, что он лично ответственен за гибель и пребывание в заключении многих невиновных людей. Во-вторых, своим докладом Хрущев провозглашал, что лишь благодаря ему страна освободилась от произвола и параноидального страха, некомпетентности и застоя. Получалось, что тот, кто выступал против Хрущева, был на стороне произвола и жестокости, невежества и отсталости. Теперь любое выступление против Хрущева он мог расценивать как попытку вернуть страну в царство мракобесия и террора. Так Хрущев создал мощный инструмент укрепления своей власти.

В то же время миф, построенный Хрущевым из смеси правдивых фактов с многочисленными искажениями исторической правды и логики, стал мощным орудием разрущения общественного сознания. Его разрущительность возросла еще и потому, что миф XX съезда оказался одним из наиболее живучих мифов XX столетия.

Глава 3
ОТТЕПЕЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОЛОВОДЬЕ

Свое мощное воздействие миф о «культе личности Сталина и его последствиях» на общественное сознание нашей страны оказывал, потому что мало кто решался подвергнуть доклад открытой критике. Дело было не только в тогдашних запретах и ограничениях для высказывания своего мнения. Парадоксальным образом этому способствовал огромный авторитет руководителя страны, сложившийся еще при Сталине. Кроме того, Хрущев с первых же страниц доклада создавал лживое впечатление, что на отстранении Сталина от власти настаивал В.И. Ленин. Психологически значительная часть советских людей не была готова усомниться в правоте слов, которые изрекались действующим первым руководителем советской страны и ее основоположником.

Критиковать доклад было крайне трудно также из-за того, что почти никто не смог прочитать его. Сначала Хрущев на несколько минут показал его членам Президиума ЦК, но

потом текст доклада был у них отобран. Не получили возможности обсуждать доклад и делегаты XX съезда. После зачтения доклада он превратился в «закрытое письмо ЦК», которое можно было прочесть лишь избранным людям или воспринять его содержание из их уст на слух. Затем закрытое письмо с текстом доклада исчезало в тайных хранилищах ЦК КПСС и уничтожалось. Слушатели доклада не имели возможности внимательно проанализировать аргументы Хрущева, увидеть их очевидные логические натяжки, передержки, а то и откровенную ложь. В то же время форма знакомства с докладом предполагала, что слушателям оказывалось высокое доверие. Члены КПСС и ВЛКСМ становились причастными к страшным и сокровенным тайнам. По сути, доклад стал «сокровенным сказанием» для избранных, как это бывает в традиционных племенах, тщательно оберегающих секреты священных мифов.

Доклад вызывал доверие у многих слушателей также и потому, что его содержание давало иллюзию ответов на многие вопросы, которые уже давно накопились в общественном сознании. Хрушев обратился к тайнам советского прошлого, о которых было мало известно. Хрушев не решился подвергнуть сомнению вину Бухарина, Рыкова, Пятакова, Зиновьева, Каменева и других, поскольку в этом случае ему пришлось бы оспаривать содержание и выводы открытых процессов, о которых было широко известно из печати. Хрушев предпочел говорить о судьбе Рудзутака, Эйхе, Чубаря, Косиора, Вознесенского, Кузнецова, дела которых рассматривались на закрытых процессах. Благодаря докладу слушатели впервые получали официальные сведения о том, что эти руководители были осуждены, расстреляны и позже признаны невинными жертвами. Одновременно Хрущев давал простые и однозначные ответы на возникавшие вопросы о причинах конфликта с Югославией, об аресте, а затем освобождении врачей из Лечсанупра Кремля и так далее.

Впервые советские люди получали широкий доступ к информации о том, что делалось в кремлевском кабинете Сталина. То, что до сих пор тщательно скрывалось или о чем «дозировано» сообщалось в редких публикациях, теперь выливалось широким потоком на сознание, давно стремившееся узнать о том, как вершатся решения государственного масштаба и что за люди, которые их принимают. Поскольку информация исходила от непосредственного очевидца и участника доселе закрытых совещаний, она вызывала доверие.

Советское общество было не готово к рассуждениям о сложных и противоречивых процессах в обществе бурных революционных перемен, борьбе за власть, которая может происходить в любом коллективе, массовой подозрительности, которая может охватывать подавляющую часть общества, корыстных мотивах, которыми могут руководствоваться разоблачители мнимых врагов, жестокости, которую могут проявлять многие люди.

Правда, Хрущев не решился последовать всем обычным для советской пропаганды канонам. Если Берию обвинили в пособничестве международному империализму, то здесь Хрущев заявлял: «Сталин был убежден, что это было необходимо для защиты интересов трудящихся против заговора врагов и против нападения со стороны империалистического лагеря». Хотя такое объяснение не отвечало представлениям о «классовой» природе общественных явлений, оно казалось удобным, поскольку бытовое сознание легче восприняло переход от безграничной веры в Сталина к осуждению его. Хрушев «разоблачал» Сталина не как врага народа или агента международного империализма, а как человека, имевшего обычные человеческие недостатки и пороки. Одновременно Хрущев «заземлял» Сталина и подменял исторический анализ деятельности государственного руководителя разбором человеческих поступков на уровне житейского опыта. Поскольку в ходе конфликтов в трудовом коллективе, доме и семье, многие люди верили своим простым объяснениям о том, что их оппоненты обладают исключительно дурными чертами характера, они готовы были принять примитивное объяснение Хрущева о плохих чертах характера Сталина как первопричине трагических событий в советской истории.

Хрущев говорил просто и доходчиво, постоянно перемежая свой рассказ личными воспоминаниями, которые он красочно излагал. Несмотря на трагичность того, о чем он говорил, он не раз прибегал к шуткам. Хрущев то и дело обращался к некоторым из своих слушателей, которые якобы могли подтвердить сказанное им. И хотя Хрущев не давал им слова, создавалось впечатление, что они могут дополнить его доклад множеством других ярких примеров. Главная же причина того, что доклад вызывал доверие у многих слушателей,

объяснялась его трагическим пафосом. Доклад содержал свидетельства об истязаниях людей и письма тех, кто испытал жестокие пытки. Эти трагические истории не могли не вызывать сочувствия и волнения слушателей. Хрущев создавал впечатление, что ему больно говорить о страшных страницах советской истории, и это лишь усиливало ощущение того, что он – искренен и откровенен, а потому он вызывал доверие.

В то же время, несмотря на трагичность того, о чем говорил Хрущев, для многих доклад отвечал оптимистическим представлениям о постоянном прогрессе советского общества. Доклад вписывался в канву решений советского правительства по улучшению жизни советских людей. Казалось, что программы быстрого подъема сельского хозяйства, производства потребительских товаров, роста жилищного строительства, а также инициативы СССР, направленные на разрядку международной напряженности, свидетельствовали о возможности быстро решить давно назревшие вопросы, которые по непонятным причинам долго не решались. Многим казалось, что руководство страны во главе с Хрущевым, осуществляя всевозможные нововведения, сможет быстро улучшить их жизнь. Этому оптимистическому настроению отвечало и решительное осуждение былых беззаконий, начавшееся с освобождения кремлевских врачей и продолженное после ареста Берии и других. Как бы горько ни было многим людям принять жестокое осуждение Сталина, для них доклад отвечал представлениям о торжестве правды над неправдой, добра над злом. В своих воспоминаниях будущий Председатель Совета Министров СССР НА. Рыжков писал: «В 56-м году состоялся XX съезд, и я впервые душой услышал партию. И голос ее прозвучал так громко, так честно, с такой болью и откровенностью, что я не счел для себя возможным оставаться по-прежнему сам по себе. В декабре 56-го года меня приняли в КПСС». Можно поверить и словам Рыжкова, утверждавшего, что он был не один с такими настроениями и «достаточно велик был "призыв XX съезда"».

Скорее всего, слова Хрущева вызывали доверие и потому, что в то время у многих вызывали поддержку его «простые» решения. Многие порядки, вызванные чрезвычайной обстановкой перед войной, во время войны и сохранявшиеся вплоть до середины 1950-х годов, такие, как, например, ненормированный рабочий день у служащих, фактическая невозможность рабочих и колхозников покинуть место своей работы, уже не представлялись необходимыми в послевоенное время. Многие полезные начинания сдерживались теми, кто привык к рутине и чурался любых перемен. При этом ревнители сложившихся привычек ссылались на высшие государственные интересы и авторитет классиков марксизма-ленинизма, включая Сталина. Поэтому отказ от устаревших порядков, какими бы именами они ни были освящены, представлялся насущным. Казалось, что происходившие перемены развязывают инициативу людей, раскрывают творческие возможности советского народа. В это время на сценах многих драматических театров шли спектакли по пьесе А.Н. Корнейчука «Крылья», одна из героинь которой вернулась из заключения. Спектакль завершался песней, в которой говорилось, как страна «крылья распускает».

Привлекали простота и доступность Хрущева. Позже, давая неоднозначную характеристику Хрущеву, Е. Лигачев вспоминал то время, когда он сам был молодым секретарем Советского райкома в академгородке Новосибирска. Он отмечал, что тогда «народу очень импонировало частое общение руководителя партии Н.С. Хрущева с трудящимися непосредственно в трудовых коллективах, в городах и областях. В целом это была самобытная политическая личность. Он обладал политическим чутьем, мог уловить то главное, о чем думает народ, быстро находил контакт с людьми, мог говорить живо, без написанного, правда, "вразброс"». Хрущев представлялся желанным возмутителем догматического спокойствия, под покровом которого таился застой мысли и действия. Первые годы пребывания Хрущева у власти запомнились Лигачеву как время новаторских начинаний, творческих дерзаний.

Возможно, что такие настроения в значительной степени объяснялись характерным для Лигачева и Рыжкова, а также их сверстников оптимизмом молодости, их нетерпимостью к застойным порядкам, их нежеланием мириться со вздорными запретами спесивого начальства. В.В. Кожинов объяснял особенности массовой психологии советских людей тех лет демографической статистикой. Он замечал: «Необходимо обратить внимание на очень существенную демографическую особенность хрущевского периода… В результате

тяжелейших потерь во время войны молодых людей от 15 до 29 лет в 1953 году имелось почти на 40% больше, чем зрелых людей в расцвете сил – в возрасте от 30 до 44-х лет (первых – 55,7 миллиона, вторых – всего 35,6 миллиона)». Преобладание молодежи в стране объясняло особую отзывчивость общества к призывам обновления жизни.

Позже послесъездовский период стали называть «оттепелью» по названию повести Эренбурга, которая была опубликована за два года до XX съезда в мартовском номере журнала «Новый мир» за 1954 год. Дело было не только в том, что название опубликованной тогда книги оказалось созвучно позитивному восприятию съезда как события, положившего конец «замороженному» состоянию советского общества. Повесть решительно разрывала с рядом устойчивых канонов, по которым писались многие советские художественные произведения. В повести не было традиционного для многих послевоенных книг «лакированного» описания жизни. Эренбург обращал внимание на дефицит продовольственных товаров в провинциальных городках и заводских поселках, убогость городского жилья, трудности деревенской жизни. Писатель высмеивал и «лакировщиков» действительности в образе художника, который получал высокие гонорары за полотна, посвященные «производственной» тематике, в то время как рядом прозябал талантливый живописец, рисовавший лишь пейзажи и свою больную жену. Упоминал Эренбург и о репрессиях 1930-х годов.

В то же время во второй части своей повести, опубликованной в 1955 году, писатель изобразил «позитивные черты» нового времени. Писатель уверял, что люди «стали выпрямляться», чаще и смелее выступать на собраниях. В повести описывалось, что по радио зазвучали песни «французского шансонье» (намек на Ива Монтана), в страну стали приезжать иностранцы, а советские люди стали выезжать в давно полюбившийся Эренбургу Париж. Олицетворением перемен был первый секретарь горкома Демин, который отличался неуемной энергией, постоянно ездил по предприятиям и стройкам, был непосредственным в общении и мог заразительно хохотать в цирке, не заботясь о своем престиже. Ревнители старых традиций жаловались, что «Демин Первого мая выступил с отсебятиной, да еще при всех на трибуне объяснял: "Народ не любит, когда по бумажке…"» Налицо было сходство между первым секретарем горкома и Первым секретарем ЦК КПСС.

Однако главное отличие от многих других советских художественных произведений состояло в том, что в своей повести Эренбург переворачивал традиционную для советской предвоенной и послевоенной литературы схему изображения положительных и отрицательных персонажей. Директор завода Иван Журавлев, фронтовик, геройски сражавшийся под Ржевом, болевший за производство, бесстрашно тушивший пожар на заводе, казалось бы, должен был стать традиционным героем советского романа, но он являлся в повести главным отрицательным персонажем. Его отрицательные черты проявлялись в ограниченности его культурных запросов, невнимании к своей супруге, а также жилищным условиям рабочих его завода. Заботясь о производстве, директор бросил все силы на строительство нового литейного цеха, а не на жилье. В результате во время зимней бури был уничтожен ветхий барак, где жили рабочие. Директор же был с позором снят.

Но еще раньше от него ушла жена. Окончательное решение о разрыве с мужем супруга приняла после того, как он в дни после ареста кремлевских врачей предложил ей быть осторожной и в отношении их лечащего врача Веры Шерер. «С того же вечера в Лене родилось презрение к мужу».

Антиподом Журавлева является инженер Соколовский. В отличие от спокойного и уравновешенного Журавлева, Соколовский – раздражителен и склонен делать колючие замечания. Он одинок и нелюдим. Однажды его уже увольняли с завода после острого конфликта. Его давно бросила жена, которая уехала с дочкой в Бельгию. По существовавшим прежде литературным схемам такой персонаж мог стать скорее отрицательным, чем положительным героем. Но в повести новатор Соколовский противостоит консерватору Журавлеву. Если Журавлев не доверяет таким, как Шерер, то Соколовский влюбляется в Шерер. Если Журавлев любит читать «Крокодил» и разгадывать кроссворды в «Огоньке», то Соколовского интересует, какими красками рисовал Леонардо да Винчи и какие скульптуры характерны для китайской династии Тан. Соколовский наиболее последовательно обличает Журавлева, и в его уста писатель вкладывает свои размышления о современных задачах страны

и о том, как мешают их исполнению такие люди, как Журавлев: «Нужны другие люди… Романтики нужны. Слишком крутой подъем, воздух редкий, гнилые легкие не выдерживают… Просвещать мало, нужно воспитывать чувства… Мы много занимались одной половиной человека, а другая стоит невозделанная. Получается: в избе черная половина… Помню, подростком я читал статью Горького, он писал, что нам нужен наш, советский гуманизм. Слово как-то исчезло, а задача осталась. Пора за это взяться…»

Романтика «оттепели» имела свои позитивные идеалы в досталинском прошлом страны. Кожинов справедливо обращал внимание на «целый поток тогдашних фильмов о революционном прошлом… В этих фильмах… собственно революционное – досталинское – время представало… в сугубо романтизированном виде, как время свободного жизнетворчества – и общенародного, и личного, – как эпохи, о которой можно затосковать – оказаться бы, мол, мне там, среди этих живущих полной жизнью людей».

Мало кто задумывался в то время о том, что всякое романтическое прочтение прошлого содержит в себе не только протест против косности сегодняшней жизни, но и связано с бегством от реальных проблем настоящего в ущедшее прошлое. Парадоксальным, но закономерным образом революционный романтизм нередко носит черты реакционности. Революционный романтизм «оттепели», разрушая многие несправедливости и нелепости, накопившиеся за десятилетия советской власти, вместе с тем перечеркивал исторический опыт, накопленный до XX съезда. И в эренбурговской повести, и в хрущевской «оттепели» прежние герои-фронтовики и самоотверженные труженики, вроде Журавлева, превращались в злодеев, если они не были «романтиками» нового времени. Между тем внимательное изучение предшествовавшего исторического опыта позволило бы справедливо оценить огромные возможности, заложенные в советском обществе, и, одновременно, увидеть его уязвимые места, которые отнюдь не сводились к особенностям личного характера Сталина. Внимательное изучение этого опыта позволило бы обратиться к проблемам настоящего на основе глубокого понимания законов развития советского общества, а не путем возвращения к уже отвергнутой историей романтике первых революционных лет.

В то же время послесъездовская романтизация первых революционных лет неизбежно вела к возрождению революционного нигилизма, который был отвергнут в сталинское время. Казалось, что в Хрущеве пробудились симпатии к троцкизму, которые были для него характерны в 1923–1924 годах. Известно, что Троцкий в своей книге «Преданная революция», опубликованной в 1937 году, сокрущался по поводу отказа Сталина от уравниловки в заработной плате, мер по разрушению семьи, восстановления им традиционных методов обучения, уважительного отношения ко многим деятелям дореволюционного прошлого, прекращения преследования церкви. Склонность Хрущева к возрождению тех сторон советской жизни, отказ от которых оплакивал Троцкий, проявлялась в поощрении Хрущевым уравниловки в заработной плате, школьной реформы с широким развитием школьных интернатов, уничтожении деревень в ходе их превращения в «агрогорода».

Выпуск фильмов, посвященных выдающимся деятелям России дореволюционной поры, осуществлявшийся при Сталине (об Александре Невском, Суворове, Кутузове, Ушакове, Нахимове, Попове, Пржевальском, Мусоргском, Глинке и другим), прекратился. Зато, как отмечал В.В. Кожинов, с 1956 года вышли фильмы, посвященные Гражданской войне («Сорок первый», «Хождение по мукам», «Тихий Дон», «Коммунист», «По путевке Ленина», «Рассказы о Ленине» и т. д.). Если в последние годы жизни Сталина в центре Москвы был воздвигнут памятник Юрию Долгорукому, то при Хрущеве в центре Москвы был сооружен памятник Карлу Марксу.

Возврат Хрущева к практике первых лет советской власти особенно проявился в наступлении на церковь. В 2004 году Патриарх Алексий II вспоминал «хрущевское время» как одно из самых жестоких периодов преследования православия. Православные храмы закрывались, их число уменьшилось в два раза, а число монастырей сократилось до 18. Многие церкви, в том числе имевшие значение для истории архитектуры, были разрушены. Попытки построить новые храмы или хотя бы расширить старые грубо пресекались, а инициаторы таких попыток арестовывались, и их сажали в лагеря.

В то же время говорить о полном возрождении атмосферы 1920-х годов не приходилось.

Даже если бы Хрущев и страстно этого хотел, он был не в силах изменить характер общества, сложившегося в ходе трех десятилетий глубочайших преобразований. Отвергая Сталина и его методы правления, Хрущев невольно сохранил многое от сталинской политики и сталинского стиля общественной жизни. Повторяя лозунги сталинского времени, Хрущев подчеркивал, что главной задачей советского общества является построение коммунизма в нашей стране. Он всеми силами старался поддержать тот оптимистический настрой и ту уверенность в скором достижении великих побед советского народа, которые были характерны для сталинской эпохи. Хрущев, поднявшийся к высотам власти в 1930-е годы, в период бурного развития страны, сохранил многие формы общественно-политической жизни, сложившиеся в те годы. Как и в 1930-е годы, в стране поощрялись всевозможные почины передовиков производства, постоянно проводились всесоюзные совещания по обмену производственным опытом, которые завершались директивным выступлением главного руководителя партии. Как и в 1930-е годы, решающее слово было за руководителем партии, и поэтому Хрущев, сурово осудивший «культ личности Сталина», сначала снисходительно не возражал против растущих восхвалений в свой адрес, а затем поощрял их.

В то же время критика Сталина служила идейным обоснованием для размывания основ советского общества. При Хрущеве пятилетний ритм планового развития был нарущен. Система хозяйственного управления, существовавшая при Сталине, была перестроена. Серьезные потрясения претерпела организация сельского хозяйства. В результате экономическое развитие страны стало замедляться.

Очернение значительной части советской истории и вместе с тем попытки сохранить многие стороны жизни сталинского периода не давали ясных ответов на вопросы о характере советского общества.

Среди интеллигенции росло стремление к поиску идейно-политических альтернатив, не укладывавшихся в шаблоны советской пропаганды. Некоторые идеи, получившие распространение в первые же годы хрущевской «оттепели», не имели ничего общего ни с 1920-ми, ни с 1930-ми годами советской истории, так как были чужды советской революции с ее представлениями о социальном равенстве людей. Ряд людей увидели в хрущевской «оттепели» банкротство советской системы с ее принципами социального равенства. Характерно, что лозунг «советского гуманизма» герой повести Эренбурга связывал с представлением о том, что в советском обществе есть люди всесторонне развитые, а есть люди с «черной», «невозделанной» половиной души, есть люди с крепкими легкими, способными выдержать «крутой подъем», а есть люди с «гнилыми легкими». Рассуждения о «гуманизме» прикрывали претензии на превосходство «романтиков» с крепкими легкими, способными одолеть «крутой подъем». По сути, под прикрытием революционной романтики возрождались реакционные идеи избранности интеллигенции. Впоследствии миф XX съезда дал рождение другому мифу о «детях XX съезда» – интеллигентах, способных возглавить движение общества вперед.

Особую признательность Хрущеву испытывали бывшие политзаключенные, их родные и близкие, родственники посмертно реабилитированных людей, представители высланных народов. Между тем историк В.В. Кожинов выражал обоснованные сомнения в правомерности репутации Хрущева как «освободителя» политических заключенных и представлений о XX съезде как событии, после которого началось массовое освобождение заключенных. По подсчетам Кожинова, получалось, что «около половины политических заключенных получили свободу еще до того момента, когда Хрущев обрел единоличную власть», то есть до января 1955 года. Кожинов писал: «К 1956 году, к XX съезду партии… уже обрели свободу более 80 процентов политзаключенных». И все же очевидно, что после доклада Хрущева отношение к бывшим политзаключенным кардинально меняется. До тех пор многим из них после освобождения приходилось нередко доказывать свою невиновность. Теперь же, после доклада Хрущева, все знали о том, что они невинно пострадали.

Однако далеко не все единодушно поддержали доклад. Несмотря на то что уже почти три года в стране шла кампания по осуждению культа личности в истории и привычные до тех пор восхваления Сталина стали редкими, уважение и любовь к Сталину сохранялись. Повсюду можно было увидеть статуи и портреты покойного вождя. Помимо портретов Сталина, которые

находились не только в общественных зданиях, но и в жилых помещениях, чуть ли не в каждом доме можно было увидеть медали «За победу над Германией» или «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» с портретами Сталина в профиль, а также благодарности за ратный подвиг или трудовые достижения, похвальные грамоты ученикам школы, на которых был изображен Сталин. Прошло менее трех лет, как люди со слезами провожали Сталина в последний путь. Жизнь целых поколений была связана со Сталиным и верой в него.

Молодежь далеко не единодушно поддержала доклад Хрущева. Я помню, с каким трудом преодолевал и непривычные фамилии, и собственное волнение, вызванное чтением душераздирающих писем смертников, член бюро комсомольской организации нашего курса Юрий Фокин, который, по поручению институтского парткома, зачитывал нам доклад Хрущева. Доклад ставил перед нами почти неразрешимую моральную задачу. Мы еще помнили прием в пионеры и наше «торжественное обещание», в котором клялись «быть верным делу Ленина – Сталина». Всего 4-5 лет назад, вступая в комсомол, мы писали в своих заявлениях о желании быть верными борцами за дело Ленина – Сталина. Теперь Хрущев фактически предлагал нам стать дважды клятвопреступниками. Хрущев нам сообщал, что наше восхищение Сталиным было необоснованным, наша печаль по поводу его кончины – напрасной. Все, что мы знали с детства о Сталине, оказывалось вздором. Все фильмы о Сталине, все песни о нем следовало теперь воспринимать через призму утверждений Хрущева о том, что Сталин настаивал на применении пыток, через строки обращения Эйхе о своей невиновности. Поверить Хрущеву означало отвергнуть то, к чему с детства привык относиться как к святыне. Не поверить ему означало стать бунтарем против существующего правительства.

И все же потрясение, которое испытывали те, кому было 18–20 лет, не шло ни в какое сравнение с чувствами людей, переживших значительную часть своей сознательной жизни с верой в Сталина. Многие из них не раз рисковали своей жизнью, терпели тяжелейшие лишения и страдания, веря в мудрость Сталина. С его именем шли на бой, и его слова воспринимались как приказы, которых немыслимо было ослушаться. Система ценностей, в которой они были воспитаны при Сталине, требовала беспрекословного выполнения приказа партии. На сей раз партия, которую привыкли называть партией Ленина – Сталина, отдавала, казалось, немыслимый приказ – отречься от Сталина. Свидетельством непереносимости переживаний, вызванных докладом Хрущева, стало самоубийство писателя Александра Фадеева, автора прославленной книги о подвиге «Молодой гвардии». Узнав о самоубийстве писателя, Хрущев и другие члены Президиума ЦК постарались не только скрыть его посмертное письмо, но и очернить писателя. В протоколах Президиума ЦК было записано: «В решении написать о поведении. Сурово осуждают поступок. Медицинское заключение исправить. Пусть врачи напишут, сколько он лечился от алкоголизма».

Узнав о содержании доклада, многие люди возмущались Хрущевым и его докладом. Развенчание Сталина, имя которого было связано у миллионов советских людей с самым дорогим, было сделано Хрущевым столь грубо, что не могло не оскорбить их чувств. В Грузии, где доклад Хрущева был воспринят помимо прочего и как посягательство на память великого сына грузинского народа, произошли массовые митинги и демонстрации протеста, которые усмиряли вооруженные силы. Десятки человек были убиты, сотни – ранены. Даже через много лет участники стихийного выступления в Тбилиси в марте 1956 года в знак протеста против доклада Хрущева объясняли в ходе телепередачи весной 2001 года свое поведение так: «Мы не могли не быть на площади. Там были все!»

Многие же, оказавшись перед выбором, кому верить: Сталину или Хрущеву, отказывались теперь верить любым руководителям страны. Прежде всего люди не могли поверить тому, что Хрущев узнал о тех страшных делах, о которых он поведал в докладе, лишь за последние три года. По стране ходил анекдот, который отражал отношение многих людей к Хрущеву. Утверждалось, что во время чтения своего доклада на закрытом заседании съезда Хрущев получил анонимную записку, в которой было написано: «А где вы были, Никита Сергеевич, когда Сталин совершал беззакония?» Зачитав эту записку, Хрущев предложил автору записки встать с места и представиться. Однако никто не спешил признать свое авторство. «Вот и я был там же», – ответил Хрущев. Популярность этого анекдота свидетельствовала о том, что вера в благородство и мужество партийных руководителей

пошатнулась. После доклада Хрущева все больше людей стало считать, что руководители думали прежде всего о своих корыстных интересах.

Доклад Хрущева усилил настроения цинизма и неверия, дал мощный импульс процессам моральной и идейной эрозии советского общества. Состоя из смеси шокирующей правды и клеветнических сплетен, доклад Хрущева внес смуту в общество. И это должным образом было оценено на Западе. Позже Стивен Коэн писал: «Сталинский вопрос… вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы, от философской полемики до кулачного боя». Этим активно воспользовалась западная пропаганда, которая велась против нашей страны. Теперь западные радиоголоса вызывали больше доверия, поскольку они могли утверждать, что Хрущев, в сущности, повторил многие из обвинений, которые они выдвигали против советской власти с первых же лет «холодной войны».

Особенно усилилось влияние западной пропаганды на социалистические страны Европы. Авторы радиопередач указывали на то, что руководители этих стран были поставлены у власти Сталиным, а существовавшие там порядки мало чем отличаются от тех, что существовали при Сталине в СССР. Начиная с весны 1956 года началось брожение в этих странах, особенно в Польше и Венгрии. В Будапеште, в литературном клубе Петефи, зазвучали призывы к смене правительства. 28 июня 1956 года требования перемен привели к волнениям в Познани, сопровождавшимся столкновениями с полицией.

Доклад Хрущева подорвал политические позиции многих руководителей коммунистических партий. Они должны были дать объяснения рядовым коммунистам, почему они прежде прославляли Сталина, а теперь стали обвинять его во всевозможных грехах. В этих условиях некоторые из них, как, например, руководитель мощной коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, старались отмежеваться от советского руководства. Тольятти ставил вопрос о «некоторых формах перерождения» советского общества. Дружеская к СССР влиятельная социалистическая партия Италии во главе с Пьетро Ненни существенно сократила сотрудничество с КПСС после появления доклада Хрущева.

Руководство же коммунистической партии Китая, на словах поддержав критику Сталина, на деле было крайне недовольно докладом Хрущева. 7 апреля 1956 года «Правда» перепечатала передовую из «Женьминьжибао» «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». В ней говорилось: «Коммунистическая партия Советского Союза, следуя заветам Ленина, серьезно относится к допущенным Сталиным в руководстве социалистическим строительством некоторым серьезным ошибками и к вызванным ими последствиям. Ввиду серьезности этих последствий перед Коммунистической партией Советского Союза встала необходимость одновременно с признанием великих заслуг Сталина со всей остротой вскрыть сущность ошибок, допущенных Сталиным, и призвать всю партию к тому, чтобы остерегаться повторения этого, к решительному искоренению нездоровых последствий, порожденных этими ошибками». В то же время в статье содержался призыв изучать труды Сталина и его наследие. Хрущев тяжело переживал неоднозначную реакцию на свой доклад. Как это обычно бывало у него в периоды стресса, он заболел.

Пожалуй, из всех коммунистических партий лишь Союз коммунистов Югославии горячо и безоговорочно поддержал доклад Хрущева. Прибывший в Москву новый посол Югославии В. Мичунович был принят Н.С. Хрущевым 2 апреля. В ходе четырехчасовой беседы Мичунович передал Хрущеву благодарность Тито за переданный ему закрытый доклад. Он сообщил, что доклад был зачитан на заседании ЦК СКЮ и «единодушно поддержан как шаг, имеющий далеко идущее историческое значение». Увидев в одобрении его доклада свидетельство существенной перемены в советско-югославских отношений, Хрущев решил добиться быстрого вступления Югославии в социалистический лагерь. Присоединение Югославии к Совету экономической взаимопомощи и Варшавскому пакту доказали бы оппонентам Хрущева, что его усилия по налаживанию отношений с этой страной и его закрытый доклад приносят реальные плоды. Вследствие этого курс на сближение с Югославией ценой ряда уступок привел к тому, что мнение руководства этой страны приобрело неоправданно большое значение для внешнеполитической деятельности СССР. В угоду руководства СКЮ в апреле 1956 года было принято решение о роспуске Информационного бюро компартий, которое с 1948 года сыграло

важную роль в осуждении политики Югославии.

Однако югославы не собирались вступать в советский блок. Мичунович писал в Белград: «У нас есть все основания поддерживать политику Хрущева, но характер и пределы этой нашей поддержки заведомо ограничены… Максималистские требования русских об идеологическом единстве, проще говоря о нашем включении в лагерь, могут лишь вынудить нас вступить в открытый конфликт и с Хрущевым – независимо от того, пойдет ли это на пользу сталинистам или антисталинистам в России». Тем не менее Хрущев отказывался понимать позицию югославов и был готов пойти на новые уступки им, лишь бы добиться их включения в советский блок.

Однако Молотов продолжал доказывать «несоциалистический» характер Югославии на заседании Президиума ЦК 25 мая, накануне официального визита Тито в СССР. Хрущев считал, что после XX съезда он был в силах нанести новый удар по Молотову. На заседании Президиума он заявил: «Молотов остался на старых позициях. Нас огорчает, что за время после пленума Молотов не изменился». В ходе последующих заседаний 26 и 28 мая Хрущев заявлял: «У Молотова плохо идет с МИДом, он слаб, как министр иностранных дел. Молотов – аристократ, привык шефствовать, а не работать… Молотов после смерти Сталина твердо продолжает стоять на старых позициях – завинчивать. Кроме лордства, ничего нет за т. Молотовым… Колхозного вопроса Молотов не понимает». Хрущев предложил освободить Молотова от обязанностей министра. Против выступил лишь Каганович. 1 июня было объявлено об освобождении В.М. Молотова с поста министра иностранных дел СССР. Его заменил Д.Т. Шепилов. Несмотря на эту отставку, Молотов сохранил за собой членство в Президиуме ЦК и пост первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

В день отставки Молотова в Москву прибыл И. Тито, визит которого в СССР продолжался 23 дня. Хрущев старался проявить особую теплоту к своему гостю. Он то прогуливался с президентом Югославии по улицам Москвы, то сопровождал его в поездке по стране. На официальном обеде в Москве 5 июня НА. Булганин назвал Тито «ленинцем». Демонстрируя свою готовность к сотрудничеству, Тито заявил в своем выступлении в Сталинграде, что в случае мировой войны Югославия будет воевать на стороне СССР. Однако дальше этих заявлений дело не пошло. Хотя в подписанной Хрущевым и Тито «Декларации об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза» было сказано о возобновлении двустороннего межпартийного сотрудничества, в ней отмечалось различие путей к социализму.

В своем послании в Белград Мичунович констатировал «недовольство русских нашим отказом принять на себя какие бы то ни было обязательства в отношении лагеря». Президиум ЦК распространил записку, в которой подчеркивалось, что идейные разногласия между СКЮ и КПСС сохраняются, а Югославия по-прежнему зависит от американской военной помощи. В записке осуждалось заявление Булганина, назвавшего Тито «ленинцем». Совершенно очевидно, что попытка Хрущева вернуть Югославию в социалистический лагерь опять провалилась. Одновременно стало ясно, что антисталинский доклад Хрущева не принес ощутимых положительных плодов для внешней политики СССР.

Через неделю после завершения визита Тито, 30 июня 1956 года, было опубликовано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». В постановлении пересматривались некоторые положения доклада Хрущева. Прежде всего в постановлении не говорилось о негативных чертах характера Сталина, как первопричине беззаконных репрессий. Вместо этого на первый план выступило традиционное для коммунистов всех стран объяснение: Сталин допустил отступления от марксизма-ленинизма. Постановление вновь приводило слова Карла Маркса, обращенные к Вильгельму Блосу, и объясняло немарксистское поведение Сталина тем, что он «непомерно переоценив свои заслуги, уверовал в собственную непогрешимость».

По оценке авторов постановления, из-за ошибок в марксистской теории и нарушений ленинских норм партийного строительства, контроль над органами государственной безопасности «был постепенно подменен личным контролем Сталина, а обычное отправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями», работа этой системы ухудшилась. Правда, теперь главная вина за «серьезные нарушения советской законности и

массовые репрессии», в результате которых «были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди», возлагалась прежде всего на «происки врагов».

Через пару абзацев утверждалось, что, помимо «врагов», «Сталин повинен во многих беззакониях, которые совершались особенно в последний период его жизни». Но трудно было понять, какова была доля вины Сталина в этих беззакониях. Обвинение Сталина существенно смягчалось следовавшим за ним заявлением о том, что «советские люди знали Сталина, как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма». В результате вина Сталина сводилась к тому, что он «применял порою в этой борьбе недостойные методы, нарущал ленинские принципы и нормы партийной жизни». Подводя итог этим противоречивым рассуждениям, авторы постановления делали туманный вывод: «В этом состояла трагедия Сталина. Но все это вместе с тем затрудняло и борьбу против совершавшихся тогда беззаконий, ибо успехи строительства социализма, укрепления СССР в обстановке культа личности приписывались Сталину». В постановлении подчеркивалось, что успехи, достигнутые Советской страной, «создавали такую атмосферу, когда отдельные ошибки и недостатки казались на фоне громадных успехов менее значительными, а отрицательные последствия этих ошибок быстро возмещались колоссально нараставшими жизненными силами партии и советского общества».

Очевидно, что после неудачной попытки вернуть Югославию в социалистический лагерь в ходе июньского визита Тито и событий в Познани, которые показали рост центробежных сил в социалистическом лагере после XX съезда, руководство партии стало смягчать свои негативные оценки деятельности Сталина. Несмотря на обвинения, выдвинутые против Сталина в постановлении от 30 июня 1956 года, не предпринималось никаких действий для того, чтобы исключить Сталина из пантеона советских лидеров. Правда, со времени XX съезда окончательно вышли из употребления такие словосочетания, как «учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина» или «знамя Ленина – Сталина», а московский «Завод имени Сталина» был в 1956 году переименован в «Завод имени Лихачева» в связи с кончиной директора этого завода. Однако города, заводы, колхозы, предприятия и институты по-прежнему носили имя Сталина, а статуи, бюсты, барельефы, портреты и картины с его изображениями продолжали украшать площади, улицы и интерьеры государственных зданий. На Красной площади демонстранты проходили под трибуной Мавзолея Ленина – Сталина, на которой стоял Хрущев и другие руководители, держа в руках знамена с изображениями Сталина.

Эти проявления любви к Сталину до крайней степени раздражали Хрущева. На приеме, состоявшемся 1 мая 1956 года сразу после военного парада и демонстрации на Красной площади, Хрущев произнес от 12 до 15 тостов. При этом он яростно атаковал Сталина. Однако, атакуя Сталина и «сталинистов», Хрущев вынужден был уделять внимание и выступлениям с другого фланга. 12 июля Президиум ЦК КПСС выразил беспокойство по поводу событий в Познани и выступлений в кружке Петефи в Будапеште. Новое руководство Польши во главе с Э. Охабом, пришедшее к власти после внезапной смерти первого секретаря ПОРП (Польской объединенной рабочей партии) Б. Берута, стало объектом критики за свое соучастие в репрессиях. На июльском пленуме ЦК ПОРП был реабилитирован бывший вождь польских коммунистов В. Гомулка, который был в свое время обвинен в пособничестве Тито, но к этому времени был уже освобожден.

Оппозиционные настроения усиливались и в Венгрии. Прибывший в Венгрию А.И. Микоян предложил первому секретарю ВПТ М. Ракоши уйти в отставку. На его место был избран Э. Герэ, который не пользовался популярностью в стране. Тем временем через австро-венгерскую границу в Венгрию проникали подпольные вооруженные группы, в том числе и те, что были связаны с прежним фашистским режимом. В стране тайно велась подготовка к вооруженному восстанию против существующего строя.

Однако вряд ли Хрущев подозревал о том, во что могут вылиться события в Польше и Венгрии. В это время он уделял первостепенное внимание сообщениям с полей страны. Лето 1956 года оказалось на редкость урожайным. Брежнев вспоминал: «В 1956 году пробил звездный час целины. Урожай в казахстанских степях был выращен богатейший, и вместо обещанных 600 миллионов республика сдала государству миллиард пудов зерна. И я был

по-настоящему счастлив, когда в том году Казахстану вручили первый орден Ленина за первый миллиард пудов целинного хлеба». Хрущев разъезжал по стране и произносил речи с поздравлениями хлеборобов.

Из всех же проблем внешней политики Хрущев продолжал уделять наибольшее внимание отношениям с Югославией. В сентябре 1956 года Хрущев посетил Югославию с неофициальным визитом. Встречи Хрущева с Тито были продолжены без перерыва в Крыму до 5 октября. Мичунович записал в дневнике: «Хрущев и Тито имели возможность в течение более 10 дней непрерывно беседовать без посредников, что случилось впервые в истории югославско-советских отношений».

В октябре 1956 года внимание было привлечено и к проблемам советско-японских отношений. Поскольку в 1951 году СССР отказался принять участие в подписании в Сан-Франциско мирного договора с Японией, между двумя странами сохранялось состояние войны. Отказ СССР подписать тогда договор объяснялся тем, что наша страна выражала протест против того, что вместо Китайской Народной Республики к участию в подписании были допущены представители Чан Кайши. В то же время в соответствии с мирным договором 1951 года Япония отказывалась от своих прав на Южный Сахалин и Курильские острова, которые перешли под юрисдикцию СССР с сентября 1945 года. Однако к осени 1956 года Япония заявила о своих претензиях на ряд островов Курильской гряды. Территориальные претензии Японии мешали подписать мирный договор с СССР.

К октябрю 1956 года было принято компромиссное решение: СССР уступит Японии острова Хабомаи и Шикотан (тогда его называли в СССР «Сикотан»), Япония снимет остальные территориальные претензии и обе страны подпишут договор. Это решение было сделано в духе решений, которые принимались по настоянию Хрущева в отношении Порт-Артура и Поркаллы-Удд. О том, что на указанных островах уже 11 лет живут и трудятся советские люди, видимо не задумывались.

19 октября 1956 года в Кремле была подписана советско-японская декларация, в которой говорилось: «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Декларация была подписана с советской стороны Председателем Совета Министров СССР НА. Булганиным и министром иностранных дел СССР Д.Т. Шепиловым. С японской стороны декларация была подписана министром иностранных дел Японии Ициро Хатояма, министром земледелия и лесоводства Исциро Коно и депутатом палаты представителей Японии Сюници Мацумото. (После того как Япония в 1960 году заключила «договор о безопасности» с США, советское правительство сочло себя свободным от обязательств декларации 1956 года, и вопрос о мирном договоре остался замороженным на многие десятилетия. Об этом было объявлено в памятной записке советского правительства от 27 января 1960 года. Япония же возобновила свои претензии на южную часть Курильской гряды.)

Хотя этой декларации придавалось большое значение, на церемонии ее подписания не было многих видных руководителей страны. Отсутствовали В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян. Не было и Н.С. Хрущева. Лишь 21 октября было объявлено, что 19 и 20 октября эти руководители находились в Варшаве на встрече с руководством ПОРП.

К этому времени недовольство Э. Охабом и его политикой проявилось в ходе октябрьского пленума ЦК ПОРП. Э. Охаба собирались отправить в отставку, а на его место назначить В. Гомулку. Узнав, что происходит на пленуме ЦК ПОРП, Хрущев решил, что в Польше начался антисоветский мятеж. Подобное развитие событий означало бы крах политики Хрущева. Чувствуя необходимость заручиться поддержкой всех членов Президиума ЦК, в том числе и его главных оппонентов, Хрущев отправился 19 октября в Варшаву вместе с Молотовым, Кагановичем, Микояном и Жуковым, а также Главкомом Организации стран Варшавского договора Коневым.

Когда Хрущев в своих воспоминаниях написал, что встреча в аэропорту «была очень холодной», он не совсем точно охарактеризовал действительную обстановку. По

воспоминаниям польских участников встречи в аэропорту, Хрущев стал грозить им кулаком, едва сойдя с самолета. Хрущев, приблизившись к Охабу, по его словам, стал махать кулаком перед носом. В ответ на приветствие Гомулки Хрущев рявкнул на него: «Предатель!» Гомулка вспоминал: «Даже водители слышали его».

Тем временем советские войска, размещенные в Польше, а также польские войска, находившиеся под командованием маршала Польши К. Рокоссовского, стали перемещаться к Варшаве. В ответ польское правительство стало мобилизовывать силы внутренней безопасности.

В ходе переговоров, которые, как признал Хрущев, шли «в резких, повышенных тонах», Гомулка постарался заверить Хрущева и других членов советской делегации в верности Польши дружбе с СССР. Он попросил Хрущева остановить передвижение советских войск. Очевидно, заверения Гомулки и других руководителей Польши подействовали на Хрущева и других членов советской делегации. Было сказано о приостановке движения войск. Тем временем Гомулка был избран первым секретарем ЦК ПОРП.

Однако, вернувшись в Москву, на другой день Хрущев вызвал к себе Микояна на дом и сообщил ему, что решил все же ввести советские войска в Варшаву. Микоян возражал и добился отсрочить решение вопроса до заседания Президиума ЦК. Тем временем в Польше продолжалось движение Северной группы советских войск в направлении Варшавы. Маршал Польши Рокоссовский объяснил это движение плановыми маневрами. В этот день на заседании Президиума ЦК было решено: «…покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть. Пригласить в Москву представителей компартий Чехословакии, Венгрии, Румынии, ГДР, Болгарии (очевидно, для обсуждения польского вопроса. – *Прим. авт.)».* «В Китай, может быть, послать представителя от ЦК для информации».

В этот же день обсуждался вопрос о положении в Венгрии. Еще 12 и 14 октября посол СССР в Венгрии Ю.В. Андропов сообщал о нарастании антиправительственных настроений в этой стране. Было выражено мнение о необходимости направить в Венгрию Микояна, но никакого решения принято не было.

На другой день, 21 октября, было получено сообщение о том, что Рокоссовский не был избран в состав нового Политбюро ПОРП. Тогда Хрущев изменил свою позицию. Он заявил: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства». Одновременно он предложил согласиться с требованием Гомулки отозвать из Польши советников от КГБ СССР. В ответ же на требование Гомулки повысить продажную цену польского угля, поставляемого в СССР, Хрущев сказал: «Чем раньше откажемся от польского угля, тем лучше». На 23 октября было намечено совещание руководителей СССР, Китая, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии по польскому вопросу.

Однако 23 октября уже было не до Польши. На заседании Президиума ЦК вечером 23 октября Жуков сообщил о демонстрациях в Будапеште, которые переросли в восстание. В этот день на улицы Будапешта вышли десятки тысячи демонстрантов, главным образом молодых. Демонстранты свергли статую Сталину. Они настаивали на отставке Э. Герэ с поста руководителя партии и возвращения Имре Надя на пост премьер-министра. Полиция не справлялась с демонстрантами, и Э. Герэ обратился за помощью к советскому правительству. На заседание Президиума ЦК был вызван находившийся в Москве бывший руководитель Венгрии М. Ракоши. Когда тот прибыл в кремлевский кабинет, Хрущев сообщил ему, что на сторону восставших перешли части венгерской армии. Хрущев просил совета у Ракоши: есть ли необходимость во вмешательстве советских войск. По его словам, Ракоши заявил: «Необходимость в этом безусловно есть и притом самая незамедлительная».

Судя по записям заседания 23 октября, за ввод советских войск выступили Хрущев, Булганин, Молотов, Каганович, Первухин, Жуков, Суслов, Шепилов, Кириченко. Возражал лишь Микоян. Он заявлял: «Без Надя не овладеть движением… Руками венгров наведем порядок. Введем войска – попортим дело». В итоге было принято решение ввести советские войска в Будапешт, а в Венгрию направить Микояна и Суслова.

Не в силах справиться с кризисами сразу в двух странах, Хрущев предложил пока «настроиться на контакт» с Гомулкой. Он сообщил о желании Гомулки встретиться с ним 8

ноября. В то же время он предложил не печатать последние выступления Гомулки.

24 октября вызванные в Москву руководители компартий приняли участие в работе Президиума ЦК по польскому вопросу. Новотный выражал раздражение тем, что Польша резко сократила поставки угля в Чехословакию. В. Ульбрихт предупредил, что надо проявлять осторожность в отношении Польши, так как там «открывают двери для буржуазной идеологии». Лю Шаоци одобрил действия СССР в отношении Польши и счел пребывание Рокоссовского в этой стране «узловым моментом».

Тем временем в ночь с 23 на 24 октября на экстренном заседании ЦК ВПТ было принято решение назначить Имре Надя премьер-министром страны. 24 октября в Будапешт вошли советские танки. Правительство Надя заявило, что «вчерашняя молодежная демонстрация превратилась в контрреволюционную провокацию», что оно «просит советские войска в интересах безопасности поддержать меры по подавлению кровавого нападения. Советские бойцы рискуют жизнью, чтобы защитить жизнь мирного населения. После восстановления порядка советские войска вернутся в свои казармы. Рабочие Будапешта! Встречайте с любовью наших друзей и союзников!». Однако вооруженное сопротивление советским войскам не прекращалось. В ходе боев было убито около 600 венгров и около 350 советских солдат. Прибывшие в Будапешт Микоян и Суслов сообщали в Москву, что правительство Венгрии не контролирует положение. Отовсюду стали поступать сообщения о расправах над членами правящей партии и работниками венгерской службы государственной безопасности (АВО).

25 октября Герэ ущел в отставку с поста первого секретаря ВПТ. Его место занял недавно введенный в руководство партии и освобожденный из заключения Янош Кадар. В своем выступлении в тот же день Кадар призвал рабочих и коммунистов к защите государственного строя. Президиум Венгерской Народной Республики объявил амнистию тем, кто сложил оружие, но никто из повстанцев не стал этого делать.

В Москве росла обеспокоенность положением в Венгрии. 26 октября на заседании Президиума ЦК Булганин заявил, что «Микоян занимает неправильную позицию, неопределенную, не помогает руководителям покончить с двойственностью». Его поддержали Молотов и Каганович. Последний предложил «создать Военно-Революционный комитет», который бы занял место правительства. Маленков: «Ввели войска, а противник начал оправляться». Жуков: «Т. Микоян неправильно действует, толкает на капитуляцию». Осудили поведение Микояна Шепилов и Фурцева. Хрущев присоединился к мнению большинства, заявив: «Т. Микоян занял позицию невмешательства, а там наши войска. Новый этап – не согласны с правительством. Послать подкрепление – Молотова, Жукова, Маленкова. Лететь тт. Молотову, Маленкову, Жукову». Хотя это решение не было реализовано, оно свидетельствовало о поражении Хрущева. После того как Хрущев в течение двух лет доказывал некомпетентность Молотова и Маленкова в вопросах государственного управления, он был вынужден обратиться к ним за помощью в минуту острого международного кризиса и признать беспомощность своего союзника – Микояна.

Тем временем 27 октября Имре Надь ввел в состав правительства Золтана Тильди и Белу Ковача, руководителей еще недавно запрещенных партий. Вечером 28 октября Имре Надь заявил о переоценке характера восстания. Теперь восстание было объявлено не контрреволюционным, а народным. Он заявил, что правительственные войска прекращают огонь против повстанцев, а правительство начинает вести переговоры с СССР о выводе советских войск. Нападения на коммунистов и сотрудников АВО учащались. В этот день в Президиуме ЦК Хрущев признал: «Положение осложняется. Настроение Кадара – повести переговоры с очагами сопротивления». Молотов: «Дело идет к капитуляции. Микоян успокаивает». Каганович: «Активизируется контрреволюция». Ворошилов: «Американская агентура действует активнее, чем тт. Суслов и Микоян». Хрущев: «Говорить с Кадаром и Надем… Огонь прекращаем».

В этой обстановке было решено принять декларацию правительства СССР «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами». В декларации провозглашалось намерение правительства СССР строить свои отношения с другими социалистическими странами Европы на основе соблюдения принципа национального суверенитета, взаимной выгоды и равноправия

в экономических отношениях. Одновременно в декларации давалась оценка событий в Венгрии. С одной стороны, указывалось, что «трудящиеся Венгрии… справедливо ставят вопрос о необходимости устранения серьезных недостатков в области экономического строительства, о дальнейшем повышении материального благосостояния населения, о борьбе с бюрократическими извращениями в государственном аппарате». С другой стороны, говорилось: «Однако к этому справедливому и прогрессивному движению трудящихся вскоре примкнули силы черной реакции и контрреволюции, которые пытаются использовать недовольство части трудящихся для того, чтобы подорвать основы народно-демократического строя в Венгрии и восстановить в ней старые помещичье-капиталистические порядки».

Противоречивой была и оценка участия советских войск в этих событиях. С одной стороны, в декларации говорилось, что «по просьбе Венгерского народного правительства Советское правительство дало согласие на ввод в Будапешт советских вооруженных частей, чтобы помочь Венгерской народной армии и венгерским органам власти навести порядок в городе». С другой стороны, выражалось сожаление по поводу того, что «развитие событий в Венгрии привело к кровопролитию… Имея в виду, что дальнейшее нахождение советских воинских частей в Венгрии может служить поводом для еще большего обострения обстановки, Советское правительство дало своему военному командованию указание вывести советские воинские части из города Будапешта, как только это будет признано необходимым Венгерским правительством».

30 октября декларация была опубликована в советской печати. В этот день Жуков сообщал членам Президиума ЦК, что в районе Вены сосредоточены военно-транспортные самолеты, готовые лететь в Будапешт. «Надь ведет двойную игру», – говорил маршал. На заседании выступил Лю Шаоци, призвавший СССР не выводить войска из Будапешта и Венгрии. Хрущев говорил: «Два пути. Военный – путь оккупации. Мирный – вывод войск». Путь оккупации представлялся невозможным, а поэтому было решено выводить войска из Будапешта.

Решение о выводе советских войск лишь вдохновило повстанцев и контрреволюционную эмиграцию. 30 октября через границу с Австрией в Венгрию стали переходить бывшие офицеры хортистской армии, члены фашистской партии «Скрещенные стрелы». 30 октября начались погромы партийных комитетов. В листовках, расклеенных на стенах домов, содержались призывы помечать квартиры коммунистов и работников АВО особыми знаками. Многочисленные очевидцы, в том числе американские корреспонденты, сообщали о том, как схваченных людей забивали насмерть или вешали на деревьях на улицах Будапешта и других венгерских городов. Венгерские власти утратили контроль за положением в стране, погружавшейся в хаос и анархию. 31 октября Имре Надь объявил, что Венгрия должна стать нейтральным государством.

В ночь с 30 на 31 октября Хрущев вместе с Маленковым и Молотовым встретился с Гомулкой в районе Бреста. Стремясь избежать советского вмешательства в дела Польши, польский руководитель постарался продемонстрировать свою лояльность и пообещал поддержать действия СССР в Венгрии, в том числе самые жесткие. Видимо, под влиянием общения с Гомулкой, Молотовым и Маленковым на заседании Президиума ЦК 31 октября Хрущев решил пересмотреть вчерашнее решение: «Проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов. Они поймут нашу слабость и будут наступать… Нас не поймет наша партия. Выбора у нас другого нет. Если находит эта точка зрения поддержку, тогда продумать, как действовать». Поддержав это предложение, Молотов заметил: «Вчера было половинчатое решение». За ввод войск выступили также Жуков, Булганин, Каганович, Ворошилов, Сабуров. Было решено создать «Временное революционное правительство». Руководителем правительства было решено поставить Ф. Мюнниха. «Если Надь согласится, делать его замом. Мюнних обращается к нам с просьбой о помощи, мы оказываем помощь и наводим порядок. Переговоры с Тито. Проинформировать китайских товарищей, чехов, румын, болгар. Большой войны не будет… Направить в Югославию Хрущева и Маленкова».

31 октября Хрущев и Маленков вылетели в Бухарест, чтобы проинформировать руководителей Румынии и прибывших туда руководителей Чехословакии, а затем в Софию для

встречи с руководством Болгарии.

1 ноября состоялось заседание Президиума ЦК без участия Хрущева и Маленкова. На нем присутствовали Микоян и Суслов, прибывшие из Венгрии. Микоян заявлял: «Требование вывода войск стало всеобщим. В нынешних условиях лучше теперь поддерживать существующее правительство. Силой сейчас ничего не поможет. Вступить в переговоры. Подождать 10–15 дней». Суслов сокрущался, что «только с помощью оккупации можно иметь правительство, поддерживающее нас». Им возражал Жуков: «Нет оснований, чтобы пересматривать решение от 31 октября. Не согласен с Микояном, что надо поддерживать нынешнее правительство». Его поддержал Шепилов: «Если не вступить на решительный путь, тогда распадется дело и в Чехословакии. Восстановить порядок силой».

2 ноября в заседаниях Президиума ЦК приняли участие руководители венгерских коммунистов Кадар, Мюнних, Бата. Кадар был против ввода советских войск: «Военными силами держать Венгрию… Но тогда будут стычки. Военной силой разгромить, пролить кровь… Моральное положение будет сведено к нулю. Социалистические страны понесут урон». Лишь Бата заявлял решительно: «Надо военной диктатурой навести порядок». На другой день, 3 ноября, Кадар опять был полон сомнений: «Отдать социалистическую страну контрреволюционным силам невозможно. Но… весь народ участвует в движении». Кадар явно не собирался возглавлять правительство, готовое позвать советские войска. О полной неразберихе в эти дни вспоминал на июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС А.И. Микоян: «Завтра, 4 ноября, наши войска должны начать выступление по всей Венгрии, а сегодня вечером еще неизвестно, кто будет во главе нового правительства Венгрии, по призыву и в поддержку которого наши войска вступают».

Тем временем Хрущев и Маленков прибыли в Югославию, хотя она и не входила в Варшавский договор. Это лишний раз свидетельствовало о преувеличенном внимании Хрущева к мнению Тито. Хрущев и Маленков прибыли в резиденцию Тито на острове Брионии инкогнито. Встреча с Тито происходила в ночь с 19.00 2 ноября до 5 часов утра 3 ноября. Выразив озабоченность ходом событий, Тито высказался за то, чтобы «провести политическую подготовку, попытаться спасти то, что можно спасти, сформировать или провозгласить что-то вроде революционного правительства, состоящего из венгров, которое обратилось бы к народу со своей программой». Судя по всему Хрущев был явно растерян. По свидетельству Мичуновича, он говорил: «Люди будут говорить, что, пока был Сталин, все слушались, не было никаких потрясений, а сейчас, после того, как «они» пришли к власти, Россия потерпела поражение и потеряла Венгрию». По словам Мичуновича, «Н.С. Хрущев условился с И. Тито, что югославская сторона попытается выяснить, можно ли что-либо сделать через И. Надя, чтобы уменьшить жертвы и предотвратить кровопролитие». Хрущев не уведомил Тито о том, что советские войска уже были готовы к новому штурму Будапешта.

В это же время, 2 и 3 ноября, в Венгрию из Австрии прибыло свыше 100 самолетов с боеприпасами для восставших. Позже сообщали, что в Венгрию проникло около 60 тысяч сторонников хортистского режима. Западногерманская газета «Ди Вельт» сообщала: «На горе Геллерт были захвачены сотрудники службы безопасности. Сотни их были убиты в других районах города. Их топили десятками в подземных галереях, где они пытались спрятаться. В другом месте сорок сотрудников АВО были заживо замурованы в таких галереях». В своем интервью газете «Джорнале д'Италиа» Имре Надь заявил, что Венгрия ведет переговоры о выходе из Варшавского договора и скоро «будет управляться как страна западной демократии».

Однако ситуация резко изменилась через несколько часов. Утром 4 ноября 1956 года в Будапешт и другие крупные города Венгрии вступили советские войска. По радио передавали обращение только что сформированного Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства во главе с Яношем Кадаром. В нем говорилось, что «социалистические силы народной Венгрии вместе с частями Советской Армии, которую призвало на помощь Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство Венгрии, самоотверженно выполнили свою задачу».

Подавление венгерского восстания советскими войсками вызвало немедленные ответные действия стран Запада. По их настоянию 4 ноября 1956 года была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения «венгерского вопроса». В тот же день президент

США Д. Эйзенхауэр направил Н.А. Булганину послание, в котором выражал надежду, что представитель СССР «будет в состоянии объявить сегодня на этой сессии, что Советский Союз готовится вывести свои войска из этой страны и позволит венгерскому народу воспользоваться правом иметь правительство по своему выбору». Фактически президент США предъявлял нашей стране ультиматум, требуя вывода советских войск из Венгрии в ближайшие часы. Не известно, как бы пошли события, если бы США в это время не были заняты президентскими выборами. Америка не была готова воевать из-за Венгрии, так как вовлечение США в вооруженный конфликт в центре Европы могло бы уменьшить число голосов, поданных за Эйзенхауэра. В то же время вскоре после подавления венгерского восстания советскими войсками многие в США стали обвинять правительство Эйзенхауэра в нерешительности и в том, что оно бросило «борцов за свободу» на произвол судьбы.

О размахе антисоветских настроений в эти дни свидетельствовали демонстрации перед посольствами СССР в различных столицах мира, сопровождавшиеся нападениями на посольские здания. Действия СССР были безоговорочно одобрены лишь странами Варшавского договора, а также Китаем и другими социалистическими странами Азии. Однако Югославия, мнение которой так ценил Хрущев, не поддержала полностью действий СССР. Хотя в своем выступлении 11 ноября в городе Пула Тито заявил, что «советское вмешательство было необходимо», поскольку стало ясно, что «с социализмом может быть покончено и дело может обернуться мировой войной», он тут же оговорился: «Мы никогда не советовали им (советскому правительству) прибегать к помощи армии». Более того, Тито выражал восхищение венгерскими «борцами за свободу»: «Вот, посмотрите, как народ с голыми руками, плохо вооруженный, оказывает сильнейшее сопротивление, если перед ним одна цель – освободиться и быть независимым».

Последствия событий в Венгрии стали долгими и тяжелыми для СССР. «Венгерский вопрос» в течение многих лет ставился в повестку дня в ООН и в других международных организациях. В ходе таких обсуждений Советский Союз осуждали за вмешательство во внутренние дела Венгрии и требовали вывода советских войск из этой страны.

Возможно, что реакция Запада на действия СССР в Венгрии была бы более резкой, если бы в эти же дни не происходил другой международный кризис, который привлек внимание мирового общественного мнения. 29 октября 1956 года войска Израиля пересекли границу с Египтом, а 31 октября их поддержали Великобритания и Франция военно-воздущными и военно-морскими силами, которые захватили зону Суэцкого канала. 5 ноября на заседании Президиума ЦК Хрущев предложил: «Ультиматум поставить. Объявить агрессором. Призвать страны оказать помощь Египту». В тот же день советское правительство заявило о готовности применить силу для отражения агрессии трех стран против Египта. Казалось, что мир неожиданно оказался на грани мировой войны.

Словно в ответ на демонстрации перед советскими посольствами в знак протеста против действий СССР в Венгрии, советские власти по решению Президиума ЦК от 4 ноября разрешили впервые за многие годы проведение студенческих демонстраций перед посольствами Израиля, Великобритания и Франции. К этому времени студенчество еще не пришло в себя после доклада Хрущева, а теперь было до крайней степени возбуждено противоречивыми сообщениями о событиях в Польше и Венгрии. Эмоциям, накопившимся в ходе бурных и противоречивых событий 1956 года, был дан выход. Я помню, с каким рвением мы, московские студенты, смастерив самодельные плакаты, кричали перед посольствами трех стран и грозили кулаками зарубежным корреспондентам, которые нас снимали на пленку.

Однако агрессия против Египта длилась недолго. Действия Великобритании, Франции и Израиля не были согласованы с США, которые не были заинтересованы в разжигании войны на Ближнем Востоке. 7 ноября три страны прекратили военные действия в Египте. Генеральная Ассамблея ООН в трех резолюциях осудила агрессию трех стран и потребовала вывода их войск.

Правда, войска трех стран не спешили уходить из Египта, продолжая удерживать в своих руках Синайский полуостров и Суэцкий канал. 11 ноября ТАСС сообщило, что «руководящие круги Советского Союза считают, что соответствующие советские органы не будут препятствовать выезду советских граждан-добровольцев, пожелавших принять участие в

борьбе египетского народа за независимость, если Англия, Франция и Израиль не прекратят агрессию, и, вопреки решениям ООН, не выведут свои войска из Египта». Создавалось впечатление, что СССР может втянуться в войну на Ближнем Востоке.

На деле СССР не был готов к таким действиям, но агрессия трех стран позволила советскому правительству несколько отвлечь внимание от событий в Венгрии. Во всяком случае Хрущев попытался на сопоставлении этих двух международных кризисов 1956 года говорить о двойных стандартах Запада. В своем выступлении 18 ноября на приеме по случаю прибытия польской партийно-правительственной делегации во главе с Циранкевичем и Гомулкой (которого он месяц назад именовал «предателем»), Хрущев заявил: «Когда представители буржуазного мира говорят о венгерских событиях, они употребляют различные страшные слова о "советской агрессии", о "вмешательстве во внутренние дела других стран" и тому подобное. Но когда речь заходит об агрессии колонизаторов против Египта, то это, по их утверждению, оказывается не война, а всего лишь невинные "полицейские мероприятия" с целью наведения порядка в этой стране… Но теперь уже не те времена, когда колонизаторы могли навязывать свою волю народам». Дав волю своим эмоциям, Хрущев кричал на послов Великобритании и Франции, присутствовавших на этом приеме: «Вы попали в дурацкое положение!» Тут Хрущев вспомнил пророчество Карла Маркса и Фридриха Энгельса о том, что пролетариат будет могильщиком капитализма и бросил в зал свою знаменитую фразу: «Да, мы вас похороним!», что прозвучало в английском переводе как «Well bury you!», то есть «Мы вас закопаем!»

Такая бравада позволяла Хрущеву изображать себя победителем венгерской контрреволюции и англо-франко-израильских агрессоров. По словам Мичуновича, 7 ноября Хрущев на приеме по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции излучал бодрость. Однако через пять дней в ходе продолжительной беседы с Мичуновичем Хрущев признался: «Есть среди нас люди, которые считают, что решения XX съезда вызвали все то, что сейчас произошло». Эта встреча с послом Югославии состоялась после выступления Тито в городе Пула, в котором он фактически осудил действия СССР в Венгрии. После этого выступления наступило новое охлаждение в советско-югославских отношениях. Попытки Хрущева вернуть Югославию в советский блок пошли насмарку.

К концу 1956 года усилия СССР по разрядке международной напряженности, предпринимавшиеся с начала 1955 года, зашли в тупик. Положения, выдвинутые Хрущевым на XX съезде об отсутствии фатальной неизбежности войны, казались опровергнутыми после того, как осенью 1956 года мир оказался на грани мировой войны. От «духа Женевы» не осталось и следа. Расчеты Хрущева на то, что его отречение от сталинского периода в советской истории усилит доверие к нему и его политике, не оправдались. Престиж СССР сильно упал во многих странах мира, за исключением, пожалуй, арабских.

Для значительной части общественного мнения Запада действия СССР в Венгрии, заявления Хрущева в адрес Великобритании, Франции и Израиля свидетельствовали о том, что Советский Союз представляет собой угрозу безопасности и свободе народов мира. Для советских людей и друзей СССР во всем мире сумбурные, противоречивые действия Хрущева свидетельствовали о его ненадежности как государственного деятеля. Для многих людей становилось ясно, что гибель венгров и советских людей в Венгрии – это прямое следствие доклада Хрущева и его взбалмошных, непродуманных действий.

Следствием же волнений в Венгрии и Польше стали усилия СССР по оказанию срочной экономической помощи этим странам.

По оценке советолога Э. Крэнкшоу, на эти цели было выделено не менее миллиарда долларов. При этом на такую же сумму была сокращена советская помощь Китаю, что не могло не вызвать раздражения правительства этой страны. В середине 1957 года руководители Китая объявили о необходимости «полагаться на собственные силы», не рассчитывая на помощь иностранных держав. И в этом также проявлялись последствия доклада Хрущева.

Попытки Хрущева использовать антисталинский доклад для укрепления своих позиций в руководстве страны также провалились. Демонстрируя собственную беспомощность в трудные дни кризисов в Польше и Венгрии, Хрущев обратился за поддержкой к своим главным оппонентам – Молотову, Маленкову и Кагановичу. Во время торжественного собрания в

Большом театре, посвященного 39-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Молотов и Маленков стояли в центре президиума вместе с Хрущевым и Булганиным. 20 ноября Молотов был назначен министром государственного контроля СССР.

Вскоре Хрущев начал фактически отрекаться от положений антисталинского доклада. Во время приема в китайском посольстве в честь Чжоу Эньлая 17 января 1957 года Хрущев заявил: «В последнее время на Западе нас обвиняют в том, что мы «сталинисты». В ответ на это мы уже не раз заявляли, что в нашем понимании «сталинист», как и сам Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста. Мы критиковали Сталина не за то, что он был плохим коммунистом. Мы критиковали за некоторые отклонения, отрицательные качества и ошибки Сталина… Но, даже совершая ошибки, нарущения законности, Сталин был глубоко убежден в том, что он делает это в интересах защиты завоеваний революции, дела социализма. В этом состояла трагедия Сталина. В основном же, в главном, – а основное и главное для марксистов-ленинцев это защита интересов рабочего класса, дела социализма, борьба с врагами марксизма-ленинизма, – в этом основном и главном, как говорится, дай Бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин. (Бурные аплодисменты.)»

«Противники коммунизма нарочито изобрели слово «сталинист» и пытаются сделать его ругательным. Для всех нас, марксистов-ленинцев, посвятивших свою жизнь революционной борьбе за интересы рабочего класса и его боевого авангарда – ленинской партии, имя Сталина неотделимо от марксизма-ленинизма. Поэтому каждый из нас, членов Коммунистической партии Советского Союза, хочет быть верным делу марксизма-ленинизма, делу борьбы за интересы рабочего класса, так как был верен этому делу Сталин. (Аплодисменты.)»

«Враги коммунизма пытались ухватиться за нашу критику недостатков и ошибок Сталина, использовать эту критику в своих целях. Они хотели направить критику культа личности Сталина против основ нашего строя, против основ марксизма-ленинизма, но из этого ничего не вышло и не выйдет, господа! Вам не удастся сделать этого, как не удастся увидеть без зеркала ваших ущей! (Аплодисменты.)» Таким образом, Хрущев с опозданием «уравновесил» свою критику Сталина признанием его заслуг, как того и требовали Молотов, Каганович и Ворошилов до зачтения им антисталинского доклада.

О том, что это заявление Хрущева не было лишь данью вежливости Чжоу Эньлая, недовольного кампанией против Сталина, свидетельствовало выступление Хрущева в болгарском посольстве в Москве 18 февраля 1957 года. Опять сказав немного об «ошибках и извращениях, которые связаны с культом личности Сталина», Хрущев заявил: «Сталин, с которым мы работали, был выдающимся революционером. Идя по ленинскому пути, партия разгромила врагов социализма, сплотила весь наш народ и создала могучее социалистическое государство. Советский народ в тяжелой борьбе разгромил гитлеровский фашизм и спас народы от угрозы фашистского порабощения. Эта великая победа была достигнута под руководством нашей партии и ее Центрального Комитета, во главе которого стоял товарищ Сталин. (Аплодисменты.) Сталин преданно служил интересам рабочего класса, делу марксизма-ленинизма, и мы Сталина врагам не отдадим. (Аплодисменты.)»

Через год после своего доклада, в котором Хрущев доказывал, какой вред нанес Сталин стране, он напоминал о выдающейся роли Сталина в советской и мировой истории и ставил его деятельность в пример коммунистам. Создавалось впечатление, что Хрущев был не рад последствиям своего доклада. В своих мемуарах Хрущев писал: «Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в их числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться… Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, неугодных с точки зрения руководства. Не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути». Видимо, эти настроения были особенно характерны для Хрущева в конце 1956 года и начале 1957 года.

К этому времени банкротство Хрущева как политика было очевидным, и в стране снова поползли слухи о том, что скоро его назначат министром сельского хозяйства, а пост Первого секретаря будет занят другим человеком или вообще ликвидирован.

Глава 4

БУНТ ПРОТИВ СМУТЬЯНА

В конце 1956 года стало ясно, что дела идут плохо не только на международной арене, но и внутри страны. В стране проявлялись оппозиционные настроения, которые были схожи с теми, что привели к волнениям в Польше и восстанию в Венгрии. 4 ноября, в день, когда советские войска вошли в Будапешт, на Президиуме ЦК обсуждался вопрос «Об очищении вузов от нездоровых элементов». При этом Фурцевой, Поспелову, Шелепину, а также министру высшего образования В.П. Елютину поручалось внести соответствующие предложения. 6 декабря 1956 года был подготовлен проект письма ЦК КПСС ко всем партийным организациям о мерах по пресечению имеющих место вылазок антисоветских и враждебных элементов. Было решено также разработать закон о борьбе с «антисоветчиками». Вскоре несколько сотен человек были арестованы по обвинению в подрывной деятельности. В закрытом письме ЦК от 19 декабря 1956 года содержался призыв покончить с враждебной шумихой и безжалостно «пресекать преступные действия».

Правда, антисоветские настроения не носили массового характера. Этому способствовало и то обстоятельство, что на протяжении 1956 года был принят ряд популярных мер, направленных на улучшение социального положения ряда категорий населения: сокращен рабочий день в предпраздничные и предвыходные дни на два часа, введена укороченная рабочая неделя для подростков от 16 до 18 лет, увеличены отпуска по беременности, был принят закон о пенсиях. Судя по воспоминаниям Кагановича, осуществление этих социальных программ потребовало непредвиденных расходов, что вызвало раздражение Хрущева. «При обмене мнениями в Президиуме, – вспоминал Каганович, – Хрущев набросился на меня за предложенные слишком большие, по его мнению, ставки пенсий. Я ожидал возражения со стороны Министерства финансов, но никак не думал, что встречу такое нападение со стороны Хрущева, который всегда демонстрировал свое «человеколюбие», или точнее, "рабочелюбие"». В конечном счете был принят компромиссный вариант.

Однако льготы различным категориям населения не сопровождались обычным в послевоенные годы снижением цен, от которого выигрывало все население страны. Сокращение расходов на снижение цен объяснялось прежде всего тем, что план на 1956 год не был выполнен. На состоявшемся в декабре пленуме ЦК КПСС была признана необходимость снизить показатели пятилетнего плана, принятого в начале 1956 года, из-за невозможности их выполнения. О финансовых трудностях свидетельствовало принятое в марте по инициативе Хрущева решение отказаться на 15–20 лет от выплат населению по государственным займам. 19 марта 1957 года на заседании Президиума ЦК Хрущев предложил, чтобы было принято обращение от рабочих крупных предприятий об отказе от выплат по займам. Так и было сделано.

В поисках способа активизировать рост производства Хрущев решил возродить существовавшие в первые десятилетия советской власти местные совнархозы, которые бы стали управлять хозяйством. Своими мыслями Хрущев поделился с председателем Госплана СССР Байбаковым в конце 1956 года. Байбаков возражал: «Нельзя ликвидировать министерства топливо-энергетические, оборонной промышленности, транспорта, сырьевые и машиностроительные. А если нужно проверить целесообразность создания совнархозов, то лучше начать с отраслей, производящих товары народного потребления и продовольствие, то есть местной и пищевой промышленности… Если мы ликвидируем министерства, то потеряем бразды правления в экономике… не будет управления отраслями, развалим хозяйство, разбалансируем экономику». Хрущев отвечал: «Вы – ведомственник, привыкли руководить через министерства, не считаясь с мнением республик и областей. А им виднее». По словам Байбакова, «Хрущев явно нервничал, он не любил, чтобы его излюбленным планам перечили, но дело шло о главном: о всем всесоюзном хозяйстве, и я продолжал объяснять, что ведомственность в этом случае сменится местничеством и неизвестно, что лучше. У Первого (так звали в ЦК Хрущева) явно не было никакого желания выслушивать мои доводы, и наш разговор закончился ничем».

Хрущев внес на рассмотрение заседания Президиума ЦК 28 января 1957 года свою записку «Об улучшении организации руководства и строительством». Хрущев предложил

превратить Государственную комиссию по экономике в передаточное звено. Хотя за Госпланом оставалась разработка долгосрочных планов, реальный контроль за производством переходил к совнархозам. Байбаков вспоминал: «Хрущев… оправдывал введение совнархозов, как возврат к экономической политике, проводимой Лениным. Когда же началось обсуждение доклада, я выступил с предложением об организации Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). Я понимал, что вопрос о совнархозах решен, возражать бесполезно и предложил создать орган, который решал бы централизованно важнейшие вопросы развития народного хозяйства, находящиеся ранее в ведении министерств. Но мои соображения так и не учли».

Против предложений Хрущева возражал на заседании Президиума ЦК М.Г. Первухин, назначенный 25 декабря 1956 года председателем Государственной экономической комиссии СССР. Он заявил, что является сторонником «крупных министерств. Что такое министерства? Это – крупные фирмы. Преимущества есть – в концентрации, и централизации, и специализации. Этот плюс мы теряем при территориальном управлении. Есть отрасли хозяйства, которые не могут быть разъединены». Идеи Первухина разделял Молотов. Решительно осудил предложения Хрущева и Ворошилов, заявивший: «У нас единое государство. В раздроблении видеть спасение – неправильно». Он призвал «изучить хорошенько, рискуем иначе». Предложил «не спешить» Сабуров. Зато предложения Хрущева поддержали Булганин, Брежнев, Беляев, Суслов, Фурцева, Шверник. Энергично поддержав Хрущева, Аристов заявил: «Мы даже не представляем, какие выгоды принесет эта перестройка!» Защищая свои предложения, Хрущев говорил: «В реорганизации я вижу не спад, а прилив крови».

Свои предложения Хрущев вынес на рассмотрение февральского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. Джерри Хаф ставил вопрос: «Почему Хрущев решил бросить вызов своим оппонентам в феврале, но не захотел делать этого в декабре?» Хотя наверняка ответить нельзя, но некоторые соображения кажутся уместными. К февралю волнения в странах-сателлитах (так в США было принято называть европейские социалистические страны. – *Прим. авт.)* волнения были прекращены и перестали создавать опасную ситуацию. Обильный урожай на целине служил оправданием сельскохозяйственной программы Хрущева. Возможно, что решимость Хрущева действовать объяснялась его уверенностью в том, что теперь он придумал программу, которая может сплотить Центральный комитет вокруг него. В составе ЦК было всего 19 промышленных администраторов. В то же время членами ЦК были 70 республиканских государственных и партийных руководителей, а также секретарей областных комитетов – то есть 53 процента из лиц, имевших право решающего голоса. Эти люди непосредственно выиграли бы от реорганизации системы управления». Возможно и то, что, оказавшись вынужденным опереться на Молотова и Маленкова в дни острых международных кризисов, Хрущев заметно ослабил свои позиции. Теперь он хотел взять реванш за свое отступление, опираясь на поддержку местных партийных руководителей.

Отметив позитивные стороны хрущевских предложений, Таубмэн в то же время обратил внимание на их политиканскую подоплеку: «Местные партийные руководители, которые стали бы господствовать в местных совнархозах, были теми людьми, на кого он опирался в Центральном комитете. В то же время министры и плановики, которых бы сослали в провинцию… были союзниками его критиков. Хотя центральные министерства ставили свои ведомственные интересы выше интересов территорий, на которых были размещены их заводы, новая система поощряла местничество и игнорировала всесоюзные интересы. Если бы вопрос касался лишь одной экономики, Хрущев может быть бы постепенно осуществлял свои предложения, но так как реформа была политической и поскольку он в любом случае не был в состоянии себя сдерживать, он не стал ждать… Учитывая колоссальный характер перемен, реформа была проведена почти моментально».

Хотя на пленуме окончательных решений принято не было, Хрущев развернул пропаганду своих предложений, выступая в различных городах страны. В печати была организована дискуссия. Но ее итог был заранее предрешен, после того, как стало ясно, чем оборачиваются выступления против предложенной реформы.

В ходе дискуссии Молотов подготовил записку с возражениями против намеченных преобразований. И тут же был подвергнут нападкам со стороны большинства участников

заседания Президиума ЦК. Брежнев утверждал, что «если пойти по пути, который тт. Молотов и Байбаков предлагают, – в тупик зайдем». Фурцева сетовала, что «всякий раз какое-то особое мнение у Молотова. Тяжелый осадок остается». Суслов: «Сам факт подачи записки т. Молотова вызывает партийный протест. Нелояльно». Осудили записку Молотова Маленков, Козлов, Кириченко, Аристов, Поспелов, Шверник, Шепилов, Беляев. Даже Первухин, который был против реформы, осудил Молотова. Лишь Ворошилов и Каганович защищали Молотова. Хрущев увидел в записке Молотова политический проступок. Он заявил: «Молотов… не верит в это дело. Молотов совершенно не связан с жизнью. По целине – не согласен, по внешней политике – не согласен, эта записка – не согласен. На пленуме не выступал – наверное тоже был против. Сейчас предлагает комиссию – тоже, чтобы оттянуть. Не всегда Молотов был нетороплив. Торопил в период коллективизации, торопил, когда группу генералов репрессировал». Было совершенно очевидно, что Хрущев возобновлял наступление против своего главного оппонента, прерванное событиями в Польше и Венгрии. Хрущев предложил «осудить» Молотова и «указать: неуважение к коллективу».

За свою сдержанную критику реформы Байбаков был тут же понижен в должности: с поста председателя Госплана СССР он был переведен на пост председателя Госплана РСФСР. Его место занял И.И. Кузьмин, который, по словам Д. Хафа, «был одним из довольно скромных подчиненных Хрущева в аппарате Центрального комитета… возглавляя отдел машиностроения». Байбаков был далеко не единственным, которого сняли за несогласие с Хрущевым. Шепилов вспоминал: «Помню, выступал как-то на Политбюро (Президиуме. – *Прим. авт.)* Тевосян Иван, образованный человек, великолепный инженер, министр черной металлургии… Хрущев так грубо с ним обошелся, лез, ничего не понимая… А Тевосян работал у Круппа, и он сказал Хрущеву: «Ты в этом деле ничего не понимаешь и не лезь!» Через три дня Хрущев снял Тевосяна». Получалось, что Хрущев устранял одного за другим «сталинских наркомов», более образованных и более компетентных.

Расправы Хрущева за малейшую критику его взглядов показывают абсурдность представлений о Хрущеве как о «великом демократе». Хрущев подавлял малейшую попытку выразить несогласие с его мнением. Поэтому, когда 6 апреля Президиум ЦК стал обсуждать вопрос о присвоении Н.С. Хрущеву второго звания Героя Социалистического Труда, то, несмотря на ворчливые замечания Молотова («Надо подумать. Он недавно награждался») и Кагановича («У нас нет культа личности и не надо давать повода. Поговорить с Хрущевым»), соответствующее решение было единодушно принято. В ответ за ворчание Молотова и Кагановича Хрущев решил снова использовать тему репрессий. 27 апреля на заседании Президиума ЦК были поставлены вопросы о реабилитации бывшего директора завода «Красное Сормово» Е.Э. Рубинчика, а также военачальников М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича. Хрущев напомнил, что в «деле Рубинчика» «неблаговидную роль играл мой друг Георгий Маленков». Говоря же о реабилитируемых военачальниках, Хрущев заметил: «Пусть старые члены Политбюро скажут, как они решали вопрос о привлечении Якира, как готовился этот первый шаг». Каганович не нашелся, что ответить и сказал: «Так вот и решали».

10 мая 1957 года Верховный Совет СССР одобрил предложения Хрущева о реорганизации системы управления хозяйством. Байбаков констатировал: «Министерства, кроме оборонных и путей сообщения, ликвидировали. Так произошел переход от отраслевого принципа управления к территориальному. Так был нанесен стране, ее экономике первый, тяжелый удар». На своем новом посту Байбаков смог убедиться в том, что в ходе реорганизации системы управления «выявились серьезные недостатки: управление промышленностью раздробилось, нарушились хозяйственные связи между районами страны, усилились местнические настроения в республиках… В июне 1957 года А.Ф. Засядько, заведующий топливным отделом Госплана, представил в правительство записку о своей поездке в Донбасс. В записке был специальный раздел «о борьбе с местничеством», о невыполнении совнархозами обязательств по поставкам оборудования. И все это подтверждалось фактами нарушения плановой дисциплины, под видом «местных интересов». Некоторые совнархозы произвольно уменьшали выпуск своей продукции, как, например, Новосибирский совнархоз, резко снизивший производство дефицитного литейного оборудования».

Байбаков вспоминал: «В своей записке о фактах местничества и других недостатках в

работе совнархозов, направленной в Совмин РСФСР, специалисты Госплана писали, что новые организации – карликовые, нередко дублируют друг друга, есть тенденция в хозяйствах к самоизоляции, что зачастую местные совнархозы сокращают выпуск продукции, которую они поставляют в другие экономические районы (говоря сегодняшним языком, шла уродливая экономическая "суверенизация")».

Самонадеянность Хрущева усиливалась с каждым днем. Он решил, что экономика СССР достаточно крепка, чтобы бросить вызов американскому доллару. Шепилов вспоминал: «На одном заседании Президиума Хрущев говорит: "Слущайте, почему это наш рубль хуже доллара? Что это такое? Надо, чтоб напечатали рубль немного большего размера". Шепилов ответил: "Да разве в этом дело?" – "Напечатать золотом – золото у нас есть? Есть!" – не унимается Хрущев. Молчание. Что скажешь? Я тогда беру слово: "Для того, чтобы решить этот вопрос – переплюнуть доллар, – нужно в два-три раза повысить производительность труда во всем народном хозяйстве!" – то, что я студентам говорил в своей лекции. Он слущал. Хмурился. Я говорю: "Прошу снять этот вопрос. Я подберу группу ученых, мы изучим мировую практику. Дайте мне месячный срок. Я взял академика Трахтенберга, собрал весь цвет. Мы сидим, как проклятые, я представил доклад, что денежное обращение наше хорошее, рубль устойчивый… Сейчас реформа не нужна". И он посчитался».

Тогда Хрущев решил «обогнать Америку» в другой области. Менее чем через две недели после того, как Верховный Совет СССР одобрил его реформу управления экономикой, Хрущев, выступая на Ленинградском совещании работников сельского хозяйства 22 мая 1957 года, провозгласил задачу: «Догнать и перегнать США в 1960 году по производству мяса, масла и молока!» Постановка этой задачи не была согласована с членами Президиума ЦК. К этому времени Хрущев, по словам Кагановича, «начал вести себя так, как поется в украинской песне: "Сам пою, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю. Сам!"» Показателем того, что Хрущев подчеркивал свое главенствующее положение, стало его постоянное председательствование на заседаниях Президиума. Еще со времен Ленина возникла традиция, что председательствующим на заседаниях Политбюро был руководитель советского правительства. Сначала эту роль исполнял Ленин, затем – Рыков, затем – Молотов, после мая 1941 года – Сталин. После смерти Сталина председательствовал на заседаниях Президиума Маленков. Однако после отставки Маленкова роль председательствующего стал постоянно исполнять не Булганин, а Хрущев. Каганович вспоминал: «Почувствовав себя «вождем», он, во-первых, перестал готовить вопросы к заседаниям Президиума. Коллективность в руководстве была грубо нарущена, а главное – это приводило к грубым ошибкам в существе политического и экономического руководства». По словам Кагановича, «Хрущев «разошелся» и начал давать интервью иностранцам без предварительного согласования с Политбюро (Президиумом ЦК. – *Прим. авт.),* то есть нарушая установившийся тогда порядок. Вдруг, например, Политбюро узнает, что Хрущев выступил по телевидению по международным вопросам, ничего никому заранее не сказав. Это было грубым нарущением всех основ партийного руководства внешними делами. Политбюро никогда не давало такого права выступать без его разрешения и предварительного просмотра даже высокоэрудированным дипломатам, а тут мы тем более знали недостаточную компетентность, «изящность» и обороты его ораторского искусства, и мы были обеспокоены, что он может «заехать не туда». Этот вопрос был нами поставлен на Президиуме. Разговор был большой и острый. Хрущев обещал Президиуму впредь не допускать подобных явлений».

Однако вскоре Хрущев опять стал своевольничать. Особое возмущение у членов Президиума вызвал его призыв «догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока». Каганович писал: «Это был митинговый призыв, а не научно обоснованный план, нигде и никогда не обсуждавшийся – ни в Президиуме ЦК, ни в Совете Министров. Все члены Президиума ЦК были возмущены этой новой субъективистской выходкой Хрущева… Был созван Президиум ЦК, на котором мы обсуждали этот вопрос. Члены Президиума, каждый по-своему, раскритиковали Хрущева прежде всего за то, что он не доложил заранее свое предложение. Члены Президиума предложили Хрущеву доложить Президиуму свои расчеты и мероприятия, обеспечивающие возможность и реальность выполнения поставленной задачи. Хрущев, признавая ошибочным свой поступок, по существу же отстаивал правильность выступления, но никаких расчетов и обоснований не дал… Президиум поручил Госплану

произвести необходимые расчеты и доложить Президиуму свои сроки выполнения задачи – догнать и перегнать США по поголовью крупного рогатого скота. Не одну неделю считал Госплан и в конце концов к заседанию Президиума ЦК представил свои расчеты и выводы о возможности догнать США по поголовью рогатого скота к 1970–1972 году, то есть на 10 лет позже названного Хрущевым срока. Заседание проходило бурно. Хрущев называл госплановцев консерваторами, сердился, грозно подымал свой маленький кулачок, но опровергнуть цифры Госплана не смог». По словам Кагановича, даже «такие… послушно-лояльные члены Президиума, как Первухин, Сабуров, были доведены Хрущевым до крайнего недовольства, особенно гипертрофированным выпячиванием Хрущевым своего «творчества» в любом вопросе – знакомом ему или незнакомом, а последних было большинство».

Недовольство членов Президиума вызвали и выступления Хрущева на встречах с писателями, состоявшиеся 13 и 19 мая 1957 года. В конце встречи с писателями 13 мая 1957 года с двухчасовой речью выступил Хрущев. В заранее подготовленном тексте он говорил о том, что среди писателей «нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявили известные шатания и колебания в оценке сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности. Нельзя скатываться на волне критики к огульному отрицанию положительной роли Сталина, выискиванию только теневых сторон и ошибок в борьбе нашего народа за победу социализма». В качестве примера «выискивания теневых сторон» в советской действительности был избран роман Дудинцева «Не хлебом единым». По словам Сергея Хрущева, его отец был знаком с этим романом, так как он был ему прочитан кем-то вслух в семейном кругу. (Ссылаясь на то, что он уставал читать деловые бумаги, Хрущев нередко просил ему почитать вслух какие-нибудь наиболее заметные литературные произведения.)

В некотором отношении роман напоминал «Оттепель». Директор завода – консерватор Дроздов был похож на консерватора Журавлева. Как и от Журавлева, жена Дроздова в конечном счете уходила к новатору производства. Однако, в отличие от героев романа Эренбурга, победа над консерватизмом в романе Дудинцева потребовала от изобретателя-новатора Лопаткина гораздо больше усилий: восьми лет напряженной борьбы и нищенского существования, утрату постоянной работы, а затем и свободы. Мытарства Лопаткина были связаны с тем, что ему противостоял не один консерватор, а хорошо спаянные и влиятельные группировки в управлениях производств и научных институтах. На примере судьбы изобретения Лопаткина Дудинцев показал, какие препятствия нередко приходилось преодолевать тем, кто выступает против монополии в науке, против инертности и самодовольства власть имущих, как порой нелегко пробивали дорогу новые идеи научно-технического прогресса в советском обществе.

Отрицательное отношение Хрущева к роману Дудинцева не было удивительным. С одной стороны, постоянно работая в коллективе, Хрущев не мог понять те трудности, которые приходилось преодолевать одиночке в его попытках доказать обществу свою правоту. С другой стороны, Хрущев, ссылаясь на свой личный опыт, мог утверждать, что толковый изобретатель всегда будет поддержан в советской стране. Он мог привести десятки примеров того, как он лично поддерживал различные почины новаторов, поощрял свежие идеи. В то же время Хрущев мог не замечать, что, поддерживая ту или иную группу в науке или технике, он порой создавал условия для формирования монополистов, подавляющих любые идеи, противоречащие их интересам. Именно благодаря поддержке Хрущева в биологии господствовала монополия Лысенко и его учеников, а другие биологи, придерживавшиеся иных взглядов, подвергались преследованиям.

Лигачев вспоминал: «Известно, что Н.С. Хрущев не терпел генетиков, критиковал их за малую, по его разумению, пользу. У меня создалось впечатление, что Н.С. Хрущев признавал только того ученого, который занимался внедрением своих разработок в практику, только ту науку, которая непосредственно приносила пользу. Особо доставалось академику Дубинину». Лигачев рассказал о том, как руководитель Сибирского отделения АН СССР академик М.А. Лаврентьев в дни посещения Отделения Хрущевым нарочно приказал закрыть дверь в комнату, где размещались генетики, что-бы избежать скандала. «Никита Сергеевич, сделав безуспешную попытку открыть дверь, прошел дальше».

Скорее же всего, у Хрущева вызвало раздражение то обстоятельство, что в своем романе Дудинцев показал наличие в советском обществе властных группировок, которые, защищая свое положение, готовы прибегнуть к изощренным интригам и могут мастерски сфабриковать уголовное дело против тех, кто ставил под угрозу их положение. Все рассуждения Хрущева в его докладе о Сталине свидетельствовали о его некритичном отношении к партийным верхам. Судя по всем его высказываниям, Хрущев не желал задумываться о наличии в советском обществе серьезных противоречий, мешающих его развитию. Видимо, по этим причинам Хрущев увидел в романе Дудинцева клевету на советский строй. Но Хрущев не был одинок в нападках на этот роман. Роман был сурово осужден советской критикой. На июньском (1957 г.) пленуме первый секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин требовал к ответу Шепилова за то, что вышла в свет «паршивая антисоветская книга Дудинцева». Оправдываясь, Шепилов сказал, что, «посоветовавшись с Хрущевым, мы издали роман 100-тысячным тиражом. Сразу перестали покупать, все увидели, что это дрянная вещь».

Другим объектом нападок Хрущева стал альманах «Литературная Москва». Видимо, эта часть выступления была согласована с членами Президиума. Потом пошла отсебятина. По словам Каверина, Хрущев был «крайне невразумителен». Он говорил о том, что писателей много, а он один, что его бы исключили из ЦК, если бы он попытался все перечитать. Потом вдруг он заговорил о женщине, которая обманула его в Киеве, затем стал рассказывать про Венгрию и о том, что Жуков обещал раздавить контрреволюцию в три дня, а сделал это в два дня. Потом сравнил некоторых писателей с кружком Петефи и сказал, что они хотят выбить ноги из-под советского строя. На всякий случай Хрущев пригрозил писателям, что «если они не так будут вести себя, то он их сотрет в порошок». Писательница М. Шагинян задала вопрос, почему в Армении нет мяса. Тогда Хрущев показал на упитанного армянина и сказал: «Почему вы говорите, что в Армении нет мяса?» Критикуя «Литературную Москву», Хрущев назвал ее «этой мерзкой и вредной брошюрой». На самом деле альманах был в двух солидных томах. Было очевидно, что Хрущев даже не держал в руках альманах.

19 мая писатели, а также художники и артисты были приглашены на правительственную дачу. Видимо, предполагалось таким образом сгладить неприятное впечатление от встречи 13 мая. По словам Кагановича, «до обеда люди гуляли по большому парку, катались на лодках по пруду, беседовали. Группами и парами импровизировали самодеятельность, и некоторые члены ЦК вместе с гостями пели. Была действительно непринужденная хорошая обстановка. Какое-то время такое настроение продолжалось и после того, как сели за столы и приступили к закуске. Потом началась главная часть представления: выступил Он – Хрущев… Прежде всего Хрущев пытался «разжевать» для художников, писателей и артистов многое из того, что он говорил о культе личности Сталина на XX съезде партии, с той разницей, что там он читал, а здесь «выражался» устно – экспромтом… И на обычной трибуне, когда он выступал без заранее написанной речи, речь его была не всегда в ладах с логикой и, естественно с оборотами речи, а тут не обычная трибуна, а столы, украшенные архитектурными «ордерами» в изделиях стекольной и иной промышленности, для «дикции» заполненные возбуждающим содержанием».

По словам Тендрякова, «крепко захмелевший Хрущев оседлал тему идейности в литературе – "лакировщики не такие уж плохие ребята… Мы не станем цацкаться с теми, кто нам исподтишка пакостит". Хрущев неожиданно обрушился на Маргариту Алигер, редактора "Литературной Москвы". Он кричал на нее: "Вы – идеологический диверсант! Отрыжка капиталистического Запада!" "Никита Сергеевич, что вы говорите? – отбивалась ошеломленная Алигер. – Я же коммунистка, член партии". "Лжете! Не верю таким коммунистам! Вот беспартийному Соболеву верю!" "Верно, Никита Сергеевич! – поддакивал Соболев. – Верно! Нельзя им верить!"»

Затем Хрущев объявил, что у него разногласия с Молотовым. Помимо Молотова и другие члены Президиума ЦК не желали выносить сор из избы, а потому были возмущены поведением Хрущева. Тем временем полил дождь и началась гроза. Все промокли. Хрущев продолжал что-то возбужденно говорить. Алигер покинула собрание. Каганович утверждал, что речь Хрущева «внесла смятение, а не сплочение в ряды присутствовавших, за исключением, конечно, тех, которым нравилась драка в верхах… Лучшая же часть присутствовавшей

интеллигенции ушла с обеда в замешательстве, а некоторые даже возмущенные». По словам Микояна, после встречи с писателями «обстановка в Президиуме стала невыносимой».

Впрочем, как вспоминал Д. Шепилов, нагнетание напряженности в Президиуме ЦК началось задолго до этой встречи: «За несколько месяцев до пленума (июньского пленума 1957 года. – *Прим. авт.)* я приехал в Кремль. Иду по коридору, смотрю – открывается дверь и кто-то выходит из кабинета Микояна. Слышу, он ведет какой-то очень возбужденный разговор по телефону. Я вошел в его кабинет, сел. Микоян продолжал говорить: «Правильно, Николай, это нетерпимо, совершенно нетерпимо это дальше». Потом положил трубку и произнес: «С Булганиным говорил. Вы знаете, Дмитрий Трофимович, положение невыносимое. Мы хотим проучить Хрущева. Дальше так совершенно невозможно. Он все отвергает, ни с кем не считается, все эти его проекты… так мы загубим дело. Надо поговорить на этот счет очень серьезно». Я промолчал, не ответил ни «да», ни «нет», потому что пришел по другому делу. То был случайный разговор, хотя и не единственный».

Шепилов вспоминал и жалобы Ворошилова на Хрущева. Однажды, когда Шепилов прогуливался, проезжавший мимо маршал остановил свою машину. Выйдя из нее и подойдя к Шепилову, Ворошилов сказал: «Дмитрий Трофимович, голубчик, ну что ж у нас происходит? Как дальше жить, как дальше работать? Всех оскорбляет, всех унижает, ни с кем не считается, все один, сам решает!» Шепилов ответил: «Клемент Ефремович, вы участник II съезда партии, старейший коммунист. В том, что вы говорите, много правды. Но почему вы это мне говорите? Вы член Президиума ЦК, я – нет. Я кандидат. Там ставьте вопрос. Я выскажу свою точку7зрения искренне и честно. Многое я уже вижу, что нарастает в партии, все понимают…»

По словам Шепилова, «ко мне в кабинет постоянно заходила Фурцева и заявляла: "Что это у нас творится, все разваливается, все гибнет…" Особенно возмущало руководительницу Москвы создание совнархозов. «В Москве представлено 620 отраслей промышленности. Кто, какой человек должен объединять все это?» – возмущалась она. «Когда она приходила, вспоминал Шепилов, – а я был и так с ней настороже – она шептала: "Давайте отойдем, нас подслушивают, закройте чем-нибудь телефон"». По словам Шепилова, возмущался Хрущевым и Жуков, говоря: «Невозможно же, куролесит, ничего не понимает, во все лезет».

Судя по материалам июньского (1957 г.) пленума ЦК, дело не ограничивалось выражением недовольства Хрущевым. Между членами и кандидатами в члены Президиума стали вестись разговоры о необходимости освободить Хрущева от поста Первого секретаря или вообще ликвидировать этот пост. Если до сих пор несогласие с Хрущевым высказывал лишь Молотов и порой его в этом поддерживали Каганович и Ворошилов, то теперь почти все сплотились в своем возмущении неуправляемым смутьяном. Поддерживая это недовольство, Жуков предложил освободить Хрущева с поста Первого секретаря и создать для него пост секретаря по общим вопросам.

Правда, вскоре Фурцева резко изменила свою позицию. Судя по рассказу Шепилова, около 16 июня Фурцева пришла к нему «бледная, возбужденная». Она сказала ему: "Я пришла вас предупредить, что если вы позволите себе сказать, о чем мы с вами говорили, мы вас сотрем в лагерную пыль. Я секретарь МК, МК мне подчиняется, мы вас в порошок сотрем". Я ответил: "Товарищ Фурцева, что вы говорите? Это вы ко мне приходили и жаловались на положение дел". "Ничего подобного, я к вам не приходила!"»

Судя по этим разговорам, отношения между членами Президиума ЦК обострялись. Немного надо было, чтобы взаимная неприязнь выплеснулась наружу. Позже утверждалось, что на заседании 15 июня разгорелся спор по поводу размещения в странах народной демократии заказов на поставку в СССР оборудования и машин. Запись протокола заседания не позволяет понять, в чем была суть спора и каковы были позиции сторон. И все же из кратких записей ясно, что Маленков, Каганович, Ворошилов и Молотов вместе выступили против Хрущева.

Как свидетельствовал маршал Жуков, ссора этих людей, а также Булганина с Хрущевым вспыхнула и на следующий день во время свадьбы сына Хрущева Сергея. Со слов Г.К. Жукова, писатель В. Карпов так описал эту ссору: «На свадьбе, как полагается, крепко выпили и произносили речи. С речью выступил и Хрущев. Говорил он, как всегда, хорошо, рассказал о своей биографии, родословной, тепло вспомнил свою маму, а затем как-то вскользь уколол Булганина. В другое время Булганин промолчал бы, а тут он неузнаваемо вскипел и довольно

резко сказал: "Я попросил бы подбирать выражения". Присутствовавшие поняли: Булганин озлоблен против Хрущева. Догадка подтвердилась, как только кончился обед. Молотов, Маленков, Булганин, Каганович демонстративно покинули свадьбу и уехали к Маленкову на дачу. Хрущев понял, что отныне Булганин переметнулся в стан его противников, и он был явно озабочен усилением группы его противников».

Далее В. Карпов воспроизводил слова Г. Жукова: «После того, как ушли Молотов, Маленков, Булганин, Каганович, ко мне подошел Кириченко и завел такой разговор: "Георгий Константинович, ты понимаешь, куда дело клонится? Эта компания не случайно демонстративно ущла со свадьбы. Я думаю, что нам нужно держать ухо востро. А в случае чего, надо быть ко всему готовым. Мы на тебя надеемся. Ты в армии пользуешься громадным авторитетом.

Одно твое слово и армия сделает все, что нужно". Я видел, что Кириченко пьян, но сразу же насторожился: "О чем ты, Алексей Илларионович, болтаешь? Я тебя не понимаю, куда ты клонишь свою речь? Почему ты говорил о моем авторитете в армии и о том, что стоит мне только сказать свое слово и она сделает все, что нужно?" Кириченко: "А что, не видишь, как злобно они сегодня разговаривали с Хрущевым? Булганин, Молотов, Маленков – решительные и озлобленные люди, я думаю, что дело может дойти до серьезного". Мне показалось, что Кириченко завел такой разговор не случайно, не от своего ума. Это предположение подтвердилось следующими словами: "В случае чего, мы не дадим в обиду Никиту Сергеевича"». Судя по этому разговору, Жуков не собирался поддерживать Кириченко. Это вытекало и из замечаний Шепилова о том, что Жуков к этому времени был недоволен Хрущевым. Однако последующие события показали, что Жуков не спешил принять чью-либо сторону в разраставшемся конфликте.

Через два дня после свадьбы Сергея Хрущева, утром 18 июня, как вспоминал Жуков, ему «позвонил Маленков и попросил заехать к нему по неотложному делу. Считая, что я необходим ему по работе, немедленно поехал к Маленкову. Маленков встретил меня очень любезно и сказал, что давно собирался поговорить со мной по душам о Хрущеве. Он коротко изложил свое мнение о якобы неправильной практике руководства со стороны Первого секретаря ЦК Хрущева, указав при этом, что Хрущев перестал считаться с Президиумом ЦК, выступает без предварительного рассмотрения вопросов на пленуме. Хрущев стал крайне грубым в обращении со старейшими членами Президиума. В заключение он спросил, как лично я расцениваю создавшееся положение в Президиуме ЦК… Я спросил: "Маленков, вы от своего имени со мной говорите, или вам поручено со мной переговорить?" "Я говорю с тобой, как со старым членом партии, которого я ценю и уважаю. Твое мнение для меня очень ценно". Я понял, что за спиной Маленкова действуют более опытные и сильные личности. Маленков явно фальшивит и не раскрывает настоящей цели разговора со мной…» По словам Жукова, он якобы так ответил Маленкову: «Поскольку у вас возникли претензии к Хрущеву, я советую вам пойти к Хрущеву и переговорить с ним по-товарищески. Я уверен, он вас поймет». «Ты ошибаешься, не таков Хрущев, чтобы признавать свои действия неправильными, тем более исправить их». Я ему ответил: «Думаю, что вопрос постепенно утрясется». Очевидно, что Жуков к этому времени уже не хотел поддерживать разговоры о смещении Хрущева на пост секретаря по общим вопросам.

Следует учесть, что, помимо Жукова, в разраставшемся конфликте активно участвовал и другой «силовой» министр – председатель КГБ СССР И. Серов, давний соратник Н. Хрущева со времен Украины. Серов занял этот пост весной 1954 года сразу после восстановления управления государственной безопасности в рамках КГБ СССР. Несмотря на суровое осуждение Берии за то, что он вел слежку за членами Президиума ЦК, подслушивание телефонных разговоров и других бесед с помощью спецаппаратуры, наблюдение за передвижениями руководителей страны не прекратилось. Е. Фурцева не случайно боялась откровенно разговаривать с Д. Шепиловым. Ворошилов не случайно осмеливался критиковать Хрущева, лишь находясь на свежем воздухе, вдали от подслушивающих устройств. Серов мог помочь Хрущеву не только своевременной информацией, но и действиями хорошо вооруженных частей КГБ, которые Хрущев мог беспрепятственно использовать против бунтовщиков из Президиума в случае нейтралитета Жукова. Если в июне 1953 года Маленков и

Хрущев опасались, что Берия использует против них вооруженных людей из МВД, то теперь Маленков и его союзники могли опасаться, что за Хрущева вступится Серов и его люди. По этой причине Маленков стремился привлечь на свою сторону Жукова.

В тот же день, 18 июня, состоялось заседание Президиума ЦК. В нем приняли участие Н.С. Хрущев, НА. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, В.М. Молотов, М.К. Первухин. Несколько членов Президиума отсутствовало: М.З. Сабуров выехал в Польшу в командировку, М.А. Суслов был в отпуске и находился за пределами Москвы, А.И. Кириченко был в Киеве. Из кандидатов в члены Президиума присутствовали Н.М. Шверник, Д.Т. Шепилов, Е.А. Фурцева, Л.И. Брежнев. Г.К. Жуков выехал в Кантемировскую дивизию, а Н.А. Мухитдинов был в Ташкенте. Записи на заседаниях Президиума ЦК с 18 июня или не велись, или были уничтожены, а поэтому ход дискуссии можно воспроизвести лишь по воспоминаниям отдельных ее участников.

Каганович утверждал, что на этом заседании в порядок дня был поставлен вопрос о подготовке к уборке урожая и к хлебозаготовкам. Хрущев внес еще вопрос о поездке всего состава Президиума ЦК в Ленинград на празднование 250-летия Северной столицы. После завершения обсуждения вопроса об уборке урожая, перешли к предложению Хрущева. Ворошилов стал возражать против поездки всех членов Президиума в Ленинград. Его поддержал Каганович. «И тут, – вспоминал Каганович, – "поднялся наш Никита Сергеевич и начал «чесать» членов Президиума одного за другим. Он так разошелся, что даже Микоян, который вообще отличался способностью к "быстрому маневрированию", стал успокаивать Хрущева. Но тут уж члены Президиума поднялись и заявили, что так работать нельзя – давайте обсудим прежде всего поведение Хрущева».

Шепилов утверждает, что это предложение внес Маленков, который заявил: «Я предлагаю сегодня изменить повестку дня и обсудить вопрос относительно грубого нарущения коллективности руководства. Стало совершенно невыносимо. Я предлагаю обсудить этот вопрос сегодня на этом совещании, заседании, если хотите. Председательствующим предлагаю Булганина». По словам Шепилова, Хрущев с театральным жестом уступил место Булганину.

Каганович вспоминал: «После того, как Булганин занял место председателя, взял слово Маленков. "Вы знаете, товарищи, – сказал Маленков, – что мы поддерживали Хрущева. И я, и товарищ Булганин вносили предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. Но вот теперь я вижу, что мы ошиблись. Он обнаружил неспособность возглавлять ЦК. Он делает ошибку за ошибкой в содержании работы, он зазнался, отношения его к членам Президиума ЦК стали нетерпимыми, в особенности после XX съезда. Он подменяет государственный аппарат, командует непосредственно через голову Совета Министров. Это не есть партийное руководство советскими органами. Мы должны принять решение об освобождении Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК"». Из выступлений на июньском (1957 г.) пленуме было ясно, что Маленков также говорил о «культе личности Хрущева», о том, что он «сбивается на зиновьевское отождествление диктатуры пролетариата и диктатуры партии». Маленков осудил лозунг «обогнать США по производству молока, масла, мяса», как нереалистичный. Следом за Маленковым выступил Ворошилов, который жаловался на окрики Хрущева, его бестактность и издевательства. «Работать с ним, товарищи, стало невмоготу… Не можем мы больше терпеть подобное. Давайте решать», – заключил он.

В своем выступлении Каганович напомнил, что он давно знал Хрущева и следил за его деятельностью. Он заявил: «Я знал Хрущева, как человека скромного, упорно учившегося, который рос и вырос в способного руководящего деятеля в республиканском, областном и в союзном масштабе, как секретаря ЦК, в коллективе Секретариата ЦК». Однако, по словам Кагановича, став Первым секретарем, Хрущев создал в Президиуме атмосферу угроз и запугивания. Каганович говорил о том, как единолично Хрущев решает все вопросы, и обвинил Хрущева в том, что он превратил секретариат во фракцию, в подрыве единства партии. Напомнил Каганович и о троцкистском прошлом Хрущева. Каганович также высмеял лозунг «обогнать США по молоку, маслу и маслу». Он поддержал предложение Маленкова об отставке Хрущева. «Это, конечно, не значит, – заметил Каганович, – что он не останется в составе руководящих деятелей партии. Я думаю, что Хрущев учтет уроки и поднимется на новый уровень своей деятельности».

В своем выступлении Молотов заявил: «Как ни старался Хрущев провоцировать меня, я не поддавался на обострение отношений. Но оказалось, что терпеть невозможно. Хрущев обострил не только личные отношения, но и отношения в Президиуме при решении крупных государственных и партийных вопросов». Хрущев, утверждал Молотов, проводит во внешней политике «линию опасных зигзагов». «С Хрущевым, как с Первым секретарем ЦК, больше работать нельзя, – сказал Молотов, – Я высказываюсь за освобождение Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК».

После Молотова выступил Булганин. Он много говорил об ошибочных решениях, навязанных Хрущевым, о его нетоварищеском отношении к коллегам по Президиуму и ему лично. Булганин присоединился к предложению об освобождению Хрущева. Поддержал предложение об отставке Хрущева и Первухин. Как вспоминал Шепилов, «никто не предлагал Хрущева репрессировать. Сказали: "Вот Хрущев говорил, что все критикуют сельское хозяйство, есть предложение назначить его министром сельского хозяйства, оставив его членом Политбюро (то есть Президиума. – *Прим. авт.).* Другого предложения я не слышал"».

Кандидаты в члены ЦК Брежнев и Фурцева в своих выступлениях, хотя и признавали недостатки Хрущева, возражали против его отставки. По словам Шепилова, Жуков выступил с критикой Хрущева, а затем показал ему записку, адресованную Булганину: «Николай Александрович, предлагаю на этом обсуждение вопроса закончить. Объявить Хрущеву за нарушение коллективности руководства строгий выговор и пока все оставить по-старому, а дальше посмотрим».

Тогда слово взял Д.Т. Шепилов. В отличие от Кагановича, использовавшего в качестве аргумента традиционные для сталинских времен обвинения во «фракционности» и «троцкизме», Шепилов, будучи одним из соавторов закрытого доклада Хрущева, использовал антисталинские аргументы для обличения Первого секретаря. Он вспоминал: «Начал с того, что советский народ и партия заплатили большой кровью за культ личности Сталина. Репрессировано, пытано, убито и так далее, и так далее… И что же? Прошел небольшой срок, и снова то же самое видишь. Я стал перечислять. Появился новый диктатор». "Сколько вас учили?" – перебил меня Хрущев. "Никита Сергеевич, я много учился, я дорого стою народу… Я четыре года учился в гимназии, десятилетку кончал уже при Советской власти, потом университет, потом институт Красной профессуры". "А я одну зиму у попа за пуд картошки учился!" – ответил Хрущев». На это Шепилов заметил: «Так что же вы претендуете на то, что вы знаток и металлургии, и химии, и литературы?» По словам Шепилова, Хрущев не раз прерывал его своими репликами, но тот продолжал речь. Он осуждал назначения Хрущевым тех, кто подхалимствовал перед ним: «Назначают председателем Госплана… холуй, подхалим, никакого отношения не имеет» к планированию (Д.Т. Шепилов имел в виду И.И. Кузьмина. – *Прим. авт.)».* Шепилов обвинил Хрущева и в организации слежки за членами советского руководства, пересказав его разговор с Фурцевой. Та стала кричать: «Это ложь! Это ложь!» Шепилов возразил ей, и с Фурцевой началась истерика.

Шепилова поддержали и стали говорить «о подслушивании, о слежке». Булганин сказал: «У меня, когда я уезжал, перекопали весь двор, проложили провода подслушивания». Шепилов заметил: «У меня двор не перекапывали, но все до одного говорят, начиная с Фурцевой, что нас подслушивают. Два секретаря не могут поговорить, никакие не фракционеры, вынуждены закрывать телефоны».

Хрущев, по словам Кагановича, «опровергал некоторые обвинения, но без задиристости, можно сказать, со смущением. Часть упреков признал, что действительно, я, мол, допускал ошибочное отношение к товарищам, были ошибки и в решении вопросов по существу, но я обещаю Президиуму, что исправлю эти ошибки». Из присутствовавших на заседании членов Президиума лишь А.И. Микоян выступил в защиту Хрущева. Отметив недостатки в работе Хрущева, он сказал, что они – исправимы и что не следует освобождать Хрущева.

Объясняя свою позицию в своих мемуарах, Микоян утверждал что он «решительно встал на сторону Хрущева в июне 1957 года против всего остального состава Президиума ЦК, который фактически отстранил его от руководства Президиума. Хрущев висел на волоске. Почему я сделал все что мог, чтобы сохранить его на месте Первого секретаря? Мне было ясно, что Молотов, Каганович, отчасти Ворошилов были недовольны разоблачением преступлений

Сталина. Победа этих людей означала бы торможение процесса десталинизации партии и общества. Маленков и Булганин были против Хрущева не по принципиальным, а по личным соображениям. Маленков был слабовольным человеком, в случае их победы он подчинился бы Молотову, человеку очень стойкому в своих убеждениях. Булганина эти вопросы вообще мало волновали. Но он тоже стал бы членом команды Молотова. Результат был бы отрицательный для последующего развития нашей партии и государства. Нельзя было этого допустить».

Вряд ли эти аргументы Микояна можно признать искренними. Во-первых, ни один из выступавших на заседании Президиума ЦК не выступил с осуждением антисталинского доклада Хрущева. Более того, из выступления Шепилова, которое было поддержано собравшимися, следовало, что он осуждал Хрущева на основе аргументов его же антисталинского доклада. Правда, свержение Хрущева, скорее всего, положило бы конец невежественному очернению советской истории. Микоян умалчивал о том, что «десталинизация» была нужна Хрущеву исключительно как инструмент укрепления его личного положения в партии и власти той части партийных верхов, связанной лично с Хрущевым.

Во-вторых, Микоян умалчивал и о том, что свои требования отставки Хрущева члены Президиума обосновывали необходимостью положить конец его бесконтрольным действиям, наносившим все больший урон хозяйству и международному положению страны. Более того, оценивая деятельность Хрущева в своих мемуарах, Микоян фактически не только признавал обоснованность критики его деятельности, высказанной 18 июня, но и многое добавил от себя: «Хрущев ни с кем не хотел делить ни славы, ни – главное – власти… Удивительно, каким неверным мог быть Хрущев… А организационная чехарда?… Сколько же органов новых Хрущев придумал, сколько старых распустил, перестроил!… Потом и новые распускал и создавал другие. Людям на местах, наверное, невозможно было уследить за этой чехардой. И невозможно было работать нормально. Ведь достаточно в одном учреждении постоянно менять руководителя, как оно дезорганизуется. А тут хуже – новые учреждения с другими правами и функциями. И, конечно, с другими правами и функциями. И так почти каждый год!» К тому же Микоян признавал: «Характер Хрущева для его коллег – не сахар».

Причину, почему Микоян на деле решительно поддержал Хрущева, раскрыл он сам. Пересказывая свой разговор с Сусловым, приехавшим позже в Москву, Микоян писал: «Я его убедил, что Хрущев все равно выйдет победителем». Опытный политик, сумевший продержаться в руководстве страны «от Ильича до Ильича, без инфарктов и паралича», Анастас Иванович прекрасно видел, что, несмотря на временное поражение Хрущева, его противники в Президиуме ЦК обречены. Он знал, что Хрущев уже принял меры для того, чтобы секретариат ЦК фактически взял контроль над страной в свои руки. Пока шло заседание Президиума ЦК, работники секретариата ЦК и личные секретари Хрущева стали оповещать верных ему членов ЦК и собирать их для организации отпора Президиуму. Тем временем Президиум ЦК большинством голосов (против голосовали лишь Хрущев и Микоян) принял решение об отстранении Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Председатель Совета Министров СССР НА. Булганин отдал приказ министру внутренних дел Н.П. Дудорову разослать шифрованные телеграммы в обкомы и республиканские ЦК о решении Президиума ЦК, а руководителям ТАСС и Госкомитета радио и телевидения приказал сообщить об этом в средствах массовой информации. Однако они не выполнили эти приказы, подчинившись уже смещенному Хрущеву и его людям.

Позже утверждалось, что члены Президиума собирались отправить в отставку Серова с поста председателя КГБ СССР и заменить его Патоличевым, а Суслова назначить министром культуры, но таких решений не успели принять. Тем временем Микоян предпринимал усилия, чтобы оспорить законность принятого решения по Хрущеву. Он вспоминал: «Я был единственным, кто его (Хрущева) защищал под всякими предлогами – "неполного состава Президиума в данный момент" и т. д. Все дело было в том, в какой форме сообщить пленуму ЦК, как об уже состоявшемся решении Президиума или как о полемике в Президиуме. В первом случае его песенка была бы спета. Пленум бы, безусловно, одобрил решение… Я всячески тянул».

Под предлогом того, что надо собрать всех членов Президиума ЦК, Микоян добился

продолжения заседания Президиума на следующий день. К 19 июня в Москву прибыли Кириченко и Суслов. Микоян сумел убедить Суслова встать на его сторону, а Кириченко можно было не убеждать. К этому времени члены Президиума ЦК уже осознали, что сообщение о принятом ими решении скрыто от страны, и начался его саботаж. Некоторые стали колебаться. Микоян стал беседовать с Ворошиловым, и тот постепенно сдавал свои позиции.

Большое давление оказывалось и на Жукова. Очевидно, его запугивали тем, что после свержения Хрущева победители постараются избавиться от него. Позже с трибуны пленума Ф.Р. Козлов заявил, что «затем дело дошло и до товарища Жукова, они учинили бы с ним расправу, если бы члены ЦК не предотвратили этот позорный акт». Одновременно противоборствующие стороны искали поддержки Жукова. Маршал вспоминал: «Члены Президиума и члены ЦК потянулись ко мне, сделав меня как бы центральной фигурой события». Его положение существенно отличалось от того, какое он занимал в июне 1953 года. Тогда он был лишь кандидатом в члены ЦК и заместителем министра обороны. Он послушно выполнял команды вышестоящих начальников, какими для него были Булганин и Маленков. Теперь он был кандидатом в члены Президиума ЦК и министром обороны. В ситуации временного двоевластия Жуков ощущал зависимость борющихся групп от него.

В конечном счете Жуков принял сторону Хрущева. Возможно, что он, как и Микоян, понял, что «Хрущев все равно выйдет победителем». Маршал, уже переживший в 1946–1951 годах опалу, не желал ее повторения. В то же время он понимал, что сейчас Хрущев зависит от его поддержки, и рассчитывал существенно укрепить свое положение после победы Хрущева. По словам Жукова, «в первый и второй день Хрущев был как-то демобилизован, держался растерянно… Хрущев растроганно сказал мне: "Георгий, спасай положение, ты это можешь сделать. Я тебе этого никогда не забуду". Я его успокоил и сказал: "Никита, будь тверд и спокоен, нас поддержит пленум ЦК, а если группа Маленкова – Молотова рискнет прибегнуть к насилию, мы к этому будем готовы"».

Заседание Президиума ЦК было продолжено 19 июня с участием вновь прибывших членов, а также секретарей ЦК, которые поддерживали Хрущева. Перед этим заседанием Хрущев провел совещание с теми, кто был на его стороне. НА. Мухитдинов вспоминал, что сразу после прибытия в Москву он «отправился в кабинет Хрущева на Старой площади. Когда вошел, там уже были Суслов, Жуков, Фурцева. Хрущев сказал: "Вот я теперь никто… (Пауза.) Не хотелось бы уйти с такими обвинениями, с таким решением. Убежден, мы с вами находимся на верном пути, начали неплохо. Корни их обид, недовольства мною вам известны. Они действуют так из страха перед будущим. Давайте договоримся: уходить мне из ЦК или найдем выход?" Жуков: "Вам не надо уходить с поста Первого секретаря. А я их арестую, у меня все готово". Фурцева: "Правильно, надо их убрать". Суслов: "Зачем арестовывать? К тому же, в каких преступлениях можно их обвинить?" Мухитдинов: "Правильно говорит Михаил Андреевич. Не надо поднимать вопрос об аресте. Надо все решать или внутри Президиума, или на пленуме. А пленум вас поддержит, Никита Сергеевич"».

Одновременно, как писал Каганович, «хрущевский секретариат организовал тайно от Президиума ЦК вызов членов ЦК в Москву», которые находились вне столицы. Жуков вспоминал: «Для быстрого сбора членов пленума ЦК было решено переброску их с периферии в Москву осуществить самолетами военно-воздущных сил. Организация этого дела была возложена на Министерство обороны». К 19 июня в Москве собралось несколько десятков членов и кандидатов в члены ЦК. Действия этих людей координировали Е.А. Фурцева и первый секретарь Горьковского обкома КПСС Н.Г. Игнатов. Они сформировали делегацию из 20 человек для переговоров с членами Президиума ЦК. Каганович вспоминал: «К концу заседания Президиума ЦК явилась от собравшихся в Свердловском зале членов ЦК делегация во главе с Коневым, заявив, что члены пленума ЦК просят доложить пленуму ЦК об обсуждаемых вопросах. Некоторые члены Президиума гневно реагировали на этот акт созыва членов ЦК в Москву без разрешения Президиума ЦК как акт узурпаторства со стороны секретариата ЦК и, конечно, самого Хрущева. Сабуров, например, ранее боготворивший Хрущева, с гневным возмущением воскликнул: "Я вас, товарищ Хрущев, считал честнейшим человеком. Теперь вижу, что ошибался – вы бесчестный человек, позволивший себе по фракционному, за спиной Президиума ЦК организовать это собрание в Свердловском зале"». На делегатов от пленума ЦК

стал кричать Ворошилов.

По словам Жукова, выступив на заседании Президиума, он объявил, что не намерен подчиняться его решению. Если же Президиум будет настаивать на своем решении, то он намерен обратиться «немедленно к партии через парторганизации вооруженных сил». Было ясно, что Жуков теперь не играл роль полицейского, как это было 26 июня 1953 года, а заявлял о намерении выступить как руководитель мятежных вооруженных сил страны. Слухи о военных приготовлениях дошли до членов Президиума. Жуков вспоминал: «В ходе заседания на второй день резко выступил Сабуров: "Вы что же, Хрущев, делаете, уж не решили ли арестовать нас за то, что мы выступаем против вашей персоны?" Хрущев спросил: "Из чего вы это видите?" "Из того, что под Москвой появились танки". Я сказал: "Какие танки? Что вы, товарищ Сабуров, болтаете? Танки не могут подойти к Москве без приказа министра, а такого приказа с моей стороны не было". Эта моя контратака тогда очень понравилась Хрущеву. Хрущев неоднократно ее приводил на пленумах и в других речах».

Угрозы Жукова, активная помощь других силовых министров – Серова и Дудорова, саботаж ТАСС и Гостелерадио, давление членов ЦК – ставленников Хрущева оказывали свое воздействие на членов Президиума. Хотя события в Президиуме ЦК хранились в секрете, сын Г.М. Маленкова Андрей стал свидетелем телефонного разговора отца с НА. Булганиным. Он говорил: «Николай, держись. Будь мужчиной. Не отступай…» Потом он узнал, что Маленков призывал Булганина проявить твердость и добиться публикации в «Правде» сообщения об отстранении Хрущева с поста Первого секретаря ЦК.

20 и 21 июня заседание Президиума было продолжено. Дискуссия носила крайне острый характер. Ворошилов жаловался, что подобного не было за все время его работы в Политбюро. Не выдержав накала страстей, Л.И. Брежнев потерял сознание и его вынесли из зала заседаний. В эти дни начались переговоры между членами Президиума и членами ЦК, собравшимися в Свердловском зале. От большинства членов Президиума были делегированы Булганин и Ворошилов, от меньшинства – Хрущев и Микоян. В ходе этих переговоров Ворошилов перешел на сторону Хрущева. По словам А.Г. Маленкова, Булганин также «искал лазейки и компромиссы, чтобы уцелеть перед бешеным напором хрущевцев». Хрущев и его сторонники решили расколоть своих противников, выдвинув объяснение, что большинство из них было обмануто Молотовым, Маленковым и Кагановичем. Такое объяснение затем позволило некоторым членам Президиума ЦК прекратить борьбу против Хрущев.

22 июня 1957 года открылся пленум ЦК. Пленум открыл сам Хрущев. Затем с более подробной информацией о ходе заседаний Президиума ЦК 18–21 июня выступил Суслов. Он изложил суть обвинений, выдвинутых в адрес Хрущева, и рассказал о требовании освободить Хрущева. «Конечно, – отмечал Суслов, – у тов. Хрущева имеются недостатки, например известная резкость и горячность. Отдельные выступления его были без должной согласованности с Президиумом и некоторые другие недостатки, вполне исправимые, на которые указывалось тов. Хрущеву на заседании Президиума. Правильно отмечалось на заседании, что наша печать в последнее время излишне много публикует выступлений и приветствий т. Хрущева. Но при всем этом на заседании Президиума выражалась полная уверенность в том, что т. Хрущев вполне способен эти недостатки устранить». «Однако, – заявлял Суслов, – тт. Маленков, Каганович и Молотов, с одной стороны, невероятно раздували и преувеличивали недостатки тов. Хрущева, а с другой стороны, фактически полностью перечеркивали всю огромную, напряженную, инициативную работу, которую проводит т. Хрущев на посту Первого секретаря ЦК». Суслов, Хрущев и другие стремились возложить главную вину на троих – Маленкова, Кагановича и Молотова, чтобы не слишком бросалось в глаза то обстоятельство, что против Хрущева выступило большинство членов Президиума ЦК. Сразу же стало ясно, что оценки докладчика получали поддержку в зале. Доклад Суслова сопровождался постоянными выкриками сторонников Хрущева: «Какой позор! Авантюра! Ослепли в кабинетах!» и даже почему-то: «Заучились!»

Следующим выступил Жуков, и это свидетельствовало о значительной роли маршала в происходивших политических баталиях. Подчеркивая, что он говорит от лица Вооруженных сил страны, Жуков начал свою речь на торжественной ноте, заявив: «Личный состав Советских Вооруженных сил заверяет свою родную партию, Центральный Комитет о своей безграничной

любви и преданности своей Родине». Жуков обвинял критиков Хрущева в том, что они «под различными предлогами хотели убрать Хрущева, изменить состав Секретариата и подобрать такой состав руководства партии в центре, а в дальнейшем и на местах, который бы проводил их политику, не раз осужденную партией, как не соответствующую интересам партии и нашей страны».

Жуков зачитал название особого раздела в своей речи: «Об ответственности Маленкова, Кагановича, Молотова за злоупотребление властью». Напомнив об антисталинском докладе Хрущева на XX съезде, Жуков сказал, что «тогда, по известным соображениям, не были названы Маленков, Каганович, Молотов, как главные виновники арестов и расстрелов партийных и советских кадров». Одновременно Жуков обвинял их в том, что все они не покаялись после доклада Хрущева: «Когда избрали ЦК, почему эти товарищи не считали себя обязанными рассказать о своей виновности, чтобы очистить от невинной крови свои руки и честь?… ЦК тогда решил бы, стоит или не стоит оставлять их во главе партии и государства, могут ли они при всех обстоятельствах правильно и твердо проводить в жизнь ленинскую политику нашей партии».

По логике рассуждений Жукова, с рассказом о собственной ответственности в беззакониях должен был выступить и Хрущев, прежде чем выдвигать свою кандидатуру на пост Первого секретаря. Однако ни Хрущева, ни Булганина, ни Ворошилова Жуков не упоминал. Вновь используя идеализированные представления о «лучших и невинных сынах партии», Жуков возводил вину за их истребление исключительно на трех членов Президиума ЦК вместе со Сталиным. Впрочем, порой маршал снимал часть вины со Сталина, перекладывая весь груз ответственности на троицу обвиненных. Он не раз замечал: «Тут Сталин не при чем», «Это уже без влияния Сталина», «Тут, товарищи, нельзя сослаться на Сталина…» Таким образом, вина Молотова, Кагановича и Маленкова усугублялась. Если в закрытом докладе Хрущева приводилось предсмертное письмо Эйхе, то в речи Жукова цитировалось предсмертное письмо командарма И.Э. Якира. Однако, в отличие от Хрущева, Жуков зачитывал и резолюции Сталина, Молотова и Кагановича на этом письме с оскорбительными характеристиками их автора.

Перейдя к Маленкову, Жуков сказал, что его «вина больше, чем вина Кагановича и Молотова, потому что ему было поручено наблюдение за НКВД, это, с одной стороны, а с другой стороны, он был непосредственным организатором и исполнителем этой черной, нечестной, антинародной работы по истреблению лучших наших кадров». Против Маленкова Жуков использовал и факт обнаружения в сейфе Суханова документов о подслушивании ряда видных деятелей страны. Эти документы были найдены у Берии после его ареста. Затем они хранились у Суханова вплоть до его ареста.

Жуков говорил: «Товарищи! Весь наш народ носил Молотова, Кагановича, Маленкова в своем сердце, как знамя, мы верили в их чистоту, объективность, а на самом деле вы видите, насколько это грязные люди. Если бы только народ знал, что у них на руках невинная кровь, то их встречал бы народ не аплодисментами, а камнями». (Возгласы: «Правильно!») Жуков дал понять, что трое обвиняемых им членов Президиума, не единственные, кого он мог бы выдать на побитие камнями: «Нужно сказать, что виновны и другие товарищи, бывшие члены Политбюро». К этому времени члены ЦК прекрасно знали, что почти все в Президиуме ЦК выступили против Хрущева. «Я полагаю, что вы знаете, о ком идет речь, но вы знаете, что эти товарищи своей честной работой, прямотой заслужили, чтобы им доверял Центральный Комитет партии, и я уверен, что мы будем их впредь за чистосердечное признание признавать руководителями». Получалось, что, вина Молотова, Маленкова и Кагановича сводилась к тому, что они, в отличие, скажем, от Ворошилова и Булганина, работали нечестно, вели себя «непрямо» и упорно не сознавались в своей ответственности за совершенные беззакония. Хотя никто не слышал покаяний Ворошилова, Булганина, а уж тем более Хрущева, получалось, что, несмотря на их причастность к репрессиям 1930-х годов, они уже не являются «грязными людьми», на их руках нет «невинной крови», их не следует закидывать камнями, а «признавать руководителями», верить «в их чистоту» и «носить в своем сердце, как знамя».

Однако побивание камнями троицы Жуков предложил отложить «в интересах нашей партии, в интересах нашего партийного руководства, чтобы не давать врагам пищу, для того,

чтобы не компрометировать наши руководящие органы. Я не предлагаю сейчас судить эту тройку или исключить их из партии. Это должно стать достоянием партии и не должно выйти за пределы партии. Здесь, на пленуме, не тая, они должны сказать все, а потом мы посмотрим, что с ними делать. (Голоса: "Правильно!")». Хотя было очевидно, что Жуков уводил дискуссию в другую сторону и во времена двадцатилетней давности, члены ЦК, являвшиеся сторонниками Хрущева и стремившиеся укрепить создаваемую им систему совнархозов, стали, подобно клакерам в театральном зале, шумно выкрикивать «правильно», поддерживая обвинения Жукова. Порой звучали выкрики: «Палачи! Давайте ответ!»

Выкрики усилились и участились, когда Маленков, Каганович и Молотов попытались рассказать участникам пленума, в чем состояли их претензии к Хрущеву. Секретарь ЦК КП Украины О.И. Иващенко выкрикивала: «Вы совесть свою посмотрите и вспомните!» Поспелов: «Сговор устроили, чтобы снять за спиной ЦК Аристов: «Вы говорите неправду, Маленков!» Хрущев: «Нас сейчас интересуют не даты, а факты!» Кириленко к Маленкову: «Вы – главный закоперщик!» Когда Маленков предложил членам ЦК «посмотреть те самые документы, на которые ссылаются», те «стали выкрикивать, что в этом нет необходимости». Министр внутренних дел Дудоров кричал на Маленкова, как на допросе: «Вы эти документы лично писали и читали. Отвечайте пленуму так это или нет?» В ответ на молчание Маленкова Жуков бросил реплику: «Не как с пленумом разговариваешь, а как с вотчиной!» И все же Маленков пытался вернуть дискуссию в русло критики Хрущева. В ответ на очередную реплику Хрущева, он заметил: «Ты умеешь накаливать обстановку, чтобы критику снять с себя». Отвечая же на обвинения в репрессиях, Маленков заметил иронически: «Ты один у нас один чистый, Никита Сергеевич!»

Несмотря на шум в зале, Маленков сумел вкратце высказать свои обвинения в адрес Хрущева, подчеркнув: «В критике недостатков в деятельности тов. Хрущева и в оценке необходимости принятия мер по исправлению положения с выполнением им обязанностей Первого секретаря ЦК партии единодушны многие члены Президиума ЦК… Сабуров, Каганович, Булганин, Ворошилов, Молотов, Первухин. Товарищи, не надо ли задуматься в таком случае, что же случилось, что товарищи считают сказать в Президиуме ЦК… свои замечания? (Голос: "Не бейте на чувства!") Я считаю, вопрос о недостатках тов. Хрущева приобрел значение такое, что мы считали нужным в Президиуме ЦК об этом говорить».

С трудом прорвавшись через выкрики, Маленков продолжал: «Обстановка сложилась такая, что Хрущев счел в нарущение наших правил, наших обычаев, выступать с важнейшими заявлениями перед партией и страной… (Голос: «Кто внес предложение об отстранении Хрущева?!») Речь идет об опасности извращений в работе занимающего пост Первого секретаря, независимо от того, кто стоит на этом посту. У человека сосредотачивается довольно неограниченная власть». Тут Хрущев прервал Маленкова для того, чтобы рассказать, как началось заседание 18 июня. Его прервал Молотов: «Ты неточен!» Хрущев ответил: «Ты всегда так, как дипломат, хотя толку от тебя, как от дипломата никакого!» Маленков продолжал: «Нельзя допускать того, чтобы судьбы руководства партией и страной, сплоченность его руководства зависели от случайностей, происходящих от невыдержанности характера и вообще от личных недостатков кого бы то ни было. Надо это вовремя предостеречь. И это было сделано на Президиуме ЦК и тов. Хрущев признал это».

С таким же трудом пробивался сквозь выкрики и шум Каганович. Он лишь сумел сказать, что увеличение прироста животноводства в колхозах на 3% в год не позволяет надеяться на выполнение амбициозных планов Хрущева, но ему в ответ кричали: «Преступник!» Особенно старались Полянский, Кириленко, Козлов, Брежнев, Косыгин, Беляев, Фурцева, Михайлов. Их возмущение вызвало замечание Кагановича о том, что Хрущев «много мотается по стране и по всему свету, вместо того, чтобы заниматься делом».

Сквозь гвалт пытался прорваться Молотов, заявляя: «У нас безусловно зачатки культа персоны тов. Хрущева. Когда все другие молчат, а один человек из членов Президиума выступает и по сельскому хозяйству, и по промышленности, и по строительству, и по финансам, и по внешней политике. Нельзя себе присваивать столько прав, столько знаний. Ноги на стол тов. Хрущев положил. Тов. Хрущев походя говорит так о членах Президиума: этот выживший из ума старик, этот бездельник, этот карьерист. Вы не можете считать справедливым

и нормальным, когда один член Президиума ЦК начинает распоряжаться нами как пешками». Позже Молотов вспоминал: «Я выступал на пленуме, орали, не слушали». Генеральный прокурор СССР Руденко почему-то решил напомнить Молотову о его официальном визите в Германию в ноябре 1940 года и выкрикивал: «А вы считали достойным ехать к Гитлеру!»

С особой яростью был встречен Шепилов. Судя по крикам, от него почему-то добивались ответа: «Кто ты такой?» Булганин попытался доказать свою правоту, но и ему не дали говорить. Тогда он снова взял слово и стал каяться, обвиняя Маленкова и других в том, что они «затянули его в болото». В таком же духе выступили Сабуров и Первухин. Ворошилов отрекался от своей позиции и слезно просил: «Простите старика!» Однако от старого маршала требовали объяснений, почему он кричал на делегацию из 20 членов ЦК.

Пленум продолжался восемь дней, с 22 по 29 июня. Постановление пленума «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» было принято единогласно, при одном воздержавшемся (В.М. Молотов). Постановление скрыло, что против Хрущева выступило большинство членов Президиума, и о роли Булганина, Ворошилова, Первухина, Сабурова в этих событиях не говорилось ни слова. В нем утверждалось, что члены указанной «группы» препятствовали проведению курса, направленного на улучшение жизни советских людей и процветание страны. В постановлении говорилось: «В течение последних 3-4 лет, когда партия взяла решительный курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности, и ведет усиленную борьбу против ревизионистов марксизма-ленинизма, участники раскрытой теперь и полностью разоблаченной антипартийной группы постоянно оказывают прямое и косвенное противодействие этому курсу, одобренному XX съездом КПСС».

Возможно, что многие члены ЦК и рядовые члены партии искренне верили в правильность принятого решения. Обвинения, выдвинутые Молотовым и другими против Хрущева, казались мелкими по сравнению с обвинениями Хрущева и его сторонников в адрес «антипартийной группы». Ведь в первом случае шла речь главным образом о поведенческих чертах руководителя, а во втором случае – о государственных преступлениях, жертвами которых стали сотни тысяч человек. Мало кто знал о том, что Хрущев был в такой же степени причастен к беззаконным репрессиям. К тому же для многих коммунистов страны Молотов, Каганович, Ворошилов и их союзники представлялись ревнителями старых методов работы, а Хрущев казался смелым новатором. Они не собирались осуждать манеры возмутителя спокойствия, которые, казались им необходимыми в борьбе против застоя и врагов прогресса. Они не желали слушать предупреждений Молотова и других, свидетельствовавших о том, что «борец против рутины» вносит смуту во все сферы жизни советского общества.

На пленуме Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов были исключены из состава ЦК. Вскоре Молотов был назначен послом в Монгольской Народной Республике, Маленков стал директором Усть-Каменогорской ГЭС, Каганович – управляющим трестом Союзасбест в городе Асбест. Шепилов был назначен директором Института экономики Академии наук Киргизской ССР, но звания члена-корреспондента АН СССР он был лишен. Хрущев не раз подчеркивал, что все четверо не были арестованы и расстреляны, и в этом он видел собственную заслугу. Он умалчивал, что его оппоненты также не предлагали его арестовывать и даже не собирались исключать из состава Президиума ЦК. Хотя с некоторыми из исключенных членов «антипартийной группы» обошлись сурово (например, Кагановича на долгие годы лишили московской прописки, а библиотеку Шепилова выбросили на улицу), стало ясно: какие бы страшные обвинения не выдвигали против свергнутых видных руководителей, теперь им не грозили уголовные наказания. Молчаливая договоренность, вытекавшая из закрытого доклада на XX съезде КПСС о «ненаказуемости» партийных руководителей, соблюдалась.

Был избран новый состав Президиума ЦК в составе 14 членов и 9 кандидатов. Помимо Маленкова, Молотова, Кагановича членами Президиума перестали быть Первухин и Сабуров. М.И. Первухин был переведен в кандидаты в члены Президиума. Новыми членами стали А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, Н.Г. Игнатов, Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, Г.К. Жуков, Е.А. Фурцева, Н.М. Шверник. Пятеро из этих девяти (Аристов, Брежнев, Игнатов, Куусинен и Шверник) были избраны членами и кандидатами в члены Президиума ЦК в октябре 1952 года, а затем все, за исключением Шверника, переведенного в кандидаты, утратили свое высокое

положение. Теперь следствием победы Хрущева стало восстановление позиций некоторых из тех, кто был отстранен от руководства в марте 1953 года. Таким образом, Хрущев, который вместе с остальными ветеранами добился в 1953 году устранения лиц, выдвинутых Сталиным, теперь оказался вынужденным опереться на некоторых из них в борьбе против своих коллег. Джерри Хаф отметил, что следствием июньского пленума было расширение представительства секретарей ЦК в Президиуме. В 1953 году лишь один из десяти членов Президиума был секретарем ЦК. В июле 1957 года девять из 14 членов Президиума ЦК были сотрудниками аппарата ЦК, а в декабре их число увеличилось до 10 из 14 членов. Это означало еще большее усиление роли партийного аппарата в управлении страной.

В июньские дни Хрущеву «крепко дали по шапке», но Жуков, Серов, Дудоров, руководители СМИ и члены ЦК помогли ему сохранить головной убор, который явно был ему не по размеру. Постановление пленума было опубликовано лишь 4 июля 1957 года. После этого на протяжении ряда недель в печати и на собраниях осуждалась «антипартийная группа Молотова – Кагановича – Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова». Уже после завершения юбилейных торжеств по случаю 250-летия Северной столицы туда прибыла делегация советского руководства в составе Хрущева, Булганина, Шверника, Куусинена и других. На митингах они клеймили позором «антипартийную группу». Ее участников обвиняли в раскольнической деятельности, противодействии «ленинскому курсу» партии. В стране в спешном порядке переименовывали города, предприятия, учебные и научные заведения, названные в честь участников «антипартийной группы», из книжных магазинов и библиотек изымались публикации, написанные ими, уничтожались их портреты.

В печати было опубликовано стихотворение А. Софронова «Болото». В нем рассказывалось, что в одной деревне возле поля был «болотный клин», который «никак не просыхал». В то время как люди напряженно трудились в поле, «у болота собрались другие, забывшие про наш нелегкий труд. Нужны цветы им, но не полевые, не те, что соки из земли берут». Хотя труженики полей предупреждали их об опасности, «другие» решили сорвать болотные цветы, и их затянула трясина. По мысли автора, трагичная история, происшедшая с некими любителями болотных цветов, должна была обличить Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова. Журнал «Крокодил» изображал Молотова в виде чеховского «человека в футляре» – Беликова, высмеивая его за критику методов освоения целинных земель. «Антипартийную группу» осуждали за неверие в возможность догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока в ближайшие 2-3 года. Маленкова и его коллег обвиняли и в том, что они тормозили развитие жилищного строительства. А чтобы доказать несостоятельность их критики проектов Хрущева, 31 июля 1957 года было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором была выдвинута программа решения жилищного вопроса к 1970 году.

Хотя на митингах и собраниях единодущно принимались резолюции с осуждением «антипартийной группы», вряд ли изгнание из Президиума таких известных людей, как Молотов, Каганович, Маленков, было встречено с единодушным восторгом. Когда в начале октября 1957 года я возвращался с другими студентами МГИМО после уборки урожая на Алтае, мы не раз замечали то на одном, то на другом полустанке портреты Маленкова, Кагановича и Молотова, которые по-прежнему украшали домики железнодорожных работников. Видимо, тут люди не спешили поддержать постановление июньского пленума ЦК. В то же время июньские события 1957 года лишь усилили циничное отношение к верхам. Назойливое упоминание об «антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» вызывало насмешки. Шепилова называли человека с самой длинной фамилией. Если же к группе людей, решивших «сообразить на троих» присоединялся четвертый, то его именовали «Шепиловым».

Глава 5
ПОД АККОМПАНЕМЕНТ КОСМИЧЕСКИХ УСПЕХОВ

Шумная кампания против «антипартийной группы» продолжалась до конца июля 1957 года. Но в конце июля 1957-го в центре внимания средств массовой информации оказался VI

Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Хотя эти фестивали проводились уже 10 лет, с 1947 года, впервые такая встреча молодежи мира состоялась в Москве. С первых же минут начала фестиваля тщательно распланированная программа была нарушена. Хрущев и другие члены Президиума уже появились в правительственной ложе, но сигнал к началу праздника не прозвучал. Через несколько минут было объявлено, что открытие фестиваля задерживается, так как москвичи, стоявшие вдоль трассы, по которой проезжали делегации разных стран мира, остановили это шествие и стали приветствовать молодежь планеты. Это стихийное проявление добрых чувств сразу же определило дух московского фестиваля. В последующие дни представителей молодежи всех стран мира москвичи приглашали в свои дома и от души их угощали. Дух искреннего гостеприимства, который проявляли москвичи, разрушал представления о «мрачных советских людях». Иностранцы с интересом знакомились с советской жизнью, а советские люди с не меньшим интересом узнавали о зарубежной действительности. По радио и телевидению постоянно передавали концерты, на которых исполнялись песни и танцы народов мира. На массовых митингах в рамках фестивальной программы его участники клялись защищать дело мира и дружбы между народами. По радио звучала песня, в которой выражалось пожелание, чтобы «парни всей Земли» взялись за руки и запели хором. Ее припев гласил:

Парни, парни! Это в наших силах
Землю от пожара уберечь!
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч!

Создавалось впечатление, что наладить мирные и дружеские отношения со всеми народами мира легко и просто. Дух яркого и радостного Всемирного фестиваля молодежи и студентов перекликался с господствовавшими в обществе настроениями оптимизма и стал памятным событием хрущевского периода советской истории.

А вскоре произошло еще одно событие, которое захватило воображение миллионов людей и значительно подняло престиж нашей страны и ее руководства. 4 октября 1957 года впервые в мире в космос был запущен советский искусственный спутник Земли. Это достижение, как и испытание первой советской водородной бомбы 12 августа 1953 года, а также пуск в действие первой в мире атомной станции в Обнинске 27 июня 1954 года, убеждало советских людей в огромных возможностях советской науки и техники.

Запуск советского спутника стал неожиданностью для многих зарубежных стран. Австрийская газета «Курир» в эти дни публиковала серию карикатур на тему, как представляли на Западе советских людей до запуска спутника и какой оказалась действительность. Из их содержания следовало, что бородатые мужички в лаптях, играющие на балалайках, оказались способными сделать то, что было не под силу западным странам. Во многих странах мира не скрывали злорадства по поводу того, что самодовольная Америка уступила СССР.

Потрясение от запуска спутника было самым сильным в Америке. Мой знакомый американец рассказывал, что, узнав о запуске спутника, он не верил своим ушам. В течение нескольких часов он тупо сидел на месте, не в силах прийти в себя, так как рухнули все его устойчивые представления о мире. Хотя президент США Д. Эйзенхауэр призывал американцев не поддаваться паническим настроениям и всячески преуменьшал значение советского достижения, его соперники из оппозиционной демократической партии использовали советский успех для того, чтобы возмущаться растяпами из Пентагона и ленивым президентом, помешавшим Америке опередить русских. Журналисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон поспешили выпустить книгу под названием «США – второклассная держава?», в которой бичевали власть имущих за невнимание к развитию ракет и освоению космоса. Американцы направляли в СССР делегации учителей, чтобы узнать тайны советской системы образования. В истории американского образования четко выделяются периоды: доспутниковый и послеспутниковый.

Все эти новости убеждали советских людей в справедливости надежд на быстрые успехи во всех областях развития страны. Эти надежды отвечали предпраздничным настроениям по

случаю приближавшейся 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Мало кто из советских людей в это время знал, что в эти дни в верхах страны разыгрывались события, схожие с теми, что происходили в конце июня этого же года.

Июньские события показали, что судьба руководства страны в значительной степени зависит от позиции маршала Жукова. Хрущев запомнил и часто повторял слова Жукова о том, что без его приказа танки не сдвинутся с места. В разгар июньских политических баталий Жуков бросил фразу в адрес противников Хрущева, что ему достаточно обратиться к народу – и все его поддержат. Маршал имел неосторожность повторить эту фразу в своем выступлении в июле перед партийным активом Белорусского военного округа, в котором рассказывал о июньском пленуме. Об этом узнал Хрущев. Когда же Хрущев и Микоян прибыли в Берлин 4 августа 1957 года во главе партийно-правительственной делегации, то выяснилось, что среди встречавших не было советских военачальников. Оказалось, что Рокоссовский и Гречко, руководившие в это время плановыми военными учениями в ГДР, получили разрешение от Жукова не отвлекаться на церемониальную встречу. Очевидно, что подозрительный Хрущев увидел в этом проявление бунтарства.

К этому времени Хрущеву сообщили об информации сотрудника Разведуправления Министерства обороны Мамсурова о том, что по инициативе начальника Главного разведывательного управления (ГРУ) маршала Штеменко и по распоряжению Жукова создана Центральная разведшкола для подготовки диверсионных отрядов особого назначения. В школе, созданной в Москве, должны были обучаться 1750 солдат и офицеров. Создание такой школы усилило подозрения Хрущева в отношении Жукова.

Видимо, лояльность Жукова решили проверить. В сентябре 1957 года на правительственной даче в Крыму секретарь ЦК Л.И. Брежнев, курировавший вооруженные силы страны, попросил Г.К. Жукова не отправлять генерала Казакова из Венгрии на Дальний Восток, так как у генерала сложились хорошие отношения с Я. Кадаром. Жуков отказал Брежневу, заявив, что «надо считаться с моим мнением». Этот эпизод стал еще одним доказательством для Хрущева и его сторонников, что Жуков стал неуправляемым и поэтому представляет угрозу для них.

Вскоре было принято решение Президиума ЦК о том, чтобы в октябре направить Жукова во главе советской правительственной делегации в Югославию и Албанию. Жуков не хотел уезжать, ссылаясь на необходимость присутствовать на военных маневрах в Киевском военном округе. Он попросил Хрущева отложить поездку на три дня, но Хрущев, по словам Жукова, ответил: «Откладывать вашу поездку в Югославию не следует. Думаю, мы здесь сообща как-нибудь справимся. А вернетесь из Югославии, я расскажу вам все, что здесь было интересного». 4 октября Жуков выехал в адриатические страны из Севастополя на крейсере «Куйбышев».

Вместо Жукова в Киев направился Хрущев, якобы на охоту. На эту «охоту» направились также Козлов, Кириченко, Брежнев, Мухитдинов. Позже Хрущев так объяснял свое появление в Киеве: «Я не случайно попал на охоту из Крыма в Киев. Я там ничего не убил, а я там охотился на политическую дичь. Я хотел встретиться с командующими округов, хотел их послущать, с ними поговорить, а потом в выступлении подбросить кое-каких ёжиков. Я думаю, командующие меня более или менее правильно поняли». Обращаясь к Жукову, Хрущев заметил: «Я был, признаться, доволен, что тебя там не было, потому, что ты вел себя не по-партийному».

Пока Жуков находился в поездке, 19 октября состоялось заседание Президиума ЦК, на котором был поставлен вопрос о состоянии политической работы в Советской армии. В своем докладе начальник Политического управления генерал Желтов говорил о недооценке министром обороны политической работы в рядах Советской армии. Желтов рассказал нелепую байку про Жукова, который якобы заявил, что если политработникам приклеить рыжие бороды и дать кинжалы, то они бы всех командиров перерезали. Он утверждал, что Жуков неприязненно относится к нему, так как выступал против его возвеличивания. Он рассказал о полотне художника Васильева, изобразившего Жукова на белом коне на фоне горящего Рейхстага, и расценил картину как проявление культа личности Жукова.

Обвинения Желтова были решительно отвергнуты маршалами Малиновским и Коневым.

Однако в ответ на их выступления Суслов сказал, что Жуков назвал политработников болтунами, которые 40 лет твердят одно и то же, и старыми котами, которые потеряли нюх. Игнатов осудил выступления Конева и Малиновского. Его поддержали все члены Президиума. Суслов предложил отстранить от работы Штеменко. В заключение выступил Хрущев. В протоколе заседания сказано: «Т. Хрущев. Доклад с позиции кричащих недостатков. Реакция тт. Малиновского и Конева тоже однобокая… Ликвидировать Военный совет – это значит Я». (Речь шла о предложении Жукова ликвидировать военные советы, внесенном год назад и отвергнутом Президиумом без обсуждения. – *Прим. авт.)* «Вопрос об организации отрядов особого назначения». (То есть о разведшколе. – *Прим. авт.)*

Очевидно, что реакция Малиновского и Конева на обвинения против Жукова напугала Хрущева и других членов Президиума. На заседании было принято решение немедленно подготовить постановление ЦК КПСС об улучшении работы в Советской армии и закрытое письмо «Ко всем партийным организациям предприятий, колхозов, учреждений, партийным организациям Советской Армии и Флота, к членам и кандидатам ЦК КПСС». Было решено направить всех членов Президиума ЦК в различные военные округа для разъяснений смысла этих документов. 22 октября в Ленинград выехал Ф.Р. Козлов, в Киев– А.И. Кириченко, в Минск – К.Т. Мазуров, в Ташкент – Н.А. Мухитдинов, в Тбилиси – В.П. Мжаванадзе, в Ригу – Я.Э. Калнберзин, в Свердловск – А.П. Кириленко, в Ростов – А.И. Микоян, в Горький – Н.Г. Игнатов, в Куйбышев – Н.И. Беляев, в Воронеж – Н.М. Шверник. 23 октября в Одессе должен был выступить А.И. Микоян, а в Севастополе – А.И. Кириченко. Н.С. Хрущев собирался выступить 22 и 23 октября в Москве на собрании партийного актива центральных управлений Министерства обороны СССР, Московского военного округа, Московского округа ПВО. Казалось, что все руководители партии и страны были срочно брошены в военные округа, чтобы раздавить в зародыше возможные очаги военного мятежа.

В своих выступлениях в Московском военном округе Хрущев был, как обычно, многословен и затрагивал много тем. Он говорил об успехах страны за последние 40 лет. Он восторгался запуском спутника. Он вспоминал войну. Он осуждал документальный фильм «Сталинградская битва», в котором обращалось внимание на роль Жукова и Василевского (но мало говорилось о его собственной роли). Он высмеивал картину Васильева, изображавшую Жукова на белом коне. Он то ставил в пример Сталина, то высмеивал его мнимую некомпетентность в военных делах. В невыправленной стенограмме его выступления было записано: «Сталин, это я считаю умнейший человек, среди руководителей, которые с ним были, но в результате своей старости и других качеств, которые у него были, недостатков– он возомнил… У Сталина рука была тяжелая, зато никто в одном ему не откажет, что весь был предан делу марксизма-ленинизма. Не было другого Сталина, он только этим и жил».

Затем он осудил предложение Жукова годичной давности о ликвидации военных советов, не упоминая его авторства. Он сослался на то, что существование военных советов предусмотрено воинским уставом. «В Уставе очень четко сказано, это между прочим Сталин диктовал… Какому это министру взбрело в голову, что этот военный совет может ему мешать?… Царь и тот имел советы тайные и явные… Что же это за советская демократия, которая это отрицает». Избегая критиковать лично Жукова, Хрущев говорил намеками: «Нам вот говорили, когда мы обсуждали вопросы, что сейчас лекции начинаются в высших учебных заведениях и в академиях, прежде чем излагать тему, обязательно сошлются на изречения власть имущих. Назвать вам – кто власть имущих? Знаете сами? Или сами называете? И это бывает, потому что и среди вас как раз есть те, кто это называет. Правильно ли это будет, товарищи? Правильное ли это воспитание? Неправильное. Надо с этим бороться. Вот мы и собрали вас. Вот тут написали одну записку такую с подковыркой: "Почему нет министра обороны?" Да, он (автор записки. – *Прим. авт.)* сам газеты читает и знает, что он (Жуков. – *Прим. авт.)* в Албании, но его (автора записки. – *Прим. авт.)* не смущает, как это могли быть допущены такие безобразия, о которых сейчас Центральный Комитет докладывает. Вот это должно вас беспокоить больше».

Наконец Хрущев назвал Жукова: «Могут сказать, Жукова поносят. Мы Жукова уважаем и высоко ценили. Когда был жив Сталин, когда он бесновался против Жукова, я всегда стоял за Жукова и говорил за Жукова. (Свидетельств таких заявлений Хрущева нет. – *Прим. авт.)* Но,

товарищи, не надо злоупотреблять добрым отношением. Это неправильно… Мы должны усиливать роль партии на всех участках и нужно поставить вопрос о поднятии роли партии в армии… Враги говорили: «За Советскую власть, но без коммунистов». Получалось, что Жуков готовил нечто вроде Кронштадтского мятежа 1921 года, в ходе которого был выдвинут этот лозунг».

«Товарищи, что Центральный Комитет ставит?» – спрашивал Хрущев и тут же отвечал: «Он ставит одну задачу, которая была поставлена XX съездом партии в руководстве всем, что есть на земле советской. Мы пока почти везде пустили корни, но мы еще вплотную не подошли к Вооруженным силам. Мы хотим, товарищи, Центральный Комитет хочет опереться на коммунистов, мы должны сделать, чтобы армия была боеспособной, чтобы была своевременно вооружена, была политически спаяна крепко, чтобы была действенной опорой народа и нашей партии. Партии, – не лицу, – а партии должна быть предана! Правильно?… Такой напрашивается вопрос: может быть министра обороны не следует держать в составе Президиума ЦК, чтобы маршалы, генералы могли поспорить, а без спора ни одно разумное дело не решается».

23 октября Хрущев вновь выступал перед партактивом Московского военного округа, и на ту же тему. На сей раз он обратил внимание на вечную проблему жилья у военнослужащих и глухо упомянул о школе для диверсантов: «Диверсанты. Черт его знает, что за диверсанты, какие диверсии будут делать». Тем временем во всех советских газетах продолжали публиковаться сообщения о визите Т. К. Жукова в Албанию. 25 октября «Правда» сообщала о приеме в честь маршала в советском посольстве в Тиране. В этот день в Кремле заседал Президиум ЦК, на котором участники заседания поделились своими впечатлениями о встречах в военных округах страны. Хрущев суммировал ход дискуссии: «Жуков провалился, не оправдал доверия ЦК».

В это время начальник ГРУ Штеменко проинформировал Жукова о состоявшихся собраниях, и маршал, срочно прервав свой визит, выехал в Москву. Позже он говорил, что после его приземления в аэропорту 26 октября его вызвали срочно в Кремль на заседание Президиума ЦК. Прибыв туда, Жуков узнал много «интересного», как и обещал ему Хрущев перед его поездкой в Югославию и Албанию. Первым выступил Суслов, который, сообщив о состоявшихся армейских и флотских партактивах, заявил, что Жуков проводил «неправильную политическую линию, игнорируя политических работников и Главное политическое управление». Его поддержал Брежнев.

В ответ на критические высказывания в свой адрес Жуков заявил: «Не считаю правильным, что без меня собрали такое совещание… Вывод считаю диким – что я стремился отгородить вооруженные силы от партии… Слава мне не нужна. Прошу назначить комиссию для расследования». Однако он тут же попал под огонь новых критических высказываний. Булганин: «Линия на отгораживание была. Опасен в руководстве министерства. Вопрос о школе диверсантов. Много на себя берет». Микоян: «Отношения армии и партии вызывают тревогу… Режим страха создан». Игнатов: «Пришел Жуков – аракчеевский режим стал». Мухитдинов: «Отрыв армии от ЦК». Кириченко: «Подхалимство и угодничество развивается в армии». Мазуров: «Жуков хотел сосредоточить руководство армии в одном лице и оторвать ее от народа». Ворошилов: «Как можно создавать школу без решения ЦК? Подозрительно».

Хрущев выступил в конце заседания. Его речь так была запротоколирована: «Тяжелая для меня драма с Жуковым. Поношение т. Жуковым нашей обороноспособности. Предложение о ликвидации военных советов. Зачем обрезать нити, связывающие партию с армией? О школе… Предлагается освободить Жукова от обязанностей министра обороны. Сегодня опубликовать по радио». Жуков «считает, что если нет доверия, то он не может быть министром обороны СССР».

Вечером того же дня Жуков позвонил Хрущеву и спросил его: «Никита Сергеевич, я не понимаю, что произошло за мое отсутствие, если так срочно меня освобождают от должности министра и тут же ставится вопрос на специально созванном пленуме ЦК. Перед моим отъездом в Югославию и Албанию со стороны Президиума ЦК ко мне не было претензий, и вдруг целая куча претензий. В чем дело? Я не понимаю, почему так со мной решили поступить?» Хрущев ответил сухо: «Ну, вот будешь на Пленуме, там все и узнаешь». Жуков

сказал: «Наши прежние дружеские отношения дают мне право спросить лично у вас о причинах столь недружелюбного ко мне отношения». «Не волнуйся, мы еще с тобой поработаем, – сказал Хрущев и повесил трубку. На следующий день, 27 октября, в небольшом сообщении в «Правде», в разделе «Хроника», сообщалось об отставке Г.К. Жукова с поста министра обороны и назначении на его место Р.Я. Малиновского, 28 октября 1957 года открылся пленум ЦК КПСС, Пленум был тщательно подготовлен. В фойе была выставлена картина Васильева, на которой маршал Жуков был изображен верхом на белом коне на фоне Бранденбургских ворот и горящего Рейхстага. По распоряжению Жукова эта картина была вывешена в Центральном доме Советской армии. Теперь ее представили как свидетельство «культа личности Жукова» в вооруженных силах.

На пленуме выступил с докладом М.А. Суслов, который заявил: «Партийные, ленинские принципы грубо нарушались министром обороны т. Жуковым, который вел линию на отрыв вооруженных сил от партии, на ослабление партийных организаций и фактическую ликвидацию парторганов в Советской Армии, на уход из-под контроля ЦК партии». Суслов утверждал, что «мы имеем дело… с тенденцией рассматривать советские вооруженные силы как свою вотчину». В качестве доказательств опять были рассказаны байки про приклеивание рыжих бород к политработникам и про старых котов, было упомянуто и про школу спецназа.

Особо Суслов остановился на «отсутствии скромности у т. Жукова… Культа Сталина нет, зато всячески возвеличивается Жуков». Суслов сообщил: «Недавно т. Жуков предлагал заменить председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел военными работниками. Чем продиктовано это предложение? Не тем ли, чтобы возглавить руководящие посты в этих органах своими людьми по признаку личной преданности? Не является ли это стремлением установить свой контроль над КГБ и МВД?» Жуков, утверждал Суслов, «претендует на особую роль в стране. Нет ни грана марксизма-ленинизма в самой мысли, или лучше сказать бессмыслице, допускающей возможность появления… в стране победившего социализма такой ситуации, при которой генерал на белом коне спасет страну».

В ответ Жуков ссылался на свою безупречную службу, на то, что его пребывание на посту министра было отмечено уменьшением аварий, укреплением дисциплины в вооруженных силах. «Самое главное и важное обвинение… было предъявлено в Президиуме, это то, что я стремился оторвать вооруженные силы и подменить собою руководство. Мне сказали, что в Президиуме создалась тревога, как бы Жуков своим характером и авторитетом не заставил нас плясать под свою дудку, что якобы члены Президиума боятся меня, а потому не доверяют. Вот где главное… Хоть бы кто-нибудь мне по-товарищески сказал: "Жуков, у тебя такие вещи…"» – сокрушался маршал. Маршал доказывал, что создание центральной школы для отрядов спецназа диктовалось желанием усилить подготовку разведчиков, до тех пор осуществлявшуюся в 17 школах, разбросанных по всей стране. Но выступавшие члены Президиума поддержали не Жукова, а докладчика. На сей раз помимо членов и кандидатов в члены Президиума с осуждением Жукова выступили военачальники, включая Конева и Малиновского.

В заключение выступил Хрущев. Он начал речь с рассказа о достижениях страны, особенно в сельском хозяйстве: «Шутка ли сказать, мы уже в этом году говорим, что догоним Америку в 1960–1961 году, в крайнем случае в 1962 году, не позже, а если с умом используем наши возможности, то, наверное, догоним в 1960 году». Он сообщил о подготовке запуска спутника с собакой на борту: «Ученые из своих соображений помещают собаку в этот спутник и должны передаваться пульс, дыхание и прочие вещи. Мы в шутку говорим, надо сделать так, чтобы эта собака, когда она будет лететь над Вашингтоном, погавкала на Даллеса». Лишь постепенно он перешел к основному вопросу повестки дня.

Прежде всего Хрущев напомнил Жукову о его распоряжении не направлять Рокоссовского и Гречко на встречу его и Микояна 4 августа в Берлине. Хрущев возмущался: «Ну ладно, можно меня не уважать. Но когда министр обороны говорит, не надо встречаться с Секретарем, хочешь не хочешь, но тут посягательство на связь военных с работниками партии, с Секретарем ЦК, с Хрущевым, Ивановым, Петровым, кто бы ни был. Это гнусность!… Товарищ Жуков, непартийный вы человек, нет у вас партийности. Вы очень опасны и вредны… Когда цепочку развяжешь, поведение и понимание партийности Жуковым – это просто страшно

становится и венец – это его заявление: к армии и народу обращусь и они меня поддержат… Я – Господь, я – Жуков, я сказал, значит и есть правда. Это произвол. Это страшное дело, товарищи!»

Хрущев обратил особое внимание на создание разведшколы в Москве: «О ней знали только Жуков и Штеменко. Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать такую школу, то почему в ЦК не скажешь?… Но он решил – нет, сами это сделаем: я, Жуков, Штеменко и Мамсуров. А Мамсуров оказался не Жуков и не Штеменко, а настоящим членом партии, он пришел в ЦК… Не известно, зачем нужно было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мыслимое дело? И делает это министр с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и перед тем, как его арестовали, Берия вызвал группу своих головорезов, они были в Москве, и если бы его не разоблачили, то неизвестно, чьи головы полетели бы». Фактически Хрущев обвинят Жукова в подготовке государственного переворота. «Все антипартийные элементы борьбу начинали с принижения роли партии. Берия с этого начал. Вы знаете, что Маленков, Молотов, Каганович с этого начали. Жуков с этого начал», – говорил Хрущев.

Пленум единогласно проголосовал за вывод Жукова из членов Президиума и состава ЦК КПСС. Хрушев предложил устроить голосование и среди военачальников, не являвшихся членами ЦК, но приглашенных на пленум. Они также единогласно проголосовали за это решение. В принятом постановлении пленума говорилось, что Жуков «возомнил, что он является единственным героем всех побед, достигнутых нашим народом и его Вооруженными силами под руководством Коммунистической партии. Грубо нарушая ленинские принципы руководства Вооруженными силами, Жуков насаждал культ его личности». Выполняя решения октябрьского (1957 г.) пленума, историки постарались до предела сократить упоминания о Жукове в своих публикациях о Великой Отечественной войне. В изданных в 1960–1963 годах пяти томах «Истории Великой Отечественной войны», общим объемом в 4000 страниц, маршал Жуков был упомянут всего 21 раз, зато генерал-лейтенант Хрущев – 116 раз.

Падение маршала было неожиданным, обвинения, высказанные в его адрес, были или преувеличенными, или их можно было предъявлять гораздо раньше. Ни в июне 1953 года, ни в июне 1957 года Хрущев и другие не желали замечать властолюбия Жукова, его любовь к лести, его презрительное отношение к политработникам и многое другое, так как им было выгодно иметь его поддержку. Внезапное «прозрение» Хрущева, Микояна, Суслова, а также многих военачальников, обличавших Жукова в конце октября 1957 года, было таким же, как и «прозрение» Жукова в июне 1957 года, когда он вдруг обнаружил «кровь на руках» Молотова, Маленкова и Кагановича. Камни, которые Жуков бросал в Молотова и других, теперь попадали в него. Устранение Жукова произошло по правилам политической борьбы, установленным Хрущевым, а фальшь обвинений, предъявленных ему, была платой за согласие маршала играть по этим правилам.

После ареста и расстрела Берии, развенчания Сталина, проклятий в адрес Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова советские люди уже обрели привычку к шумным низвержениям былых вождей и героев. Поэтому сообщение об опале прославленного полководца Великой Отечественной войны не казалось слишком шокирующим. К тому же решения пленума были опубликованы лишь 3 ноября 1957 года. В этот день по радио было передано сообщение ТАСС о запуске второго искусственного спутника Земли, более тяжелого и имевшего на борту собаку по кличке Лайка. В предпраздничной атмосфере, усиленной всеобщим ликованием по поводу успехов СССР в освоении космоса, сообщение о смещении Жукова не произвело столь сильного впечатления, если бы оно было опубликовано месяцем раньше.

7 ноября 1957 года, мы, московские студенты, проходя в колоннах демонстрантов по Красной площади, приветствовали Хрущева, стоявшего рядом с Мао Цзэдуном. Там же были Гомулка, Ульбрихт, Кадар и другие руководители социалистических стран, прибывшие на празднование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. За день до этого, 6 ноября, в недавно открытом Дворце спорта в Лужниках состоялась юбилейная сессия Верховного Совета СССР, посвященная 40-летию Октября, в которой приняли участие и зарубежные делегации.

На сессии Хрущев выступил с пространным докладом. Он вкратце охарактеризовал исторический путь, пройденный Советской страной с 1917 года. На сей раз он по-иному освещал роль Сталина в советской истории. Положительно оценив XX съезд за то, что он «подверг принципиальной критике ошибки, связанные с культом личности И.В. Сталина, и наметил меры по преодолению культа личности», Хрущев заявил: «Но мы не можем согласиться с теми, кто пытается использовать критику культа личности для нападок на социалистический строй, на Коммунистическую партию. Критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия борется и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального комитета был И.В. Сталин. (Продолжительные аплодисменты.) Как преданный марксист-ленинец и стойкий революционер Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное. (Продолжительные аплодисменты.)»

Хрущев защищал не только Сталина, но и «сталинистов». «Некоторые "критики", – продолжал Хрущев, – всячески пытаются опорочить этот период борьбы нашей партии, опорочить столбовую дорогу, которую проложила Советская страна в борьбе за социализм. Они называют деятелей, верных ленинизму деятелей, которые, не щадя своих сил, боролись и борются за интересы народа, за дело социализма, сталинистами, придавая этому отрицательный смысл. Тем самым они хотят принизить и скомпрометировать деятелей коммунистических и рабочих партий, преданных марксистов-ленинцев, принципиальных пролетарских интернационалистов. Такого рода «критики» являются или отъявленными клеветниками, или людьми, которые сползают на гнилые позиции ревизионизма, пытаясь криками о «сталинизме» прикрывать свой отход от принципов марксизма-ленинизма. Не случайным является тот факт, что империалистическая пропаганда взяла себе на вооружение провокационный лозунг борьбы против «сталинизма» и "сталинистов".

И все же главное внимание Хрущев уделил советским достижениям последних лет. Он выражал восхищение запуском двух советских спутников. «Два посланца Советского Союза – две звезды Мира совершают свои полеты над Землей… В свое время Соединенные Штаты Америки объявили о том, что они готовятся запустить искусственный спутник Земли, назвав его «Авангардом». Не как-нибудь иначе, а именно «Авангардом»… Но жизнь показала, что впереди, в авангарде оказались советские спутники».

Хрущев был уверен, что превосходство СССР не ограничивается космическими успехами. Он говорил: «В настоящее время СССР по производительности труда уже обогнал Англию и Францию и догоняет США». На этом основании он объявлял: «Расчеты наших плановых работников показывают, что в ближайшие 15 лет Советская страна может не только догнать, но и превзойти современный объем производства важнейших видов продукции в США. (Аплодисменты.) Конечно, за это время экономика США тоже может уйти вперед. Но если учесть, что темпы роста нашей промышленности значительно выше, чем темпы роста промышленности США, то можно считать вполне реальной и выполнимой задачу в исторически кратчайший срок обогнать США в мирном соревновании. (Аплодисменты.) Можно быть уверенным, что советский народ сделает все для того, чтобы выйти победителем в этом мирном соревновании. (Аплодисменты.)»

Хрущев огласил цифры ежегодного производства различных видов продукции через 15 лет. Он, правда, оговорил, что «это предварительный прогноз, который может быть скорректирован жизнью в ту, или в другую сторону». По этому «прогнозу» получалось, что в 1972 году СССР должен добыть 250–300 миллионов тонн железной руды (в 1972 году было добыто 208 миллионов тонн), произвести 75–85 миллионов тонн чугуна (произведено в 1972 году – 92,3 миллиона тонн), 100–120 миллионов тонн стали (произведено 126 миллионов тонн), добыть 650–750 миллионов тонн угля (добыто – 655 миллионов тонн), добыть 350–400 миллионов тонн нефти (добыто – 400 миллионов), добыть 270–320 миллиардов кубометров газа (добыто – 206 миллиардов), выработать 800–900 миллиардов киловатт-часов электроэнергии (выработано 857 миллиардов), произвести 90-110 миллионов тонн цемента (произведено – 104 миллиона), произвести 9-10 миллионов тонн сахара (произведено – 7,3 миллиона тонн), произвести 550–650 миллионов квадратных метров шерстяных тканей (произведен – 681

миллион), произвести 600–700 миллионов пар кожаной обуви (произведено – 647 миллионов), произвести 20–21 миллион тонн мяса (произведено – 13,6 миллиона), произвести до 70 миллионов тонн молока (произведено – 83,2 миллиона тонн).

Из сравнения «прогноза» Хрущева с реальными показателями производства можно видеть, что в 1972 году страна достигла намеченных показателей почти по всем видам промышленного производства (за исключением добычи железной руды и газа). Заметное отставание было в производстве сельскохозяйственной продукции: по производству сахара и мяса (при этом мяса промышленной выработки было произведено в 1972 году еще меньше – 8,7 миллиона тонн). Однако, несмотря на достигнутые успехи, СССР и в 1972 году отставал от США не только по производству сельскохозяйственной, но и промышленной продукции. Хотя разрыв в уровне промышленного развития между СССР и США неуклонно сокращался, расчет Хрущева на то, что наша страна сможет к 1972 году «превзойти современный объем производства важнейших видов продукции в США», не оправдался.

Это произошло, во-первых, потому, что Хрущев занижал возможности американской экономики. Правда, по производству стали, чугуна, цемента, добыче железной руды СССР в 1972 году превзошел США (а по производству шерстяных тканей во много раз) и почти сравнялся по производству минеральных удобрений, отставание по производству нефти сохранялось (86% от американского уровня). Отставание по добыче газа было значительным (32% от американского уровня). Еще более значительным было отставание в производстве химических волокон (25% от американского уровня). Особенно показательным было отставание в производстве электроэнергии: в 1972 году производство СССР составляло лишь 44% от американского уровня производства. К тому же в этой области производства сокращение разрыва между СССР и США происходило особенно медленно: менее 1% за год. Между тем производство электроэнергии служило гораздо более существенным показателем для оценки общего уровня промышленного производства, чем производство стали, чугуна, цемента, так как отражало состояние различных сфер экономики страны, потребляющих электроэнергию.

Во-вторых, опережение Советским Союзом США по количеству произведенной продукции не совпадало с опережением производства на душу населения, так как население СССР опережало США по численности. В-третьих, рывок СССР в производстве ряда важных видов промышленной продукции скрывал качественное отставание в производстве, в том числе и различных видов стали, цемента, химических удобрений, то есть там, где наша страна опередила США по валовой продукции. В прогнозе Хрущева не были учтено и сильное отставание нашей страны в производстве новых видов современного машиностроения, а также товаров потребления. В результате выполнение Советским Союзом в 1972 году рада намеченных Хрущевым задач не привело к тому, что СССР опередил США. Условия, которые выдвигал Хрущев для того, чтобы опередить США, были недостаточными, но об этом ни он, ни многие другие руководители страны в то время не подозревали.

Неверными оказались и расчеты Хрущева на то, что намеченный им рост промышленного и сельскохозяйственного производства в течение 15 лет приведет к решению многих житейских проблем советских людей. Между тем он смело ставил задачи: «в ближайшие 5– 7 лет в достатке обеспечить потребности населения в обуви и тканях»; «за 10–12 лет покончить в стране с нехваткой жилья».

В то же время последние достижения СССР в создании ракет дальнего радиуса деятельности служили Хрущеву доказательством коренного изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу СССР. Фактически он заменял положение об отсутствии фатальной неизбежности мировой войны, которую он выдвинул на XX съезде КПСС, иной формулой, несколько изменив положение из доклада Маленкова 6 ноября 1949 года. Хрущев заявлял: «При современном развитии военной техники попытка империалистов развязать мировую войну привела бы к невероятно большим разрушениям и потерям, применение атомного и водородного оружия, баллистических ракет повлекло бы огромные бедствия для всего человечества. Вызвав эти бедствия, капиталистический строй обречет себя на неминуемую гибель. Народы не потерпят больше такой строй, который несет человечеству муки и страдания, развязывает кровавые захватнические войны». Правда, Хрущев оговаривался: «Хотя

мы убеждены в том, что в результате новой войны, если она будет развязана империалистическими кругами, погибнет тот строй, который порождает войны, то есть капиталистический строй, и победит социалистический, мы, коммунисты, не стремимся к победе таким путем. Мы, коммунисты, никогда не стремились и не будем стремиться к достижению своих целей такими ужасными средствами, это аморально и противоречит нашему коммунистическому мировоззрению. Мы исходим из того, что для развития социализма войны не нужны».

Эти идеи нашли отражение в Декларации совещания представителей коммунистических и рабочих партий 12 социалистических стран, опубликованной в конце ноября 1957 года. В ней говорилось о наличии широкого спектра антиимпериалистических сил, включавших социалистический лагерь, государства Азии и Африки, занимавшие антиимпериалистическую позицию, мировой рабочий класс и «его авангард – коммунистические партии», массовое движение народов за мир, народы Европы и Латинской Америки, объявившие о своем нейтралитете, народные массы империалистических стран. «Объединение этих могучих сил может предотвратить взрыв войны, а в случае, если империалистические маньяки осмелятся, невзирая ни на что, развязать войну, то империализм обречет себя на гибель, так как народы не станут далее терпеть строй, который несет им столь тяжкие страдания и жертвы».

Несмотря на принятие единой Декларации, на этом совещании возникли острые разногласия с делегацией Союза коммунистов Югославии (СКЮ) во главе с Э. Карделем. Югославы наотрез отказались подписать Декларацию. Было очевидно, что попытки Хрущева, которые он предпринимал летом 1957 года во время встреч с Карделем, Ранковичем и Тито по сглаживанию разногласий между двумя партиями, ни к чему не привели. Более того, на состоявшемся в апреле 1958 года съезде СКЮ была принята его новая программа, которую скоро КПСС, КПК, а вслед за ними и другие компартии мира заклеймили как «ревизионистскую». Весной 1958 года, выступая в Софии, Хрущев назвал СКЮ «троянским конем империализма». Экономическая помощь СССР Югославии была сведена к минимуму. Так плачевно закончится трехлетний период попыток Хрущева добиться вовлечения Югославии в советскую орбиту.

Правда, Союз коммунистов Югославии принял участие в другом, более широком совещании 64 делегаций коммунистических и рабочих партий. На нем был принят «Манифест мира», призывавший народы мира сплотиться в борьбе против агрессивных планов мирового империализма и отстаивать дело мира. В советских СМИ ни слова не говорилось о разногласиях, возникших на Московском совещании компартий. Документы, принятые в Москве, пропагандировались как свидетельства прочности социалистического лагеря и международного коммунистического движения.

Торжества по поводу успехов Советской страны за четыре десятилетия своего существования скрывали хозяйственные неудачи текущего года. Урожай 1957 года был низким. Хрущев видел выход в продолжении укрупнения колхозов. Если в 1955 году колхозов насчитывалось 83 тысячи, в 1957 году их стало 68 тысяч, а в 1960 году – 45 тысяч. Укрупнение нередко сопровождалось преобразованием колхозов в совхозы и переселением людей на центральную усадьбу. В сентябре 1957 году я стал свидетелем переезда последних жителей одного ликвидированного алтайского колхоза имени Чапаева. Их свозили на центральную усадьбу совхоза в село Солонешеное. Покидая живописную долину, отъезжавшие с горечью говорили, что их колхоз был дружным и люди работали «на совесть», но они вынуждены выполнять план по укрупнению хозяйств.

Другие способы поднять сельскохозяйственное производство Хрущев увидел в ликвидации машинно-тракторных станций (МТС) и продаже их государственного оборудования колхозам. Таким образом Хрущев рассчитывал на более хозяйственное отношение колхозников к используемой технике. На практике, как справедливо отмечал историк Н. Верт, «реформа навязала всем колхозам немедленный выкуп парка МТС, что поглотило финансовые ресурсы колхозов, образовавшиеся в 1954–1955 годах благодаря повышению закупочных цен. Если некоторые «колхозы-миллионеры» и извлекли выгоду из этой реформы, то подавляющее большинство попали в критическое положение». Задолженность колхозов стала тяжким бременем для них на последующие десятилетия.

«Убыточность» колхозов, о которой постоянно говорили в ходе горбачевской перестройки, была порождена хрущевским решением о продаже МТС колхозам.

Н. Верт справедливо отмечал, что «немедленная и обязательная ликвидация МТС имела и другие отрицательные последствия, в первую очередь отъезд в города большинства технических специалистов, которые боялись потерять свой статус и оказаться приравненными к колхозниками, и вслед за этим быстрый выход из строя оборудования, оставшегося без квалифицированного обслуживания. В 1958–1961 годах впервые с конца 1920-х годов – произошло сокращение парка сельскохозяйственных машин».

Не очень хорошо шли дела и в промышленности. Промышленное производство, вынужденное перестраиваться в соответствии с новыми требованиями совнархозов, не справлялось с выполнением плана 1957 года. Хрущев винил во всем «консерваторов», якобы цеплявшихся за старые методы работы. В феврале 1958 года в Кремле состоялось совещание руководителей совнархозов и Госпланов республик. С докладом выступил председатель Госплана СССР И. Кузьмин, который критиковал председателя Госплана РСФСР Н. Байбакова и других за приверженность с отраслевому принципу планирования. Когда Байбаков стал выступать, то, по его словам, «Хрущев, вдруг побагровев, яростно обрушился на меня за неправильные… действия Госплана РСФСР, тормозящие работу совнархозов». Однако Байбакова поддержал Микоян. В заключительном слове Хрущев вновь обрущился на Байбакова, а заодно и на Микояна.

Вскоре Байбаков был снят с поста председателя Госплана и назначен председателем Краснодарского совнархоза. В отношении же Микояна была затеяна целая интрига. По словам Микояна, в 1958 году Хрущев «создал комиссию во главе с новоиспеченным секретарем ЦК Игнатовым для проверки работы Министерства внешней торговли, то есть проверки моей работы, ибо я в Совете министров курировал это министерство. Никто из комиссии Игнатова ни черта не смыслил во внешней торговле». Цель комиссии, по словам Микояна, состояла в том, чтобы снять его с поста заместителя Председателя Совета Министров. Микоян подчеркивал: «А ведь эта затея поощрялась Хрущевым спустя всего лишь год после того, как я его спас на июньском пленуме (1957 г.) ЦК от смещения с должности». Скорее всего, «затея Хрущева» возникла именно потому, что Микоян спас Хрущева и тем самым показал ему, что он обязан своему положению Микояну. Этого Хрущев не прощал.

На заседании 13 мая 1958 года был поставлен вопрос о плохой работе Микояна. Хрущев говорил о нем: «Не ведет вопросов, отбивается (от них)». Правда, Микояну удалось каким-то образом перехитрить Хрущева. Он поблагодарил за критику, *но выразил* несогласие с тем, что он ничем не занимается. В итоге он остался на своем посту.

Сложные и многоходовые комбинации, которые осуществлял Хрущев, подчинялись его главной цели – укреплению своего главенствующего положения. «Главной пружиной действий Хрущева, – подчеркивал Бенедиктов, – была борьба за власть, за монопольное положение в партийном и государственном аппарате, чего он в конце концов и добился, совместив два высших поста – Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР».

25 марта 1958 года на заседании Президиума ЦК обсуждалась повестка дня первой сессии вновь избранного Верховного Совета СССР, которая должна была состояться через два дня. На сессии предстояло обсудить новый состав Совета Министров. Хрущев выступил решительно против продления полномочий Н.А. Булганина. Хрущев вспомнил его поведение в июне 1957 года, заявив: «Наиболее вероломное поведение Булганина было равносильно предательству, гнусная роль была; с деловой стороны не цепкий, может быть, вернуть в Госбанк». До войны Булганин некоторое время возглавлял Госбанк. Это предложение всеми было поддержано. Затем Аристов внес предложение назначить Хрущева Председателем Совета Министров. Его поддержали Брежнев, Игнатов, Козлов. Хрущев возражал: «Мне лучше бы остаться секретарем ЦК». Но с ним не согласились Мухитдинов и Кириченко. Уточняя, Беляев сказал: «Чтобы т. Хрущев был Первым секретарем ЦК и Предсовмина».

Это предложение все стали энергично поддерживать. Брежнев заявил: «Другого предложения не может предложить. Приход т. Хрущева на пост Предсовмина неизмеримо повысит авторитет Совмина. Во внешнюю политику вносит свою гениальность». «За» выступил Суслов. Коротченко поддержал совмещение двух постов. Также высказались

Кириченко, Косыгин, Мазуров, Булганин, Игнатов, Поспелов, Шверник, Мжаванадзе, Куусинен, Калнберзин. «Аналогию со Сталиным надо разбивать», – заметила Фурцева. Микоян и Ворошилов сказали, что они сначала сомневались, но теперь у них нет сомнений. При этом Ворошилов заметил: «Товарищи убедительно говорят. Авторитет партии поднят на огромную высоту. Т. Хрущев много отдал этому. Спасибо ему».

Хрущев приводил некоторые аргументы против своего назначения: «Не должны упрощать. Компартии будут упрекать. Мы советовали им перестраиваться». Действительно, с середины 1950-х годов под давлением КПСС в странах народной демократии прошла череда разделений постов руководителя партии и правительства. Теперь получалось, что этого не надо было делать. Хрущев также замечал: «Солидная часть партии неодобрительно отнесется. Возраст; не жадничать, выращивать людей. Пройдет некоторое время, можем вернуться (очевидно, ко вторичному рассмотрению этого вопроса. – *Прим. авт.)».* Ни Хрущев, ни его коллеги не вспомнили о том, что всего три года назад, когда члены Президиума ЦК надиктовали Маленкову его письмо о собственной отставке, то в нем говорилось, что тот не имел достаточный «опыт местной работы» и ему никогда «не приходилось в министерстве или в каком-либо хозяйственном органе непосредственно управлять отдельными отраслями хозяйства». Однако то же самое можно было сказать и о Хрущеве. Видимо, предполагалось, что критерии, обязательные для Маленкова и Булганина, совсем не обязательны для Хрущева.

На сессии Верховного Совета СССР с предложением поручить формирование нового правительство Н.С. Хрущеву выступил председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, который 9 месяцев назад добивался отстранения Хрущева от власти. Теперь «первый маршал» заявил: «Во всей большой созидательной работе Коммунистической партии и советского народа выдающаяся роль принадлежит нашему дорогому товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву, его незаурядному творческому таланту и поистине неиссякаемой, неутомимой энергии… Без преувеличения можно сказать, что народы всего мира теперь знают Никиту Сергеевича Хрущева как самого стойкого, принципиального и неутомимого поборника мира, борца против угрозы новой войны, за мирное сотрудничество всех народов. И мы гордимся тем, что человек, который стоит во главе нашей партии, так упорно, так умело, так смело ведет эту большую всечеловеческую работу».

Предложение Ворошилова было принято единогласно. Выступив после голосования с докладом «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», Н.С. Хрущев в начале своего выступления поблагодарил депутатов за его избрание и сказал: «Я буду верно служить своему народ, не пожалею ни сил, ни здоровья, ни жизни в борьбе за осуществление великой цели, которую поставили наша партия, наш народ – построение коммунистического общества в нашей стране».

За три месяца до того, как Хрущев совместил две высшие руководящие должности в СССР, журнал «Тайм» объявил его «человеком года». На обложке журнала был изображен в карикатурном виде Хрущев. Он держал в руках шапку Мономаха, украшенную миниатюрным изображением Кремля. Хотя вряд ли издатели журнала знали русскую пословицу, но при виде обложки «Тайма» у русского читателя возникал вопрос: «По Сеньке ли шапка?»

Часть 2
ВЛАСТИТЕЛЬ СУПЕРДЕРЖАВЫ

Глава 1
БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ГРАНИ ВОЙНЫ

Помимо назначения Н.С. Хрущева Председателем Совета Министров СССР, первая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва приняла на основе его доклада закон о реорганизации МТС. Все же остальные вопросы повестки дня были связаны с международной тематикой. Было принято постановление об одностороннем прекращении испытаний Советским Союзом атомного и водородного оружия. Были одобрены обращения к конгрессу

США, парламенту Великобритании и к парламентам других стран с призывом прекратить ядерные испытания в остальных странах мира. Верховный совет обратился к бундестагу с осуждением действий правительства ФРГ, направленных на оснащение ее армии атомным оружием. Наконец, Верховный Совет поручил председателям обеих палат обратиться к парламентам государств – участников антигитлеровской коалиции с призывом объединить усилия в целях предотвращения атомного и ракетного вооружения ФРГ.

Преобладание в повестке дня первой сессии Верховного Совета нового созыва этих вопросов было вызвано стремлением СССР ограничить гонку вооружений. Осуществление широких программ развития сельского хозяйства и легкой промышленности тормозилось обременительными расходами на вооружения. Поэтому начиная с 1955 года Хрущев предпринимал усилия для того, чтобы договориться с Западом об ограничении вооружений, и осуществлял односторонние действия по разоружению. Начиная с 1955 года до 1958 года СССР сократил свои вооруженные силы с 5763 тысяч до 3623 тысяч человек.

Одновременно Хрущев изыскивал способ удешевить стоимость вооружений страны. Такой способ он увидел в ракетном оружии. Возможно, что этому благоприятствовало и то обстоятельство, что его сын Сергей вскоре после окончания высшего учебного заведения стал заместителем начальника отдела Конструкторского бюро, возглавляемого выдающимся ученым в области ракетостроения В.Н. Челомеем. Впрочем, Хрущев проявлял внимание и к другим конструкторским ракетостроительным бюро, и прежде всего к возглавлявшемуся С. Королевым. Хотя ракетостроение начало развиваться в стране еще в годы правления Сталина и под непосредственным контролем Маленкова, многие ракетостроители отмечали постоянный интерес Хрущева к их отрасли, его заботу о ее приоритетном развитии.

Несомненные заслуги Хрущева в поощрении развития ракетостроения сочетались и с его неумением найти для ракет адекватное место в системе вооружений. Подобно тому, как с помощью строительства пятиэтажных панельных домов Хрущев думал решить жилищную проблему, а посевами кукурузы – резко увеличить производство продовольствия, ракеты казались ему универсальным оружием, которое может обеспечить оборону страны, а потому их следует производить в неограниченном количестве. В рассуждениях Хрущева было «рациональное зерно». Будущее показало, что ракетное оружие стало эффективным и высокоточным средством поражения вражеских целей. Однако ошибка Хрущева состояла в том, что, увлекшись тем или иным предметом, он не замечал ни его слабых сторон, ни невозможности использовать его в качестве панацеи. По словам Микояна, Хрущев «считал, что с изобретением ракет авиация окончательно теряет значение, что подводные лодки полностью заменят наземные корабли, поскольку последние – плавучие мишени для ракет. Думал только в масштабе большой войны, не учитывал особенности локальных войн». Адмирал Н.Н. Амелько подтверждал это наблюдение: «Ознакомившись с первыми двумя дизельными подлодками с крылатыми ракетами небольшой дальности и посмотрев их стрельбы на Черном море, а также с подводной лодкой проекта 611, вооруженной баллистической ракетой дальностью 800 км на Тихоокеанском флоте, Хрущев сделал вывод, что все проблемы решают ракеты, а корабли, авиация нам не нужны. Несмотря на доказательные, смелые и настойчивые возражения Н.Г. Кузнецова… генералитет, сидевший в президиуме, молчал. Когда Хрущев дошел до танков, заявив: «Надо посмотреть, нужны ли нам танки?», Р.Я. Малиновский бросил такую реплику: «Ну это уже, Никита Сергеевич, чересчур».

Н.Н. Амелько вспоминал: «Для флота настал очередной "черный период". В это время в стадии строительства находились семь крейсеров типа "Яков Свердлов" водоизмещением 16 тысяч тонн, с четырьмя трехорудийными башнями 180-мм артиллерии и шестью двухорудийными универсальными 100-мм. Будучи в высокой степени готовности (80–90%), эти крейсера отвечали всем требованиям того времени. Все семь кораблей были разрезаны на металл. Была ликвидирована Амурская флотилия, а ее мониторы с 130-мм современными орудиями также порезаны. Эта же участь постигла ряд других вполне исправных кораблей, нужных флоту. Морские самолеты «Ил-28» были разложены с убранными шасси на взлетных полосах и рулежных дорожках… и раздавлены гусеничными танками». Затем разрушение самолетов и расформирование авиационных частей приняло еще более значительные масштабы. В.В. Гришин признавал: «Никита Сергеевич, надо полагать, ошибочно считал, что

для обороны страны не нужны авиация и военно-морской флот, что их заменит ракетное оружие. Поэтому при нем были резко свернуты работы по созданию современных боевых самолетов, боевых кораблей. Потом уже после него пришлось срочно поправлять положение, наверстывать упущенное, догонять ущедшие далеко в этом деле западные страны, особенно США. Разрыв нашего отставания в мощности военно-морского флота не ликвидирован еще до сих пор».

В то же время создание в СССР в августе 1957 года межконтинентальной ракеты, способной запустить искусственные спутники Земли, убедило Хрущева в том, что произошла не только кардинальная перемена в технике вооружений. Он увидел в новом оружии способ надежно укрепить оборону страны и решать международные кризисы в пользу СССР и его союзников. Ракеты, оснащенные ядерными боеголовками, стали для Хрущева главным фактором внешней политики, фактором давления на страны Запада.

Выступая перед партийным активом Московского военного округа 22 октября 1957 года, Хрущев так объяснил суть своей внешней политики: «Если мы дискредитируем Америку, а это самая сильная страна на сегодняшний день в экономическом и в военном отношении, неровня Франции и Англии, тогда мы еще на международной арене укрепим престиж нашего Советского государства с точки зрения борца за мир во всем мире и подточим устои капиталистического мира. Поэтому нам нужно умело действовать. Тут действительно, как говорил Даллес, держаться на грани войны… Наши цели ясны, возможности не ограничены, и победа будет за нами». Казалось, что «шапка» слишком большого размера, одетая Хрущевым, лезла ему на глаза и он не видел реального положения вещей. Отсюда возникала и склонность к шапкозакидательству.

С середины 1950-х годов Хрущев периодически доводил тот или иной международный кризис до грани мировой войны, прибегая к угрозе применить ракетно-ядерное оружие. Он становится хроническим возмутителем спокойствия в мире. Готовность Хрущева грозить ведущим странам Запада советским оружием впервые проявилась еще в ноябре 1956 года, в разгар тройственной агрессии против Египта, то есть до запуска спутника.

Склонность Хрущева угрожать советской военной мощью возросла после запуска первого советского спутника. Осенью 1957 года страны НАТО усилили нажим на Сирию с целью добиться перемен в ее политическом курсе. К началу октября участница НАТО Турция сконцентрировала 50 тысяч войск на турецко-сирийской границе. 17 октября, то есть через две недели после запуска первого спутника, ЦК КПСС направил Социалистической партии Франции и другим социалистическим партиям Западной Европы, многие из которых были правящими, письма с призывами прекратить агрессию США и Турции на Ближнем Востоке. В письме говорилось: «Нужно быть авантюристом, чтобы не учитывать, что Сирия не останется одинокой в борьбе против агрессии… На стороне Сирии стоят и миролюбивые народы других стран, в частности Советского Союза, который не может безучастно относиться к военным провокациям, готовящимся в непосредственной близости от южных границ СССР… Назревающий вооруженный конфликт вокруг Сирии таит в себе угрозу превращения в широкий военный конфликт. А в наше время, в век бурного развития военной техники и атомного оружия, еще труднее ограничить пределы вооруженного конфликта, если бы он начался каким-либо одним районом».

Через два дня, 19 октября, было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: «Нельзя не видеть, что нападение на Сирию и развязывание тем самым войны вблизи южных границ СССР затрагивает самым серьезным образом его безопасность. Ни у кого не должно быть сомнения в том, что в случае нападения на Сирию, Советский Союз, руководствуясь целями и принципами Устава ООН и интересами своей безопасности, примет все необходимые меры к тому, чтобы оказать помощь жертве агрессии». Через два дня «Правда» опубликовала передовую статью «Планы агрессоров должны быть сорваны!», в которой повторялись эти грозные заявления.

25 октября в «Правде» было опубликовано сообщение о том, что газета «Заря Востока» от 23 октября проинформировала своих читателей о назначении К. К. Рокоссовского командующим Закавказским военным округом. Таким необычным способом намекали на нарастание напряженности на юге страны. Казалось, что вот-вот закавказская граница

превратится во фронт боевых действий во главе с прославленным маршалом Советского Союза. Так как напряжение вокруг Сирии вскоре стало спадать, то создавалось впечатление, что это стало возможным вследствие решительных предупреждений СССР.

В своих выступлениях, особенно обращенных к западной аудитории, Хрущев все чаще прибегал к запугиванию ракетной мощью СССР. В конце ноября 1957 года он заявил: «Мы накопили такое значительное количество ракет, так много водородных и атомных зарядов, что можем стереть с лица Земли всех наших противников». На самом деле достижения в создании отдельных образцов мощных ракет еще не привели к появлению в СССР значительного ракетного потенциала, который обеспечил бы ему преобладания в средствах нападения.

Однако Хрущев был не один, кто поддался иллюзии того, что ракеты с ядерным зарядом стали решающей движущей силой мировой истории. Подобные идеи явно захватили и председателя Компартии Китая Мао Цзэдуна, который увидел в успехах СССР в развитии ракетной техники качественные преимущества социализма и возможность нанести сокрушительный удар по мировому империализму. В своем выступлении на совещании коммунистических партий в ноябре 1957 года он заявлял, что американский империализм – это «бумажный тигр» и его не стоит бояться. «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада», – изрек Мао Цзэдун. Руководитель Китая пояснял свой афоризм: «Я считаю, что международная ситуация достигла поворотного рубежа… Социалистические силы превосходят силы империализма». Хотя такие оценки были схожи с высказываниями Хрущева, разница состояла в том, что Мао Цзэдун не имел точного представления о ракетном потенциале СССР. Когда же Хрущев говорил о перевесе СССР в вооружениях, то он лишь выдавал желаемое за действительное и откровенно блефовал, стремясь «дискредитировать Америку».

Правда, как утверждали американские авторы книги «Падение Хрущева» Уильям Хайленд и Ричард Шрайок, Хрущев искренне «предполагал… что равновесие сил между Востоком и Западом решительно изменится в пользу СССР». «Исходя из этого, – подчеркивали У. Хайленд и Р. Шрайок, – он решил развернуть наступление против Запада. При этом другим исходным пунктом стало его предположение о том, что нерушимое политическое единство коммунистического лагеря сохранится… Наконец, он предполагал, что развал колониальной системы в третьем мире откроет новые возможности для расширения могущества и влияния Советского Союза за счет Запада». Эти выводы американских авторов можно признать в значительной степени справедливыми. Исходя из расчета на превосходство СССР в вооружениях, единство социалистического лагеря, активное наступление национально-освободительных сил против империализма, действовал Хрущев в ходе бурных событий в июле 1958 года.

14 июля 1958 года в Багдаде в результате военного переворота была свергнута монархия, король Фейсал II и премьер-министр Нури Саид были убиты, а в стране была провозглашена республика во главе с бригадным генералом Абделем Касемом. Поскольку Ирак вместе с Иорданией входил во Арабскую федерацию, то обязанности главы этой федерации взял на себя король Иордании Хуссейн. По его просьбе в Иорданию были переброшены английские войска. Одновременно в охваченный гражданской войной Ливан были высажены американские войска. Создавалось впечатление, что англоамериканские войска вот-вот приступят к вторжению в Ирак. В ответ Сирия и Египет, объединившиеся к этому времени в Объединенную арабскую республику (ОАР), подписали с правительством Касема договор о совместной обороне. Казалось, что Ближний Восток в ближайшие часы станет ареной широкомасштабной войны, которая скоро выйдет за пределы этого региона.

К этому времени СССР упрочил свое сотрудничество с вновь созданной ОАР. В апреле – мае 1958 года президент ОАР Гамаль Абдель Насер посетил СССР, где ему была обещана обширная помощь для строительства Асуанской гидроэлектростанции. Существенно расширилось и военное сотрудничество СССР с ОАР. Поэтому реакция советского правительства на события в середине июля 1958 года была резкой и быстрой. 16 июля СССР признал новое правительство Ирака, и в тот же день было сделано заявление советского правительства, в котором говорилось: «Советский Союз не может оставаться безучастным к событиям, создающим серьезную угрозу к его границам, и оставляет за собой право принять необходимые меры, диктуемые интересами мира и безопасности». По всей стране прошли

митинги под лозунгами «Руки прочь от Ирака!»

В эти дни в Москве состоялась тайная встреча Хрущева и Насера. Стороны договорились о совместных действиях в случае нападения западных держав на Ирак. 17 июля было объявлено, что на южной границе СССР, в Закавказье, на следующий день начнутся военные маневры. Обстановка обострялась с каждым часом. Э. Крэнкшоу имел основание писать, что Хрущев был поставлен в тяжелое положение: «Если бы западные союзники вошли в Ирак, то он оказался бы перед дилеммой: или же ему пришлось бы двинуть свои войска против них, а это было связано с риском большой ядерной войны, или же ему пришлось бы допустить разгром иракского национально-освободительного движения».

19 июля Хрущев в своем послании Эйзенхауэру объявил, что «прежде чем заговорят пушки», следует принять меры для предотвращения войны. Он предложил провести совещание СССР, США, Великобритании, Франции и Индии. В ответ западные страны предложили провести заседание Совета безопасности по вопросу о положении на Ближнем Востоке на уровне глав правительств великих держав. 23 июля Хрущев принял это предложение, но через пять дней отказался от него. Дело в том, что в Пекине крайне негативно отнеслись к идее о переговорах со странами Запада. Еще 19 июля газета «Женьминьжибао» опубликовала статью, в которой говорилось: «Если англо-американские агрессоры откажутся уходить из Ливана и Иордании, то единственное, что остается для народов мира, – это ударить агрессоров по голове. Империалисты всегда задирали слабых и боялись сильных. Единственный язык, который они понимают, это язык силы».

К этому времени отношения с Пекином осложнились. В ходе переговоров с Китаем, начавшихся в связи с пожеланием этой страны создать свой мощный Военно-морской флот, СССР предложил создать единый Военно-морской флот. Это предложение было отвергнуто Мао Цзэдуном, заявившим 21 июля, что КНР не желает создавать «военный кооператив». Мао Цзэдун отверг и просьбу СССР создать на территории Китая радиолокационную станцию (РЛС) для координации действий советских подлодок. При этом 24 июля Мао Цзэдун в беседе с послом СССР Юдиным стал критиковать «великодержавный шовинизм СССР».

Видимо, эти обвинения и нежелание руководителей КНР поддержать предложения СССР были ответом на нежелание советских руководителей удовлетворить просьбу Китая в создании атомной бомбы. Хрущев под разными предлогами отклонял эту просьбу. Одним из предлогов служили опасения того, что атомные секреты СССР узнают так называемые «правые». В это время кампания терпимости к инакомыслию под лозунгом «Пусть цветут сто цветов, пусть соперничают сто школ», выдвинутом Мао Цзэдуном, уже сменилась другой кампанией по разоблачению «правых», которые «выявились» в ходе недолгого «цветения ста цветов». В советском руководстве, не склонном к поощрению инакомыслия, с самого начала с недоумением восприняли кампанию «Пусть цветут сто цветов». Разоблачениями же «правых» стали прикрывать недоверие к руководству Китая. Мой отец рассказывал мне, что во время визита китайских специалистов в области ядерной энергии в Москву, маршал Конев, присутствовавший на переговоров, неожиданно сказал: «Только не подпускайте к этим работам "правых"!» Очевидно такова была общая установка для объяснения советского нежелания передавать технологию создания ядерного оружия Китаю.

В обстановке разраставшегося международного кризиса ухудшение отношений с Китаем могло серьезно подорвать позиции СССР. В то же время Хрущев решил, что ведение переговоров с Западом может лишь ухудшить отношения СССР с Китаем. 31 июля было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что «если против свободолюбивого иракского народа будет совершена агрессия», то «другие миролюбивые народы придут на помощь жертве агрессии». Кроме того, советское правительство предупредило правительства Турции, Италии и Израиля о недопустимости оказания помощи вооруженным силам США и Великобритании. Тем временем Хрущев решил лично разобраться в отношениях с Китаем и в тот же день прибыл в Пекин.

В ходе переговоров Мао Цзэдун подтвердил свое нежелание создавать «две собственности в одном Военно-морском флоте» и РЛС на китайской территории. Мао Цзэдун поставил также вопрос об отзыве ряда советских советников, направленных по линии Министерства обороны и КГБ. Однако Хрущев позже утверждал, что посол Юдин якобы преувеличил разногласия с

китайским руководством. Хрущев уверял, что переговоры проходили в дружеской, откровенной обстановке и в целом стороны договорились о единстве действий в сложной международной обстановке. В совместном заявлении Хрущева и Мао Цзэдуна от 3 августа говорилось: «Агрессивные круги западных держав вплоть до настоящего времени отказываются от принятия каких-либо подлинных мер для сохранения мира и, напротив, безрассудно усиливают международную напряженность, ставят человечество на грань военных катастроф. Но они должны знать, что если воинствующие империалистические маньяки осмелятся навязать войну народам, то все миролюбивые и свободолюбивые государства и народы, тесно сплотившись воедино, навсегда покончат с империалистическими агрессорами и утвердят вечный мир во всем мире».

Нет сомнения в том, что угрозы СССР и Китая оказали свое сдерживающее воздействие на США и Великобританию. Нападения на Ирак не последовало. На заседании Президиума ЦК 4 августа Хрущев констатировал: «На первом этапе ставили задачу не допустить разгрома Ирака. Достигли этого. Они предлагают собраться в Совете безопасности, но с чем мы пойдем туда? Видимо, нет резона участвовать Предсовмину в таком собрании. Может быть, теперь лучше требовать созыва сессии (Генеральной Ассамблеи ООН)? Заявляют, что не нападут. Главная цель достигнута… Мы первый этап завершили, Ирак спасли, занозу вогнали в тело империалистов, и пусть ходят». Успех действий СССР был очевиден. 25 октября были выведены войска США из Ливана, 2 ноября были эвакуированы английские войска из Иордании. Однако эти события не привели к разрядке международной напряженности.

К этому времени возникла новая «горячая точка» на другом конце Азии – у берегов Китая. 23 августа войска Китайской Народной Республики стали обстреливать острова Куэмой и Мацзу, расположенные у берегов провинции Фуцзянь и контролируемые гоминдановскими войсками. В ответ США стали наращивать свою военную мощь на Тайване. 4 сентября государственный секретарь США Д. Даллес от имени президента США Д. Эйзенхуаэра сделал заявление, что попытки КНР вступить на земли Куэмоя, Мацзу и Тайваня будут квалифицироваться как «грубое нарушение принципов, на которых основан мировой порядок». В США заговорили о возможности применения ядерного оружия против Китая.

7 сентября 1958 года Хрущев направил послание Эйзенхауэру, в котором призывал вывести американский военно-морской флот из Тайваньского пролива и американские войска с территории Тайваня, заявил: «Я хотел бы подчеркнуть… что Китай не одинок, у него есть верные друзья, готовые прийти ему на помощь в любой момент в случае агрессии против Китая, так как интересы безопасности народного Китая неотделимы от интересов безопасности Советского Союза». 19 сентября Хрущев направил новое послание Эйзенхауэру, которое было расценено американскими дипломатами столь грубым, что было возвращено в МИД СССР. 30 сентября СССР возобновил ядерные испытания.

Обстановка в районе Тайваньского пролива обострялась. В связи с вторжением американского самолета в воздушное пространство КНР, китайское правительство сделало «серьезное предупреждение». Потом последовал еще один подобный инцидент, в ответ на который было сделано «второе серьезное предупреждение». Многие советские люди считали, что после очередного «предупреждения» китайцы начнут войну против США, а вслед за ними – и мы. В этой обстановке на Президиуме ЦК 30 октября было решено не отвечать на просьбу Мао Цззduна увеличить поставки авиационного и артиллерийского оборудования в Китай. На том же заседании было решено «подсократить» объем торгового оборота с Китаем. В то же время ничто не свидетельствовало об ухудшении отношений между СССР и КНР. В своем приветствии советским руководителям по случаю 41-й годовщины Октябрьской революции Мао Цзэдун, Лю Шаоци и Чжоу Эньлай писали: «Китайский народ получил мощную поддержку советского народа в борьбе против американского империализма, который захватил китайскую территорию Тайвань и вторгся в Тайваньский пролив. Китайский народ выражает за это глубокую благодарность».

Ситуация в Тайваньском проливе вызвала серьезную озабоченность во всем мире. Руководство правящей лейбористской партии выступило с заявлением о том, что Великобритания не поддержит войны США с Китаем. Даже такой верный союзник США, как Филиппины, отказали американцам в поддержке в этом конфликте. Внутри США также

ширились выступления против раздувания конфликта. Тем временем «серьезные предупреждения» КНР продолжались. Последовало «десятое» предупреждение… «двенадцатое»… «двадцатое». И тут советские люди стали успокаиваться, а тема «серьезного предупреждения» стала использоваться в анекдотах. К этому времени начались китайско-американские переговоры и обстановка в Тайваньском проливе несколько разрядилась.

Однако ослабление напряженности у берегов Китая сменилось новым международным конфликтом. 6 ноября на заседании Президиума ЦК Хрущев заявил о необходимости пересмотреть статус Западного Берлина, определенного Потсдамскими соглашениями. «Что осталось от Потсдамского соглашения? – говорил Хрущев. – Ничего не остается от соглашения. Не настало ли время отказаться от Потсдамского соглашения». Ему возражал Микоян: «Я сомневаюсь… Будут обвинять нас в обострении обстановки». Но Брежнев, Козлов, Кириченко поддержали Хрущева.

Западный Берлин оставался болезненной занозой в теле ГДР и всего социалистического лагеря. Действовавшие соглашения 1945 года сохранили в Берлине уникальную возможность для беспрепятственного перехода с Востока на Запад и обратно. Во-первых, благодаря этому существовала возможность для спекуляции дешевыми продовольственными товарами ГДР и дешевыми промышленными товарами из ФРГ. Именно это стало причиной попыток СССР изолировать Западный Берлин в 1948 году. Во-вторых, отсюда можно было легко засылать тайных агентов с Запада в ГДР и другие социалистические страны. Однако ГДР вместе с СССР также активно использовали эту удобную возможность. В-третьих, через неохраняемую внутриберлинскую границу можно было беспрепятственно эмигрировать из ГДР в ФРГ. Ежегодный отток десятков тысяч немцев с Востока на Запад стал причиной сомнений советского руководства в 1953 году, стоит ли вообще строить социализм в ГДР, Однако после ареста Берии такие сомнения уже не высказывались, и поэтому советское правительство желало остановить постоянную миграцию.

И все же главным для Хрущева было желание заставить Запад оставить Западный Берлин и тем самым продемонстрировать всему миру, что теперь, после достижения успехов СССР в создании мощных ракет, Запад отступил в центре Европы. Кажется, что Хрущев решил добиться успеха, там где потерпел неудачу Сталин. Однако было очевидно, что Хрущев не извлек никаких уроков из первого берлинского кризиса 1948–1949 годов. Более того, он решил, что причиной отступления СССР явилось то, что блокада Западного Берлина была неполной и западные державы продолжали снабжать осажденный город по «воздущному мосту». На сей раз Хрущев собирался сделать блокаду полной и сбивать самолеты западных держав, если они попытаются лететь к Западному Берлину.

По мнению Микояна, «в вопросе Берлина Хрущев… проявил удивительное непонимание всего комплекса вопросов». Сразу же после выступления Хрущева Микоян «попросил присутствовавшего Громыко… высказать мнение МИДа. Тот что-то промычал нечленораздельное. Я повторил вопрос – тот опять мычит: видимо, не смел противоречить Хрущеву, но и не хотел взять ответственность за такой шаг. Я долго тогда говорил о значении (Потсдамских) соглашений, перечислял возможные отрицательные для нас последствия отказа от них, настаивал на том, что в спешке такие вопросы решать недопустимо!» Микоян писал, что даже подал в отставку «из-за Берлина и Потсдамских соглашений, от которых он (Хрущев) хотел в одностороннем порядке отказаться, публично заявив об этом осенью 1958 года». «В конечном итоге, – вспоминал Микоян, – предложил отложить обсуждение на неделю, обязав МИД представить соображения в письменной форме».

Однако через 4 дня после дискуссии на Президиуме, 10 ноября 1958 года, во время своего выступления на митинге советско-польской дружбы по случаю пребывания в СССР делегации во главе с В. Гомулкой, Н.С. Хрущев объявил о своем намерении в ближайшие полгода подписать мирный договор с Германией. Если этого не произойдет, заявлял Хрущев, то СССР подпишет мирный договор только с Германской Демократической Республикой. В этом случае, заявил Хрущев, «Советский Союз передаст те функции в Берлине, которые еще сохраняются за советскими органами, суверенной Германской Демократической Республике, Пусть США, Франция и Англия сами строят отношения с Германской Демократической Республикой, сами

договариваются с ней, если их интересуют какие-либо вопросы, касающиеся Западного Берлина». Хрущев предупредил: «Если какие-либо агрессивные силы выступят против правительства ГДР, то Советский Союз будет рассматривать подобные выступления, как направленные против СССР».

27 ноября в своем выступлении на пресс-конференции Хрущев объявил, что СССР намерен осуществить намеченные им мероприятия по прекращению условий оккупации через полгода. В тот же день советское правительство направило ноты правительствам США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР с предложением превратить Западный Берлин в вольный город, территория которого была бы демилитаризована. Статус Западного Берлина охранялся бы ООН. Так была видоизменена идея Хрущева об отмене Потсдамских соглашений и передаче Западного Берлина Германской Демократической Республике. Тем не менее и в смягченном варианте требование вывода своих войск из Западного Берлина было неприемлемо для США и их союзников. На совместной встрече министров иностранных дел США, Великобритании и Франции 14 декабря это требование было отклонено. В ответ СССР направил 10 января 1959 года новый проект мирного договора с Германией. СССР предлагал подписать его с двумя германскими государствами.

В конечном счете обмен нот привел к согласию провести международную конференцию в Женеве по германскому вопросу. Помимо СССР и западных союзников в ней приняли участие представители ГДР и ФРГ в качестве наблюдателей. Таким образом, СССР добился частичного признания ГДР в качестве субъекта международного права.

Все эти кризисы 1958 года разрешились мирно, и Хрущев мог утверждать, что попытки «империалистических агрессоров» развязать войну и расширить свои владения были сорваны. Однако существенных изменений в расстановке сил на мировой арене не произошло. Следствием этих кризисов было начало затяжных переговоров между США и КНР, а также между СССР и западными державами по германскому и берлинскому вопросам. Пожалуй, наиболее значительных успехов СССР добился в результате ухода англо-американских войск из Ливана и Иордании и их отказа от вторжения в Ирак. Но уже в конце 1959 года в Ираке начались аресты коммунистов, что никак не свидетельствовало о просоветской позиции правительства Касема, спасенного Хрущевым от свержения англо-американскими интервентами. (Еще раньше стали арестовывать коммунистов и в ОАР.) Сомнительные итоги каждого из международных кризисов 1958 года позволяли поставить вопрос: стоило ли доводить всякий раз ситуацию до опасного сползания к мировой войне?

И хотя в каждом из этих кризисов Хрущев исходил из стремления защитить интересы СССР и его союзников, всякий раз он проявлял чрезмерное рвение и делал заявления, нагнетавшие без нужды международную напряженность. Не прекращал он делать и хвастливые заявления о преимуществах СССР в развитии межконтинентальных ракет и космической техники. Правда, для этого были определенные основания. Несмотря на то что США удалось запустить свой первый искусственный спутник Земли «Эксплорер-1» 31 января 1958 года, СССР продолжал опережать США по количеству и весу запускаемых космических аппаратов. Постоянно объявлялись предупреждения судам и самолетам, находившимся в различных частях Тихого океана, о новых испытаниях советских межконтинентальных ракет. Хрущев уверял, что в СССР ракеты выпускают на конвейере «как колбасы».

С одной стороны, такие заявления Хрущева доказывали Западу необходимость умножить свои усилия в наращивании гонки вооружений. 9 января 1958 года, выступая с ежегодным посланием конгрессу США, президент Д. Эйзенхауэр, признав, наконец, отставание от СССР в освоении космоса, заявил, что Советский Союз ведет против США «всеобщую холодную войну» и призвал: «Ответной реакцией Конгресса и американского народа должны стать усилия, направленные на то, чтобы это время испытаний обернулось для них временем чести и достоинства». Конгресс США охотно выделял новые средства для создания ракет и запусков искусственных спутников, чтобы наверстать качественное отставание от нашей страны. В то же время Эйзенхауэр подвергался критике за отступление перед советской мощью в космосе и на Земле. Следствием этого явилось сокрушительное поражение республиканской партии на выборах в конгресс в ноябре 1958 года. Демократическая партия и ее лидеры уверяли избирателей, что они смогут лучше противостоять «советскому вызову» и для этого настаивали

на дальнейшем наращивании вооружений.

С другой стороны, заявления Хрущева о советском превосходстве в ракетах и возможности их применения против стран Запада, сделанные им в ходе международных кризисов 1958 года, способствовали восприятию нашей страны многими на Западе как постоянного источника угрозы для их существования. Усилению негативного отношения к СССР способствовали и еще два события 1958 года – расстрел Имре Надя в середине июня и реакция СССР на присуждение Нобелевской премии писателю и поэту Борису Пастернаку.

Расстрел бывшего премьер-министра Венгрии по приговору венгерского суда вызвал бурные протесты во многих странах мира. Опять в разных столицах мира прошли массовые демонстрации, сопровождавшиеся нападениями на советские посольства. В ответ в Москве демонстранты забрасывали различными предметами посольства тех стран, где наиболее активно громили советские посольства. (Досталось больше всего посольству Дании.)

Сообщение о присвоении Б. Пастернаку Нобелевской премии за его роман «Доктор Живаго» сопровождалось шумной кампанией вокруг произведения, которого в СССР почти никто не читал, так как он был опубликован лишь за рубежом. Правда, из опубликованной в «Литературной газете» главы романа и комментариев к ней ряда писателей читатели могли убедиться в том, что изложение событий Гражданской войны Пастернаком сильно отличается от общепринятых канонов в советской литературе. Однако из этих материалов никак нельзя было сделать вывод, что роман Пастернака является произведением, клевещущим на советскую страну. Между тем резкость выступлений против Пастернака и количество таких выступлений создавало впечатление, что известный поэт совершил величайшую измену против своей страны. Выступая на пленуме Союза советских писателей СССР, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастный заявил, что Пастернак «нагадил там, где ел, он нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит». В этих условиях Пастернак опубликовал заявление, в котором он отказывался от Нобелевской премии.

Кампания против Пастернака способствовала популярности его романа на Западе и превратила этого аполитичного поэта, до сих пор неизвестного за пределами нашей страны, в героя сопротивления советскому строю в глазах многих граждан западных стран. Многие на Западе рассуждали так: «Если такая трудночитаемая и политически нейтральная книга, как "Доктор Живаго", стала предметом столь шумной травли и гонений на ее автора, то насколько же сильна нетерпимость в СССР? Что же ждет граждан западных стран, если в результате поражения в мировой войне они станут жить в условиях такой же системы?» При этом Хрущев, с его несдержанностью в речи, грубостью и резкостью заявлений, вульгарностью манер, становился в руках опытных манипуляторов общественного сознания Запада фигурой, олицетворяющей агрессивное варварство, угрожающее «цивилизованным» странам. Попытки Хрущева создать свой привлекательный образ, как борца за мир во всем мире, предпринимавшиеся им с 1955 года, и добиться разрядки международной напряженности терпели крах.

Глава 2
«СЪЕЗД СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА»

Внимание к международным проблемам создавало впечатление, что внутри страны Хрущев добился политической стабильности и его положение незыблемо. Этому способствовало изгнание из состава Президиума ЦК Н.А. Булганина на сентябрьском (1958 г.) пленуме ЦК КПСС. На июньском (1958 г.) пленуме ЦК в кандидаты в члены Президиума были избраны союзники Н.С. Хрущева Председатель Совета Министров РСФСР Д.С. Полянский и первый секретарь ЦК КП Украины Н.В. Подгорный. Однако под прикрытием фраз о сплоченности советского руководства внутри него не прекращалась подспудная борьба с целью завладеть ключевыми позициями в управлении страны. По словам Микояна, «к реальной власти рвался Игнатов», который «хотел свести Хрущева к положению английской королевы. В этом Игнатову препятствовали сначала Кириченко, потом Козлов. Кириченко такой цели не ставил, но Игнатову тоже не хотел давать ходу. А Козлов рассуждал точно так же, как и Игнатов, только главную роль отводил себе: "Пусть он ездит по всему миру, а мы будем управлять".

Таким образом, те руководители, которых Хрущев выдвинул в июне 1957 года в руководство страны на смену «антипартийной группе», через несколько месяцев стали подкапываться под него и строить планы захвата власти в стране.

В свои честолюбивые планы Н.Г. Игнатов вовлек председателя КГБ СССР И.А. Серова, близкого к Н.С. Хрущеву со времен его работы на Украине. Это вызвало опасения Микояна, который стал настаивать на отставке Серова. Микоян объяснял свое желание тем, что причастность Серова к репрессиям компрометирует советское правительство. Он писал: «С годами разоблачение репрессий делало Серова… одиозной фигурой, невозможно было уже его держать… Когда я настаивал на снятии Серова, Хрущев защищал его, говоря, что тот "не усердствовал, действовал умеренно"… Скорее всего, поскольку Хрущеву самому приходилось санкционировать аресты многих людей, он склонен был не поднимать шума о прошлом Серова». Действительно, в западной печати о Серове не раз писали, как о «палаче Хрущева». Но на Западе знали и о причастности и Хрущева, и Микояна к репрессиям. К тому же в Кремле никогда особенно не учитывали общественное мнение враждебного Запада в подборе советских руководителей. Скорее всего, опытный политический деятель Микоян опасался участия Серова в сговоре, направленном против Хрущева и близких к нему людей, включая самого Микояна. Он писал: «Серов знал, что я против него. Он искал опоры у Игнатова, секретаря ЦК, имевшего тогда влияние на Хрущева, да и сам Игнатов искал сближения с Серовым».

Как всегда в кремлевской практике, частые встречи между отдельными советскими руководителями вызвали подозрения у тех, кто не участвовал в них. По словам Микояна, «Кириченко… однажды прямо при Игнатове выразил удивление, что тот часто общается с Серовым, хотя по работе у них точек соприкосновения нет, так как председатель КГБ выходил прямо на Первого секретаря – Хрущева. Речь шла о том, что Серов часто в рабочее время приезжает в кабинет Игнатова. "Конечно, это не криминал, – заметил Кириченко. – Просто непонятно, несколько раз искал Серова и находил его по телефону у тебя". Игнатов стал утверждать, что ничего подобного не было, что он с Серовым не общается. В этот раз прошло без последствий, хотя само такое яростное отрицание очевидного факта обычно выглядит хуже, чем сам факт», – замечал Микоян.

По словам Микояна, «Кириченко не успокоился и через некоторое время вернулся к этому вопросу уже при Хрущеве. "Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым? – спросил он Игнатова. – Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК, стали искать в Отделе административных органов – не нашли. В конечном счете оказалось, что он был опять у тебя в кабинете". "Нет, он у меня не был!" Тогда Кириченко называет фамилию человека, который по его поручению искал Серова и нашел его выходившим из кабинета Игнатова. Хрущев так искоса посмотрел на Игнатова, промолчал. Но все стало ясно». Для Хрущева посещение председателем КГБ СССР кабинета секретаря ЦК КПСС не в связи со служебным делом было равносильно его встрече с иностранным шпионом. Микоян заключал: «Только после этого случая Хрущев согласился убрать Серова из КГБ».

Однако еще до отставки Серова Игнатов попытался предотвратить ее. На заседании Президиума ЦК 3 декабря 1958 года Хрущев сообщил: «Пришел ко мне Игнатов и поставил вопрос: правильно ли, не поторопились ли мы решать вопрос о Серове». Тогда на заседании снова начались разбирательства посещения Серовым кабинета Игнатова и сокрытия Игнатовым этого факта от Кириченко. Суслов: «Кириченко мне говорил о случае. Неправильно. Серов – малоэффективен. Сменить». Козлов: «Удивляет Игнатов, если ошибся – скажи, но такое поведение… Нечестное поведение». Микоян: «Самое плохое, что не сказал Хрущеву, что Серов был у т. Игнатова». Аристов: «Об отношении к т. Хрущеву – честное должно быть. Выдержки не хватает у Игнатова». В ответ Игнатов заявил: «Все понял, (вопрос) исчерпан».

Очевидно, что эта дискуссия, возникшая из-за, казалось бы, ничтожного события, скрывала за собой опасения, что член Президиума ЦК и секретарь ЦК Игнатов может сговариваться с руководителем КГБ, сыгравшим заметную роль в победе Хрущева над «антипартийной группой». Возможный сговор Серова с Игнатовым напугал Хрущева, как до этого его напугали заявления и действия Жукова. Вскоре Серов был отправлен в отставку, а новым председателем КГБ СССР стал бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин. Через некоторое время был снят и третий «силовой» министр, который помог Хрущеву

удержаться у власти в июне 1957 года. В декабре 1959 года было принято решение об упразднении МВД СССР, и в январе 1960 года Н.П. Дудоров лишился министерского поста. В апреле 1959 года Игнатов, который возглавлял 20 делегатов от членов ЦК, прибывших для спасения Хрущева в июне 1957 года, был назначен Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, на должность, которая до сих пор не требовала членства в Президиуме ЦК КПСС. Так Н.С. Хрущев расправился со своими спасителями. Очевидно, он не хотел, чтобы люди, которые оказались достаточно сильными, чтобы ему помочь сохранить пост Первого секретаря, занимали такое положение, которое позволило бы им и в дальнейшем вмешиваться в борьбу за власть.

С конца 1958 года началась подготовка к внеочередному, XXI съезду КПСС. До сих пор в истории партии был лишь единственный чрезвычайный съезд, восьмой по счету, созванный для принятия решения по Брестскому миру. Это обстоятельство подчеркивало чрезвычайность события, организованного Хрущевым. Проведение внеочередного съезда позволяло избежать перевыборов в высшие органы партии и доклада о работе, проделанной за отчетный период. Накануне съезда партии состоялся ноябрьский (1958 г.) пленум ЦК КПСС, на котором были оглашены «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы». Это было беспрецедентным событием в истории СССР со времени принятия первого пятилетнего плана на 1928–1933 годы, так как выполнение шестого пятилетнего плана на 1956–1960 годы еще не было завершено. Из содержания предложений по семилетнему плану следовало, что темпы развития советской экономики в 1959–1965 годах должны стать существенно ниже, чем в соответствии с планом 1956–1960 годов. В то время как по пятилетнему плану был намечен рост производства чугуна на 59%, стали – на 50%, нефти – на 91%, то семилетний план предусматривал рост по чугуну – на 32%, по стали на 33%, по нефти – на 78%.

Дело было не только в том, что по мере роста советской экономики каждый процент производства становился все более весомым. Ко всему прочему в конце 1958 года стало ясно, что никаких возможностей выполнить шестой пятилетний план у страны нет. В 1962 году Хрущев возложил вину за провал шестой пятилетки на бывшего председателя Госплана Сабурова. Хрущев говорил: «Это был не план, а филькина грамота… Сабуров… был буквально безграмотным человеком». На деле план был не выполнен прежде всего потому, что инициативы Хрущева в организации управления хозяйства и другие его действия сделали это невозможным. Создание совнархозов нанесло мощный удар по советской экономике. Почти через год после начала этой хрущевской реформы на заседании Президиума ЦК 6 мая 1958 года констатировалось: «Уродливые явления, анархизм, направление средств на другие цели». Немалые потери страна понесла и из-за неумеренного укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы, усиленной помощи социалистическим странам с тем, чтобы предотвратить повторение событий, подобных «венгерским», международных кризисов, которые требовали новых вооружений и их дорогостоящей переброски поближе к "горячим точкам". Все это отвлекало средства и силы советских людей от выполнения пятилетнего плана».

Через два года, в конце 1960 года, то есть к моменту завершения шестой пятилетки, страна отставала от выполнения заданий шестого пятилетнего плана. В то время как этот план предусматривал производство чугуна в 1960 году 53 миллиона тонн, то на самом деле было произведено 46,7 миллионов тонн. В 1960 году было намечено произвести 68 миллиона тонн стали, а было произведено 65,2 миллиона тонн. Проката следовало произвести в 1960 году 52,7 миллиона тонн, а было произведено – 43,6 миллиона тонн. Наибольшее отставание от плановых заданий произошло в сельском хозяйстве, которое было предметом постоянных забот Хрущева. В соответствии с заданиями шестой пятилетки страна должна была произвести 11 миллиардов пудов, или 175 миллионов тонн, зерна. На самом деле в 1960 году было собрано 125,5 миллиона тонн зерна. Теперь Хрущев опять выдвигал задачу собрать 11 миллиардов пудов в 1965 году, то есть добиться выполнения заданий шестой пятилетки к концу новой семилетки. (На деле и этот план не был выполнен, а в 1965 году был собран 121 миллион тонн зерна, то есть меньше, чем в 1960 году.)

Задания шестой пятилетки предусматривали произвести в 1960 году в 2 раза больше мяса, чем в 1955 году, то есть около 12,6 миллиона тонн. На самом деле в 1960 году было произведено 8,7 миллиона тонн мяса. (Не было выполнено и задание семилетки о производстве

16 миллионов тонн мяса в 1965 году. На деле было произведено 10 миллионов тонн мяса.) В соответствии с шестилетним планом в 1960 году надо было произвести около 90 миллионов тонн молока, а на деле в том году надои составили 61,7 миллиона тонн молока. (Задание семилетки также не было выполнено: вместо намеченных 105 миллионов тонн было произведено 72,6 миллиона тонн молока.)

Разумеется, достижения в ходе выполнения заданий шестого пятилетнего плана по целому ряду отраслей производства были впечатляющими и невиданными для многих капиталистических стран, а затем и нашей страны в постсоветское время. Они свидетельствовали о быстром и поступательном развитии социалистической экономики во всех отраслях, за исключением производства зерна. В то же время было очевидно, что провозглашение семилетнего плана должно было скрыть провал выполнения шестого пятилетнего плана.

К открывшемуся 27 января 1959 года XXI съезду КПСС было обращено внимание всего мира. На съезд прибыли делегации от 70 коммунистических партий. Среди гостей были Чжоу Эньлай, Хо Ши Мин, Ким Ир Сен, Ходжа, Гомулка, Новотный, Ульбрихт, Тольятти, Айдит, Корвалан, Арисменди, Ибаррури и другие видные руководители движения, насчитывавшего десятки миллионов коммунистов. Как и в 1956 году, Н.С. Хрущев открыл съезд партии. Слово для доклада ему предоставил А.И. Кириченко, и это свидетельствовало о том, что он занимает теперь значительное место в партийной иерархии. В повестке дня был лишь единственный вопрос – об утверждении «контрольных цифр» семилетки.

Первый раздел своего доклада «Великие победы советского народа» Хрущев открыл цитатой из Ленина о том, что окончательной целью социалистических преобразований является построение коммунистического общества. Далее Хрущев сказал: «Осуществляя политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, наш народ под руководством партии и ее Центрального комитета, во главе которого долгие годы стоял И.В. Сталин, совершил глубочайшие преобразования. Преодолевая все трудности на своем пути, ломая сопротивление классовых врагов и их агентуры – троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов и других, наша партия, весь советский народ добились исторических побед, построили новое, социалистическое общество». На протяжении всего доклада Хрущев не делал никаких критических высказываний в адрес Сталина. За исключением выступления П.Н. Поспелова, заметившего, что «в последние годы жизни Иосифа Виссарионовича Сталина» наметился «опасный разрыв между теорией и практикой», иных замечаний в адрес Сталина на съезде не прозвучало.

Зато немало критики было высказано в адрес руководства Югославии, сближение с которым стало причиной острого конфликта между Хрущевым и Молотовым и в значительной степени спровоцировало антисталинский доклад на XX съезде. Теперь Хрущев заявлял: «Югославские ревизионисты принижают роль партии и, по сути дела, отрицают ленинское учение о партии как руководящей силе в борьбе за социализм». Хрущев обвинял их в том, что они «крутят, фальшивят, бегут от правды», а также «сидят на двух стульях». При этом, напомнив, что Югославия входит в Балканский пакт, участниками которого являются члены НАТО Греция и Турция, Хрущев заявлял, что «югославский стул очень поддерживается американскими монополиями». Хрущев говорил, что «марксистско-ленинские партии с тревогой наблюдают за тем, что происходит в Югославии… Политика югославских руководителей, направленная на противопоставление Югославии социалистическому лагерю и международному коммунистическому движению, может привести к потере социалистических завоеваний югославского народа». Хрущев говорил, что «коммунистическое движение нанесло по ревизионизму сокрушительные удары. Но ревизионизм не добит. Надо иметь в виду, что империализм будет всячески стремиться поддерживать и активизировать ревизионистов». Как и в период заигрывания с руководством Югославии, Хрущев теперь неоправданно много уделял внимания советско-югославским отношениям.

Одновременно Хрущев подверг резкой критике руководителей Югославии за то, что они «распускают всякие домыслы о якобы имеющихся расхождениях между Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Китая. Как говорится в русской пословице, "голодной куме хлеб на уме". Ревизионисты ищут разногласий между нашими

коммунистическими партиями, но их иллюзорные надежды обречены на провал. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)… Можно сказать югославским ревизионистам: не ищите щелей там, где их нет. Видимо, вы хотите себя подбодрить и ввести в заблуждение югославский народ измышлениями о том, что разногласия имеются не только у нас с вами, но и якобы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Не выйдет. Вам этого не видать, как своих ушей. (Оживление в зале. Аплодисменты.) Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Китая все делают для того, чтобы укреплять дружбу двух великих социалистических стран. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)»

Осудив югославских руководителей за «ревизию» ими марксизма-ленинизма, Хрущев предложил свое новое теоретическое положение о характере советского общества. Еще на июньском (1957 г.) пленуме ЦК суровой критике был подвергнут Молотов за то, что 8 февраля 1955 года он объявил, что в Советском Союзе «построены основы социалистического общества». Однако это положение лишь повторяло известное высказывание Сталина из его «ответа Иванову, Ивану Филипповичу» от 12 февраля 1938 года. Отвечая на вопрос «о победе социализма в одной стране», Сталин утверждал: «Мы успели уже ликвидировать свою буржуазию, наладить братское сотрудничество с крестьянством и построить в основном социалистическое общество, несмотря на отсутствие победы социалистической революции в других странах». Теперь же Хрущев объявлял, что «советский народ… упорно строил социалистическое общество, шел вперед по неизведанным путям и добился полной победы социализма в нашей стране. (Продолжительные аплодисменты.)»

В том же письме Иванову Сталин утверждал, что «окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе… Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ». Теперь в своем докладе Хрущев объявлял: «Теперь положение в мире коренным образом изменилось. Нет уже больше капиталистического окружения нашей страны. Имеются две мировые системы: отживающий свой век капитализм и полный растущих жизненных сил социализм, на стороне которого симпатии трудящихся всех стран. (Аплодисменты.) Советская держава, как и любая другая социалистическая страна, не гарантирована от возможной агрессии со стороны империалистических государств. Но соотношение реальных сил в мире сейчас таково, что мы сумеем отразить любое нападение любого врага. (Бурные аплодисменты). В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)»

По логике сталинского ответа И.Ф. Иванову получалось, что Хрущев мог быть отнесен Сталиным к «слепым бахвалам», «головотяпам» или «скрытым врагам, желающим прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ».

Бахвальства в докладе Хрущева было немало. Хотя доклад не был отчетным, в начале его Хрущев немало сказал об успехах в развитии советского хозяйства. Для того чтобы скрыть отставание от плановых заданий, Хрущев говорил о достижениях страны по сравнению то с 1913 годом, то с 1940 годом, то с 1953 годом. Некоторые данные, приводимые Хрущевым, были явно преувеличенными. Так, он утверждал, что задача «увеличить заготовки молока в 1,8 раза» к 1960 году, поставленная на январском (1955 г.) пленуме ЦК КПСС, была выполнена «с превышением уже в 1957 году, то есть за три года вместо шести лет». На самом деле заготовки молока с 1955 по 1957 год увеличились с 43 миллионов тонн до 54,7 миллиона, то есть в 1,3 раза. Намеченная в 1955 году задача не была выполнена и в 1960 году. К этому времени молока было заготовлено в 1,4 раза больше, а не в 1,8 раза.

Хрущев лишь глухо упомянул о том, что в стране «еще имеются отстающие предприятия, не выполняющие плановых заданий». Зато он много говорил о достижениях страны в освоении космоса. Напомнив делегатам съезда о запуске советской ракеты в сторону Луны в первые дни января 1959 года, он говорил: «Первым в мире искусственным спутником Земли был советский спутник; первой искусственной планетой Солнечной системы является советская планета…

Даже враги социализма теперь перед лицом неопровержимых фактов вынуждены признать это величайшим достижением космического века, новым триумфом Советского Союза. (Бурные аплодисменты.)»

Поскольку, по оценке Хрущева, социализм в СССР победил полностью и окончательно, программа экономического развития на семилетку определялась им так: «Всестороннее развитие производительных сил страны, достижение такого роста производства во всех отраслях экономики на базе преимущественного развития тяжелой индустрии, который позволил бы сделать решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма и в обеспечении победы СССР в мирном экономическом соревновании с капиталистическими странами». Хрущев пояснял: «Ныне задача состоит в том, чтобы добиться перевеса социалистической системы над капиталистической системой в мировом производстве, превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, по производству продукции на душу населения и обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень».

Хрущев вновь бросал вызов Америке. Он заявлял: «На этом этапе соревнования Советский Союз намерен превзойти в экономическом отношении Соединенные Штаты Америки… Исходя из темпов роста промышленности в СССР и в США, Советский Союз в результате выполнения плана по абсолютному производству некоторых главнейших видов продукции превзойдет, а по другим приблизится к нынешнему уровню промышленного производства в США. К этому времени производство важнейших продуктов сельского хозяйства в целом и на душу населения превысит современный уровень Соединенных Штатов. Население как в СССР, так и в США будет расти, причем можно ожидать, что прирост населения у нас будет больше. Видимо, населения в СССР будет больше, чем в США, примерно на 15–20 процентов. Поэтому, если исчислять на душу населения, то понадобится, вероятно, после выполнения семилетнего плана еще лет пять, чтобы догнать и превзойти Соединенные Штаты по производству промышленной продукции. Стало быть, к этому времени, а может быть, и раньше, Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству на душу населения. Это будет всемирно-историческая победа социализма в мирном соревновании с капитализмом на международной арене. (Бурные аплодисменты.)»

Хрущев преувеличивал возможные успехи не только СССР. Он принимал на веру и преувеличенные планы руководства других социалистических стран. Он заявлял: «Известно, например, что Коммунистическая партия Китая выдвинула в 1957 году задачу – превзойти в течение ближайших 15 лет Англию по объему производства важнейших отраслей промышленности. Широко развернувшееся в стране народное движение "большого скачка" показывает, что китайский народ решит эту задачу в значительно более короткие сроки». Это подтверждал в своем выступлении возглавлявший делегацию Компартии Китая Чжоу Эньлай, сообщивший, что в результате движения «большого скачка» в КНР за 1958 год возросло производство стали в 2,5 раза. (На самом деле значительная часть произведенного металла изготовлялась в домашних печах и была низкого качества.) Ссылаясь на высокие темпы экономического развития не только СССР, но и КНР, а также других социалистических стран, Хрущев утверждал: «В результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, а также высоких темпов развития экономики стран народной демократии страны мировой экономической системы будут производить более половины всей мировой промышленной продукции. (Бурные аплодисменты.) Тем самым будет обеспечено превосходство мировой системы социализма над мировой системой капитализма в материальном производстве, в решающей сфере человеческой деятельности. (Аплодисменты.)»

Детально изложив задачи семилетнего плана в развитии экономики СССР, Хрущев провозгласил и новые задачи в улучшении благосостояния советских людей. Он обещал дальнейшее сокращение рабочей недели, перевод «работников, занятых на подземных работах и в производствах с вредными условиями труда, на 30-часовую рабочую неделю и всех остальных работников на 35-часовую рабочую неделю». Он провозглашал: «В СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя при одновременном росте благосостояния населения».

Помимо программы ускоренного социально-экономического развития страны, большое место в докладе Хрущева заняли вопросы идеологического воспитания советских людей в духе коммунистической общественной морали. Особое значение придавалось воспитанию «коммунистического отношения к труду». Еще в октябре 1958 года в депо «Москва-Сортировочная», где в мае 1919 года состоялся первый коммунистический субботник, началось «движение за коммунистический труд». Вскоре по всей стране развернулось движение за право именоваться «бригадами коммунистического труда». Примером для них служил почин работницы Вышневолоцкой фабрики Валентины Гагановой. Добившись в возглавляемой ей бригаде больших производственных успехов, она покинула своих товарищей и пошла в отстававшую бригаду и добилась того, что и эта бригада стала передовой. Последователями Гагановой стали строители, шахтеры, колхозники. В мае 1960 года на Всесоюзном совещании ударников коммунистического труда было сказано, что движение за коммунистическое отношение к труду объединяло 5 миллионов человек. Хрущев придавал большое значение движению за коммунистический труд и восхвалял почин Гагановой. Он говорил: «Ценность и благородство поступка этого человека в том, что не материальная заинтересованность толкнула ее на такой шаг, а идея, идейная преданность коммунистическому строю. И во имя этого строя человек идет на личные жертвы!»

Стремясь добиться воспитания новой «коммунистической морали», Хрущев постоянно говорил о необходимости реформировать школьное воспитание. В своем докладе на съезде он указал на важность укрепления связи школы с жизнью в соответствии с одобренными им «тезисами ЦК и Советского правительства». Он подчеркивал: «Тесная связь обучения с жизнью, с производством, с практикой коммунистического строительства должна стать ведущим началом изучения основ наук в школе, основой воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической нравственности». Школьная реформа, задуманная Хрущевым, предусматривала возрастающую роль государства и ослабление роли семьи в воспитании детей. Выдвигая задачу увеличения мест в школах-интернатах к 1965 году до 2,5 миллиона, Хрущев заявлял: «В будущем имеется в виду предоставить возможность для воспитания всех детей в школах-интернатах, что будет способствовать успешному решению задачи коммунистического воспитания подрастающего поколения и вовлечения новых миллионов женщин в ряды активных строителей коммунистического общества. (Аплодисменты.)»

Постановка всех этих задач в рамках семилетнего плана и последующего периода позволяли Хрущеву провозгласить, что СССР вступил в «период развернутого строительства коммунистического общества». Он объявлял: «Основной практической задачей для нашей страны является создание материально-технической базы коммунистического общества, новый мощный подъем социалистических производительных сил».

Хрущев утверждал: «Было бы упрощенчеством полагать, что если мы догоним Соединенные Штаты в экономическом отношении, то тем самым завершим коммунистическое строительство. Нет, это еще не конечный рубеж нашего движения… Соревнуясь с Америкой, мы не считаем ее для себя эталоном в экономическом строительстве… Выиграв экономическое соревнование с США, мы завершим только первый этап коммунистического строительства. Достигнутый на этом этапе уровень экономического развития для нас вовсе не конечная станция, а лишь разъезд, на котором мы сможем нагнать самую развитую капиталистическую страну, оставить ее на этом разъезде, а самим двигаться вперед. (Бурные аплодисменты.)»

«В решении задач коммунистического строительства, – говорил Хрущев, – большое теоретическое и практическое значение приобретает вопрос о путях развития и сближения колхозной и общенародной форм социалистической собственности… Слияние колхозно-кооперативной собственности с государственной собственностью в одну общенародную собственность – это не просто организационно-хозяйственное мероприятие, а решение глубокой проблемы преодоления существенного различия между городом и деревней».

Одновременно Хрущев говорил о том, что по мере продвижения к коммунизму «настоятельно встают также вопросы политической организации общества, государственного устройства и управления в период развернутого строительства коммунизма». Хрущев считал, что наиболее верным путем отмирания государства, которое должно будет произойти в

коммунистическом обществе, является передача функций государственных организаций общественным. Хрущев говорил: «Дело идет к тому, чтобы функции обеспечения общественного порядка и безопасности наряду с такими государственными учреждениями, как милиция и суды, выполняли параллельно и общественные организации. У нас сейчас осуществляется этот процесс».

Следствием этого курса Хрущева стала организация народных дружин, которые помогали милиции поддерживать порядок на улицах. Хотя по личному опыту я знаю, что дежурство в отрядах народных дружин часто сводилось к долгим и довольно скучным прогулкам по улицам, присутствие дружинников на улицах оказывало свое воздействие на потенциальных нарушителей порядка. Дружинники не раз помогали милиционерам останавливать антиобщественные поступки и даже задерживали преступников. В то же время надежда Хрущева на то, что «добровольные отряды народной милиции должны взять на себя обеспечение общественного порядка в своих населенных пунктах», была преждевременной. А ведь, надеясь на народные дружины, Хрущев взял курс на ликвидацию милиции. В своем докладе он объявил: «Резко сокращен аппарат милиции». Сокращение профессиональных работников милиции было неоправданным и могло лишь ослабить борьбу с преступностью.

Другим нововведением Хрущева стала передача ряда функций народных судов «товарищеским судам». Одновременно по инициативе Хрущева развилась практика передачи преступников на поруки трудовому коллективу, в котором он работал. Во многих случаях эта практика себя не оправдала, и в дальнейшем от нее отказались.

Доказывая «югославским ревизионистам», что советское государство постепенно отказывается от репрессивных функций, Хрущев заявил: «Как я уже говорил, у нас сейчас нет заключенных в тюрьмах по политическим мотивам». (Это утверждение дважды прозвучало в выступлении Хрущева, а затем в выступлении Шелепина. Но это не соответствовало действительности. В.В. Кожинов писал: «Те, кто утверждают, что Хрущев проявлял крайнюю жестокость под давлением Сталина, а, придя к власти, стал чуть ли не гуманистом, фальсифицируют историю. При Хрущеве… получали… сроки заключения до 10… и даже до 15… лет и «инакомыслящие» – к тому же нередко весьма умеренные – группы (в основном студенческие) Льва Краснопевцева (Москва, 1957), Револьта Пименова (Ленинград, 1957), Виктора Трофимова (Ленинград, 1957), Сергея Пирогова (Москва, 1958), Михаила Молоствова (Ленинград, 1958)…» Как отмечал Кожинов, аресты подобных групп продолжились и в дальнейшем. По оценке профессора Ю.В. Качановского, в течение правления Хрущева число новых политических заключенных составило около 10 000 человек.)

Объявляя программу свертывания ряда государственных структур, Хрущев одновременно исходил из необходимости всемерно укреплять партию и ее систему управления. В разделе доклада «Коммунистическая партия – руководящая и организующая сила советского народа в борьбе за победу коммунизма» Хрущев подчеркивал, что после XX съезда «партия осуществила ряд крупных мер в области внутренней и внешней политики… Центральный Комитет партии на своих Пленумах регулярно рассматривал назревшие вопросы коммунистического строительства». Он отмечал количественный рост числа членов партии. Действительно, за шесть с небольшим лет, прошедших с XIX съезда, число членов партии выросло с 6 882 145 человек до 8 239 131, то есть на 20%. Хрущев заявлял: «В нашей ленинской партии советский народ видит своего испытанного вождя и учителя, в ее мудром руководстве – залог побед коммунизма».

По мысли Хрущева, достижения советской экономики в ходе строительства коммунистического общества в ближайшие семь лет должны были также обеспечить «решающий перевес в соотношении сил на международной арене в пользу мира, и таким образом возникнут новые, еще более благоприятные условия для предотвращения мировой войны». В результате «осуществления экономических планов Советского Союза, всех социалистических стран Европы и Азии, – заявлял Хрущев, – будут созданы реальные возможности для устранения войны как средства решения международных вопросов». Хрущев пояснял, что «еще до полной победы социализма на Земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества».

В то же время, говоря о кризисах 1958 года, Хрущев не исключал возможности их

перерастания в глобальный конфликт. Вспомнив события в Тайваньском проливе, Хрущев заметил, что «недавно весь мир с тревогой наблюдал, как американские агрессивные действия грозили перерасти в огромный пожар». Он сказал, что «пожар мировой войны» может вспыхнуть в случае попыток Запада поглотить ГДР. При этом он осудил западногерманского канцлера Конрада Аденауэра за его непримиримую политику в отношении ГДР и заверил, что у лидера Христианско-демократического союза ФРГ «никаких перспектив попасть в рай… нет», а ему «уготовано совсем другое место – в геенне огненной». Выразив удовлетворение «развитием событий в странах Ближнего и Среднего Востока», Хрущев в то же время заявил, что «нельзя думать, что там исключена возможность обострения положения». Он выразил солидарность с президентами Ирака и ОАР Касемом и Насером, хотя и пожурил последнего за аресты коммунистов Сирии и Египта.

Говоря о возможности войны, Хрущев замечал: «Пока существует капитализм, всегда могут отыскаться люди, которые «рассудку вопреки» захотят ринуться в безнадежное предприятие. Однако этим они только ускорят гибель капиталистической системы. Любая попытка агрессии будет пресечена, а авантюристы окажутся там, где им и надлежит быть. (Продолжительные аплодисменты.)»

Хрущев напомнил, что «если Советский Союз умеет посылать ракету на сотни тысяч километров, то он может послать без промаха мощные ракеты в любую точку земного шара. (Аплодисменты.)»

В своих выступлениях делегаты съезда одобряли содержание доклада Хрущева. При этом упоминания фамилии Хрущева были чаще, чем на XX съезде. Так, в первом же выступлении в прениях первого секретаря ЦК КП Украины Н.В. Подгорного фамилия Хрущева прозвучала 11 раз. При этом зачастую фамилию Хрущева упоминали вместе с его именем и отчеством. Обильны были и восхваления его доклада. Н.В. Подгорный заявил: «Доклад тов. Н.С. Хрущева является ценным вкладом в дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории, ярким образцом единства теории и практики». Л.И. Брежнев заявил: «Программа этого семилетия, изложенная Хрущевым, восхищает всех нас своей грандиозностью, масштабами хозяйственного и культурного строительства. Она вдохновляет и мобилизует советских людей на новые великие дела». Председатель Совета Министров РСФСР Д.С. Полянский назвал доклад Хрущева «образцом неразрывного единства теории и практики, творческого развития марксизма-ленинизма. Он говорил: «Замечательный доклад Н.С. Хрущева – живое воплощение ленинских идей о построении коммунизма в нашей стране, свидетельство всепобеждающей силы марксизма-ленинизма». А.И. Микоян уверял, что «доклад… товарища Хрущева Никиты Сергеевича прозвучал величественной симфонией о коммунистическом строительстве». А.Б. Аристов, используя те же образные выражения, к которым прибегал Л.М. Каганович для характеристики доклада И.В. Сталина на XVII съезде – «съезде победителей», заявил: «Доклад Никиты Сергеевича Хрущева… как луч прожектора, освещает те дали, в которых уже ощутимо вырисовываются контуры величественного здания коммунизма».

Как и на «съезде победителей», в речах делегатов XXI съезда все чаще звучали славословия в адрес первого руководителя партии. В своем выступлении А.И. Кириченко сказал: «Справедливость требует отметить выдающуюся деятельность, ленинскую твердость, принципиальность и инициативу в постановке и разработке важнейших вопросов теории и практической деятельности нашей партии и Советского правительства, огромную организаторскую роль Первого секретаря Центрального комитета КПСС, Председателя Совета Министров Союза ССР товарища Никиты Сергеевича Хрущева. (Аплодисменты.)» Секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов заявил: «Надо прямо сказать, товарищи, что в той большой политической, организаторской, теоретической работе, которую провел во всех областях наш ленинский Центральный комитет, – от решения сложнейших и острейших международных вопросов, от неустанной борьбы за дело мира, за предотвращение войны, от решения важнейших вопросов развития сельского хозяйства и колхозного строя, перестройки управления промышленностью и строительством до вопросов науки, литературы и искусства, вопросов укрепления связи школы с жизнью – выдающаяся роль принадлежит инициативе, богатому политическому опыту, неутомимой энергии товарища Никиты Сергеевича Хрущева. (Аплодисменты.)»

Но зато почти каждый из выступавших делегатов высказывал свое осуждение «антипартийной группы» и свое восхищение победой Хрущева над ее членами, прибегая к красочным выражениям. Н.Г. Игнатов назвал «антипартийную группу» «мерзкой кучкой банкротов». Сказав, что члены «антипартийной группы» свалились в «политическое болото», председатель Госплана И.И. Кузьмин сказал: «Тысячу раз был прав товарищ Хрущев, когда говорил: каждого, кто попытается поднять руку на свою мать – на партию, ждет презрение народа».

На съезде были подвергнуты осуждению те бывшие члены Президиума ЦК, которые сразу после июньского (1957 г.) пленума ЦК не были включены в состав «антипартийной группы». Вспоминая покаянное выступление Булганина на декабрьском (1958 г.) пленуме ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС И.В. Спиридонов возмущался тем, что тот, осудив Молотова, Кагановича, Маленкова, не замечал их отрицательные черты раньше, так как «он работал с этими людьми не год и не два, а добрых два десятка лет». «Если это так, – вопрошал Спиридонов, – то спрашивается, как же в такую семью "дружных ребят" попал Булганин? Кто же он сам, как не единомышленник, а не только просто соучастник антипартийной группы?» Хотя многим делегатам съезда было известно, что Хрущев был хорошо знаком с Кагановичем с 1920-х годов и был его выдвиженцем, близким другом Булганина с начала 1930-х годов, союзником Маленкова с конца 1930-х годов, ни Спиридонов, ни другие делегаты съезда не задали Хрущеву вопрос: почему он раньше не замечал у членов «антипартийной группы» тех качеств, которые потом обличал в своих публичных выступлениях с конца июня 1957 года?

Однако Спиридонов был готов простить Булганина, так как он «худо ли, хорошо ли (скорее всего, худо)… хоть выступил перед партией, перед народом с осуждением своей антипартийной позиции. А вот кандидат в члены Президиума ЦК тов. Первухин и член ЦК тов. Сабуров за полтора года ни разу не выступили с осуждением антипартийной группы и своей роли в ней. Как же надо понимать это молчание, тт. Первухин и Сабуров, и нельзя ли потребовать от вас ответа перед съездом за ваши ошибки? (Аплодисменты.)»

Через несколько заседаний выступили М.Г. Первухин и М.З. Сабуров. Оба выступления напоминали те покаянные речи, которые произносили Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и другие на XVII съезде партии. Оба оратора выражали одобрение доклада Хрущева и его политики. Оба выступавших рассказывали, в чем была суть их «ошибочной позиции». Но вскоре стало ясно, что покаяния Первухина, да и Сабурова показались делегатам съезда неискренними и недостаточными. Точно так же на XVII съезде покаянные речи бывших оппозиционеров встречали издевательскими комментариями и их высмеивали за недостаточно глубокое раскаяние. Первый секретарь Омского обкома партии Е.П. Колущинский утверждал, что ЦК КПСС проявил «особую гуманность в отношении Булганина, Первухина, Сабурова, но они не сделали из этого никаких выводов». Он говорил, что Первухин, «хитрит, выкручивается, хочет уйти от ответственности… Вместо того, чтобы рассказать съезду о своей подленькой роли, о том, что был вместе с грязной заговорщической группой, и чистосердечно раскаяться перед съездом». Ему вторил первый секретарь Саратовского обкома КПСС Г.А. Денисов, который столь же резко осудил выступления Первухина и Сабурова.

Осуждая в своем выступлении речь Первухина, председатель Госплана И.И. Кузьмин обвинял его в том, что тот «систематически проводил линию на преимущественное строительство гидроэлектростанций, в связи с чем, без необходимости, на цели этого строительства отвлекались огромные средства. Электрификация страны задерживалась, народному хозяйству наносился ущерб». Кузьмин обвинял Первухина и в том, что он сознательно навязывал вредные решения по химической промышленности. Кузьмин обнаружил подобные действия и в прошлом Сабурова. Его поддержал бывший председатель КГБ, а тогда первый секретарь обкома Татарстана С.Д. Игнатьев, который обратил внимание на «вредные последствия» «недальновидной, неправильной линии, которую длительное время проводили некоторые работники Министерства нефтяной промышленности и Госплана СССР в период руководства им тов. Сабуровым». Эти обвинения напоминали те, которые предъявляли во время московских процессов Пятакову и другим «хозяйственникам», обвиненным во вредительской деятельности. Поскольку же председатель КГБ Шелепин объявил действия

«антипартийной группы» «заговором», то не исключено, что Хрущев и его сторонники запугивали своих противников возможным процессом, за которым могли последовать и массовые репрессии.

Однако дело до ареста «заговорщиков» и «вредителей» не дошло. Более того, не все участники выступления в июне 1957 года против Хрущева подверглись публичному осуждению. На XXI съезде КПСС по-прежнему не говорили о роли Ворошилова в борьбе против Хрущева в июне 1957 года, и он оставался на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Правда, маршал не выступил на съезде. Было объявлено, что Ворошилов заболел, и его речь была в письменном виде включена в стенографический отчет о съезде.

После продолжавшихся в течение десяти дней выступлений Н.С. Хрущев произнес заключительное слово. Подводя итоги 86 выступлениям, он заявил: «Передовики промышленности и сельского хозяйства, представители интеллигенции, партийные и советские работники – все товарищи, выступавшие на съезде, с глубокой убежденностью говорили о том, что задания съезда будут не только выполнены, но и перевыполнены. (Продолжительные аплодисменты.)» Хрущев выразил «самую искреннюю благодарность братским партиям за приветствия и дружеские пожелания успехов Коммунистической партии и народам Советского Союза. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают.)»

И тут Хрущев, подобно председателю Старкомхоза Гаврилину из «Двенадцати стульев», сбился на международную тематику и никак не мог остановиться. Он сообщил о том, что 3 февраля 1959 года на заводе Бхилаи, построенном за счет СССР и советскими специалистами в Индии, был получен первый чугун. Он сказал, что этот «чугун будет символом крепнущей дружбы народов Советского Союза и Индии (Бурные аплодисменты.)», и пожелал: "Пусть в огне этой домны сгорят все козни империалистов…" (Продолжительные аплодисменты.)» После этого он, имея в виду руководителей Индии, выразил им поддержку, заметив, правда, что «они с трудом произносят слово "коммунизм' и не всегда ясно, что означает в их представлении социализм». И все же, считая такие страны, как Индия, потенциальными союзниками СССР, Хрущев сказал: «Если взять страны, входящие в мировую социалистическую систему, и страны, которые ведут мужественную борьбу против империализма и колониализма, за свою свободу и национальную независимость, то перевес сил уже сейчас на стороне этих миролюбивых сил, а не на стороне империалистических государств. И по территории, и по численности населения, и по наличию природных богатств миролюбивые страны превосходят империалистические государства».

Потом Хрущев призывал к мирному соревнованию между капитализмом и социализмом: «Если говорить на коммерческом языке, очевидно, более доступном для представителей капиталистического мира, то давайте разложим свои «товары»: социалистический мир – свои, капиталистический мир свои. И пусть каждый строй покажет, где и сколько часов длится рабочий день, сколько материальных и духовных благ получает трудовой человек, какое он имеет жилье, какие ему предоставлены возможности для образования, какое участие принимает он в государственных делах, в политической жизни страны, кто является хозяином всех материальных и культурных богатств – тот, кто трудится, или тот, кто не трудится, но имеет капиталы… Предоставим народам возможность самим выбирать тот общественный строй, который больше отвечает их интересам».

Здесь Хрущев перешел к критике последних заявлений президента США Д. Эйзенхауэра, вице-президента США Р. Никсона, государственного секретаря США Д.Ф. Даллеса. Хрущев говорил: «В их выступлениях звучат призывы к какой-то настороженности, брошен камешек сомнений, чувствуется возврат к старой воинственной терминологии». Подробно Н.С. Хрущев остановился и на заявлении министра обороны США Н. Макэлроя, который сказал, что «Соединенные Штаты будут вести боевые действия с территории своих союзников, расположенных вблизи границ СССР, а Советский Союз должен будет полагаться лишь на ракеты, которые он сможет запускать со своей территории». В ответ Хрущев заметил: «Надо полагать, что англичане, французы, немцы, турки, греки, итальянцы, народы других стран, на территории которых расположены американские военные базы, обратили внимание на то, что сулит им такая перспектива… Если некоторые американские деятели полагают, будто в

настоящее время их территория неуязвима, они могут прийти к выводу, что настал удобный момент, чтобы развязать войну, и в этой войне расплачиваться кровью и жизнью англичан, французов, итальянцев, немцев, турок и других своих союзников, территория которых в случае войны была бы опустошена ракетами среднего и ближнего радиуса действия».

Описав мрачную перспективу, ожидавшую народы Великобритании, Франции, Италии, Западной Германии, Турции, Хрущев сообщал, что в случае войны будут уничтожены не только эти страны-союзницы США: «Думаю, что американским стратегам пора прекратить строить свои расчеты на иллюзиях, будто в случае возникновения военного конфликта территория Соединенных Штатов останется неуязвимой… На самом деле Советский Союз сейчас имеет средства нанести сокрушительный удар по агрессору на любой точке земного шара. (Бурные аплодисменты.) Ведь не для красного словца мы говорим о том, что у нас организовано серийное производство межконтинентальных баллистических ракет. И говорим это не для угрозы кому-либо, а чтобы внести ясность в действительное положение дел. (Оживление в зале. Продолжительные аплодисменты.)»

После этого Хрущев рассказал о недавнем посещении США Микояном, который прибыл туда в качестве гостя советского посла в этой стране М.А. Меньшикова. Хрущев сообщил, что «в ответ на вопрос одного из корреспондентов о возможности моей поездки в США, аналогичной поездке А.И. Микояна, президент Эйзенхауэр недвусмысленно сказал, что это исключается. Он заявил: «Это нельзя делать в неофициальном порядке, как сделал г-н Микоян». «Выходит, – иронизировал Хрущев, – к нему одна мерка, а ко мне другая. (Оживление в зале.)… Получается что-то вроде дискриминации. (Смех.)… Пусть меня правильно поймут. Я вовсе не собираюсь просить визы на такую поездку. У нас дел много… Речь идет не о желании поехать в США, речь идет о другом – о правах человека. (Оживление в зале. Аплодисменты.) Непонятно, за какие проступки президент лишает меня возможности пользоваться тем, чем пользуются другие, получающие право посетить эту страну. (Смех в зале.)»

В ответ на отказ Эйзенхауэра принять Хрущева в качестве неофициального гостя, тот пригласил президента США в СССР. Он заявил: «Если бы господин президент решил приехать в нашу страну, он был бы встречен с искренним гостеприимством как нашим правительством, так и советским народом. (Продолжительные аплодисменты.) Он может взять с собой кого захочет, все они будут желанными гостями. Пусть господин президент посмотрит карту Советского Союза и выберет районы нашей страны, которые он хотел бы посетить… Такой визит был бы, несомненно, полезным для обеих стран и получил бы одобрение народов США и Советского Союза. И мы такое предложение делаем без условий взаимности. А своими визитами мы докучать не будем. (Оживление в зале. Аплодисменты.)»

Хрущев объявил и о своей готовности помириться с государственным секретарем США Д.Ф. Даллесом, несмотря на его жесткую позицию: «Государственный секретарь Даллес говорит, что Соединенные Штаты Америки не могут пойти на уступки в переговорах с Советским Союзом. На это мы можем сказать г-ну Даллесу… Советский Союз не хочет выигрыша в "холодной войне" ни для себя, ни для США, да и вообще "холодную войну" нельзя выиграть… И если уж, г-н Даллес, вам так хочется, то во имя окончания "холодной войны" мы готовы даже признать «победу» в этой ненужной народам «войне» за вами. Считайте, господа, себя «победителями» в этой «войне», только кончайте ее скорее. (Оживление в зале. Аплодисменты.)»

Продолжая рассуждать о том, что «мешает мирному сосуществованию государств с различным общественным устройством», Хрущев пояснял: «Когда тесный сапог жмет и натирает солдату ногу, мешает ему ходить нужным солдатским шагом, то приходится переобуться, а другой раз сменить сапоги». Такую «смену сапог» Хрущев видел в его предложении о превращении Западного Берлина в вольный город. Он стал говорить о германском вопросе, напомнив о Гитлере, его расистских и геополитических теориях и его разгроме. Потом Хрущев вспомнил, что «трудолюбивый и талантливый немецкий народ дал миру великих мыслителей и выдающихся ученых, поэтов, музыкантов, он создал мощную промышленность и обеспечивает высокий жизненный уровень и достиг этого без захвата чужих территорий, на что его толкали Гитлер и Геббельс». Однако, по словам Хрущева, «канцлер

Западной Германии г-н Аденауэр смотрит в другую сторону, он делает ставку на продолжение "холодной войны" и проведение политики "с позиции силы". «Вы, господин канцлер, – говорил Хрущев – сидите на берегу реки с удочкой и ждете, когда клюнет рыба и причем такая рыба, которая и не водится в этой реке. (Смех в зале. Аплодисменты.)» Хрущев посоветовал Аденауэру: «Не подходите к политике, г-н канцлер, как торговец в бакалейной лавке. Нам платить не за что, мы вам не должны».

Покончив с германским вопросом, Хрущев перешел к вопросу о ядерных испытаниях. Затем еще раз обрушился на «югославских ревизионистов», о которых он и так немало сказал в докладе. Затем Хрущев назвал сенатора Хэмфри «бароном Мюнхаузеном» за то, что тот чересчур откровенно сообщил прессе о своей беседе с Хрущевым. Хэмфри же говорил, что в приватной беседе Хрущев высмеивал китайских руководителей за движение «большого скачка». Хрущев отрицал, что он это говорил.

Сумбурная речь Хрущева не позволяла выделить приоритеты в советской внешней политике. Кажется, что Хрущев умышленно запутывал изложение своих целей на международной арене, чтобы избежать обвинений в стремлении к «экспорту революции». В то же время из содержания высказываний Хрущева в докладе и заключительном слове по международным вопросам следовало, что он, как и в своей юности, видел главной целью победу мировой коммунистической революции. Говоря о задачах продвижения страны к коммунизму, Хрущев с явным удовлетворением приводил высказывание газеты «Уолл стрит джорнэл», которая считала, что семилетний план может произвести такое глубокое впечатление на отдельные страны, что они «примут коммунизм», а Соединенные Штаты почти ничего не смогут сделать». «Неплохо сказано!» – комментировал Хрущев.

Лишь в самом конце речи Хрущев вернулся к основной теме съезда и провозгласил: «Пройдут века, но никогда не померкнет слава нашей героической эпохи – эпохи строительства социализма и коммунизма! (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Вперед, товарищи, по ленинскому пути, к победе коммунизма! (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)»

Зачитав затем несколько поправок к «Контрольным цифрам» и поставив на голосование резолюцию о созыве очередного XXII съезда КПСС в 1961 году, Хрущев объявил: «Повестка дня нашего съезда исчерпана, решения приняты. Разрешите внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, который партией и народом назван съездом строителей коммунизма, объявить закрытым. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Делегаты и все присутствующие с большим подъемом поют партийный гимн «Интернационал». Раздаются возгласы: "Да здравствует Центральный Комитет партии! Ура! Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Ура! Никите Сергеевичу Хрущеву – ура!")» Хрущев: «Да здравствует нерушимое единство всех марксистско-ленинских партий и братская дружба народов социалистических стран! Ура, товарищи! Да здравствует мир во всем мире! Ура, товарищи! Да здравствует коммунизм! Ура! (В ответ на эти возгласы раздаются бурные, продолжительные аплодисменты, возгласы: "Ура!")»

Съезд еще не завершился, а уже по всей стране шли собрания и митинги, на которых принимались резолюции в поддержку доклада Хрущева. Советские люди верили в исполнимость целей, намеченных XXI съездом. Еще в марте 1939 года с трибуны XVIII съезда Сталин говорил о построении коммунизма как практической задаче, а в начале 1950-х годов ряд строек гидроэлектростанций, каналов и лесозащитных полос были объявлены «великими стройками коммунизма». Планы быстрого экономического прогресса, улучшения социального положения советских людей опирались на многолетнюю практику развития советского общества. Новые успехи советской науки и техники, продемонстрированные в освоении космоса, также убеждали советских людей в больших возможностях советского производства. Даже на Западе показатели семилетнего плана по промышленному производству не вызвали недоверия. Хрущев имел основание ссылаться на различные отклики западной печати, признававшей реалистичность заданий семилетки. Он цитировал журнал «Бизнес уик», который считал, что «СССР имеет хорошие шансы достигнуть поставленной цели в области промышленности… В прошлом Советы в основном выполняли свои планы».

Однако выполнение семилетки не привело к качественным переменам в соревновании

СССР с капиталистическими странами. Хрущев исходил из того, что выполнение семилетнего плана будет осуществляться на фоне замедленных темпов развития, а может быть, и спада в США и других капиталистических странах. Поэтому он полагал, что догнать эти страны будет довольно легко. Между тем спады и замедления темпов в экономическом развитии стран Запада сочетались и с быстрыми подъемами. К тому же в этот период в этих странах стала развиваться и углубляться научно-техническая революция, которая существенно повлияла на структуру экономики и способствовала качественному укреплению хозяйственного потенциала Запада. Кроме того, Хрущев исходил из того, что самая многочисленная держава социалистического лагеря – КНР выполнит свои амбициозные планы в ходе «великого скачка». Однако «великий скачок» в Китае, сопровождавшийся распространением перенапряжения людских сил, сменился резким спадом производства. Программа, намеченная КПК, не была выполнена. План Хрущева победы стран социалистической системы над странами капитализма по промышленному производству оказался под угрозой срыва.

Глава 3
ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

О том, что движение «великого скачка» провалилось и рассчитывать на успехи китайского промышленного производства не придется, Хрущев узнал во время визита в Албанию (29 мая – 4 июня 1959 года). Там он встретился с главой китайской делегации министром обороны КНР маршалом Пын Дэхуэем. Маршал был противником «великого скачка» и создания «народных коммун». Он передал Хрущеву меморандум, в котором писал о несостоятельности планов добиться быстрого построения социализма в Китае. Вскоре после своего прибытия из Тираны в Пекин маршал Пын Дэхуэй был арестован. Это означало, что сопротивление движению «великого скачка» и созданию «народных коммун» было подавлено. Вместе с тем встреча Хрущева с Пын Дэхуэем незадолго до ареста последнего усилила подозрительность руководителей Китая в отношении СССР. Напряженность в отношениях двух стран усиливались по мере того, как советские руководители упорно отказывались помочь Китаю в разработке атомного оружия. Не вызывала доверия у руководителей Китая и активизация переговоров СССР со странами Запада с целью решить спорные международные вопросы.

В феврале 1959 года в СССР прибыл премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан. К этому времени оставалось лишь два месяца до истечения срока, установленного Хрущевым для подписания мирного договора с ГДР. Г. Макмиллан проявлял наибольшую склонность признать ГДР, но с самого начала переговоров он решительно заявил о нежелании Запада уступать свои права в Берлине. Хрущев взорвался. Он сказал, что тогда переговоры будут вести мертвецы. На это Макмиллан ответил, что Хрущев может спровоцировать третью мировую войну. Тогда Хрущев сказал, что Макмиллан оскорбил его. Хотя переговоры увенчались подписанием коммюнике, в котором говорилось о том, что различие во взглядах «должно устраняться путем переговоров, а не путем применения силы», а Хрущев согласился отодвинуть срок подписания договора с ГДР, он демонстративно отказался сопровождать Макмиллана в поездку в Киев.

11 мая в Женеве началось совещание министров иностранных дел СССР, США, Франции, Великобритании. На положении наблюдателей в совещании участвовали министры иностранных дел ГДР и ФРГ. К этому времени скончался государственный секретарь США Д.Ф.Даллес и многим в СССР казалось, что препятствия для достижения соглашения по германскому и берлинским вопросам будут устранены после смерти этого наиболее жесткого сторонника политики «на грани войны». Однако этого не произошло. Совещание продолжалось до 20 июня и, поскольку его участники не продвинулись к достижению соглашения, на нем был объявлен перерыв. 13 июля совещание возобновилось, но ничто не свидетельствовало о возможности его успешного завершения.

Выражая свое неудовольствие ходом Женевского совещания, Хрущев 7 июня объявил, что если министры иностранных дел не найдут решения, то пусть этим займутся главы государств. Беседуя с влиятельным политическим деятелем США А. Гарриманом, прибывшим в Москву для выяснения позиции СССР по германскому вопросу, Хрущев вновь прибег к

угрозам. По словам Гарримана, Хрущев напоминал, что советские ракеты могут доставлять груз в 10 раз более тяжелый, чем американские. Он говорил, что одной бомбы будет достаточно для Бонна, от трех до пяти бомб – для Франции, Англии, Испании и Италии. В ответ Гарриман сказал, что эти угрозы «опасны». Но он вновь услыхал угрозы: «Одна бомба уничтожит Бонн и Рур и все остальное в Германии», «Париж – это вся Франция», «Лондон – это вся Англия», «Вы нас окружили базами, но наши ракеты могут вас уничтожить». В то же время, по словам Гарримана, Хрущев постоянно улыбался, предлагал тосты под коньяк.

Как пишет Таубмэн, Эйзенхауэр был в ярости от этих слов Хрущева. В это время американского президента обвиняли в неспособности дать отпор СССР. Ультраправые из «Общества Джона Бёрча» обвиняли даже братьев Даллесов в пособничестве мировому коммунизму и уверяли, что Эйзенхауэр является членом Компартии США. Постоянные угрозы применить ракетно-ядерное оружие, которыми сопровождал свои выступления Хрущев, лишь способствовали активизации наиболее воинственных сил внутри США, настаивавших на усилении гонки вооружений и призывавших к контрнаступлению против СССР и его союзников. Свидетельством этого явилась резолюция «О порабощенных народах», принятая конгрессом США 9 июля 1959 года. В ней говорилось: «С 1918 года империалистическая и агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира».

Устранение этой «угрозы» требовало, по замыслу авторов этой резолюции, «освобождения» «Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белой Рутении (Белоруссии. – *Прим. авт.),* Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала (то есть нерусских народов Поволжья и Урала. – *Прим. авт.),* Тибета, Козакии (то есть областей, населенных казачеством. – *Прим. авт.),* Туркестана, Северного Вьетнама и других». От имени народов этих стран и краев авторы резолюции провозглашали: «Эти покоренные нации обращаются к Соединенным Штатам, как к цитадели человеческой свободы, в поисках руководства для достижения их освобождения и независимости».

Принятие этой резолюции позволяло правящим кругам США, во-первых, подавить «пораженческие настроения» в своем стане. Фактический автор этой резолюции Лев Добрянский с раздражением обращал внимание на то, что «после запуска спутника в этой стране (США) зазвучали странные речи… стенания о сосуществовании или взаимном уничтожении, урегулировании или войне, эволюции или революции, разоружении или гибели и прочие прилипчивые темы». В это время в США был популярен политический роман Аллена Дрюри «Совет и согласие». Его отрицательными героями были «пораженец» сенатор Фред Ван Аккерман, который завершал свои речи словами: «Я лучше проползу на брюхе в Москву, чем погибну от ядерной бомбы» – и «склонный к уступкам СССР» государственный секретарь Р. Леффингуэлл. В романе с угрозами в адрес США – выступал Председатель Совета Министров СССР, в котором читатели без труда узнавали Хрущева. Положительный герой романа консервативный сенатор Сиб Кули призывал не бояться советских угроз и «разоблачал» связи Леффингуэлла в юности с коммунистами. Колеблющийся между «положительными» и «отрицательными» персонажами президент США напоминал Эйзенхауэра, каким его изображали воинственно настроенные политические деятели США В конце романа президент США все же принимал сторону «патриотов», сообщал о высадке американцев на Луне и своей готовности направиться в Женеву для переговоров с СССР «с позиции силы».

Во-вторых, такая резолюция служила ответом на постоянные заявления Хрущева о необходимости покончить с колониализмом и империалистическим угнетением. Руководитель всеамериканской конференции по борьбе с коммунизмом Ф. Макнамара подчеркивал: «Москва требовала самоопределения во всех частях света в течение многих лет, постоянно бросая обвинения в колониализме в отношении западных держав и требуя, чтобы народ в Латинской Америке, который якобы порабощен американским империализмом, народы Азии, Африки и так далее получили возможность определять свою форму правления, получили независимость. И вот, по сути дела, впервые, Соединенные Штаты официально бросили вызов Хрущеву в этом вопросе. Мы… потребовали, чтобы он позволил самоопределиться нациям, которые он,

великий империалист, поработил».

В-третьих, правящие круги США видели в резолюции способ перенести бой на территорию советского лагеря и самого СССР. Объясняя смысл написанного им текста, Лев Добрянский особо подчеркивал возможность использования межнациональных противоречий для ослабления мощи СССР: «Большинство ресурсов СССР сосредоточено в нерусских областях: сельское хозяйство на Украине, Туркестане и Грузии, уголь на Украине и в Туркестане, нефть в Азербайджане и Идель-Урале, 90 процентов марганца в Грузии и на Украине, железная руда на Кавказе и Украине… Сорок три процента вооруженных сил СССР – это не русские».

Надо сказать, что в это время в советском руководстве возникли опасения по поводу роста центробежных тенденций в ряде советских республик, усилившихся по мере укрепления совнархозов. На заседании Президиума ЦК были обсуждены итоги инспекционных поездок в Азербайджан и Латвию. Руководитель инспекционной группы ЦК КПСС Шикин докладывал: «Наиболее ярким фактом проявления местничества было возражение руководителей республики Азербайджан против строительства газопровода Кара-Даг – Тбилиси, мотивируя тем, что самим газа не хватает, а т. Рагимов на заседаниях заявил, что газ – наш, азербайджанский, и мы не можем давать его грузинам».

Шикин сообщал, что председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Ибрагимов «назвал интеллигента, который не знает азербайджанского языка, или знает, но не говорит на нем, эджулавом, то есть отщепенцем, подлецом, предателем. Это выступление было встречено бурными аплодисментами». Это сообщение вызывало возмущение Хрущева. Он воскликнул: «Это не ленинец, не коммунист, это – националист, враг, залезший в руководство». Впрочем, Хрущев тут же осудил и Я. Калнберзина за то, что тот выступал на митинге в Риге на русском языке. Хрущев сказал, что местные руководители обязаны говорить на родном языке. Вопрос о соотношении русского и местных национальных языков встал и в связи с докладом Мухитдинова о его поездке в Латвию. Он сообщил о том, что в Латвии принято постановление не принимать на работу лиц, не владеющих родным языком. Выслушав это, Хрущев с иронией заметил: «Ульманис[1], он умер, он может в гробу спокойно лежать, его дело в Латвии продолжается».

«К сожалению, – констатировал Хрущев, – это не только в Латвии. Говорят, в Литве есть целые польские районы, где живут поляки, но у руководства только литовцы, русских никуда не выдвигают, только милиционерами… У т. Снечкуса не лучше дело, чем у латышей. И в Эстонии не лучше дело, чем у латышей». Однако он не хотел обращать на эту проблему серьезного внимания. Он считал, что «все будет перемелено, и все будет на месте, но надо правду сказать, и поднять народ на борьбу против этого». Но тут же оговорился: «Не стоит калечить людей, а главное, опозорим себя, что в Латвии допустили такое положение. Не надо искусственно преподносить врагам подарок, чтобы они говорили о каком-то кризисе в национальной политике». Ограничились кадровыми перемещениями. Вместо Калнберзина первым секретарем ЦК КП Латвии стал Пельше, а в Азербайджане на посту первого секретаря Ахундов сменил Мустафаева. По сути же никаких мер против роста национализма и центробежных тенденций в союзных республиках Хрущев не собирался предпринимать.

Тем временем в США собирались всерьез воспользоваться ростом центробежных, националистических тенденций в СССР и в других социалистических странах. 17 июля президент США утвердил резолюцию «О порабощенных народах» в специальной прокламации, в которой призывалось посвящать каждую третью неделю июля «порабощенным народам». Подписывая прокламацию, Эйзенхауэр призвал «народ Соединенных Штатов отмечать каждую неделю соответствующими церемониями и действиями», «изучать бедственное положение наций, порабощенных Советами», и «посвятить себя поддержке этих порабощенных наций».

И все же Эйзенхауэр решил продемонстрировать свою готовность к переговорам с СССР. В это время в США находился Ф.Р. Козлов, который прибыл в июле 1959 года для открытия в

---

[1] Карл Ульманис– диктатор Латвии в 1934–1940 годах, установивший в 1934 году профашистский националистический режим. – *Прим. авт.*

Нью-Йорке советской выставки. После посещения Микояном США в январе 1959 года это был еще один визит заместителя Хрущева в эту страну. Как и Микояна, Козлова принял Эйзенхауэр. Президент США воспользовался пребыванием Козлова, чтобы передать ему приглашение Хрущеву посетить США. Очевидно, он исходил из того, что после принятия резолюции «о порабощенных народах», Хрущев сам откажется от такого приглашения. К тому же Эйзенхауэр поставил визит Хрущева в зависимость от прогресса в Женеве, но передававший советским дипломатам приглашение заместитель государственного секретаря Р. Мэрфи, ни слова не сказал об этом условии. 21 июля Хрущев поблагодарил Эйзенхауэра за полученное им приглашение, и только тут президент США понял, что встреча с Хрущевым, которую он не желал, состоится. Хрущев же был в восторге и считал, что в США произошел поворот: впервые они были готовы принять руководителя Советской страны.

Тем временем 23 июля в Москву на открытие американской выставки прибыл вице-президент США Р. Никсон. Вместе с Никсоном на церемонию открытия прибыл и Хрущев. К этому времени Хрущев ознакомился с содержанием резолюции «О порабощенных народах» и заявлением Эйзенхауэра по случаю ее подписания. Хрущев решил воспользоваться встречей с Никсоном на выставке, чтобы высказать все, что он думает об этой резолюции, а заодно об Америке.

Острая дискуссия между Никсоном и Хрущевым состоялась в той части выставки, где экспонировалась «современная американская кухня», и поэтому она была окрещена журналистами «кухонной ссорой». Хрущев назвал резолюцию «конским дерьмом», добавив, что нет ничего, что бы пахло гаже. На это Никсон заметил, что свиное дерьмо пахнет еще хуже. Однако Никсону не удалось увести спор в животноводческую сферу, так как Хрущев стал высмеивать экспонаты, выставленные на американской выставке. Он увидел в них попытку удивить советских людей, которые якобы не знали таких вещей, как газовая плита, водопровод и электрические приборы. Попытки Никсона защитить систему «свободного предпринимательства» лишь вызвали ответную речь Хрущева о преимуществах советской системы, перспективах выполнения семилетки и многом другом. Впоследствии Хрущев обвинял Никсона в том, что тот, вопреки договоренности, разрешил показ записи этого спора по телевидению, не дождавшись согласования с Москвой перевода хрущевских слов. «Кухонная ссора» лишь усугубила представление Хрущева о том, что Никсон является одним из патологических врагов СССР, препятствующих достижению прочного мира. (Дальнейшая история показала, что по мере изменения соотношения сил между двумя супердержавами, Р. Никсон, став президентом США, пошел на далеко идущие соглашения с СССР в области вооружений, проявляя политическую трезвость и реализм.)

В то же время, несмотря на острый спор с Никсоном и недовольство резолюцией «о порабощенных народах», Хрущев не отказался от намерения посетить США. Э. Крэнкшоу писал: «Трудно было переоценить огромное значение этого приглашения для Хрущева. Он много раз выпрашивал это приглашение. При этом он был подвергнут разного рода унижениям, которые бы не вынес ни один государственный деятель мира. Однако, с его точки зрения, все эти испытания стоило перенести». По мнению Э. Крэнкшоу, «приглашение Эйзенхауэра ставило СССР в глазах всего мира на один уровень с США; превращало Хрущева у себя в стране в человека, который мог сотворить чудо; открывало ему возможность выглядеть перед всем миром спасителем мира». Видимо, к этому времени Хрущев решил, что главным условием для ликвидации «холодной войны» и укрепления мирного сосуществования является нормализация советско-американских отношений. Выступая в Днепропетровске 28 июля Хрущев заявил: «Наша страна и Соединенные Штаты – это две самые могущественные державы в мире. Если другие страны дерутся друг с другом, их можно разнять; но если война разразится между Америкой и нашей страной, то никто не сможет ее остановить. Это будет колоссальная катастрофа».

Все эти заявления воспринимались в Пекине с явным раздражением. Визит Хрущева в США не был согласован с Пекином. Но и Пекин не согласовал с Москвой свои военные действия против Индии, предпринятые в начале августа 1959 года на китайско-индийской границе. Индийско-китайский конфликт означал крушение планов Хрущева объединить усилия трех самых многочисленных народов планеты в антиимпериалистической борьбе. СССР занял

нейтральную позицию в китайско-индийском конфликте, что вызвало возмущение правительства КНР. Но, видимо, к этому времени Хрущев уже перестал придавать решающее значение союзу с Пекином и Дели. На закрытом совещании с руководящими работниками правительства и ЦК, состоявшемся в конце августа 1959 года, Хрущев высказал свое неодобрение «великому скачку» в Китае и поддержал критические оценки этого движения маршалом Пын Дэхуэем. Хрущев дал понять, что в советско-китайских отношениях возникла напряженность.

В то же время Хрущев отдавал себе отчет в том, что его поездка в США может оказаться далеко не парадной. И Микоян, и Козлов сообщали о недружелюбном приеме со стороны рада политических деятелей США, о попытках нападения на советских гостей, особенно активно предпринимавшихся различными эмигрантами. Незадолго до отъезда в США Хрущев был вынужден отказаться от посещения Дании, Норвегии и Швеции, так как во время его визита ожидались демонстрации протеста, связанные главным образом с «венгерским вопросом». Объясняя свой отказ от посещения скандинавских стран на пресс-конференции 5 августа, Хрущев сказал: «Мой визит в Скандинавию был отложен главным образом потому, что правительства этих стран и руководители партий, которые входят в эти правительства, не противодействовали антисоветской кампании, не защищали активно своего гостя. Они пригласили меня как главу Советского правительства прибыть к ним с ответным визитом, а когда стали появляться оскорбительные выпады против Советского Союза, то некоторые руководящие деятели скандинавских стран стали давать формальные объяснения, говоря, что они вроде пригласили потому, что главы правительств этих стран были в Советском Союзе. Поэтому, мол, было бы неудобно не приглашать… Мы можем сказать так: если вам не особенно хочется нас приглашать, то в таких условиях нам не так уж хочется у вас побывать. (Оживление в зале.)»

Сразу же после пресс-конференции Хрущев ущел в отпуск и стал усиленно готовиться к поездке в США. Одновременно шли и широкомасштабные мероприятия, предназначенные для психологического обеспечения визита Хрущева. Частью этого обеспечения стал запуск 12 сентября 1959 года советской ракеты в сторону Луны. На борту ракеты находился контейнер с научной аппаратурой и вымпелом с изображением герба СССР. Через две минуты после полуночи 14 сентября ракета достигла поверхности Луны. В эти же дни состоялся спуск на воду советского атомного ледохода «Ленин». 14 сентября был опубликован ответ Н.С. Хрущева на письма и телеграммы, поступившие накануне его поездки в США. Хрущев писал: «Беспримерный полет советской ракеты на Луну и ввод в строй атомного ледокола «Ленин» убедительно свидетельствует о том, что наш народ успешно создает материально-техническую базу коммунистического общества, руководствуясь историческими решениями XXI съезда партии… За нами, за Советским Союзом, прочно утвердился приоритет первого успешного полета ракеты на Луну… Наш атомный ледокол «Ленин» будет ломать не только льды океанов, но и льды "холодной войны". Хрущев заверял советских людей в том, что он в ходе своего визита в США будет «прилагать все усилия, чтобы оправдать ваши надежды».

15 сентября 1959 года, в 7 утра, Н.С. Хрущев вылетел в США на новом самолете ТУ-114. В состав официальной делегации, сопровождавшей Хрущева, входили министр иностранных дел А.А. Громыко, министр высшего образования В.П. Елютин, писатель М.А. Шолохов, председатель Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами, известный публицист Г.А. Жуков, председатель Днепропетровского совнархоза Н.А. Тихонов, начальник 4-го управления министерства здравоохранения А.М. Марков, авиаконструктор А.А. Туполев. Входил в делегацию и мой отец, В.С. Емельянов, являвшийся тогда начальником Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР. (Это управление представляло атомную промышленность СССР на международной арене. Руководство же атомной промышленностью осуществляло Министерство среднего машиностроения СССР – организация весьма засекреченная.) Помимо членов официальной делегации ее сопровождали другие видные лица из руководства советской пропагандой и личного секретариата Хрущева: Л.Ф. Ильичев, П.А. Сатюков, А.И. Аджубей, Г.Т. Шуйский, В.С. Лебедев, О.А. Трояновский, А.С. Шевченко и другие. Вместе с Хрущевым ехали в США его супруга, его сын Сергей, его дочери Юлия и Рада. Всего же Хрущева сопровождало более 100 человек.

Получилось так, что моя первая поездка за границу совпала по времени и месту с первым официальным визитом в США Н.С. Хрущева. Я был одним из нескольких студентов шестого курса МГИМО, направленных для прохождения практики в США. Утром 15 сентября я прилетел в Нью-Йорк за несколько часов до приземления советской делегации в Вашингтоне. Уже в вестибюле нью-йоркской гостиницы я понял, насколько велик был интерес американцев к визиту Хрущева. Радио громко передавало новости о беспосадочном полете ТУ-114, а сидевшие в креслах старички не менее громко рассуждали о том, что встречный ветер затормозил движение самолета с Хрущевым и что его прибытие задерживается на час.

Приехав в представительство СССР при ООН, я увидел на его стенах приклеенные листовки с напоминанием о венгерских событиях 1956 года и призывами не пускать Хрущева в Нью-Йорк. Вечером того же дня, находясь в центре города, я увидел процессию открытых машин, которые привлекали внимание прохожих непрерывными гудками. В машинах сидели люди с американскими флагами и рукописными плакатами, на которых были написаны проклятия в адрес Хрущева. Я вышел на Таймс-сквер. Здесь на огромном электронном экране, водруженном на здании «Нью-Йорк таймс», показывали короткий мультфильм: толстый человечек, похожий на Хрущева, мчался с чемоданами в США, но, увидев статую Свободы, в страхе бросал чемоданы и бежал опрометью назад. Было ясно, что в крупнейшем городе США есть немало людей, которые были готовы яростно протестовать против визита Хрущева.

Тем временем ТУ-114 благополучно приземлился на военной базе Эндрюс-Филдс в штате Мэрилэнд. (Другие аэродромы не могли тогда принять необычайно большой советский самолет. Позже американцы ездили на экскурсии к ТУ-114 и, выстаивая огромные очереди, осматривали советский лайнер.) Хотя по протоколу, существовавшему в США, салют из 21 залпа был положен только для глав государств, такой салют был дан в честь прибытия Хрущева, хотя он не был главой государства, а главой правительства. Вечером состоялся обед в Белом доме, после которого состоялась церемония передачи Хрущевым Эйзенхауэру копии вымпела, доставленного на Луну советской ракетой.

На другой день, 16 сентября, я пришел в советское представительство при ООН и увидел множество людей, собравшихся у стоявшего в вестибюле телевизора. Шла прямая трансляция пресс-конференции Хрущева в Национальном клубе печати в Вашингтоне. Хрущев выкрикивал: «Вы хотите поставить меня в смешное положение! Хорошо смеется тот, кто смеется последним! Я на провокацию не пойду!» Потом выяснилось, что этому взрыву эмоций предшествовала довольно продолжительная речь Хрущева, выдержанная в миролюбивых тонах. Однако первый вопрос, который зачитал председатель Национального клуба печати У. Лоуренс, представлял собой повторение известного анекдота про записку, якобы прочитанную Хрущевым во время его закрытого доклада о Сталине. Лоуренс интересовался: «Правда ли это?» Хрущев был в ярости от того, что его торжественный визит опошляли, открывая встречу с американской прессой анекдотом. Хрущеву бумерангом возвращались его усилия по опошлению советской истории, которые он предпринял в своем докладе о Сталине. Хотя Хрущев ругал организаторов и участников пресс-конференции, те были довольны: Хрущев давал им пищу для скандального материала.

В ходе этой пресс-конференции и другие ответы Хрущева, то гневные, то насмешливые, дали немало тем для разработки журналистами. Хрущев высмеял предположения, что приехал в США просить займы: «Хочу сказать, что я не приехал в США с длинной рукой, чтобы запустить свою руку в ваши банки. Это ваше. Нам нашего хватит. (Смех.) Я не буду держать шляпу так, чтобы каждый мне бросал в нее то, что он считает возможным бросить. (Веселое оживление.)» В ответ на попытку поставить на обсуждение «венгерский вопрос», Хрущев отвечал: «Так называемый венгерский вопрос у некоторых завяз в зубах, как дохлая крыса: им это и неприятно и выплюнуть не могут. (Смех в зале.) Если вы хотите нашу беседу направить в этом направлении, то я вам не одну дохлую кошку могу подбросить. Она будет свежее, чем вопрос известных событий в Венгрии». Был поднят и «еврейский вопрос». Хрущев отвечал: «Все народы нашей страны взаимно доверяют друг другу и в одном строю идут к общей цели – коммунизму. Положение еврейского населения, в частности, у нас характеризуются хотя бы следующим: в числе тех, кто создал условия для успешного запуска ракеты на Луну, достойное место занимают и евреи».

Хрущеву пришлось отвечать и на вопрос: «Вы якобы сказали, что Вы нас закопаете в землю. Если Вы этого не говорили, то может быть, опровергнете, а если сказали, то объясните, что Вы имели в виду». Хрущев попытался отшутиться: «Здесь, в этом зале, находится только маленькая частица американцев. Моей жизни не хватило бы, если бы я вздумал каждого из вас закапывать. (Смех.)» После этого он стал объяснять закономерность исторических фаз развития и выразил уверенность, что «коммунизм победит».

Днем 16 сентября Хрущев встречался с членами сенатской комиссии по иностранным делам, где он впервые увидел двух будущих президентов США – Д.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона. В книге «Лицом к лицу с Америкой» ее авторы так описали их первую встречу: «Какой молодой!» – говорит Никита Сергеевич, пожимая руку Кеннеди. «"Это не всегда мне помогает", – ответил тот, намекая, что многие возражают против выдвижения его кандидатуры на пост президента, мотивируя это тем, что Кеннеди слишком молод».

Вечером 16 сентября я приехал вечером в Вашингтон, когда в нашем посольстве происходил обед в честь президента США. А на другой день я был включен в группу, разбиравшую письма американцев Хрущеву. Поскольку многие американцы писали Хрущеву прямо в Москву, другие обращались к нему через свои газеты, то те 15 тысяч писем, которые были посланы в Посольство СССР, были лишь малой толикой обращений к Хрущеву. Здесь были письма от людей, представлявшие все социальные, этнические и возрастные группы Америки. Один мальчик, возможно без согласия родителей, приглашал Хрущева и всю советскую делегацию в родительский дом и прилагал план, на котором было показано, в каких комнатах он разместит гостей. Ребенок не знал, что для размещения всех лиц, сопровождавших Хрущева, понадобилось бы несколько десятков таких домиков. Приглашал Хрущева посетить его квартиру и негр из Гарлема. Он сообщал Посольству СССР, что нарочно не предал огласке свое приглашение, так как в случае отказа Хрущева посетить его, советский руководитель мог бы оказаться в неудобном положении: «Весь мир бы узнал, что руководитель рабочего государства отверг приглашение рабочего нефа». Какая-то портниха предложила Нине Петровне Хрущевой сообщить ее размеры, чтобы успеть сшить ей платье.

Было немало и подарков. Среди них преобладали книги «Священного писания» на русском языке. Скоро целая стена в комнате, где разбирались письма, оказалась заставленной томиками «Библии». Некоторые дарители подчеркивали те места в «Новом завете», которые Хрущев должен был обязательно прочесть. Был прислан и кекс, который вызвал подозрение у службы охраны. Кекс был взят на проверку. Через некоторое время мы узнали, что яда в кексе не было. Видимо, поэтому кекс в нашу комнату не вернулся, а остался у охранников посольства. Впрочем, некоторые американцы не верили, что их дары и их письма дойдут до Хрущева. Один из них писал, что «наверное, парень, который читает мое письмо, поражается моей наивности и думает, какой же я дурак, если думал, что это письмо получит лично Хрущев».

Полученные письма можно было разделить условно на 4 группы. Около тысячи писем были от друзей СССР, возможно от коммунистов или сочувствовавших им американцев. Примерно столько же было писем от яростных ненавистников СССР и лично Хрущева. Многие из них были направлены эмигрантами из Венгрии и Украины. Они были заполнены проклятиями в адрес Хрущева и часто сопровождались карикатурами на него. Еще около тысячи писем было написано сумасшедшими или людьми, находившимися в дурашливом настроении. Тут были идиотские проекты, как разрешить все мировые проблемы, предложения достичь Луны и планет Солнечной системы с помощью ракет, придуманных авторами писем, разоблачения всевозможных мировых заговоров и многое другое.

Однако подавляющее большинство писем было явно направлено душевно уравновешенными людьми и придерживавшихся взглядов, характерных для большинства американцев. Для них СССР была «империей зла», еще задолго до того, как Рейган пустил в оборот эту фразу. Россия всегда казалась многим американцам таковой еще со времен царей. После октября 1917 года российское государство обрело к тому же черты безбожной и аморальной власти. После начала «холодной войны» советская угроза стала темой многочисленных политических заявлений, радио– и телепередач, кинофильмов о русских шпионов. Комиссии конгресса США и различные общественные организации «разоблачали»

тысячи мнимых агентов Кремля в школах и государственных учреждениях, Голливуде и Государственном департаменте. Для подавляющего числа американцев Хрущев был жестоким тираном, поработившим десятки народов мира и собирающимся уничтожить или захватить «свободный мир». За освобождение мира от подобных тиранов в США еженедельно молились во всех церквях еще во времена Тома Сойера.

И все же многие американцы считали, что предотвращение ядерной войны требует согласия между великими державами. В декабре 1959 года во всех крупных городах США с большим успехом прошел фильм «На берегу», авторы которого изобразили мир 1963 года. Зрители узнавали, что за несколько месяцев до начала действия фильма вследствие случайного столкновения между СССР и США началась мировая война, уничтожившая весь мир, кроме Австралии. Жители «зеленого континента» ждут, когда радиоактивное облако придет к их берегам и они все погибнут. Американцы, которые смотрели этот фильм, были уже за несколько лет до этого психологически подготовлены к восприятию этого фильма как вероятной реальности. Уже с середины 1940-х годов во всех школах США проводились занятия, в ходе которых детей заставляли ложиться на пол и сворачиваться так, чтобы защитить жизненно важные центры человеческого тела в случае ядерного взрыва. В центре любого крупного города США можно было увидеть указатели к ближайшему бомбоубежищу. Многие американцы говорили мне тогда, что они не исключали того, что война может разразиться в любую минуту. Для большинства американцев согласие о прекращении ядерных испытаний и разрядке напряженности представлялось разумным шагом для уменьшения опасности истребительной мировой войны.

Поэтому тысячи американцев, направивших свои письма Хрущеву, выражали надежду на то, что он и Эйзенхауэр достигнут согласия по наиболее важным международным вопросам. Вместе с тем они сообщали Хрущеву, что не намерены отрекаться от своих идейных убеждений. Авторы писем постоянно напоминали Хрущеву, что он посещает «страну свободы и демократии», а поэтому его тут многое удивит. Они выражали надежду, что он извлечет уроки из увиденного. Некоторые из них были уверены в том, что Хрущев будет восхищен увиденным и даже поменяет отчасти свои политические убеждения. Другие считали, что еще не поздно просветить атеиста Хрущева и приводили ему слова из «Евангелия», которые должны были наставить его на путь истинный. Многие ограничивались одобрением Эйзенхауэра, пригласившего Хрущева, и выражали свои чувства в духе того официального гостеприимства, которое оказывало Хрущеву американское правительство.

Просмотрев и составив краткие аннотации на множество таких писем, я осознал, что встреча Хрущева и американцев может превратиться в диалог слепых и глухих: вряд ли Хрущев сумеет понять особенности идейно-политического мышления большинства американцев, вряд ли американцы смогут правильно понять Хрущева. В то же время было очевидно, что визит Хрущева не оставил американцев равнодушными.

17 сентября Хрущев направился из Вашингтона в Нью-Йорк, где встретился с крупнейшими предпринимателями США, а на другой день, 18 сентября, он выступил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Это было первым выступлением главы советского правительства в ООН. Обращаясь к делегатам высшего международного форума, Хрущев подчеркнул значение ООН в деле сохранения мира. При этом он объявил, что ООН должна «очиститься от элементов "холодной войны", нередко сковывающих ее деятельность». «Разве не порождением "холодной войны", – сказал Хрущев, – является такое нетерпимое положение, когда в течение уже многих лет Китайская Народная Республика, одна из крупнейших держав мира, лишена своих законных прав в Организации Объединенных Наций… Почему же в Организации Объединенных Наций Китай должен быть представлен трупом реакционного Китая, то есть кликой Чан Кайши?» Хрущев также призвал ООН «подать руку помощи освобождающимся народам, позаботиться об обеспечении их неотъемлемого права быть хозяевами собственной судьбы и строить жизнь без давления и посягательств извне».

Но главным в выступлении Хрущева были его предложения, направленные на разрядку международной напряженности и включавшие создание в Центральной Европе безатомной зоны, заключение пакта о ненападении между государствами – участниками НАТО и государствами – участниками Варшавского договора, вывод всех иностранных войск с

территории европейских государств и ликвидации военных баз на чужих территориях. Хрущев также предлагал прекратить ядерные испытания «на вечные времена». «Мы надеемся, – говорил Хрущев, – «что надлежащее соглашение о прекращении испытаний будет заключено и проведено в жизнь незамедлительно».

Наиболее радикальным было предложение о всеобщем и полном разоружении, изложенное в «Декларации Советского правительства». Объясняя ее смысл, Хрущев заявил: «Суть наших предложений состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели больше средств ведения войны». Осуществление такого разоружения Хрущев предлагал поставить под строгий международный контроль: «Чтобы никто не мог нарушить свои обязательства, мы предлагаем учредить международный контрольный орган с участием всех государств… Если разоружение будет всеобщим и полным, то по его завершении и контроль будет также всеобщим и полным».

Уже на первом этапе всеобщего и полного разоружения Хрущев предлагал сократить под соответствующим контролем численность вооруженных сил СССР, США и КНР до уровня 1700 тысяч человек, а Великобритании и Франции – до 650 тысяч для каждой державы. Предлагалось осуществить и равновеликое сокращение военной техники. На втором этапе следовало завершить ликвидацию вооруженных сил, военных баз, осуществить вывод войск и военного персонала с чужих территорий и роспуск их. На третьем этапе должны быть уничтожены все виды ядерного и ракетного оружия, ликвидирована материальную часть военной авиации, запрещено производство, владение и хранение средств химической и бактериологической войны, проведение научных исследований для целей войны и создания оружия. Предполагалось также упразднить военные министерства, генеральные штабы, все военные и военизированные учреждения, прекратить все сборы и обучение военному делу, запретить военное образование молодежи.

Предложение о полном и всеобщем разоружении не было новой инициативой СССР. Первое подобное предложение было выдвинуто Советским Союзом на Генуэзской конференции в 1922 году. В 1927 году на комиссии Лиги Наций СССР внес Декларацию о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Предложение о всеобщем и полном разоружении советская делегация внесла и на международной конференции по разоружении 1932–1933 годов. Тогда советские радикальные предложения вызывали лишь насмешки. Представитель Люксембурга даже рассказал басню про конференцию зверей по разоружению. В ходе нее одни предлагали запретить клыки, другие – клювы, третьи – когти, и конференция зашла в тупик. Тогда медведь предложил отказаться от всех этих средств нападения и сохранить лишь братские объятия.

В американских журналах вспомнили это старое выступление люксембургского дипломата для того, чтобы высмеять предложение Хрущева. Хотя звучали голоса поддержки этого проекта, подавляющее большинство средств массовой информации атаковали предложение Хрущева как чисто пропагандистское. Эти выступления щедро оплачивались представителями военных монополий. Через год с лишним президент Эйзенхауэр в своей речи за три дня до ухода с поста президента впервые употребил выражение «военно-промышленный комплекс», объявив о его засилье во всех областях жизни страны. Однако и среди рядовых американцев предложение Хрущева не вызвало большого энтузиазма. Как бы они ни опасались ядерной войны, многие американцы, трудившиеся на военных предприятиях, знали, что разоружение означало бы для них безработицу и нищету. Это мнение разделяли и люди, не занятые на военном производстве. Закрытие военных предприятий и сокращение вооруженных сил нанесло бы удар по всей американской экономике, зависевшей от гонки вооружений.

Хрущев явно не учитывал отрицательного отношения к его радикальным предложениям о разоружении со стороны значительной части американцев, отправляясь на другой день после своего выступления в ООН в Лос-Анджелес. Жизнь этого огромного города во многом зависела от процветания военно-промышленных монополий. Вечером 19 сентября на приеме в честь Хрущева выступил мэр Лос-Анджелеса Н. Поулсон. Он начал свою речь с напоминания о том, что Хрущев пообещал закопать США и другие страны «свободного мира». Напомнил он и о «венгерском вопросе». Мэр заверил Хрущева в том, что он и другие американцы «будут сражаться до конца», защищая «свободный мир».

В ответ Хрущев сначала зачитал заранее заготовленный текст речи, в котором было много сказано о разоружении, необходимости разрядки напряженности. Затем Хрущев продолжил речь от себя. Он спросил мэра Поулсона, читает ли он газеты. При этом он заметил, что советские председатели городских советов газеты должны читать, иначе их не переизберут на свои посты. Хрущев сказал, что в начале поездки он разъяснил американцам, что он имел в виду, сказав: «Мы вас похороним». Он вновь объяснял, что эти слова «не надо понимать буквально, как понимают простые могильщики, которые ходят с лопатами, роют могилы и закапывают мертвых. Я имел в виду перспективы развития человеческого общества. На смену капитализму неизбежно придет социализм. По нашему учению будет так, по вашему – нет… Чей строй будет лучше, тот и победит. Ни мы вас не будем закапывать, ни вы нас не будете закапывать. Живите себе на здоровье, Бог с вами. (Аплодисменты.)»

Однако этим Хрущев не ограничился. Обращаясь к Поулсону, он заявил: «Кое-кто, видимо, стремится ехать и дальше на коньке "холодной войны" и гонке вооружений… Если вы не готовы к разоружению и хотите дальше продолжать эту гонку вооружений, у нас не останется другого выхода, кроме продолжения производства ракет, которые у нас выпускаются по конвейеру… Выбирайте, идти ли нам вместе к миру или продолжать "холодную войну" и гонку вооружений. Я приехал не упрашивать вас. Мы сильны не менее, чем вы… Может быть, кое-кому хотелось бы создать впечатление, что мы приехали как бедные родственники и просим у вас мира, как милостыню. Но не заблуждайтесь. Если вооружение приносит прибыли вашим монополиям, если нам предлагают соревноваться не на мирном поприще, а в производстве оружия, то это страшное направление!… Если вы не принимаете нашей идеи борьбы за мир, за укрепление дружественных отношений между нашими странами, может быть, нам уехать домой, и пусть тогда все знают, кто на деле хочет мира и дружбы, а кто препятствует этому… Иной раз, когда я слушаю подобные речи, у меня возникают такие мысли: не задумал ли кто-то в США пригласить Хрущева и так "потереть его", так показать ему силу и мощь Соединенных Штатов Америки, чтобы он немножко, так сказать, колени согнул. Если эти господа так думают, они глубоко заблуждаются. Нам от вас домой лететь недалеко. Если сюда мы летели около 12 часов, то отсюда долетим наверное, часов за 10? Как вы думаете, товарищ Туполев?» А.А. Туполев: «Да, Никита Сергеевич, долетим». Н.С. Хрущев: «Представляю вам – это сын нашего знаменитого конструктора академика Туполева. Думаю, что мы будем более благоразумными и найдем общий язык».

Хрущев завершил свое выступление пожеланиями присутствовавшим «самых наилучших успехов и счастья в вашей жизни», но, вернувшись в отель, где он остановился, дал волю своим эмоциям. Он кричал на весь номер о том, что он ни минуты больше не останется в США. Он утверждал, что выступление Поулсона было провокацией, заранее подготовленной правительством США, что сопровождавший их представитель США в ООН Чарльз Лодж руководил этой провокацией. Потом Хрущев утверждал, что он умышленно утрировал свои эмоции, рассчитывая, что всякое слово, сказанное им, прослушивается специальной аппаратурой. Хрущев не ограничился криком, а послал Громыко в номер Лоджа. Лодж уже собирался ложиться спать, но ему пришлось выслущать официальный протест советской делегации против недопустимо грубого выступления Поулсона. Громыко потребовал гарантий, чтобы впредь подобные выступления не повторялись.

Хрущев был раздражен и тем, что программа его пребывания в Лос-Анджелесе и его окрестностях была сокращена. Ссылаясь на возможность антисоветских демонстраций, Хрущева не пустили в Диснейленд. Он иронизировал: «Может быть, там теперь созданы площадки для запуска ракет? (Взрыв смеха.)… Что у вас там – холера развилась или чума, что я могу заразиться? (Смех.) Или Диснейленд захватили бандиты, которые могут меня там уничтожить? Так ведь у вас полицейские такие молодцы, что они быка поднимут за рога, и с бандитами они могут прекрасно справиться! Я говорю тогда: а все-таки хотел бы поехать в этот парк, посмотреть, как отдыхают американцы. (Аплодисменты.) Мне отвечают на это: поступайте как знаете, но в таком случае мы не гарантируем вашей безопасности. Что же я должен – пойти на самоубийство? (Смех.)»

Импровизированные высказывания Хрущева американцы могли верно понять благодаря виртуозному переводу В.М. Суходрева. Во время завтрака на студии кинокомпании «Твентис

сенчури – фокс» Хрущев, доказывая президенту компании Спиросу Скурасу неизбежность победы социализма над капитализмом, отошел от заготовленного текста и стал выкрикивать в зал: «Мы вас обгоним… (Суходрев в таком же тоне и темпе: «We shall catch up with you…,) перегоним… (Суходрев: «overtake you…») и ручкой помахаем: прощайте, господа капиталисты!» (Суходрев тут же дал адекватный перевод.) Эту и подобные сценки показывали ежедневно по телевизору и в кинохронике США, и поэтому переводчик Хрущева стал весьма популярной фигурой в Америке. Но американцы не подозревали, что донести до них слова Хрущева ему порой было нелегко. Особенно когда Хрущев обещал показать капиталистам «кузькину мать» или сообщал, что «всякий кулик хвалит свое болото». Разумеется, вспомнить с ходу английское значение слово «кулик» было трудно и Суходрев заменил «кулика» «уткой», а «болото» «озером».

Хрущев, с его страстными речами, и острые ситуации вокруг его визита все больше захватывали внимание американцев. Они спорили и рассуждали: прервет Хрущев свой визит или нет? что еще скажет Хрущев и что он выкинет? Каждое действие Хрущева освещалось репортерами. Достаточно было Хрущеву взять в рот «хот дог», как тут же на первых полосах тысяч американских газет появлялись фотографии, изображающего Хрущева с сосиской и булочкой во рту. Героями репортажей становился рабочий, который обменялся с Хрущевым головными уборами, толстяк, которого похлопал по животу Хрущев, полицейский, в которого угодили помидором, предназначенным для Хрущева. Любое же высказывание Хрущева, любой его жест тиражировались во всех материалах средств массовой информации. Жена американского дипломата потом жаловалась: «В теленовостях увидеть было нечего, кроме Хрущева, и нельзя было ничего услышать, кроме слов комментаторов: "Хрущев сделал то, Хрущев сказал это"».

Когда Хрущев поехал на поезде из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско, тысячи американцев выходили к полотну железной дороги, чтобы посмотреть на нового героя новостей. В.М. Суходрев вспоминал: «Даже на тех станциях, где не предусматривалось остановки, стояли толпы народа. Люди держали плакаты. Я не увидел ни одного враждебного. Тексты были довольно трогательными, многие на русском языке, с ошибками: "Добро Пожалувать"… В городке СанЛуис-Обиспо поезд остановился, и Хрущев пожелал покинуть вагон. Народу там было видимо-невидимо. И опять дружеские слова на плакатах, приветливые улыбки. Хрущев устремился к ним. Наконец-то он попал в свою стихию. После поездок в закрытой машине он получил возможность пообщаться с людьми. Он здоровался с ними, брал на руки детей, словом вел себя очень по-американски, точь-в-точь как здешний политик в ходе предвыборной кампании».

Многое о чем говорил Хрущев также соответствовало представлениям американцев о политической риторике. Так, Хрущев не раз рассказывал о своем бедном детстве, о том, как он работал простым рабочим. В качестве примеров того, как выходцы из семей трудящихся и рядовые рабочие стали руководящими деятелями, Хрущев рассказал в Лос-Анджелесе биографию Тихонова и моего отца. Такие рассказы были обычными для американских политических деятелей, знающих, что истории о том, как бедный человек стал кузнецом своего счастья, всегда трогают сердца большинства людей. Парадоксальным образом популяризация средствами массовой пропаганды визита руководителя СССР способствовала тому, что чудовищный образ владыки «империи зла» переставал соответствовать реальному Хрущеву, в чем-то похожему на американских политических деятелей. Даже резкие выходки Хрущева, его грубоватые манеры и крикливые заявления не слишком выходили за рамки того, чего ожидали американцы от политического деятеля своей страны.

Вскоре делегация прибыла в Сан-Франциско. Как отмечал Суходрев, «в Сан-Франциско нас приветствовал мэр Дж. Кристофер. Он очень тепло приветствовал Хрущева и вручил ему символический ключ от города. Я сразу заметил, что отношение здесь к высокому гостю совсем не такое, как в Лос-Анджелесе. Более уважительное и сердечное… Здесь хотели перещеголять Лос-Анджелес в гостеприимстве». Но и в гостеприимном Сан-Франциско не обошлось без острых споров. Они произошли во время встречи Хрущева с руководителями американских профсоюзов, входивших в АФТ – КПП, У. Рейтером, Дж. Кэри и другими. По словам Суходрева, «это была самая конфронтационная из всех встреч, состоявшихся во время визита

Хрущева в Америку». Предметами жарких споров стали и помощь СССР развивающимся странам Азии и Африки, и германский вопрос, и положение в Венгрии. Хрущев говорил, что «нельзя вести беседу, прыгая, подобно блохам, от одного вопроса к другому», но дискуссию не прекращал. По словам Суходрева, «встреча длилась долго. Закончилась ночью. И все это время Хрущев был на подъеме. Он стучал кулаком по столу, повышал голос, срываясь иногда на крик. Его пытались перебивать, но это никому не удавалось».

Хотя с тех пор, как Хрущев дискутировал с военнопленными в годы войны, у него уже было немало споров с иностранцами, никогда до этой поездки он не спорил с людьми из зарубежных стран так много и так ожесточенно, отстаивая свои идейно-политические убеждения. Против аргументов американцев Хрущев использовал положения о неизбежности смены капитализма социализмом, которые он усвоил с первых лет Гражданской войны. Он постоянно обращался к воспоминаниям о своей жизни, используя их в качестве примера того, как рядовой рабочий стал руководителем великой страны. Он приводил данные о быстром преобразовании полуграмотной России в Советскую страну сплошной грамотности с высокоразвитой системой образования и наукой. Он указывал на быстрое превращение России из отстававшей в хозяйственном отношении страны в державу, опередившую все страны мира в освоении космоса. Он доказывал, что политика СССР направлена на оказание помощи слаборазвитым странам и спасение мира от ядерной катастрофы. Как и подавляющее большинство американцев, Хрущев демонстрировал искреннюю убежденность в превосходстве своей родной страны и ее образа жизни. Упорство, которое Хрущев проявлял в пропаганде превосходства советского строя, поражало американцев и вместе с тем было похоже на их собственное упорство в пропаганде американского образа жизни. Несмотря на то что многие американцы отвергали с порога аргументы Хрущева, они с захватывающим интересом следили за непрекращавшимися спорами, если уж не могли сами участвовать в них.

Очередным пунктом поездки стала столица штата Айова – Де-Мойн. Встречая Хрущева, губернатор штата Х. Ловлесс сообщил ему: «Вы находитесь сейчас в штате высокой кукурузы». Здесь, в краю, где рос полюбившийся ему злак, Хрущев встретился с американцем, который, не будучи коммунистом, был близок ему по духу. Это был Росуэлл Гарст, крупный сельскохозяйственный предприниматель, специализировавшийся на выращивании кукурузы. Как отмечал Суходрев, Гарст не раз приезжал в СССР и всякий раз «встречался с Хрущевым, можно сказать, они стали почти друзьями. По крайней мере, хорошо понимали друг друга. Они и по темпераменту был похожи: оба импульсивные, откровенные, не стесняющиеся в выражениях».

23 сентября Н.С. Хрущев выехал на ферму Р. Гарста. По словам газеты «Нью-Йорк таймс», этот день стал «самым теплым и самым народным днем, который Хрущев провел в США». На ферме Гарста не спорили о политике, а обсуждали вопросы выращивания кукурузы, которые были одинаково близки Хрущеву и Гарсту. Сходство характеров двух собеседников проявилось и в их поведении. Когда журналисты, последовавшие за Хрущевым, прибыли на ферму, они, по словам Суходрева, «топтали посевы, мешали вести беседу хозяину… В конце концов Гарст не выдержал и стал ругаться: «Вы же заслонили собой все поле! Кукурузу не видно!» Гарст ругался, Хрущев смеялся, журналисты напирали… В это время мы подошли к кукурузоуборочному комбайну, бункер которого был наполнен кукурузными початками. Гарст стал хватать эти початки и со всей силы кидать их в журналистов». Это вызвало восторг Хрущева. Казалось, два деревенских жителя с удовольствием отражали нашествие надоевших им горожан. В считанные минуты кинокадры и фотоснимки, изображавшие Гарста и Хрущева с початками кукурузы в руках, обошли всю Америку, а телезрители и читатели обсуждали новое приключение из сериала «Визит Хрущева в США».

После Айовы путь лежал в индустриальный Питсбург, а вечером 24 сентября Хрущев прибыл в Вашингтон, где состоялся прием в Посольстве СССР. На прием собралось более 500 гостей, и мне, как практиканту, поручили заговаривать зубы некоторым гостям, чтобы не создавать толчеи в главном зале. Вскоре я увидел Хрущева. До сих пор я видел его лишь на трибуне Мавзолея, и мне он показался другим. Сейчас лицо его было красным, глаза суженными. Он шел, чуть ли не сбивая всех с пути. Казалось, что он был чем-то разгневан и был готов взорваться от обуревавших его чувств. Пара американцев, с которым я беседовал,

бормотали: «Хрущев кажется усталым. Он устал после поездки». Но вскоре стало ясно, в чем причина настроения Хрущева. Вскоре в посольство прибыл вице-президент США Ричард Никсон. Видимо, Хрущев готовил себя к встрече с тем, в ком он видел своего личного врага, и желал высказать все, что он думал по поводу «провокаций», которые, по мнению Хрущева, организовал Никсон и другие во время его поездки по США. На некоторое время Никсон и Хрущев уединились в небольшой гостиной, но вскоре вице-президент США вместе со своей супругой покинул посольство. Судя по его виду, разговор с Хрущевым был острым, и Никсон не пожелал долго оставаться на приеме.

И тут Хрущева как подменили. В это время в посольство прибыл лауреат Международного конкурса имени Чайковского пианист Ван Клибрен, на выступлении которого в 1958 году присутствовал Хрущев. Никита Сергеевич и Нина Петровна сердечно приветствовали молодого пианиста, и они расцеловались. Однако операторы телевидения сказали, что им не удалось хорошо снять эту сцену. Тогда Хрущевы и Клиберн повторили поцелуи, при этом высокому пианисту приходилось сильно наклоняться вниз, а супругам Хрущевым тянуться вверх. Теперь Хрущев излучал добродушие. Очевидно, он умел управлять своим настроением.

На другой день Хрущев вылетел в Кемп-Дэвид, где начались его переговоры с Эйзенхауэром. В США гадали: чем увенчаются эти переговоры? не капитулирует ли Айк (так часто звали американцы Эйзенхауэра) перед напористым советским лидером? Ультраправые организации проводили собрания под лозунгами: «Не допустим Мюнхена на берегах Потомака!»

Через два дня мой отец, сопровождавший Хрущева в Кемп-Дэвид, встретился со мной и немного рассказал о том, как шли переговоры. Они происходили в большом зале. При этом Хрущев, Эйзенхауэр и два переводчика сидели за столом на таком отдалении от остальных участников переговоров, что остальным не было слышно, о чем говорили два руководителя. Но вот беседа прекратилась, Эйзенхауэр и Хрущев поднялись и направились к выходу. Хрущев сообщил сопровождавшим его лицам, что по совету врачей президент будет отдыхать. Хрущев же решил погулять по дорожкам Кемп-Дэвида. Он был крайне недоволен Эйзенхауэром. «Пока я говорю с ним, – говорил Хрущев, – он полностью со мной соглашается, но как только во время перерыва к нему подлетает это воронье (Так Хрущев назвал государственного секретаря Гертера, шефа ЦРУ Аллена Даллеса и других), он тут же меняет свою точку зрения. Это не президент, а тряпка!»

Хотя оценка Хрущева была резкой, для нее были известные основания. Хрущев знал, что президент Эйзенхауэр обрел свой пост главным образом благодаря своей роли главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Европе в 1944–1945 годах, а не за свои способности к руководству великим государством. На каждой пресс-конференции президент проявлял удивительное, даже по американским меркам, невежество во многих областях. Даже когда Эйзенхауэр был здоров, он не отличался активностью в своей государственной деятельности, а его любовь к ковбойским романам и игре в гольф стала притчей во языцех. После же небольшого инсульта в 1958 году Эйзенхауэр надолго отключился от государственной работы.

Видимо, Хрущев рассчитывал воспользоваться невежеством Эйзенхауэра и его незнанием многих сложных вопросов международной политики для того, чтобы навязать ему решения, выгодные нашей стране. Наверное, из этих же соображений исходил и Горбачев, когда в ходе приватных бесед с Рейганом в Рейкьявике в 1986 году пытался навязать другому невежественному президенту США решения, выгодные СССР. И в том и в другом случае советские руководители не учитывали, что их американские партнеры по переговорам не обладали властью, подобной той, что находилась в их руках. По этой же причине президенты США не стремились овладеть той разнообразной информацией, которую обязан был знать руководитель КПСС. Кроме того, несмотря на огромные полномочия президента США, его действия могли быть скорректированы его министрами и помощниками и, наконец, членами конгресса США. Эти люди представляли собой самые влиятельные силы Америки. Между тем Хрущев прекрасно знал, что эти силы не собирались пойти на соглашения на тех условиях, которые устраивали нашу страну. Поэтому попытки навязать Америке решение, выгодное

СССР, воспользовавшись некомпетентностью президента США, были заведомо обречены на провал и отдавали авантюризмом.

Парадоксальным образом борец с «культом личности» Хрущев исходил из того, что все зависит от личности руководителя страны и от того, как он повлияет на этого руководителя. Хрущев то злился на Эйзенхауэра, когда ему не удавалось воздействовать на него, то он сменял гнев на милость, когда во время посещения фермы Эйзенхауэра в Геттисберге ему показалось, что президент и его внуки хорошо к нему относятся. Хрущев упорно не желал учитывать объективные реалии, препятствовавшие ему добиться искомых соглашений с США.

Отец рассказал мне и о том, что во время прогулки по Кэмп-Дэвиду Хрущев стал неожиданно вспоминать Сталина, характеризуя его в духе своего закрытого доклада на XX съезде. При этом Хрущев уверят своих слущателей, что во время затяжных обедов Сталин порой уходил к себе в спальню, но оттуда подсматривал и подслущивал за сидевшими за обеденным столом через специальное отверстие. Позже, сопровождая одну иностранную делегацию, мне довелось побывать на сталинской даче и внимательно рассмотреть там столовую и спальню. Когда я попросил показать мне тайное отверстие, то меня подняли на смех, сказав, что ничего похожего тут никогда не было. Позже из книги Таубмэна, я узнал, что воспоминание Хрущева о Сталине в Кемп-Дэвиде было неслучайным. Оказывается, в беседе с Эйзенхауэром он сообщал ему о «несогласии со многим, что сделал Сталин». Он сообщал президенту США, что по его приказу были закрыты лагеря с политическими заключенными, а деятельность «полиции» была ограничена. Одновременно он говорил президенту США о том, что он добился отстранения от власти Молотова и других «консерваторов».

Однако эти попытки Хрущева доказать американцам, что он является наиболее удобным руководителем СССР для них по сравнению со Сталиным и Молотовым, могли лишь продемонстрировать наличие острых противоречий в СССР, его высшем руководстве и непрочность положения самого Хрущева. Кроме того, теперь американцы могли требовать от Хрущева дальнейших шагов, которые убедили бы их в его «удобности» для США. Возможно, что примерно так же эволюционировал и Горбачев, перейдя от давления на президента США к убеждению его в том, что он является наиболее удобным для американцев. Известно, что эта тактика в конечном счете привела к капитуляции Горбачева перед Западом.

Видимо, заявления Хрущева убедили американцев в том, что не следует идти ему на уступки, и они стали навязывать условия, которые были выгодны им. Эйзенхауэр наотрез отказался пойти на подписание мирного договора с двумя германскими государствами и уйти из Западного Берлина. Он лишь выразил туманное предположение, что договоренности, на основе которых западные державы находятся в Западном Берлине, не вечны. В обмен на это неопределенное заявление Хрущев пообещал пока отказаться от угрозы подписать мирный договор с ГДР в одностороннем порядке. Однако Хрущев отказался вставить упоминание об этом в коммюнике. Наконец, было найдено компромиссное решение: Эйзенхауэр скажет о том, что Хрущев не будет подписывать мирный договор, а Хрущев его не опровергнет. (Через два дня после завершения своего визита Хрущев, отвечая на вопрос корреспондента ТАСС, заявил: «Президент США Эйзенхауэр правильно охарактеризовал содержание договоренности, достигнутой между нами. Мы действительно согласились, что переговоры по берлинскому вопросу должны быть возобновлены, что для них не устанавливается какой-либо ограниченный по времени срок, но что они не должны также и затягиваться на неопределенное время».)

Советско-американское коммюнике, опубликованное 27 сентября по итогам бесед в Кемп-Дэвиде, свидетельствовало о том, что стороны не приблизились к достижению какого-либо соглашения. Было объявлено, что переговоров не было, а лишь велись «беседы… для выяснения позиций обеих сторон по ряду вопросов». В числе них были упомянуты германский и берлинский вопросы. Было высказано мнение о важности проблемы всеобщего разоружения. Говорилось о возможности достижения соглашения по вопросу о расширении обменов людьми и идеями (на этом особенно настаивали американцы). Было сказано о том, что президент США посетит СССР с ответным визитом весной следующего года, но точная дата визита будет согласована через дипломатические каналы. Визит Хрущева, которого он так долго добивался и вокруг которого было столько шума, не только не принес для СССР никаких существенных результатов, но увенчался рядом уступок со стороны советского правительства.

Тем не менее Хрущев на своей последней пресс-конференции в Вашингтоне 27 сентября выражал удовлетворение своим визитом. В своих ответах на вопросы корреспондентов он сообщал, что «после встречи с господином Эйзенхауэром… мои надежды еще более утвердились». Он выражал надежду на то, что в скором будущем соглашения для обеспечения разрядки международной напряженности будут подписаны. Он объявил, что «необходимые условия для созыва совещания глав правительств уже созрели». Правда, он признал, что «не так легко сбросить весь тот груз, который накопился за многие годы "холодной войны". Нельзя рассчитывать на внезапную перемену обстановки. Процесс улучшения отношений между нашими государствами потребует больших усилий и терпения и прежде всего желания той и другой стороны… Мне кажется, что у президента США более сложные условия, чем у меня. Очевидно, в Соединенных Штатах еще влиятельны те силы, которые препятствуют улучшению отношений между нашими странами, разрядке международной напряженности».

Сопровождавшие Хрущева лица сделали все возможное для того, чтобы его последняя пресс-конференция прошла без скандала. Вместо Суходрева, переводившего быстро и передававшего в точности колорит хрущевских фраз, переводом занялся Олег Трояновский, переводивший Хрущева медленнее, но зато смягчавший отдельные выражения Хрущева. Перед самым началом пресс-конференции было объявлено, что вопросы следует задавать лишь в письменном виде. Это вызвало недовольный гул присутствовавших журналистов, но они тут же настрочили множество записок. Эти записки были положены на стол, и их стали разбирать министр иностранных дел А.А. Громыко и его первый заместитель В.В. Кузнецов. При этом они отбрасывали те вопросы, которые могли вызвать бурную реакцию возмущения у Хрущева. Затем принятые Громыко и Кузнецовым записки переводил Хрущеву Трояновский, и лишь потом он оглашал их присутствовавшим по-английски. Таким образом, Хрущев получал время для обдумывания ответа. Эти усилия оправдали себя: скандала на пресс-конференции не произошло.

Но затем чуть не произошло событие, которое могло перечеркнуть труды советских организаторов пресс-конференции. После ее завершения Громыко и Кузнецов поднялись и пошли вслед за Хрущевым, оставив отвергнутые ими записки на столе. К столу тут же шагнул долговязый американский журналист и стал собирать записки. Но вдруг откуда-то на журналиста бросился Ильичев, который ловко вырвал у него записки из рук, а затем, как коршун, ринулся на груду записок, оставшихся на столе. При этом он приговаривал: «Майн! Майн!» Журналист говорил, что он только хотел взглянуть на записки, но Ильичев, с трудом прижимая записки к груди, заспешил к лифту, где его ждали члены советской делегации. «И слово-то знает только одно иностранное, да и то немецкое – "майн"», – шутил Елютин. Но на самом деле все члены советской делегации прекрасно понимали, что Ильичев, возможно, предотвратил появление скандального репортажа на тему: «Вопросы, оставшиеся без ответов Хрущева».

В этот же вечер Хрущев выступил по американскому телевидению. Он повторил свою оценку бесед в Кемп-Дэвиде, которую дал на пресс-конференции, а затем попытался объяснить американцам необходимость разрядки напряженности на бытовом примере о враждующих соседях. «У плохих соседей все же есть выход: один из них может продать дом и переехать на новую квартиру. А как быть государствам? Ведь они не могут переселиться в другое место! Где же выход?» Хрущев подводил телезрителей к мысли о необходимости всеобщего и полного разоружения, заключения мирного договора с Германией, достижения договоренности по Западному Берлину.

Затем Хрущев перешел к рассказу о СССР. Он опять говорил о своем скромном социальном происхождении и сказал, что побывавшие до него в США в 1959 году Микоян и Козлов также выходцы из трудовых семей. Он осудил несправедливость капиталистического строя, заметив, что «ни один человек, даже вместе со всей своей семьей, даже если бы ему было дано прожить не одну жизнь, не может заработать личным трудом миллион, а тем более миллиард долларов. Этого можно добиться только в том случае, если присваивается чужой труд. Как вы знаете, даже в Библии сказано: когда торговцы превратили храм в дом ростовщиков и менял, Христос взял бич и изгнал их». Благодаря же социализму, подчеркивал Хрущев, «мы в 36 раз увеличили производство промышленной продукции, ликвидировали

неграмотность и выпускаем ныне инженеров почти в три раза больше, чем в США… Среднегодовые темпы роста промышленности в Советском Союзе в 3-5 раз выше, чем у вас. Поэтому в ближайшие 10–12 лет мы превзойдем Соединенные Штаты как по абсолютному объему промышленности, так и по производству на душу населения. А по сельскому хозяйству эта задача будет решена значительно раньше».

Рассказывая о жилищном строительстве, Хрущев заметил, что «только за последние 8 лет в Москве построено квартир больше, чем за всю ее 800-летнюю историю до революции». Он указал на то, что «слово «безработица» у нас давно забыто». Он рассказал о том, что «в Советском Союзе бесплатно не только среднее, но и высшее образование. Студенты получают государственную стипендию… Достоинства советской системы образования широко известны… Мы гордимся, что русские слова «спутник» и «лунник» понятны во всем мире без перевода». Рассказал Хрущев и о системе здравоохранения в СССР, упомянув, что «заболеваемость у нас резко сократилась, а смертность – самая низкая в мире. Каждый рабочий и служащий имеет ежегодно оплаченный государственный отпуск. Для отдыха трудящихся предоставлены лучшие санатории, курорты и дома отдыха. Лечат всех людей бесплатно – и маленькая, и самая сложная операция не требует никаких расходов от больного».

Казалось, что Хрущев решил воспользоваться возможностью того, что к его личности было приковано внимание всей Америки, и он спешил изложить все наиболее сильные аргументы в пользу социализма и Советской страны. Видимо, власть имущие в США на самом деле испугались воздействия речи Хрущева на широкую публику. Это было видно из того, как только диктор объявил о завершении выступления Хрущева, на экране тут же появилось несколько комментаторов, которые с ходу стали опровергать сказанное Хрущевым и доказывать порочность советской «тоталитарной системы».

Сразу после своего выступления по телевидению Хрущев направился в советское посольство, чтобы выступить перед его сотрудниками и другими членами советской колонии. К этому времени я уже выслушал много речей Хрущева. Нередко в ходе своих выступлений Хрущев сбивался, запутываясь в деепричастных оборотах и засоряя речь словами-паразитами. Он пытался найти выход с помощью простонародных словечек, шуток и прибауток, но они были зачастую не только неуместны, но вызывали ощущение неловкости. Но на сей раз я видел Хрущева, который вел себя совсем по-другому на трибуне. Видимо, в отличие от тех аудиторий, в которых он чувствовал себя неуютно, а поэтому нервничал, терял мысль, раздражался, здесь он ощущал искреннюю эмоциональную поддержку. Для этого были особые причины. Все сидевшие в зале в течение 12 дней внимательно следили за его поездкой по США и искренне поддерживали его, как руководителя своей Родины, который постоянно подвергался нападкам американцев.

Как опытный оратор, Хрущев улавливал настроения слушателей и чутко на них реагировал. Он поговорил о делах в СССР и остановился на школьной реформе. «Конечно, все говорят, что они за реформу, – говорил Хрущев, – но всякая мамаша при этом замечает: "Пусть сначала моя Наташенька, или Танечка, закончит школу, а потом уже начнется реформа!"» При этом жены сотрудников посольства смущенно засмеялись. «Необходимость в политехнизации образования, – говорил Хрущев, – в том, что сейчас очень многие выпускники школ и вузов не представляют себе реально, чем они будут заниматься после окончания учебы. Товарищ Елютин! – обратился он к сидевшему рядом министру высшего образования, – сколько у нас выпускников работает не по профессии?» Елютин назвал цифру, но тут же добавил: «Особенно это касается девушек!» Хрущев решил, что второй раз атаковать женский пол было бы слишком, и он оборвал министра: «Ладно! Не выгораживай нашего брата!»

Завершив рассказ о положении в стране и поговорив о своей поездке по США и своих переговорах с Дуайтом Эйзенхауэром, Н.С. Хрущев неожиданно стал вспоминать о событии первых послевоенных лет, когда он был руководителем Советской Украины. Тогда в соседнюю Польшу была направлена делегация советских колхозниц во главе с прославленной Мариной Демченко, стахановкой-свекловодом 1930-х годов. В состав делегации входила и звеньевая колхоза имени Шевченко Переяслав-Хмельницкого района Киевской области Е.С. Хобта. После возвращения из поездки члены делегации встретились с Хрущевым. Во время беседы М. Демченко пожаловалась на Е. Хобту, сказав, что та допустила крупную политическую ошибку

во время одной встречи с польскими крестьянками. Когда те стали расспрашивать про положение верующих на Украине, то Хобта ответила, что перед отъездом она вместе с Мариной Демченко пошла в одну из киевских церквей и они обе помолились за успех их поездки. Демченко была возмущена. Ничего подобного не было. Ни Демченко, ни Хобта не были верующими. Да и следовало ли было подлаживаться под настроения религиозных женщин? В ответ Е.С. Хобта энергично защищалась: «Я так бачу, Никита Сергеевич, – отвечала она. – Ведь люди они – тэмные! Они ж всего не розумиют».

Хрущев не ограничился рассказом об этом давнем случае. Как это было обычно для него, из этой истории он извлекал далеко идущие выводы. Он говорил, что он поддержал Хобту, так как увидел, что в ее словах звучала гордость советских людей перед иностранцами, еще не доросшими до того, чтобы знать правду. Хрущев стал говорить о том, что мы должны вести себя с американцами подобно тому, как вела себя Хобта в Польше, исходя из того, что они – «люди тэмные». При этом он стал вспоминать строки Некрасова о «святой лжи», которая порой бывает необходима.

Разумеется, Хрущев имел основание полагать, что в своем общении с американцами советские дипломаты вряд ли могли быть слишком искренними и откровенными. Он справедливо исходил из того, что в ходе любой беседы с американцами работники посольства сознательно дозировали правду порциями дезинформации. Точно так же вели себя и их американские коллеги. В то же время чисто профессиональные приемы дипломатов в ходе их бесед на политические темы вряд ли стоило бы распространять на разговоры советских людей с иностранцами о повседневной жизни в СССР. Даже на основе своего небольшого опыта общения с американцами я быстро убедился в том, что представления о СССР многих из них крайне убоги и искажены. Поэтому зачастую для того, чтобы посеять в их умах сомнения в достаточности и достоверности их знаний о нашей стране, можно было сообщить им несколько азбучных истин об истории и географии СССР, социальном устройстве, экономике и культуре нашей страны, не прибегая ни к гиперболам, ни к обману. Даже эти неоспоримые факты выслушивались с сомнением, а поэтому любая неточность (не говоря уж об откровенной лжи), которую легко можно было опровергнуть, могла лишь породить еще большее недоверие к советским людям. Тем более мне никто бы не поверил, если бы я стал утверждать, будто я, практикант при советском посольстве, являюсь христианином и регулярно хожу в церковь.

Скорее всего, рассказ Хрущева о Хобте должен был объяснить его собственные выступления перед американцами. При этом Хрущев объявил слущателям о своей уверенности в том, что его речь прослущивается американцами, но это, мол, не имеет значения. Не хотел ли Хрущев сказать американцам, что многое из того, что он сказал за 12 дней, было ложью. Американцам оставалось гадать, что он имел в виду: планы ли всеобщего и полного разоружения? угрозы ли применить силу, если Запад не согласится подписать мирный договор с Германией? заявления о том, что СССР скоро обгонит США? утверждения о том, что СССР значительно преобладают над США в области межконтинентальных ракет? Объявляя ложь абсолютно необходимым методом общения с иностранцами, Хрущев ставил под сомнение даже аргументы из его выступлений об очевидных достижениях СССР в экономическом и социальном развитии.

Но, видимо, оправдание лжи «святыми» мотивами было естественным для Хрущева и касалось не только отношений между советскими людьми и иностранцами. Скорее всего, он был убежден в том, что есть люди, которые имеют право знать подлинные факты, а есть много «тэмных людей», которые не должны иметь доступа к правдивой информации. Он приучился самозабвенно манипулировать сфабрикованными данными, произносить лживые речи, делать фальшивые жесты. Он привык сочинять рассказы о событиях прошлого, искажать факты настоящего положения и раздавать заведомо фантастические обещания относительно будущего. Однако тогда такие мысли не приходили мне в голову. Наверное, они не приходили в голову и большинству советских людей в это время. В эти дни Хрущев воспринимался как руководитель нашей страны, сумевший бросить вызов надменной Америке. Поэтому советские люди исключительно тепло провожали его в Вашингтоне и восторженно встречали его в Москве.

28 сентября на митинге во Дворце спорта по случаю возвращение Хрущева из США

выступали представители различных профессий. Наладчик автозавода имени Лихачева Ю.Н. Николаев говорил: «Никита Сергеевич с силой атомного ледохода рущит лед "холодной войны", разит противников мира с точностью советской лунной ракеты! (Продолжительные аплодисменты.)… И я убежден в том, что придет время, когда и рабочие Америки познают радость свободного труда на своих собственных заводах и фабриках. (Аплодисменты.)» Бригадир колхоза «Путь новой жизни» У.М. Трофимова заявляла: «Ваш визит, Никита Сергеевич, явился хорошим уроком для капиталистов… Тучи "холодной войны" рассеиваются. Стало веселее жить и трудиться… Пусть посмотрят американцы, на что способны колхозники! Мы заверяем вас, Никита Сергеевич: выстоим в соревновании с фермерами, догоним и перегоним Америку по производству продуктов сельского хозяйства на душу населения! (Продолжительные аплодисменты.)… Спасибо вам за ваши многотрудные дела на благо советского народа и всего трудового человечества. (Аплодисменты.)»

В своем выступлении Хрущев сообщил собравшимся, что он «только что с самолета, который завершил беспосадочный перелет Вашингтон – Москва». На протяжении своей речи он не раз дал положительную оценку позиции президента США. Он говорил: «Президент Соединенных Штатов Америки Дуайт Эйзенхауэр проявил государственную мудрость в оценке современной международной обстановки, проявил мужество и волю… Несмотря на сложность обстановки, которая существует в Соединенных Штатах, он, человек, который пользуется абсолютным доверием своего народа, выступил с предложением об обмене визитами между главами правительств наших стран… Хочу сказать вам, дорогие товарищи, что я не сомневаюсь в готовности президента приложить свою волю и усилия, чтобы достигнуть соглашения между нашими странами, создать дружеские отношения между нашими народами и добиться решения назревших вопросов в интересах упрочения мира». Хрущев был, видимо, убежден, что в ходе своей поездки он сумел переагитировать президента США и теперь он легко может добиться внешнеполитических успехов.

Глава 4
«ДУХ КЕМП-ДЭВИДА» И ЕГО ГИБЕЛЬ ПОД ОБЛОМКАМИ У-2

Сразу же после завершения визита Хрущева в США в мировых средствах массовой информации заговорили о «духе Кемп-Дэвида», который, как в свое время «дух Женевы», якобы стал определять характер отношений между двумя противоборствующими блоками. Однако в самой многочисленной державе социалистического блока, в Китае, известия о визите Хрущева в США не вызывали особого восторга. Между тем туда на празднование 10-й годовщины КНР направился Хрущев почти сразу после возвращения из США. В своем выступлении на торжественном приеме в Пекине 30 сентября Хрущев подчеркнул, что у него сложилось впечатление, что «президент США, – а его поддерживает немало людей, – понимает необходимость смягчения международной напряженности». Позже генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин заявил: «Никакие соображения дипломатического протокола не могут объяснить, или извинить, бестактное восхваление Хрущевым Эйзенхауэра и других империалистов, когда он публично заявил, что Эйзенхауэр пользуется поддержкой американского народа».

Для недовольства Хрущевым у китайских руководителей были серьезные основания. Вопросы, актуальные для Китая, не фигурировали в повестке дня переговоров в Кемп-Дэвиде. В то время как Хрущев демонстрировал свою дружбу с Эйзенхауэром, американское правительство поддерживало Чан Кайши и его сторонников военными и экономическими средствами и препятствовало китайской армии занять не только провинцию Китая – Тайвань, но и прибрежные острова – Куэмой и Мацзу. Грозные призывы Хрущева выкинуть «чанкайшистский труп» из стен ООН не принесли никаких результатов. Во время пребывания Хрущева в Китае во многих материалах китайской печати, опубликованных по случаю 10-й годовщины КНР, подчеркивалось, что империализм не изменил своей природы и поэтому страны социализма должны быть готовы к битве против империалистического лагеря.

Однако полемика еще не велась в открытую. Вспоминая свою последнюю поездку в Китай и встречи с Мао Цзэдуном осенью 1959 года, Хрущев писал: «Беседы у нас состоялись

дружеские, но безрезультатные». Но вряд ли это было точным описанием советско-китайских переговоров. Известно, что в ходе бесед с Мао Цзэдуном Хрущев остро критиковал правительство КНР за нападение на Индию, за обстрел прибрежных островов, занятых чанкайшистами. Сильная перепалка возникла и с министром иностранных дел маршалом Чень И. Незадолго до приезда Хрущева в Пекин маршал выступил в индонезийском посольстве с резкими нападками на тех, кто недооценивает угрозу империализма. Как утверждает Таубмэн, Мао отверг критику Хрущева и обвинил его в оппортунизме. Это же повторил и Чень И. Вернувшись в свои апартаменты, которые, скорее всего, прослушивались, Хрущев ругал китайских руководителей последними словами. Визит Хрущева был им сокращен с семи дней до трех. Никакого коммюнике о советско-китайских переговорах опубликовано не было.

О том, что переговоры носили острый характер, свидетельствует решение Президиума ЦК от 15 октября: «Запись бесед с китайскими друзьями не хранить в архиве, а уничтожить». О смятении Хрущева свидетельствует запись его выступления на этом заседании. С одной стороны, он уверял, что ничего страшного не произошло: «Обостренность вопросов – к лучшему». С другой стороны, он призывал не обострять возникший спор: «В диспут не вступать. Не давать повода для обострения». И, наконец, он тут же предлагал дать ответ Китаю в печати: «Выступить со статьями о строительстве социализма, коммунизма».

Вскоре Хрущев вступил в полемику, хотя и завуалированную. Выступая 30 октября 1959 года на сессии Верховного Совета СССР, Хрущев осудил попытки «некоторых людей» проверить империализм силой на прочность. В это время вышла в свет статья Ильичева, в которой напоминалось об актуальности положений статьи Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Пока Китай не упоминался, но ни для кого не было секретом, против кого направлено осуждение «левых коммунистов». Скрытые выпады против Китая были повторены Хрущевым 1 декабря 1959 года на съезде Венгерской социалистической рабочей партии (так после событий 1956 года именовалась правящая партия Венгрии). В феврале 1960 года на закрытом совещании руководителей стран Варшавского договора Хрущев вновь обрушился с критикой на политику Китая. А 15 апреля в Пекине была опубликована статья «Да здравствует ленинизм!», в которой осуждалась политика заигрывания с империализмом. Открытая полемика между СССР и Китаем разгоралась.

Пока отношения с Китаем стремительно ухудшались, Хрущев предпринимал усилия для успешного проведения своей встречи с главами трех ведущих держав Запада. Его расчеты провести такую встречу до конца 1959 года не оправдались. Серьезное сопротивление достижению соглашения по Германии и Берлину оказывал канцлер ФРГ К. Аденауэр. Оттягивал встречу на высшем уровне и президент Франции Де Голль, который весьма ревниво реагировал на попытки США и СССР договориться за спиной Франции. Чтобы развеять эти подозрения, Хрущев совершил в марте 1960 года поездку во Францию, где у него состоялись продолжительные переговоры с Де Голлем. Эта поездка произошла вскоре после длительной поездки Хрущева по Индии, Бирме, Индонезии и Афганистану. Как и во Франции, в этой поездке Хрущева сопровождала большая делегация и многие члены его семьи. В ходе своих зарубежных поездок Хрущев неизменно делал заявления о необходимости разрешить германский и берлинский вопросы и осуществить полное и всеобщее разоружение.

Словно доказывая, что осуществить радикальное разоружение возможно, Хрущев в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР в январе 1960 года объявил о сокращении Вооруженных сил СССР на 1 миллион 200 тысяч человек. После сокращения Вооруженные силы СССР должны были составить 2423 тысячи человек. А.И. Аджубей вспоминал, что на другой же день в редактируемых им «Известиях» был опубликован «дружеский шарж. Перед строем солдат – Н.С. Хрущев. Звучит команда: "Каждый третий – выходи!"» На самом деле сокращение вооруженных сил проходило отнюдь не так весело. Увольняемые из армии кадровые офицеры оказывались без трудоустройства и жилья. Кроме того, постоянные заявления Хрущева о необходимости избавиться от армии в течение ближайших четырех лет, распустить все военные учреждения, запретить военную подготовку убеждали многих советских людей в том, что вооруженные силы – это паразитарная организация, от которой следует как можно быстрее избавиться.

Будучи штатским человеком, я и не подозревал, до какой степени велика неприязнь к

политике Хрущева в армии, пока не стал участником сборов для военных переводчиков, проходивших в Военной академии имени Фрунзе в январе – апреле 1961 года. В своем выступлении перед участниками сборов полковник, занимавшийся политработой в армии, выражал возмущение теми оскорблениями, которым стали подвергаться военнослужащие со стороны гражданских лиц в последнее время. Полковник напоминал о необходимости не только укрепления вооруженных сил, но и доверия к ним со стороны общества. В личных же беседах с офицерами академии участники сборов выслущали значительно более резкие высказывания в адрес действий Хрущева по разрущению вооруженных сил. Такие настроения не ограничивались офицерским составом армии. По словам Микояна, «многие маршалы и генералы – члены ЦК – были против него (Хрущева) за его перегибы в военном деле».

Хрущев чувствовал рост недовольства в верхах, но в силу своей подозрительности стал выискивать источники заговора среди наиболее лояльных к нему людей. Микоян позже возмущался тем, как расправился Хрущев с верным ему Кириченко: «Двадцать лет вместе работали. Сделал его вторым секретарем ЦК. Лучшая это была кандидатура или нет – другой вопрос… И вот, Хрущев вдруг, без всякой причины снял Кириченко и послал на периферию с понижением. Почему? Никакой оппозиции, никаких заметных ошибок». Фактически став вторым секретарем ЦК КПСС, Кириченко жестко контролировал работу Секретариата. Используя это положение, он, наряду с Микояном, Жуковым, Серовым и Дудоровым, сыграл видную роль в разгроме противников Хрущева в июне 1957 года. Как и в отношении всех, кто его спас в июне, Хрущев опасался растущей власти Кириченко.

12 ноября 1959 года Хрущев на заседании Президиума ЦК объявил, что он не удовлетворен работой Секретариата ЦК, заметив, что секретарь ЦК Кириченко взял на себя слишком много власти. «Равные возможности должны быть, – сказал Хрущев, очевидно, имея в виду возможности других секретарей. Его тут же поддержали Суслов, Игнатов и Брежнев. Фурцева заметила, что «у Кириченко много личных недостатков, честолюбие, властолюбие». Козлов также говорил о «недостатках Кириченко» и даже утверждал, что после разговора с Кириченко «Брежнев рыдал». Подгорный: «Личные недостатки т. Кириченко могу подтвердить. Он думает, что самым умным является он… Если против скажешь, Кириченко не забудет никогда, будешь врагом». Коротченко: «Согласен с перестройкой Секретариата. О т. Кириченко – у него много недостатков, кипятится, не выдержан, груб». Кириленко: «Кириченко – неуравновешен, мнителен». Полянский: «Кириченко – необъективный человек, допускает грубости к другому человеку». Выслущав от своих коллег эти замечания, Кириченко заметил: «Такой бани не было еще. Ни одного замечания такого не было… Самое тяжелое (обвинение) – что я хуже отношусь к Н.С. Хрущеву. Этого не было, что-то хотят пришить».

Подводя итоги дискуссии, Хрущев сказал: «Вы просто зазнались». Было решено, что руководить заседаниями Секретариата должен не только Кириченко, а все секретари в течение каждого месяца, чередуясь по алфавиту. Однако уже 7 января 1960 года был поставлен вопрос о новой работе Кириченко. Было предложено назначить его или послом в Чехословакию, или первым секретарем Ростовского обкома КПСС. Кириченко выразил желание поехать в Прагу, но его отправили в Ростов. А уже 15 июня он был снят с руководящего поста в Ростове.

Изгнания с руководящих постов продолжились. В январе 1960 года на заседании Президиума ЦК в докладе Л.И. Брежнева была подвергнута критике работа секретаря ЦК КПСС и первого секретаря Компартии Казахстана Н.И. Беляева. Брежнева поддержали секретари ЦК Компартии Казахстана. Хрущев говорил на заседании: «Посылали Беляева – надеялись, переоценили. Выступает т. Беляев и не говорит о недостатках. Беляев недостаточно подготовлен, был грубый подход, более гибкий ум нужен». На место Беляева было решено назначить ДА. Кунаева.

На майском (1960 г.) пленуме ЦК КПСС А.И. Кириченко и Н.И. Беляев были освобождены от обязанностей членов Президиума ЦК и секретарей ЦК. Этим изменения в руководстве партии не ограничились. Вскоре после падения Кириченко, который, как указывалось выше, активно боролся против Игнатова, последний развернул борьбу против Козлова. Последний оказывал Игнатову активное сопротивление. Игнатова в борьбе против Козлова поддерживали Аристов и Фурцева. Судя по словам Микояна, противники Козлова старались заручиться поддержкой Хрущева. Однако Хрущев, как отмечал Микоян,

поддерживал Козлова и «сказал знаменитую фразу: "Не делайте из Козлова козла отпущения"». После назначения в марте 1958 года Козлова первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, он заметно усилил свои позиции и постепенно стал второй по значению фигурой в руководстве.

Микоян писал: «Сговаривался с Хрущевым вдвоем. Иногда я ставлю какой-то вопрос, а Хрущев говорит: "Мы с Козловым это уже обсудили и решили так"». Роль Козлова возрастала, и он все энергичнее настаивал на выводе Игнатова, Аристова и Фурцевой из состава руководства партии. В мае на пленуме ЦК КПСС 1960 года все они, а также Кириченко, Беляев и Поспелов были выведены из состава Секретариата. А.Б. Аристову и П.Н. Поспелову было предложено сосредоточиться на работе в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Е.А. Фурцева была назначена министром культуры СССР, а Н.Г. Игнатов – заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Зато Козлов с мая 1960 года стал секретарем ЦК, сохранив при этом пост первого заместителя Председателя Совета Министров СССР. В состав Президиума ЦК были избраны А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский. Хрущев, видимо, считал, что таким образом он окружил себя наиболее надежными союзниками, готовыми энергично осуществлять его политику.

В мае 1960 года был отправлен в отставку с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР 79-летний К.Е. Ворошилов. Этому предшествовало решение Ворошилова освободить досрочно из заключения сына Сталина Василия, арестованного в апреле 1953 года. 11 января 1960 года решение Ворошилова было отменено на заседании Президиума ЦК, а В.И. Сталин был возвращен в тюрьму. 9 февраля Хрущев заявил на Президиуме: «Самолюбие заедает Ворошилова. Надо самому бы т. Ворошилову проситься на отдых». Правда, отставка Ворошилова была почетной и сопровождалась присвоением ему звания Героя Социалистического Труда. На его место был избран Л.И. Брежнев.

Однако эти перемены в руководстве партии и страны, объявленные в начале мая 1960 года, отошли на задний план по сравнению с событиями в международной жизни в этом месяце. Подготовка к Парижской встрече в верхах сопровождалась усилением выступлений в США тех, кто обвинял правительство Эйзенхауэра в уступчивости Москве. Претенденты на пост президента США от демократической партии – Кеннеди, Джонсон, Саймингтон в своих предвыборных речах заявляли, что под прикрытием разговоров о разоружении Хрущев наращивает ракетную мощь, а США серьезно отстают от СССР. Утверждалось, что у СССР около 2000 межконтинентальных ракет, а у США – раз в десять меньше. Свидетельство перевеса СССР в ракетной мощи видели в новых космических достижениях СССР. 4 октября советская ракета облетела Луну и сфотографировала невидимую до тех пор обратную сторону естественного спутника Земли.

По инициативе редактора издававшегося в США на английском языке журнала «СССР» Большакова и без ведома находившегося в отпуске посла Меньшикова Советское посольство в Вашингтоне направило под Новый год тысячам американцев поздравления, на которых были изображены три календарных листика за 1959 год. На них были запечатлены полеты советских ракет в сторону Луны в январе, сентябре и октябре 1959 года. (Позже стало известно о том, что Большаков напрямую выполнял поручения Хрущева.)

Распространению представлений о том, что достижения СССР в космосе сопровождаются быстрым наращиванием советского ракетного потенциала, в немалой степени способствовал Хрущев. Как писал Таубмэн, в ходе новогоднего приема в Кремле в ночь с 31 декабря на 1 января 1960 года Хрущев долго беседовал с послом США Л. Томпсоном и его женой, французским послом и его женой, а также секретарем ЦК Компартии Италии Луиджи Лонго. На беседе были также Микоян и Козлов. Говоря об ужасах ядерной войны, Хрущев сообщил, что 30 советских бомб нацелено на Францию и 50 – на Англию. Заверив, что он в восторге от своего визита в США, Хрущев сказал, что если соглашения на встрече четырех великих держав не будет достигнуто, то он подпишет договор с ГДР, который покончит с пребыванием западных стран в Берлине. Томпсон и Козлов все время пытались прекратить беседу, но это у них не получалось до 6 утра. Еще до этого приема Хрущев подготовил записку по вопросам разоружения, в которой утверждалось, что у СССР имеется «широкий набор ракет и в таком

количестве, что мы буквально можем потрясти мир». Он уверял, что западные державы попали в западню и они подрывают свои бюджеты военными расходами. Он полагал, что Советский Союз может перейти вскоре на милиционную систему армии. Как утверждал Таубмэн, в это время в СССР имелись лишь 4 боевые ракеты, находившиеся на боевом дежурстве.

Хотя американцы еще не располагали сведениями о подлинном ракетном потенциале СССР, Эйзенхауэр решил успокоить американцев и заявил, что «США никому не уступают» в стратегических вооружениях. По мере приближения совещания на высшем уровне ряд министров США (государственный секретарь К. Гертер и министр финансов Д. Диллон) в течение апреля 1960 года высказались о нежелании США идти на уступки СССР в германском и берлинском вопросах. В своем выступлении в Баку 26 апреля Н.С. Хрущев резко осудил выступление Диллона. В то же время было очевидно, что советское руководство было готово к проведению Парижского совещания Большой четвертки в мае и встрече Д. Эйзенхауэра в июне. Спасопесковский переулок, где был расположен дом американского посла, блистал свежей краской. Одновременно покрывали новым слоем асфальта и красили все дома в близлежащих арбатских улочках и переулках. Подобные усилия предпринимались везде, где должен был побывать Эйзенхауэр. Вблизи Братской ГЭС была даже сооружена дача для приема президента США. Потом за ней закрепилось имя Эйзенхауэра. Видимо, Хрущев рассчитывал, что в ходе непосредственного общения ему удастся добиться от президента США нужных уступок.

В Америке опасались, как бы Эйзенхауэр не уступил Хрущеву. Военные руководители настаивали на проверке заявлений Хрущева о ракетном превосходстве СССР. Для этого решили воспользоваться разведывательными самолетами, которые с 1952 года уже не раз углублялись далеко на советскую территорию. Советские силы ПВО не могли сбить эти самолеты, летевшие на высоте в 20–22 километра. Наши самолеты в это время не могли подниматься выше 19 километров. Ракеты же еще не обладали достаточной точностью попадания. 4 июля 1956 года американский разведывательный самолет пролетел над Москвой и Ленинградом. Хрущев был в ярости, но сбить самолет не удалось. Подобные полеты продолжались до 1959 года. В течение нескольких месяцев после поездки Хрущева по США Эйзенхауэр не давал разрешения на полеты. Однако в начале апреля с санкции Эйзенхауэра 9 апреля 1960 года американский разведывательный самолет У-2, стартовавший в Пешаваре, достиг Семипалатинского ядерного полигона, базы ракет советской авиации на Балхаше, ракетодрома в Байконуре. И опять наши силы ПВО не сумели сбить У-2.

Эйзенхауэр дал разрешение и на осуществление второго разведывательного самолета У-2. Пилот Гэри Пауэрс должен был провести самолет над Казахстаном, Уралом и северной частью европейской территории Союза, а затем приземлиться в Норвегии. Очевидно, помимо разведывательных целей, полет имел и политическую задачу. Пересекая СССР с юга на северо-запад 1 мая, когда в Москве проходил военный парад и по Красной площади провозили модели межконтинентальных ракет, американский самолет демонстрировал СССР неуязвимость разведывательных военно-воздушных сил США.

Пауэрс пересек советскую границу 1 мая, в 5 часов 36 минут, а уже в 6 часов Хрущева разбудили. Его позвал к телефону Малиновский, сообщивший о вторжении самолета «У-2». Затем Хрущев поддерживал связь с маршалом С.С. Бирюзовым. Хрущев нервничал. В ответ на доклад Бирюзова он сказал: «Ну, вот, страна вам дала все, а вы опять не можете сбить какой-то тихоходный одиночный самолет. Придется подумать, на месте ли вы там все». Бирюзов отвечал: «Никита Сергеевич, если бы я был ракетой, я бы с пусковой установки полетел в небо и сбил». Тем временем Пауэрс пролетел Байконур. Космодром был закрыт облаками, но пилот сфотографировал его окрестности и направил самолет к Свердловску (ныне – Екатеринбург). Хрущев же поехал на первомайский парад. А.И. Аджубей вспоминал: «1 мая 1960 года во время парада Хрущев нервничал. То и дело к нему на трибуну Мавзолея подходил военный, отзывал в сторону. После очередного доклада Хрущев сдернул с головы шляпу и, широко улыбаясь, взмахнул ею над головой».

Попытка сбить самолет с первой попытки оказалась неудачной. Ракетой был сбит советский истребитель, и его пилот С. Сафронов погиб. Однако вторая ракета достигла цели. Пауэрс с трудом сумел выбраться из разваливающегося самолета и выбросился на парашюте. Вскоре после своего приземления Пауэре был задержан, а затем доставлен в Москву. После

того как в поле была обнаружена разведывательная аппаратура, Пауэрс понял, что отрицать свою шпионскую миссию не имеет смысла.

Открытие очередной сессии Верховного Совета СССР 5 мая 1960 года не предвещало ничего неожиданного. На ней с докладом «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа» выступил Н.С. Хрущев. Он утверждал, что темпы роста советской экономики постоянно возрастают, а темпы роста американской экономики постоянно падают. Объясняя, «откуда берутся у нашего государства такие огромные возможности для быстрого подъема экономики, культуры, для роста благосостояния советских людей», Хрущев напомнил слова песни первых советских лет: «Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастия ключи!» Казалось, что Хрущев был в превосходном настроении.

Неожиданно в конце своего доклада он стал говорить о подготовке совещания глав четырех великих держав, хотя к теме доклада это не имело прямого отношения. Хрущев осудил неконструктивный подход западных стран к решению острых международных проблем. Как всегда, особенно досталось Аденауэру и Никсону. Он сообщил, что президент Эйзенхауэр собирался пробыть на совещании в Париже до 22 мая, а в случае если совещание не завершило бы работу к этому времени, то его заменил бы Никсон. Отвечая на это предложение, Хрущев сравнил Никсона с козлом, которого собираются пустить в огород.

Вдруг тон Хрущева изменился. Он объявил: «По поручению Советского правительства я должен сообщить вам об агрессивных действиях, имевших место за последние недели со стороны Соединенных Штатов против Советского Союза… Выразились они в том, что Соединенные Штаты посылали свои самолеты, которые пересекали наши государственные границы и вторгались в пределы Советского Союза». Хрущев рассказал о полете американского разведывательного самолета 9 апреля 1960 года. Затем Хрущев подробно стал рассказывать о полете У-2 1 мая. Когда Хрущев сказал, что у самолета не было опознавательных знаков, из зала прозвучал голос: «Как это совместить с елейными речами Эйзенхауэра? Ведь это прямой бандитизм!» Подтекст реплики означал: «А сколько вы, Никита Сергеевич, рекламировали Эйзенхауэра как борца за мир?»

Хрущев продолжал: «Советское правительство заявит Соединенным Штатам строгий протест и предупредит их, что, если подобные агрессивные акты против нашей страны будут продолжаться, мы оставляем за собой право ответить на них мерами, которые мы найдем нужными применить, чтобы обезопасить нашу страну». Хрущев возмущался: «Представьте себе, что произошло бы, если бы советский самолет появился бы, к примеру, над Нью-Йорком, Чикаго или Детройтом и пролетел бы над этими городами. Как бы реагировали Соединенные Штаты Америки? Официальные лица в Соединенных Штатах Америки заявляли, что у них существует дежурство бомбардировщиков с атомными и водородными бомбами, которые, при приближении иностранного самолета, поднимутся в воздух и направятся к указанному для каждого из этих бомбардировщиков объекту бомбежки. А это означало бы начало войны». «Думаем, – заявлял Хрущев, – что никто не сомневается в том, что у нас есть чем ответить. Правда, у нас нет дежурства бомбардировщиков, но у нас есть дежурные ракеты, которые точно и неотвратимо придут к заданной цели и будут действовать вернее и надежнее, чем дежурные самолеты». Хрущев обрушился и на союзников США: «Я считаю, что с этой высокой трибуны самым решительным образом предупредить и те страны, которые предоставляют свою территорию агрессивным силам… Правительствам таких стран уже давно пора понять, что они играют с огнем, так как и на эти страны обрушатся ответные удары».

«Что это – поздравление с праздником Первого мая?» – возмущался Хрущев. «Возникает вопрос, – говорил Хрущев, – кто же послал этот самолет? Был ли он послан с санкции Главнокомандующего США… или этот агрессивный акт был совершен без ведома президента? Как расценивать его – как предвестника нападения, то есть повторение того, что было сделано в свое время Гитлером?»

Хрущев напомнил о многочисленных случаях вторжения германских разведывательных самолетов накануне 22 июня 1941 года.

Вскоре последовали американские ответы на вопросы Хрущева. Американцы заявили, что самолет У-2, пилотируемый Г. Пауэр-сом, вел метеонаблюдения на севере Пакистана. Было

заявлено, что пилот сообщил о неполадках с кислородным прибором, а затем связь с ним была потеряна. Было высказано предположение, что пилот потерял сознание и самолет автоматически продолжал лететь на север, пока не оказался в районе Свердловска. Американские власти обратились к правительству СССР выдать останки летчика.

7 мая Хрущев выступил на сессии Верховного Совета СССР с заключительным словом по своему доклада. Подробно зачитав объяснения Государственного департамента США и НАСА о полете разведывательного самолета, Хрущев неожиданно заявил: «Товарищи, я должен вам рассказать один секрет. Когда я доклад делал, то умышленно не сказал, что летчик жив и здоров, а части самолета находятся у нас». Хрущев подробно рассказал о задачах полета У-2, предъявив фотографии, сделанные Пауэрсом, а также фотографии его разведывательного оборудования. С трибуны Верховного Совета Хрущев выкрикивал в адрес американских руководителей и их союзников: «Вы на что, господа, рассчитывали? Вы привыкли гадить и кое-кто это чуть ли не за благо признает и молчит! Нет, мы не такие люди! Нагадили! Нюхайте сами!… Не играйте с огнем, господа!… Солдаты мира, воины справедливого дела всегда… готовы к отпору агрессору, к ответному удару! Пусть знают все агрессоры, что никто не уйдет от ответа – и хозяин, и лакей получат свое!»

Хрущев сообщал депутатам Верховного Совета и миллионам телезрителей (поскольку его выступление шло в прямом эфире): «Докладываю Верховному Совету, что по решению правительства Советская Армия и Флот переходят на ракетное оружие, уже собственно перешли на него. Поэтому мы создали Главное командование ракетных войск. Главнокомандующим этих войск назначен Главный маршал артиллерии Неделин, замечательный артиллерист, который прославился во время войны с гитлеровской Германией… Я бы сказал вам, товарищ Неделин, на Бога не надейтесь, а лучше занимайтесь с войсками и овладевайте техническими средствами, которые мы вам вверили, с тем, чтобы, если противник нападет на нас, ракетные войска были способны в любую минуту нанести ответный сокрушительный удар по врагу».

После заявлений Хрущева Эйзенхауэру и его окружению не оставалось ничего, как признать факт разведывательной миссии Пауэрса. Однако никаких извинений не последовало. Напротив, в своих заявлениях Эйзенхауэр и другие говорили о том, что Соединенным Штатам приходится прибегать к таким средствам наблюдения, потому что СССР является «закрытой страной». Эти объяснения лишь усилили гнев Хрущева. Выступая 9 мая в посольстве Чехословакии в СССР Хрущев так оценивал полет Пауэрса: «Это было сделано сознательно и сознательно приурочено к совещанию глав правительств в Париже. Говорят, это сделала военщина. Только ли военщина? Какое же это государство, если военщина делает то, против чего правительство? Как может терпеть правительство?» На выставке останков самолета У-2, организованной 11 мая в ЦПКиО в Москве, Хрущев вновь возмущался американцами и высмеивал их попытки оправдаться.

Это возмущение разделяли и многие советские люди, направлявшие гневные письма в газеты. Я был свидетелем того, как, минуя свежевыкрашенный дом американского посла в Спасопесковском переулке, дедущка внущал своему внуку: «Вот здесь живут американцы – самые подлые, самые вероломные люди!» Советские люди одобряли то, как Хрущев «вывел» американцев «на чистую воду». Однако Хрущеву было ясно, что происшедшее является катастрофой для его курса на сотрудничество двух великих держав. Позже он говорил, что полет У-2 стал началом его конца. До встречи в верхах оставались считанные дни. В Президиуме ЦК не было единства по вопросу, ехать Хрущеву в Париж или нет. И все же вопреки мнению ряда членов Президиума Хрущев решил отправиться в Париж. За день до начала совещания, 15 мая, было объявлено, что в СССР был произведен запуск космического корабля с макетом человека на борту.

16 мая в Енисейском дворце президент Франции Шарль де Голль открыл совещание. Тотчас же Хрущев и Эйзенхауэр попросили слова для внеочередных заявлений. Началось пререкание по поводу того, кому предоставлять слово первому. Каким-то образом Хрущев добился того, что слово предоставили ему. В течение 45 минут Хрущев зачитывал заранее подготовленное выступление. Однажды Де Голль прервал его, заметив, что Хрущеву не стоит говорить слишком громко, так как акустика в помещении достаточно хорошая.

В своем выступлении Хрущев решительно осудил вторжение самолета У-2, практику полетов разведывательных самолетов над советской территорией и потребовал извинений от Эйзенхауэра за случившееся. Без этих извинений Хрущев отказывался участвовать в работе совещания. Переводчик Н.С. Хрущева В.М. Суходрев вспоминал:

«Все сидели за круглым столом. Рядом со мной находился госсекретарь США Кристиан Гертер. Во время выступления Хрущева Эйзенхауэр наклонился к Гертеру, и я услышал, как он сказал: "Я не вижу причины, почему бы нам не выступить с заявлением такого рода". На это Гертер ответил: "Нет, нам не следует этого делать"».

Отвечая Хрущеву, Эйзенхауэр объявил, что полеты У-2 прекращены и не возобновятся. Затем Эйзенхауэр заявил, что в советском космическом корабле, запущенном 15 мая, могут быть камеры, которые могут делать снимки США, поскольку другая сторона Луны была сфотографирована. Извиняться президент США не стал. Как напоминал Таубмэн, Эйзенхауэр в свое время заявил, что ничто не заставит его «так быстро попросить разрешение объявить войну, как нарушение нашего воздушного пространства советским самолетом». Но, видимо, то что было справедливо для США, не считалось справедливым для СССР, с точки зрения американцев. Как обычно, Соединенные Штаты придерживались двойных стандартов. Возмущенный до крайности, Хрущев покинул совещание, но некоторое время оставался в Париже.

Де Голль и Макмиллан предпринимали усилия для того, чтобы примирить Хрущева и Эйзенхауэра. Они предложили провести второе заседание. Хрущев же требовал от Эйзенхауэра извинений. Очевидцы утверждают, что Макмиллан чуть не плакал, пытаясь спасти конференцию. Он встречался с Хрущевым, но тот был непреклонен. Эйзенхауэр же наотрез отказывался принести извинения.

18 мая Хрущев выступил на пресс-конференции в Париже, на которую собралось около двух тысяч корреспондентов. Он заявил, что полет У-2 – это оскорбление СССР. «Мы с оскорблениями мириться не можем. У нас есть гордость и достоинство». По мере того как Хрущев зачитывал заранее подготовленный текст, кое-кто из присутствовавших стал выражать свое отношение к заявлению Хрущева выкриками или обычными для американцев возгласами не-одобрения: «бу-у-у». Прервав чтение, Хрущев обратился к присутствовавшим: «Хочу сразу ответить тем, кто здесь «укает». Меня информировали, что подручные канцлера Аденауэра прислали сюда своих агентов из числа фашистов, недобитых нами под Сталинградом. Они тоже шли в Советский Союз с «уканьем». А мы так им «укнули», что сразу на три метра в землю вогнали. Так что вы «укайте», да оглядывайтесь. Если остатки недобитых фашистских захватчиков будут «укать» против нас… то мы их «укнем» так, что они костей не соберут!»

Как и «дух Женевы», «дух Кемп-Дэвида» просуществовал недолго. Срыв Парижского совещания Большой четверки свидетельствовал о провале попыток Хрущева добиться поворота в международных отношениях в сторону разрядки напряженности между двумя противоборствующими военно-политическими блоками. Для Пекина эти события доказывали ошибочность хрущевского курса на сближение с Западом. 10 июня на заседании Исполкома Всемирной Федерации профсоюзов (ВФП) в Пекине два представителя Китая выступили с резким осуждением политики СССР в области разоружения, так как, по их словам, она порождала «неоправданные иллюзии» в сознании масс.

Через 10 дней после этого события должен был открыться III съезд Румынской рабочей партии (РРП). По пути из Пекина в Бухарест китайская делегация на этот съезд во главе с мэром Пекина Пынь Чженем остановилась в Москве. Там состоялись переговоры с советским руководством. Об их участниках и содержании ничего не было известно. Однако сразу же после завершения этих переговоров в Румынии узнали, что во главе советской делегации на съезд РРП поедет Хрущев. Как оказалось, Хрущев решил продолжить свой спор с китайскими руководителями в Бухаресте.

В своем выступлении на съезде РРП Хрущев критиковал тех, кто «механически» повторяют слова Ленина об империализме. Он опять вспомнил о «детской болезни левизны» и обратил внимание на то, что носители этой «болезни» не учитывают «современных обстоятельств». В своей ответной речи Пынь Чжень заявил, что империализму нельзя доверять, сославшись на полет У-2 и провал Парижского совещания. Он противопоставлял «доверчивость

империализму» национально-освободительную борьбу народов Алжира и Кубы против империализма. Он атаковал Тито и «других югославских ревизионистов» за их попытки подорвать единство международного коммунистического движения.

Тем временем заведующие отделами ЦК КПСС Б.Н. Пономарев и Ю.В. Андропов вели переговоры с делегациями различных компартий, приглашенных на съезд РРП. Они вручали участникам переговоров 80-страничный меморандум, в котором критиковались взгляды китайского руководства по вопросам войны и мира. По словам Э. Крэнкшоу, меморандум «произвел шок среди большинства делегатов, не ожидавших, что две величайшие партии в коммунистическом движении имеют серьезные разногласия по основным политическим вопросам. Но в меморандуме не было ничего такого, что бы подготовило их к последовавшему взрыву страстей и эмоций».

25 июня, в последний день работы съезда РРП, открылось совещание компартий. Регламент выступлений был ограничен 20 минутами. Подавляющее большинство делегатов, за исключением албанских, выступили в поддержку советской интерпретации идеологических споров с КПК, изложенных в меморандуме. В то же время все высказались за необходимость решения споров в товарищеской дискуссии. В своем выступлении Пынь Чжень заявил, что он внимательно выслущал критические замечания и передаст их руководству КПК. Однако он счел многое в этой критике несправедливым. Он заявил, что правительство Китая поддержало визит Хрущева в США и его позицию, занятую на Парижском совещании. Но Пынь Чжень не может поверить тому, что империалисты не попытаются развязать новую войну.

К этому времени китайская делегация распространила среди участников совещания текст 80-страничного письма, направленного КПСС в Пекин. Крэнкшоу подчеркивал, что «этот документ сильно отличался от меморандума 21 июня, предназначенного для международного коммунистического движения». Письмо КПСС, «предназначенное лишь для китайских глаз, по тону было задиристым и злым, несобранным по конструкции и охватывающим множество тем (оно было похоже на собственные речи Хрущева). Руководство КПК обвинялось в национализме и осуждалось за нежелание сотрудничать с СССР в военной области. По мнению Крэнкшоу, «это было похоже на разнос, устроенный рассерженным отцом своему взбунтовавшемуся сыну». Как отмечал Крэнкшоу, публикация письма «серьезно подрывала то впечатление, которое русские старались до этого создать: что они спорят с китайцами, сожалея об их заблуждениях, но не злясь на них».

После того как советская делегация узнала о распространении этого письма, слово взял Хрущев. Он был единственным участником совещания, который нарущил регламент и говорил значительно более положенных 20 минут. Как часто с ним случалось, он отбросил заранее подготовленный текст. В своей речи Хрущев впервые публично атаковал Мао Цзэдуна. Он заявил, что Мао Цзэдун ведет себя как «новый Сталин», что он «не думает об интересах кого бы то ни было, кроме собственных, и создает теории, оторванные от реалий современной жизни». Он назвал Мао Цзэдуна «ультралевым, ультрадогматиком, левым ревизионистом». Хрущев заявил, что китайцы много говорят о войне, но ничего не смыслят в современной войне. Он осудил нападение Китая на Индию. Поссорившись с правительством Индии, говорил Хрущев, китайское руководство не только отказалось работать вместе с СССР по превращению Индии в социалистическую страну, но нанесли удар этому делу. Хрущев обрушился и на методы хозяйствования в Китае и внутреннюю политику китайского руководства. Советское руководство, заявлял Хрущев, осуждает создание коммун и движение «великого скачка». Развитие экономики страны должно быть равномерным, а не осуществляться «скачками и прыжками», поучал Хрущев.

В ответ выступил Пынь Чжень. Как утверждал мэр Пекина, ему стало ясным, что «Хрущев специально организовал совещание компартий для нападок на КПК и Мао Цзэдуна». Мэр Пекина осудил переменчивую тактику Хрущева в отношении империалистических держав, которая лишь сбивает с толку народные массы. Что же касается того, что китайцы не смыслят в современной войне, то, по словам Пынь Чженя, они доказали обратное в ходе корейской войны и японо-китайской войны.

Хрущев ничего не ответил Пынь Чженю. Участники совещания приняли коммюнике, в котором содержались общие фразы о борьбе народов мира против империализма. Содержание

же дебатов на совещании огласке не подлежало. Однако вскоре во всем мире узнали о споре в Бухаресте. Стали известны и грубые выпады Хрущева против китайских руководителей, сделанные им в приватных беседах. Широкую известность получила фраза Хрущева по поводу строительства «народных коммун» в Китае: «Без штанов ходят, а тоже – кричат о коммунизме!» По мнению В.Е. Семичастного, «Хрущев временами высказывался о Мао Цзэдуне весьма нелицеприятно. Многие из его слов, пожалуй, лучше не вспоминать теперь. Случалось, он переставал себя контролировать и позволял при своей импульсивности открыто выражать свою неприязнь. Он с пренебрежением осуждал даже те шаги Мао, которые ранее и весьма похожим образом предпринимал сам». Такого же мнения придерживался и В.В. Гришин, который замечал: «Ухудшению наших отношений с Китаем в значительной мере способствовала бестактность по отношению к Мао Цзэдуну, которого Н.С. Хрущев публично называл "старой калошей" и награждал другими эпитетами». По оценке Д.Т. Шепилова, «исходным фактором субъективного порядка, который положил начало конфликту и отравил всю атмосферу советско-китайских отношений, была, несомненно, хрущевская разнузданность. Из всех зол, совершенных Хрущевым за «великое десятилетие» его правления, разрыв с Китаем был, пожалуй, наибольшим злом».

29 июня 1960 года «Правда» и «Женьминьжибао» опубликовали редакционные статьи, посвященные Бухарестскому совещанию. Из их содержания было ясно, что позиции КПСС и КПК прямо противоположны. В июле по распоряжению Хрущева был закрыт китайский журнал «Дружба», издававшийся в Москве на русском языке. Вслед за этим в журнале «Коммунист» была опубликована редакционная статья, в которой говорилось, что «лишь доктринеры, а не революционеры не могут понять значение мирного сосуществования в современных условиях».

Вскоре от словесных баталий Хрущев перешел к мерам экономического воздействия на Китай. В июле 1960 года было принято решение отозвать всех советских специалистов из Китая. Немедленно из Китая были отозваны 1390 советников, разорвано 343 контракта, прервано 257 совместных проектов. Против этих решений, приведших к фактическому разрыву союза с Китаем, выступали посол СССР в Пекине Червоненко, сотрудники международного отдела ЦК. Но они не смогли переубедить Хрущева. Советско-китайская торговля сократилась в 2 раза в 1961 году, а советский экспорт 1962 года в Китай составил лишь 25 процентов того, что было в 1959 году. Последствиями разраставшегося конфликта стали не только утрата дружеских связей с великим соседом, но и вооруженные конфликты на советско-китайской границе, а также огромные затраты на превращение протяженной восточной границы в мощную систему оборонительных укреплений.

Ухудшение отношений с главным союзником СССР произошло в то время, когда кризис хрущевского курса на разрядку международной напряженности углублялся. 12 июля 1960 года Хрущев объявил, что 1 июля американский самолет РБ-47 с двумя пилотами на борту пересек советскую границу в Баренцевом море, в районе мыса Святой Нос. «И вот возле Святого Носа они и сунули к нам свой нос», – объявил Хрущев. (Американцы же утверждали, что самолет был сбит в нейтральных водах.) Хрущев заявил: «Провокационный полет американского военного самолета РБ-47 свидетельствует о том, что майские заверения президента Эйзенхауэра в Париже о прекращении шпионских полетов в пределы Советского Союза не стоят ломаного гроша. Правительство США не отказалось от политики осуществления актов агрессии против Советского Союза». Хрущев пригрозил США, что еще одно вторжение американских самолетов на советскую территорию будет иметь самые серьезные последствия для страны-агрессора.

Одновременно Хрущев сделал ряд заявлений, которые должны были доказать, что, вопреки китайским обвинениям, СССР готов прийти на помощь народам, борющимся против империализма. В это время острая ситуация сложилась вокруг Кубы. Победа 1 января 1959 года повстанцев во главе с Фиделем Кастро над армией проамериканского диктатора Ф. Батисты и установление революционного строя в десятках морских милях от США вызвала неприязнь Вашингтона. Последняя попытка в этом регионе выступить против диктата США была предпринята в Гватемале, но она была раздавлена американскими наемниками, свергнувшими законное правительство Х. Арбенса в июне 1954 года. После национализации на Кубе

американских сахарных компаний в середине 1960 года США при поддержке ряда латиноамериканских стран стали разрабатывать планы интервенции против Кубы.

9 июля 1960 года, выступая на Всероссийском съезде учителей, Хрущев заявил: «Мы… используем все для того, чтобы поддержать Кубу, ее мужественный народ в борьбе за свободу и независимость, которую он завоевал под руководством своего национального вождя Фиделя Кастро… Не следует забывать, что теперь Соединенные Штаты не находятся на таком недосягаемом расстоянии от Советского Союза, как прежде. Образно говоря, в случае необходимости советские артиллеристы могут своим ракетным огнем поддержать кубинский народ, если агрессивные силы в Пентагоне осмелятся начать интервенцию против Кубы. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) И пусть в Пентагоне не забывают, что, как показали последние испытания, у нас имеются ракеты, способные падать точно в заданный квадрат на расстоянии 30 тысяч километров». Правда, Хрущев тут же поправился: «Вот мне передали записку, в которой пишут, что я, видимо, оговорился: ракета пролетела не 30, а 13 тысяч километров. Но и этого достаточно. 30 тысяч, конечно, оговорка, и я хочу уточнить цифру, потому что мое выступление транслируется и надо, чтобы Пентагон зарегистрировал, что это была оговорка». А через пару месяцев Хрущев объявил, что ракеты, которыми он собирался защитить Кубу, являются «символическими». Получалось, что все грозное заявление было «оговоркой».

Другой страной, которой Хрущев в июле 1960 года обещал оказать помощь, стала бывшая бельгийская колония – Конго. Предоставление в конце июня 1960 года независимости Конго сопровождалось беспорядками и насилием. Для защиты белого населения в только что освободившуюся от колониального гнета страну были введены бельгийские парашютисты. В своем заявлении от 13 июля советское правительство осудило вмешательство Бельгии в дела Конго и заявило о своей готовности помочь правительству Конго во главе с Патрисом Лумумбой. Заявление предупреждало и «о тяжелой ответственности, которая ложится на руководящие круги западных держав». 20 августа на Президиуме ЦК было принято решение оказать правительству П. Лумумбы срочную помощь в создании национальной конголезской армии и укреплении ее обороноспособности. Однако 5 сентября президент Конго Ж. Касавубу сместил П. Лумумбу с поста премьер-министра. Последний не признал законности действий президента. 11 сентября 5 самолетов Ан-12 вылетели с грузом оружия из Москвы в столицу Гвинеи Конакри, чтобы затем продолжить путь в Конго. Но еще раньше войска ООН, вступившие к этому времени в Конго, закрыли все аэропорты этой страны. Хрущев возложил ответственность за это решение на генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда. Советский Союз втягивался во внутриконголезский и международный конфликт.

События в Конго совпали с большими переменами и в остальных частях Африки. Значительная часть «черного континента» обрела независимость в течение 1960 года: если к началу этого года в Африке было 10 суверенных государств, то к концу года их стало 27. Колониальная система стремительно разваливалась. Советское правительство решительно поддерживало процесс деколонизации и изъявляло готовность оказывать помощь новым суверенным государствам.

Происходившие события служили Хрущеву доказательством того, что успехи СССР в создании ракетно-ядерного потенциала и активная внешняя политика СССР под лозунгами мирного сосуществования и всеобщего разоружения способствуют ослаблению позиций империализма. Он видел в этом свидетельство ошибочности заявлений китайских руководителей о вреде политики мирного сосуществования. Чтобы доказать жизнеспособность своего курса на разрядку международной напряженности, Хрущев решил предпринять новую попытку вернуться к дискуссии о всеобщем и полном разоружении. 10 августа Хрущев в своих ответах на вопросы газеты «Правда» сообщил, что он намерен поехать в Нью-Йорк в качестве главы советской делегации на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. При этом он сообщал, что «стремится к тому, чтобы Генеральная Ассамблея признала всеобщее и полное разоружение стержневым вопросом».

Через десять дней после этого заявления в СССР был произведен успешный запуск космического корабля с двумя собачками – Белкой и Стрелкой. После суток пребывания на околоземной орбите корабль приземлился. Этим была продемонстрирована возможность

полета живых существ в космосе и их успешного возвращения. В то же время, как всегда, космические достижения координировались с событиями в политической жизни страны.

Решение Хрущева ехать на Генеральную Ассамблею ООН привело к тому, что делегации советских союзников также возглавили руководители этих государств. Вслед за этим руководители блока неприсоединившихся стран (Неру, Насер, Нкрума, Сукарно, Тито), а также ряда других стран Азии, Африки и Латинской Америки, включая президента Гвинеи Секу Туре, главу государства Камбоджи Нородома Сианука, премьер-министра Кубы Фиделя Кастро, также решили направиться на ассамблею ООН. На сессию направились также премьер-министры Великобритании, Австралии, Канады. Никогда ни раньше, ни прежде столь много делегаций ООН не было представлено на таком высоком уровне. Такое собрание мировых руководителей открывало возможности для проведения различных переговоров по актуальным международным вопросам. В этих условиях Хрущев решил воспользоваться трибуной ООН для того, чтобы объявить СССР наиболее решительным поборником дела деколонизации. Было решено подготовить проект «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Теперь тема разоружения отступала на второй план по сравнению с темой антиколониализма.

Одновременно Хрущев внес предложение о замене единоличного поста Генерального секретаря ООН – коллективным органом, состоящим из трех человек и представлявшим три группы стран – социалистические, капиталистические и развивающиеся. Во-первых, таким образом, Хрущев стремился усилить влияние СССР и его союзников на деятельность ООН. Во-вторых, Хрущев демонстрировал свое желание усилить роль развивающихся стран. В-третьих, это предложение было вызвано той кампанией, которую Хрущев развернул против тогдашнего Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда.

Сравнительно недавно Хрущев был в хороших отношениях с Хаммаршельдом и даже, как вспоминал Суходрев, катал его на лодке в Пицунде, пытаясь в течение получаса общаться с ним без переводчика. Теперь Хаммаршельд стал для Хрущева личным врагом наряду с Аденауэром, Никсоном, Мао Цзэдуном, покойным Сталиным и покойным академиком Вильямсом. Хрущев развернул против Хаммаршельда кампанию, требуя его отставки. Хрущев заявлял: «Действия господина Хаммаршельда по существу смыкаются с политикой стран, которые стояли и стоят на позициях колониализма». Хрущев явно игнорировал сложность положения Генерального секретаря ООН и запутанность ситуации в Конго. Об этом свидетельствовала сама судьба Хаммаршельда. Во время поездки в Конго в сентябре 1961 года с целью разрешить кризис в этой стране, его самолет, пролетавший над мятежной конголезской провинцией Катанга, был сбит ракетой, и Хаммаршельд погиб.

Возможно, что причиной для нового визита Хрущева в Америку явилось и его желание добиться поражения еще одного своего личного врага – Ричарда Никсона. К этому времени по мере подготовки к выборам президента США, которые должны были состояться в начале ноября 1960 года, съезды двух ведущих партий США – демократической и республиканской – уже выдвинули своих кандидатов. Сенатор Д.Ф. Кеннеди был выдвинут от демократов, вице-президент США Р.М. Никсон – от республиканцев. Для Хрущева избрание Никсона на пост президента представлялось бедствием. Сведения же, которыми располагал о сенаторе Кеннеди Хрущев, не говорили, о том, что тот является активным и последовательным борцом против СССР. Не исключено, что Хрущев рассчитывал своими выступлениями в ООН и возможными встречами с американскими политическими деятелями повлиять на ход кампании по выборам президента США.

На сей раз Хрущев решил отправиться в Америку на теплоходе «Балтика» (ранее он назывался «Вячеслав Молотов»), который стартовал 9 сентября в Балтийске. Вместе с Хрущевым на борту находились главы делегаций Украины и Белоруссии, являвшиеся членами ООН с ее основания, – Подгорный и Мазуров. На «Балтике» отправились и главы делегаций других европейских социалистических стран, входивших в ООН: Польши (В. Гомулка), Чехословакии (А. Новотный), Венгрии (Я. Кадар), Болгарии (Т. Живков). ГДР в это время еще не входила в ООН, делегацию Югославии не пригласили к этому вояжу, а делегации Румынии и Албании во главе с Г. Георгиу-Дежем и М. Шеху не присоединились к пассажирам «Балтики».

Как вспоминал Суходрев, «вместе с каждым руководителем отправился полный комплект

охраны, переводчики, помощники, секретари. «Балтика» превратилась в своеобразный плавучий офис. На борт постоянно поступали шифрованные телеграммы, также и с теплохода шли различные шифровки. Отправлялись материалы в газеты… Журналисты писали статьи, а мы, переводчики, корпели над речью Хрущева. Текст нам поступал по мере готовности. Он был велик – рассчитан на два с половиной часа чтения». Однако для многих эта поездка превратилась в санаторный отдых. По словам Суходрева, «Работали два ресторана, жизнь – как в санатории: с такого-то часа до такого-то – обед, с такого по такой – ужин и так далее». Правда, как отмечал Суходрев, скоро судно вышло в Атлантический океан, и началась качка. «Количество едоков в ресторане начало таять. И за главным столом, где восседали руководители, постепенно становилось все более пустынно. А в какой-то момент Хрущев оказывался в одиночестве… К чести Никиты Сергеевича надо отметить, что он не только ни одного обеда не пропустил, но и ни одного фильма из тех, что показывали по вечерам. Каждый день он гулял по палубе, играл в разные палубные игры, особенно нравилась ему одна, в которой особой клюшкой надо было толкать специальные шайбы по разграфленной площадке. Он втянулся в эту игру и втянул в нее Яноша Кадара».

19 сентября теплоход прибыл в Нью-Йорк. Встреча, которая была оказана Хрущеву и другим руководителям социалистических стран по прибытии, разительным образом отличалась от приема Хрущева почти год назад в аэропорту Эндрюс-Филдс. Сказывалось заметное ухудшение в советско-американских отношениях. Суходрев вспоминал: «На подходе к Нью-Йоркской гавани навстречу нам вышел довольно внушительных размеров катер. Он был заполнен демонстрантами. В руках они держали плакаты с враждебными лозунгами. Они также выкрикивали их во весь голос через мегафон». «Нью-Йорк таймс» воспроизвела речевку, которую скандировали демонстранты: «Roses are red, violets are blue, Stalin is dead, what about you?» (В вольном переводе это означало: «Красные розы, фиалки голубые, Сталин скончался, а ты что ж не в могиле?»)

Правда, и на этот раз многие американцы направляли доброжелательные письма и подарки Хрущеву. Но теперь этому активно препятствовали американские власти. Когда одна женщина решила переслать по почте приготовленный ею пирог для Хрущева, полиция задержала его, якобы под предлогом поиска взрывчатки, женщину же нашли и отвели в участок. Через сутки пребывания там женщина не только отказалась от своего подарка, но соорудила из наручников и цепей символический «пирог», который сопроводила надписью «душителю свободы» и направила его в Представительство СССР. Официальная Америка всеми силами старалась показать Хрущеву, что его визит нежелателен.

Недружелюбный прием Хрущева усугублялся тем, что «Балтика» пришвартовалась к старому, полуразрушенному пирсу. Как писал Суходрев, «наш посол предупредил, что аренда хорошего пирса будет стоить очень дорого, и Никита Сергеевич распорядился не тратить денег, а подыскать что-нибудь подешевле. Дальше – больше: как оказалось, профсоюз портовых рабочих демонстративно отказался обслуживать корабль «врага». Пришлось на воду спустить шлюпку, на которой матросы доставили причальный конец на берег и пришвартовали корабль». Никто из официальных лиц США не прибыл для встречи Хрущева и его спутников. Тем не менее Хрущев в своем заявлении, сделанном в нью-йоркском порту, выразил надежду на возможность ведения переговоров с Эйзенхауэром в стенах ООН. Он явно пытался восстановить добрые отношения с президентом США и доказать своим критикам, что его усилия по налаживанию отношений с ним были ненапрасными. Однако переговоры с Эйзенхауэром не состоялись. Президент США выступил на Генеральной Ассамблее 22 сентября с «парадной речью» и затем сразу же покинул Нью-Йорк. Расчет Хрущева вернуться к «духу Кемп-Дэвида» провалился.

Хрущев выступил на сессии на следующий день – 23 сентября. Суходрев вспоминал: «Зал был переполнен. Многие пассажи в его выступлении встречались громом аплодисментов, исходивших прежде всего от наших союзников. Хрущев не отступал от текста. Иногда, отхлебывая из стоявшего перед ним стакана боржоми, он, как всегда, нахваливал этот напиток и советовал попробовать его всем присутствующим». В течение двух с лишним часов Хрущев говорил об основных проблемах международной жизни. Он внес на рассмотрение сессии «Основные положения договора о всеобщем и полном разоружении». Этот проект повторял

идею, выдвинутую год назад, и Хрущев высказал недовольство тем, что «в области разоружения за прошедший год дело не продвинулось ни на шаг».

Он решительно осуждал «линию» «на разжигание "холодной войны"» и предупреждал об опасности столкновения этой «линии» с «линией» «на разрядку международной напряженности». Если эти линии столкнутся, говорил Хрущев, «это будет страшный момент». Он утверждал, что «темные силы, которым выгодно поддерживать международную напряженность, цепко держатся за свои позиции. Это – маленькая горстка людей, но она довольно влиятельная и оказывает большое воздействие на политику в своих государствах». В качестве примера этого Хрущев привел полеты самолетов У-2 и РБ-47. СССР внес вопрос «Об угрозе всеобщему миру, создаваемой агрессивными действиями США против Советского Союза» на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. «Союзники Соединенных Штатов Америки, – продолжал Хрущев, – упрекают нас иногда в том, что мы излишне сурово критикуем американское правительство. Но прикидываться добренькими, снисходительно похлопывать по плечу организаторов международных провокаций значило бы оказывать скверную услугу делу мира… Полеты американских шпионских самолетов поучительны и в другом отношении. Они с особой наглядностью показали, какую опасность для мира представляет паутина американских военных баз, опутавшая десятки государств в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Словно глубокий источник опасной инфекции в организме, эти базы разрущают нормальную политическую и экономическую жизнь государств, которым они навязаны».

Несмотря на то что правительство Лумумбы уже девять дней, как было свергнуто в результате переворота, осуществленного полковником Мобуту, Хрущев, как обычно, не желал признавать своего поражения и требовал направить в Конго «войска ООН, сформированные из частей африканских и азиатских стран», которые бы находились там под контролем правительства Патриса Лумумбы.

Особое внимание Хрущев обратил и на ситуацию вокруг Кубы. Он призвал: «Организация Объединенных Наций должна сделать все, чтобы отвести от Кубы нависшую угрозу вмешательства извне. Позволить довести дело до новой Гватемалы значило бы развязать события, последствия которых вряд ли кто-либо сейчас в состоянии предвидеть».

Вскоре Хрущев еще раз продемонстрировал свою солидарность с революционной Кубой и ее вождем, посетив Фиделя Кастро в гостинице в негритянском районе Нью-Йорка Гарлеме. Эта была первая встреча между руководителями СССР и Кубы. А. Аджубей вспоминал: «Хрущев отправился к Фиделю Кастро, созвонившись с ним по телефону. Он не предупредил полицию и другие службы безопасности о своем намерении, так как считал, что любой член делегации, работающий на Ассамблее ООН, имеет право свободно передвигаться по городу в районе Манхэттена. Поначалу автомобиль Хрущева спокойно ехал в общем ряду. Но на полдороге полиция перехватила его машину и одним своим присутствием, воем сирен, неуклюжими маневрами привела в смятение весь поток транспорта. Возникла грандиозная сумятица… Многие водители поняли, из-за чего это вавилонское столпотворение. Добавилось и политическая злость. В машину Хрущева полетели помидоры и яблоки, раздались ругательства… Спасло только мастерство и хладнокровие советского шофера. Возле гостиницы бурлила толпа. Негры, пуэрториканцы, бежавшие с Кубы "контрас"[2]. Одни выкрикивали приветствия, другие – проклятия».

«Охрана Хрущева «пробила» узкий проход в толпе и протолкнула Никиту Сергеевича в холл. Лифт поднял его на этаж к Фиделю Кастро. В небольшой комнате не то, что сесть, стоять было негде. Хрущев и Кастро обнялись… Я понял, почему Хрущев решил поехать к Кастро. Одно дело – принимать его в официальной резиденции советского правительства при ООН, другое – встретиться здесь, в Гарлеме, не чинясь возрастом и положением, по-братски. Набившийся в комнату народ, радостно возбужденный, расступился и дал возможность Никите Сергеевичу и Фиделю Кастро поговорить некоторое время с глазу на глаз. За окном на площади перед гостиницей бушевал теперь уже стихийный митинг. Куда-то исчезли «кон-трас», и вся

---

[2] Контрас – так называли противников кубинской революции. – *Прим. авт.*

площадь взрывалась громом приветствий: "Хрущев!", "Кастро!", "Патриа о муэрте!" – "Родина или смерть!"»

Помимо Кубы Хрущев в своем первом выступлении в ООН объявил о солидарности СССР со всеми народами, борющимися за национальное освобождение. Он говорил: «Нет нужды подробно описывать здесь бедственное положение более 100 миллионов человек, все еще томящихся в колониальной неволе… Подобно вулкану, кипит и бурлит Африка! Около 6 лет ведет героическую самоотверженную борьбу за национальное освобождение алжирский народ. Все решительнее поднимаются на борьбу за свои права народы Кении, Танганьики, Уганды, Руанда-Урунди, Анголы, Мозабика, Северной Родезии, Южной Родезии, Сьерра-Леоне, Юго-Западной Африки, Занзибара, а также Западного Ириана, Пуэрто-Рико[3] и многих других колоний… Сейчас, когда льется кровь колониальных народов, невозможно отвернуться, закрыть глаза на это кровопролитие и делать вид, что царит мир». Так было положено начало политическим кампаниям в СССР в защиту всех перечисленных народов, а затем оказанию обильной советской помощи многим из этих стран после достижения ими независимости.

Хрущев провозгласил: «Советский Союз, верный политике мира и поддержки борьбы угнетенных народов за национальную независимость, провозглашенной основателем Советского государства В.И. Лениным, призывает Организацию Объединенных Наций поднять голос в защиту справедливого дела освобождения колоний и незамедлительно принять меры к полной ликвидации колониального режима управления… Советское правительство считает, что наступило время поставить вопрос о полной и окончательной ликвидации колониального режима управления во всех его видах и разновидностях, с тем, чтобы покончить с этим позором, варварством и дикостью». Затем Хрущев зачитал некоторые из положений «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», которая прилагалась к его выступлению.

Далее Хрущев привел многочисленные примеры того, как территории, населенные национальными меньшинствами царской России, добились значительного экономического, социального и культурного прогресса при советской власти. Таким образом он указывал на преимущества социалистического устройства для преодоления народами бывших колоний своей отсталости. Он подчеркивал: «Мы гордимся тем, что на опыте бывших окраин России доказана возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран».

Оценивая выступление Хрущева, Суходрев писал: «Сразу скажу, что в конечном счете декларация о ликвидации колониализма была принята на основе нашего проекта. И добавлю, что с тех пор, можно сказать, с легкой руки Хрущева, вопрос, озаглавленный "О выполнении декларации о предоставлении независимости колониальным и зависимым странам и народам", в качестве отдельного пункта включался в повестки дня всех последующих сессий Генеральной Ассамблеи ООН вплоть до наших дней. Получилось, что в том году мы со своим "главным вопросом" угадали».

Нет сомнения в том, что если бы Хрущев уехал с Генеральной Ассамблеи вскоре после своего выступления, его участие в ее 15-й сессии запомнилось бы главным образом в связи с внесением антиколониальной декларации, которая долгие годы являлась важным документом ООН.

Однако прибытие в Америку на борту «Балтики» предполагало, что Хрущев намерен долго и основательно находиться в США. Правда, в отличие от сентября 1959 года, Хрущеву

---

[3] Британские колонии Танганьика и Занзибар в последующем образовали республику Танзания. Руанда-Урунди, находившаяся в 1960 году под опекой Бельгии, в дальнейшем превратилась в две страны – Руанду и Бурунди. Северная Родезия и Южная Родезия, являвшиеся британскими колониями, стали независимыми республиками Замбия и Зимбабве. Юго-Западная Африка, бывшая под опекой Южно-Африканской республики, стала затем республикой Намибия. Западный Ириан (западная часть Новой Гвинеи) вошел в состав Индонезии. Пуэрто-Рико, к этому времени являвшаяся «самоуправляющейся территорией США», осталась таковой и к настоящему времени. – *Прим. авт.*

американские власти не намеревались открыть путь в США, за исключением Нью-Йорка и его окрестностей. Власти же Нью-Йорка ограничили возможность для передвижений Хрущева, ссылаясь на невозможность обеспечить ему безопасность. Хрущев, поселившийся в представительстве СССР при ООН в центре Манхэттена, не имел возможности даже погулять по городу, а поэтому, чтобы подышать воздухом, он стал выходить на балкон представительства.

Об этом узнали журналисты, которые стали осаждать советское представительство. Они задавали вопросы Хрущеву с тротуара. Так начались импровизированные пресс-конференции Хрущева, которые он давал с балкона представительства. На всю улицу Хрущев сокрушался по поводу ограничения его передвижения, атаковал политику США, выражал солидарность с борьбой народов Африки и восхвалял советскую политику мира. Однажды в доме напротив группа американских студентов стала с вызовом Хрущеву петь американский гимн. Хрущев ответил исполнением первых строк «Интернационала». На тротуаре под балконом была толчея, на улице возле представительства возникали автомобильные пробки. Этот спектакль напоминал отчасти те сценки, которые разыгрывал Хрущев год назад во время своей поездки по США, и он снова доставлял обильный материал репортерам.

Хрущев внес зрелищность и в дебаты на сессии Генеральной Ассамблеи. По словам Суходрева, Хрущев упорно не желал признавать особенности распорядка дня в ООН: «Поражая всех, он являлся на утреннее и дневное заседание к самому началу. Опытный в этих делах Громыко напрасно уговаривал его не торопиться, мол, заседания Генассамблеи никогда не начинаются вовремя. Но Хрущев говорил: "Ничего не знаю. По регламенту заседание начинается в одиннадцать. Именно тогда мы там и будем". Делать было нечего. Ехали. Хрущев входил в пустой зал. Подходил к тем креслам, которые занимала наша делегация. Потом в недоумении бродил по вестибюлю или выходил в ооновский сад, возмущался здешними порядками. В Верховном Совете подобного представить было нельзя. Посмел бы там кто-нибудь опоздать к началу или во время заседания разгуливать по залу. Все эти дни в нем, наверное, копилось недовольство». Однажды он даже выступил с осуждением тех делегатов, которые вместо того, чтобы присутствовать на заседаниях, гуляют по Нью-Йорку.

Вскоре Хрущев истолковал нравы всемирного парламента, решив, что здесь каждый волен вести себя так, как ему хочется, и без стеснения выражать свои чувства, если ему что-то не нравится. Между тем Хрущева раздражало, что он был вынужден сидеть за спиной ненавистных ему представителей франкистской Испании и безропотно выслушивать антисоветские выпады ряда делегатов с трибуны ООН. Видимо, накопившееся раздражение вызывало у Хрущева желание подурачиться, покривляться, как это не раз с ним случалось. Не исключено, что Хрущев решил вести себя развязно и вульгарно, как, по его мнению, вели себя депутаты в буржуазных парламентах. Видимо, вспомнив о кадрах из кинокартины «Возвращение Максима», где показано, как стучали по пюпитрам и буянили в дореволюционной Государственной думе правые депутаты Пуришкевич и Марков во время выступления большевика А.Е. Бадаева, Хрущев решил подражать этим персонажам из популярного в свое время фильма. При этом он стал протестовать против неугодных ему выступлений, подобно Пуришкевичу и Маркову, но в то же время его некоторые речи в ООН напоминали страстное выступление Бадаева из фильма.

По словам Суходрева, кто-то «стал вещать с трибуны о… действиях СССР в Венгрии в 1956 году, и этого уже Хрущев перенести не мог. Он стал с места громко выкрикивать свои возражения против заявления того или иного оратора. Однако микрофонов перед делегатами тогда еще не было, и поэтому ему приходилось кричать изо всех сил, но все равно без толку: ведь сидящие в своих будках синхронные переводчики его не слышали… Премьер-министр Англии Макмиллан прервал свое выступление, когда Хрущев начал что-то выкрикивать и с легкой улыбкой в усы произнес: "Хоть бы мне кто-нибудь его перевел что ли…"»

Особенно возмутило Хрущева выступление делегата от Филиппин, который стал распространяться по «венгерскому» и «прибалтийскому вопросу». (Интересу к прибалтийской теме придало бегство матроса-прибалта с «Балтики».) Как вспоминал Суходрев, «к этому времени Хрущев уже уяснил, что его выкрики с места никто не слышит, но все же продолжал буйствовать… Филиппинец… старался не обращать внимания на выкрики. Тогда Хрущев начал

барабанить кулаками по столу. Пробовал и топать ногами, но это было малоэффективно, поскольку пол был устлан сплошным ковровым покрытием. Рядом сидел Громыко. Мало того что он сам не пытался успокоить своего соседа, так еще и сам разошелся. Кто бы это мог представить Андрея Андреевича, бьющего кулаками по столу в зале Генеральной Ассамблеи! Однако я это видел. Громыко все же сумел в какой-то момент объяснить Хрущеву, что тот имеет право перебить оратора "по порядку ведения". "Ах, все-таки имею право перебить? Очень хорошо!" – обрадовался Никита Сергеевич и поднял табличку с названием своей страны. Председатель прервал филиппинца. Тот покорно отошел от трибуны, а его место быстро занял Хрущев. Причем, подходя к трибуне, он сделал жест рукой, будто смахивает оратора с трибуны как муху. Хрущев, разумеется, начал говорить не "по порядку ведения", а свое. Председательствующий Фредерик Боланд, ирландец, перебил его, мол, извините, но это не "по порядку ведения", но это не остановило Хрущева.

Сначала Хрущев стал осуждать председателя Ассамблеи Боланда за то, что тот остановил представителя Конго. Затем, назвав представителя Филиппин "американским холуем", он опять осудил Боланда за то, что тот не остановил его. При этом Хрущев выразил мнение, что Боланд "симпатизирует колониальному господству". "Разве это справедливо? Нет, несправедливо", – возмущался Хрущев. "Господа, господин председатель, – выкрикивал Хрущев, – мы живем на земле не милостью Божьей, и не вашей милостью, а силой и разумом великого Советского Союза и всех народов, которые борются за свою независимость. Не заглушить вам голос правды, который звучит и будет звучать. Конец и могила колониальному рабству! Долой его! Надо похоронить его, и чем глубже, чем лучше!"»

Нарущая принятые в ООН правила для ораторов, Хрущев не раз вступал в пререкания с Боландом. Суходрев вспоминал: «Выступление испанского министра глубоко задело Хрущева. Он тут же потребовал слова "с правом на ответ". Когда его предоставили, он стал с трибуны на чем свет крыть и режим в Испании и самого Франко. А Франко, какой бы он ни был, являлся главой государства – члена ООН. Хрущев кричал, что "придет время, и народ Испании поднимется и свергнет кровавый режим!" По всем парламентским законам это явное оскорбление. Председатель прервал Хрущева и заметил, что "выступающий оскорбляет главу государства, а это у нас не положено". Он тщетно пытался лишить Хрущева слова. Но ведь Никита Сергеевич стоит на трибуне у микрофона, наущников, через которые поступает русский синхронный перевод, у него нет, и английскую речь Боланда он не понимает. Да если бы и понимал, полагаю, не захотел бы остановиться. Догадываясь, что Фредерик Боланд пытается его урезонить, он обернулся к нему и стал обличать уже его: "Ах вот как! И вы, председатель, тоже поддерживаете этого мерзкого холуя империализма и фашизма?! Так вот я вам скажу: придет время, и народ Ирландии поднимется против своих угнетателей! Народ Ирландии свергнет таких, как вы, прислужников империализма!" Ирландцы – народ эмоциональный и горячий. Боланд, услышав выпады теперь уже в свой адрес, стал пунцовым и закричал: "Вы нарущили уже все правила! Я лишаю вас слова и закрываю заседание!" "И тут Боланд вспомнит, что у него в руках председательский молоток, которым в таких случаях можно стукнуть по деревянной подставке, что он и сделал, но уж очень сильно. Молоток треснул, и головка его, кувыркаясь, полетела в зал. Все замерли. Хрущев продолжал еще что-то выкрикивать, но его уже никто не слышал, так как микрофон отключили. Боланд встал и покинул зал. Тут только Хрущев, явно нехотя, возвратился на свое место"».

Суходрев вспоминал: «Выступления продолжались. Время от времени в них звучали заявления, которые Хрущев воспринимал как выпады против коммунизма, Советского Союза и социалистической системы в целом. Протестуя, он продолжал стучать кулаками по столу. А потом, в какой-то момент, я вдруг вижу, что он снял с ноги ботинок, хоть так его потом назвали во всех газетах мира, а скорее башмак, что-то вроде сандалии, с несколькими ремешками на носке… Когда он начал колотить башмаком по столу, мне стало дурно. Думаю, не только мне».

Сразу же новость об очередном скандале в стенах ООН распространилась по США и всему миру. Джон Стейнбек в своей повести «Путешествие с Чарли в поисках Америки» запечатлел разговор с фермером в Нью-Гэмпшире, в котором тот сообщил писателю последние

новости: «Вы не поверите… Мистер К.[4] снял свой ботинок и стучал по столу». «Зачем он это сделал?» – спросил писатель. «Ему не понравилось, что говорили», – ответил фермер. «Странный способ протеста», – заметил Стейнбек. «Ну, во всяком случае это привлекло внимание. Все новости только об этом», – отозвался фермер.

В последующем изображение Хрущева с ботинком в руках стало использоваться в антисоветской пропаганде так же часто, как и его фраза о «закапывании» Запада. Прекрасно понимая, что этот поступок не вызовет восторга у советских людей, в советской печати ничего не говорилось об эпизоде с башмаком. Приведенный выше отрывок из книги Стейнбека был изъят при ее издании в СССР на русском языке. Правда, об этом событии скоро стало всем известно. Через год после сессии Генассамблеи, в своем выступлении на XXII съезде КПСС А.И. Аджубей решил оправдать поступок Хрущева, изобразив его как «сильный ход» и смешной эпизод, так рассказав об нем: «Может, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Хрущев однажды во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал стучать им по столу. Всем сразу стало ясно – мы решительно против, мы не хотим слущать такие речи! Причем Никита Сергеевич Хрущев ботинок положил таким образом (впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании), что носок ботинка упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью». Однако этот рассказ Аджубея не вызвал ни понимания, ни веселья среди советских людей.

Какие бы объяснения ни давал этому поступку Аджубей, было очевидно, что Первый секретарь окончательно распоясался и повел себя как подгулявший купец из пьес Островского. Очевидно, что это было вызвано отвращением не только к правительству Франко, но и к самой Организации Объединенных Наций. К этому времени Хрущев отчаялся в своих попытках повлиять на Дага Хаммаршельда, напоминая в своих речах о том, как он катал его на лодке. Провалились и его попытки сместить Хаммаршельда и заменить его тройкой из представителей трех групп стран мира. Все его предложения о всеобщем и полном разоружении вызывали лишь вежливые улыбки и укладывались в долгий ящик. Он не сумел встретиться в ООН с Эйзенхауэром и реанимировать «дух Кемп-Дэвида». Его попытки добиться того, чтобы Генеральная Ассамблея решительно осудила полеты американских самолетов У-2 и РБ-47, кончились неудачей. Заседания Генеральной Ассамблеи убеждали Хрущева в пустоте и бесплодности дебатов на этом всемирном парламенте, решения которого не были обязательными для подавляющего числа его участников.

В то же время выраженное Хрущевым неуважение ООН разделялось в мире многими людьми, возмущенными неспособностью этой организации остановить агрессивные войны и способствовать решению наиболее насущных мировых проблем. Эти настроения отразил известный юморист Джордж Микеш в своей книге «Как объединять нации», в которой он высказывался по поводу никчемности этой дорогостоящей мировой организации. Микеш никак не мог добиться от экскурсовода по зданию ООН ответа на его вопрос, зачем нужна эта организация, но, спросив его, какой вопрос наиболее чаще всего задают экскурсанты, он получил ответ: «Покажите стол, по которому Хрущев стучал ботинком».

Между тем скандальные выходки Хрущева, его многочисленные эмоциональные выступления с трибуны ООН никак не способствовали смягчению напряженности в международных отношениях, а лишь нагнетали ее. В своих выступлениях Хрущев не раз напоминал о том, насколько обострилась обстановка в последние месяцы. Он заявил, что в ходе процесса над Пауэрсом в Москве пилот ответил, что, если бы к его самолету была подвешена атомная бомба, он бы нажал кнопку. «Вы можете представить, что бы случилось?!» – возмущался Хрущев. – «Начало войны, и даже не начало войны, а сама война!…

Мы сбили самолет, мы будем сбивать подобные самолеты, если они будут засылаться на нашу территорию, и будем бить по тем базам, с которых будут посылаться агрессивные самолеты в пределы нашей страны. Другого выхода у нас нет!» «Вы что, хотите войны? –

---

[4] Мистер К. – так порой называли Хрущева в США, потому что по-английски его фамилия начиналась с буквы «К», а выговорить верно русские фамилии и имена американцам обычно нелегко. – *Прим. авт.*

выкрикивал Хрущев, обращаясь к представителям США и их союзникам. – Провоцируете войну? Но мы не боимся угроз! Если вы начнете войну, у нас выбора не останется, кроме ответного удара… Сила, как вы знаете, у нас есть. Мы предупреждаем Пентагон, мы предупреждаем американских агрессоров – пусть не устраивают провокаций, мы дадим решительный отпор!»

Хрущев *заявлял:* «Перед моей поездкой сюда, на сессию Генеральной Ассамблеи, мы узнали, что американцы хотят к нам заслать новый самолет на высоте 25 тысяч метров. Тогда я сказал послу США в Москве, что мы имеем сведения о подготовке такого полета. Посол был предупрежден, что мы готовы встретить этот самолет. Я сказал ему: если вы хотите проверить нашу зенитную ракетную технику, испытать наши способности сбивать на высоте 25 тысяч метров, пожалуйста, мы подготовились к тому, чтобы продемонстрировать наши возможности. Американские власти отменили полет». Однако, сообщал Хрущев, «провокации все еще продолжаются. Недавно были объявлены военные маневры стран НАТО у берегов и границ Советского Союза на Черном море. Должен сказать, что, когда министр обороны маршал Малиновский спросил у меня, как быть, я сказал ему: „Вы министр обороны, что вы предлагаете?“ Он ответил: предлагаю привести в боевую готовность наши вооруженные силы, и прежде всего ракетную технику, поставить все на боевой взвод и вооружить ракеты боеголовками. Я ответил министру обороны, что он предлагает разумные меры, потому что мы не знаем, военные это маневры или подготовка к войне. Так что я нахожусь здесь, в Америке, а наша оборона приведена в боевое состояние». Хрущев утверждал, что во время следования «Балтики» за ней шла американская подводная лодка. «Зачем же эта новая провокация? – возмущался Хрущев. – Хотите нас запугать? Но мы не из пугливых. Вы хотели, может быть, послать ко дну корабль, на котором я следовал? Пожалуйста, я пойду ко дну, но за собой и вас потяну, так вы и знайте!»

Из этих выступлений Хрущева следовало, что мир опасно приблизился к грани глобальной катастрофы. Неудивительно, что лидеры неприсоединившихся стран, присутствовавшие на Генеральной Ассамблее ООН (президент Ганы Кваме Нкрума, премьер-министр Индии Дж. Неру, президент Индонезии Ахмед Сукарно, президент ОАР Гамаль Абдель Насер, президент Югославии Иосип Тито), направили Хрущеву и Эйзенхауэру послание, в котором выражали обеспокоенность напряженностью в международных отношениях. Они сообщали о внесенной ими проекте резолюции в повестку Генеральной Ассамблеи, в котором содержался призыв к руководителям двух супердержав возобновить «свои контакты, прерванные в последнее время, с тем, чтобы их ясно выраженное желание найти решение спорных проблем путем переговоров могло быть прогрессивно проведено в жизнь».

В своем ответе пяти руководителям блока неприсоединившихся стран Хрущев снова напоминал о полетах американских разведывательных самолетов и о необходимости американского правительства принести извинения за эти полеты. Он заявлял о своей готовности «вступить в контакт и переговоры с Президентом и правительством Соединенных Штатов, имея в виду, что правительство США найдет в себе мужество осудить указанные действия, вызвавшие ухудшение советско-американских отношений, и проявит добрую волю к улучшению этих отношений на деле».

Однако было очевидно, что президент Эйзенхауэр, срок пребывания у власти которого истекал через три месяца, был не намерен приносить те извинения, которые требовал Хрущев уже пять месяцев подряд. Но это можно было предвидеть и не отправляясь в США. Упреки же, которые бросал Хрущев в адрес правительства Эйзенхауэра с трибуны ООН, лишь усиливали у американцев впечатление о том, что их президент ведет себя правильно, стойко держась под потоком обвинений и оскорблений со стороны «тоталитарного диктатора». Поездка Хрущева не нанесла ощутимого удара по популярности правящей республиканской партии и ее кандидату – Никсону. Впрочем, послушав предвыборные выступления Кеннеди, в которых было немало антисоветских заявлений, Хрущев пришел к выводу: «Лучше бы победил Никсон. Я его знаю, а Кеннеди – неизвестная величина».

Хрущев отправлялся домой не на теплоходе, а на самолете. В своем выступлении 13 октября на аэродроме в Нью-Йорке Хрущев уверял, что он уезжает «с хорошим настроением,

так как… появились некоторые проблески, дающие возможность надеяться на решение важнейших международных вопросов через Организацию Объединенных Наций, через заседания Генеральной Ассамблеи». Однако, судя по его словам, эти надежды зиждились исключительно на положительном отношении большинства членов ООН к советскому проекту Декларации о ликвидации колониального режима. Хрущев преувеличивал готовность бывших и нынешних колоний подняться на решительную борьбу против Запада и пойти по пути строительства социализма. Хотя в дальнейшем ряд стран Азии и Африки провозгласили социалистическую ориентацию и даже взяли в качестве теоретического руководства марксистско-ленинское учение, большинство этих стран не собиралось разрывать свои связи с Западом и отказываться от капиталистического способа производства.

Желание сотрудничать с СССР, которое изъявляли многие из руководителей этих стран, объяснялись исключительно стремлением изыскать дополнительные средства для развития этих государств. Я помню, как на одной международной встрече представитель Нигерии откровенно заявил: «Если нам США предоставят помощь, мы скажем: "Окей!", а если СССР предложит помощь, мы ответим: "Да, да!" Так и на самом деле поступали многие руководители стран «третьего мира». Расчет Хрущева на то, что все эти страны вот-вот станут резервом социалистического лагеря, не оправдывался. Когда эйфория от первых обращений ряда африканских стран за помощью к СССР прошла, Хрущев сам стал понимать, что многие руководители молодых государств Африки стремятся использовать нашу страну как дойную корову. В сентябре 1963 года Хрущев на заседании Президиума ЦК возмущался настойчивыми требованиями президента Гвинеи Секу Туре экипировать полностью гвинейскую армию за счет СССР. Вспоминая начало активной помощи Гвинее, Хрущев говорил: «Тогда это была первая африканская республика, которая получила независимость (точнее, первая бывшая французская колония, ставшая независимым государством. – *Прим. авт.),* и мы повернулись к ней с таким радущием. Он (Секу Туре. – *Прим. авт.)* нисколько не оценил этого и по-хамски ведет себя. Мы не будем ему мстить за это, но давайте и не выделять из группы других африканских стран. Сейчас же, если узнает Нкрума, скажет: «Дайте и мне то же, что вы даете Гвинее». Не надо этого делать, товарищи». Но в 1960 году Хрущев был готов оказывать помощь всем, кто провозглашал готовность бороться против империализма.

Прощаясь с Америкой, Хрущев вновь выражал сожаление, что не была произведена замена поста Генерального секретаря ООН «тройкой», а правительство США не извинилось за полеты разведывательных самолетов. Выступая на заседании Президиума ЦК, главный редактор «Правды» Сатюков утверждал: «Поездка т. Хрущева является самой великой победой… Резонанс в мире огромный, победа колоссальная». Ему вторил Аджубей: «С манерой действия Хрущева согласны большинство делегаций». Сам Хрущев также говорил о позитивных итогах своей поездки. На самом деле цели поездки не были достигнуты и политика мирного сосуществования, которую так яростно отстаивал Хрущев в своих идейно-политических спорах с китайскими руководителями, по-прежнему переживала глубокий кризис.

Глава 5
НОВЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ ПОБЕДЫ И НОВЫЙ БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС

Заграничные вояжи подолгу отвлекали Хрущева от дел страны. Однако он не собирался отказываться от своих визитов за рубеж. В 1961 году он заявил: «Немало пришлось поездить по белу свету. Ничего не поделаешь, положение обязывает», а Л.И. Брежнев дал справку: за пять лет после XX съезда Н.С. Хрущев совершил более 30 поездок в 18 государств Европы, Азии и Америки. Между тем внутренние дела страны настойчиво требовали внимания главы правительства и правящей партии. Вернувшись в октябре 1960 года в Москву, Хрущев был вынужден ими заняться. Хотя урожай зерна 1960 года был выше, чем в неурожайном 1959 году, он был почти таким же, как и четыре года назад – в 1956 году. Производство молока в 1960 году остановилось на уровне 1959 года. Производство мяса в 1960 году даже несколько сократилось по сравнению с уровнем 1959 года. Страна не справилась с выдвинутой в 1957 году Хрущевым задачей «догнать США по производству мяса и молока в 1960 году».

В магазинах начались перебои с мясом. В ответ на вопросы покупателей продавцы нередко отвечали, что у них осталось лишь «рязанское мясо». К этому времени в стране обсуждали аферу первого секретаря Рязанского обкома партии А.И.Ларионова. В январе 1959 года с трибуны XXI съезда партии Ларионов утверждал, что «труженики сельского хозяйства Рязанской области… тщательно подсчитав свои возможности… решили задания семилетнего плана по производству мяса выполнить в 2-3 года. Это не пустые слова, не голые заверения, а совершенно реальное дело, построенное на очень серьезных расчетах. Уже в этом году в колхозах и совхозах области производство мяса будет увеличено в 3,8 раза. Государству будет поставлено мяса 150 тысяч тонн, или в 3 раза больше, чем в 1958 году… Наши обязательства – это творческий коллективный труд, основанный на реальных расчетах, на больших возможностях. У нас нет ни малейшего сомнения в том, что мы их выполним». При этом Ларионов подчеркивал, что для подготовки такой программы, «по совету Н.С. Хрущева наши колхозники ездили в село Калиновка Курской области, тщательно изучили опыт калиновцев и в том числе практику закупки коров».

К концу 1959 года Ларионов рапортовал о достигнутых успехах в выполнении взятых им обязательств. В октябре 1959 года Хрущев поздравил Рязанскую область с ее достижениями. На декабрьском пленуме 1959 года Хрущев посвятил Ларионову и Рязанской области целый раздел в своем выступлении. Он говорил: «Мы сейчас, конечно, смотрим все на Рязань, потому что она всех, как говорится, всколыхнула: в три раза больше мяса государству, чем в прошлом году… Знаю товарища Ларионова как серьезного, вдумчивого человека. Он никогда не пойдет на такой шаг, чтобы взять какое-то нереальное обязательство, блеснуть, а потом, завтра, булькнуть, то есть провалиться… Нужно отдать должное тов. Ларионову – он хорошо потрудился, не пожалел сил для того, чтобы организовать людей на большое дело». Хрущев объявил: «Президиум ЦК КПСС и Совет Министров СССР представляют товарища Ларионова за большую организаторскую работу по выполнению взятых обязательств к присвоению звания Героя Социалистического Труда».

Выступая в Рязани 12 февраля 1960 года, Хрущев говорил: «Я знаю тов. Ларионова и других руководителей области как волевых работников, настоящих коммунистов, для которых интересы нашей партии, интересы нашего народа превыше всего. И все же, когда мне сказали о вашем обязательстве, я спросил: "А нажима не было на рязанцев, сами ли они приняли такое обязательство?" Мне ответили: "Нажима не было, высокое обязательство колхозники и работники совхозов приняли сами"». Вручая на следующий день Ларионову награду в Рязани, Хрущев заявил: «Я считаю своим долгом отметить замечательные организаторские способности и коммунистическое понимание долга руководителя партийной организации Рязанской области товарища Ларионова. Мне особенно хочется отметить такой факт. Несколько лет тому назад мы пригласили тов. Ларионова в ЦК и предложили ему пойти на руководящую работу в Москву, поручали ответственный пост. Мне понравилось, как ответил тогда тов. Ларионов. Он сказал: "Хорошо у нас сейчас в области, открылись большие перспективы в развитии сельского хозяйства, на подъеме народ. Я знаю рабочих, колхозников, интеллигенцию. Они знают меня. Уж очень хочется мне в Рязани побольше поработать, чтобы побольше сделать, а сделать еще предстоит много, и есть уверенность, мы это сделаем". (Аплодисменты.) Приятно было услышать о такой любви к своему городу, к своей области, к своему делу, о желании трудиться на том участке, который указан партией, трудиться на благо своего народа. Это очень хорошая черта. Не секрет, товарищи, что и в наше время есть люди, которым предложи должность «столоначальника» в Москве, он бросит, что угодно, как говорится, в провинции и захочет вступить в "большой свет", в столичную жизнь, бросит любимое дело, лишь бы иметь возможность пройтись по Тверской-Ямской, как раньше говорилось. (Смех, аплодисменты.)» Хрущев изображал Ларионова как идеального героя, а опыт Рязани стал для Хрущева очередной панацеей, с помощью которой он собирался добиться, хотя бы и с опозданием, обещанного опережения США по производству мяса.

Однако «реальное дело», «серьезные» и «реальные расчеты» Ларионова и его коллег оказались все же «пустыми словами» и «голыми заверениями». Для того чтобы справиться с выполнением взятых обязательств в Рязанской области все общественные стада пошли на убой, а весь личный скот был передан в общественные фонды. Рязанские заготовители стали закупать

мясо по всей стране. Налог стали сдавать мясом, и люди покупали мясо в магазинах, чтобы сдать налог. Однако и эти ухищрения не помогли. В результате разорения поголовья скота, пущенного под нож, к концу 1960 года Рязанская область сдала 30 тысяч тонн мяса вместо обещанных 180 тысяч. Ларионов пытался объясниться с Хрущевым, но тот отказался его принять. 24 сентября 1960 года «Правда» опубликовала сообщение о смерти Ларионова. Не было сказано, что первый секретарь Рязанского обкома застрелился. Это самоубийство напоминало завершение классических афер и стало тревожным сигналом, свидетельствующем о глубоком неблагополучии в методах ведения хозяйства страны.

Виновником рязанской аферы, помимо самого Ларионова и других руководителей Рязанской области, Хрущев объявил своего заместителя в Бюро по РСФСР Аристова. На заседании Президиума ЦК 16 декабря 1960 года Хрущев бущевал: «Куда смотрел тов. Аристов? Как это без проверки прошло такое награждение, куда смотрели? Я не верю, что не знали, нельзя такие вещи делать. Дураки что ли в Рязанской области, что это пустыня или друзьям покровительствовали – групповщина? Если это, товарищи, пойдет по такому направлению, вы можете представить, как начнем обманывать народ, к чему это приведет. Я думаю, что это не только в Рязани было. Ларионов догадался, взял и умер, возьми с него. Других сняли, председателя облисполкома сняли. Правильно это сделали. Но, товарищи, где ж у нас столько органов, как же Бюро Российской Федерации, куда смотрел тов. Аристов, как же не видели, что это за Бюро такое?… Это был нажим какой-то группы, это групповщина. Нужно кормить людей мясом и молоком не статистическим, а реальным. А что ж вы обманное мясо и молоко нам поставляете?» О том, что председателем Бюро по РСФСР являлся сам Хрущев, что он всеми силами превозносил Ларионова и ставил его всем в пример, Первый секретарь умалчивал.

21 января 1961 года было принято решение Президиума ЦК назначить Аристова послом в Польше. Объясняя это решение на заседании 16 февраля, Хрущев говорил: «Тов. Аристов оказался человеком спокойным, "вольным казаком". Подъедет, скажет речь… и только. Он честный и хороший человек, но как работник очень слабый. А с большими претензиями на знание сельского хозяйства. Он же пытался теоретически обосновать свои взгляды на ведение сельского хозяйства в Сибири. А теория-то липовая, потому что, кто придерживался этой теории, тот хлеба не получал– ни на Алтае, ни в Сибири». Попутно Хрущев сообщал о том, как освобожденный от обязанностей первого секретаря Краснодарского крайкома партии и назначенный недавно первым секретарем Калужского обкома Матюшкин добился выполнения краем плана по заготовке мяса: «100 тысяч коров отобрал у рабочих сельского хозяйства и всех зарезал. Теперь его послали секретарем в Калугу. Если он был плохим в Краснодаре, так что он будет лучше в Калуге? Нельзя ли разобраться и исключить из партии?» 28 февраля Матюшкин был снят с поста руководителя Калужской области, но никаких расследований по его действиям не было предпринято. «Принцип ненаказуемости» в отношении партийных руководителей строго соблюдался.

Атакуя Ларионова, Аристова, Матюшкина, Хрущев по-прежнему искал панацею, с помощью которой он смог бы добиться грандиозных успехов в сельском хозяйстве. На сей раз он увидел спасительное средство в Т. Д. Лысенко. На заседании 16 декабря 1960 года он предложил назначить Т. Д. Лысенко заместителем министра сельского хозяйства. Тот отказался. Однако вопреки его сопротивлению, Лысенко был назначен президентом Академии сельскохозяйственных наук СССР. Вероятно, Хрущев верил, что враг генетики совершит чудо и создаст новые сельскохозяйственные культуры, способные завалить прилавки магазинов продовольственными продуктами. Хрущев не желал вникать в причины глубокого кризиса своей политики в сельском хозяйстве.

Кризис переживали также мировая социалистическая система и международное коммунистическое движение. Пока Хрущев витийствовал и буянил в стенах ООН, в Москве шла подготовка к очередному Международному совещанию коммунистических и рабочих партий. В ходе подготовки этого совещания выяснилось, что по ряду вопросов КПК поддерживают ряд других партий, включая компартии Индонезии, Японии, КНДР, Вьетнама, Албании.

Совещание продолжалось с 11 по 25 ноября. В своем выступлении 14 ноября

руководитель китайской делегации Дэн Сяопин выразил протест против антикитайской кампании, которую, по его словам, развернуло руководство КПСС. Он заявил, что в основе ее лежит неверное изложение позиции КПК. Он говорил, что КПК никогда не говорила о неизбежности мировой войны, но исходит из большой вероятности такой войны. КПК выступает за укрепление всеобщего мира, но этому препятствует политика мировой буржуазии. Поэтому вооружения необходимы. Разговоры о всеобщем и полном разоружении нечестны и сбивают с толку. Дэн Сяопин заявил и об особом отношении к советскому лозунгу о союзе с национально-освободительным движением. Он утверждал, что национальная буржуазия стран Азии, Африки и Латинской Америки занимает противоречивую позицию и может переходить от борьбы против империализма к союзу с ним. В качестве примера он привел политику «клики Неру». В этой связи он осудил позицию СССР в китайско-индийском территориальном споре. Наконец, Дэн Сяопин осудил навязывание руководством КПСС решений своих съездов в качестве обязательных для всего коммунистического движения мира. Он отверг советские обвинения в раскольничестве и сослался на пример Ленина, возглавившего фракцию большевиков в РСДРП, которая затем стала ведущей партией.

16 ноября 1960 года Дэн Сяопина решительно поддержал руководитель Албанской партии труда Энвер Ходжа. Он обвинил Хрущева в искажении ленинской теории империализма и осудил методы давления на Албанию. Ходжа сообщил о том, что в целях добиться поддержки своей антикитайской политики советские власти отказались поставить Албании зерно, хотя знали о тяжелом положении в стране, вызванном засухой. Осудил Ходжа и антисталинский доклад Хрущева на XX съезде. (Еще в ходе визита Хрущева в Албанию весной 1959 года Энвер Ходжа на митинге советско-албанской дружбы под громкие аплодисменты собравшихся заявил, что в годы войны против фашизма албанские коммунисты держали сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» у себя на груди.)

На совещании в поддержку позиции КПК выступили также компартии Бирмы, Малайи, Австралии. Хотя эти распри не были преданы огласке и совещание завершилось принятием согласованного Заявления, оно стало новым этапом в углублении разногласий между СССР и Китаем.

Даже в осуществлении космической программы, которая стала главной козырной картой Хрущева, возникли трудности. В октябре 1960 года на космодроме Байконур произошел взрыв испытуемой ракеты. При взрыве погибли десятки людей, в том числе Главный маршал артиллерии Неделин. Запущенный в начале декабря 1960 года космический корабль с собачками Мущкой и Пчелкой не сумел совершить плавную посадку и сгорел в атмосфере. Последнее событие ставило под вопрос успешный запуск первого советского космонавта. К тому же новое правительство США во главе с Кеннеди демонстрировало готовность быстро наверстать отставание от СССР в области межконтинентальных ракет и освоении космоса. В первые же недели нового президентства в США состоялись успешные испытания новой ракеты «Минитмен», которая должна была преодолеть качественное отставание от советских ракет. Новый министр обороны Р. Макнамара заявил, что отставание США от СССР в ракетах – это миф.

Сообщение об убийстве Патриса Лумумбы в январе 1961 года вновь напомнило о неудаче попыток Хрущева поддержать этого политического деятеля и укрепить позиции СССР в Конго. Одновременно поступали сообщения о том, что в ряде стран Латинской Америки идет подготовка к высадке наемников на территорию Кубы с целью свержения правительства Кастро.

Хрущев старался установить контакт с правительством Кеннеди, чтобы возобновить советско-американские переговоры по наиболее острым международным вопросам. В качестве жеста доброй воли СССР освободил двух пилотов самолета РБ-47 в первые же дни президентства Кеннеди. Однако новый президент не проявлял готовности к переговорам. В послании Кеннеди, переданном Хрущеву послом США Томпсоном в Новосибирске 9 марта 1961 года, даже ни слова не говорилось о Берлине. Хотя посол Томпсон пришел к выводу, что Хрущев подпишет мирный договор с ГДР, Кеннеди считал, что после почти трех лет угроз Хрущев опять сможет подождать.

Хотя Кеннеди победил на выборах с минимальным отрывом от своего соперника Никсона,

его популярность после прихода к власти быстро росла. Этому не в малой степени способствовала воинственная риторика молодого президента. Хрущев узнал, что в мае американцы собираются произвести суборбитальный полет космического корабля с человеком на борту. Хотя такой эксперимент не означал бы еще полета вокруг Земли, американцы бы могли говорить о том, что их соотечественник первым вышел за пределы земного притяжения. Хрущев стал настаивать на ускорении осуществления первого полета космического корабля с человеком на борту. Главный конструктор С.П. Королев отвечал Н.С. Хрущеву, что не все еще готово к полету, что возможность гибели первого космонавта не исключена. Однако Хрущев торопил и не слушал возражений. Даже конструкторы не верили наверняка в успех запуска первого человека в космос, и поэтому были заготовлены различные варианты официального сообщения об этом событии, в том числе и исходивший из гибели космонавта. Неполадки обнаружились даже в последние минуты перед запуском корабля.

И все же, вопреки обоснованным опасениям, 12 апреля 1961 года космический корабль успешно стартовал и в эфире прозвучал уверенный голос Юрия Гагарина: «Поехали!» После 110 минут полета Гагарин покинул спускаемый аппарат и в 10 часов 55 минут приземлился на парашюте. Через некоторое время он докладывал: «Прошу доложить партии и правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ущибов не имею». В ответ Хрущев поздравлял первого в мире космонавта: «Совершенный вами полет открывает новую страницу в истории человечества в покорении космоса и наполняет сердца людей великой радостью и гордостью за социалистическую Родину… До скорой встречи в Москве».

Радость, вызванная сообщением о полете советского человека в космосе, была всеобщей и искренней. С первых же минут Юрий Гагарин стал всеобщим любимцем. Я помню улицы Москвы, заполненные людьми в ожидании проезда Гагарина из Внуково на Красную площадь. В аэропорту Гагарина встречали все члены Президиума ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым. Выйдя из самолета, Гагарин отдал рапорт Хрущеву, а тот обнял и расцеловал его. Затем в открытой машине Гагарин, его жена Валентина и Хрущев направились в Москву, где их встречали сотни тысяч людей.

Митинг, состоявшийся на Красной площади, открыл Ф.Р. Козлов. После выступления Гагарина слово взял Хрущев. Выражая восхищение Гагариным и его полетом, Хрущев говорил об историческом пути, пройденном Советской страной с 1917 года, и вспоминал о том, как в Гражданскую войну красноармейцы были «подчас разуты и раздеты». В полете Гагарина он видел «новое торжество ленинских идей, подтверждение правильности марксистско-ленинского учения… новый взлет нашей страны в ее поступательном движении вперед, к коммунизму». Он утверждал, что «выполнением семилетнего плана и достижением в результате этого нового подъема всей нашей экономики, науки и техники мы обеспечим такие условия, когда превзойдем уровень экономики самой развитой капиталистической страны – Соединенных Штатов Америки и умножим свои преимущества в развитии науки и техники». Он заверял, что не хочет, «чтобы ракеты, которые с такой поразительной точностью выполняют заданную человеком программу, несли смертоносные грузы». «Мы еще раз обращаемся к правительствам всего мира, – заявлял Хрущев, – наука и техника шагнули так далеко и способны совершить по злой воле такие разрушения, что надо принять все меры к разоружению. Всеобщее и полное разоружение, под самым строгим международным контролем – путь к установлению мира между народами».

А потом сотни тысяч москвичей шли мимо Мавзолея Ленина и Сталина, приветствуя Гагарина и стоявших рядом с ним Хрущева и других руководителей страны. Демонстранты прекрасно понимали, что грандиозный успех советской науки и техники стал возможен благодаря целенаправленной политике правительства Хрущева в области развития ракет. Видимо, это мнение разделяли Хрущев и его коллеги. 17 июня на заседании Президиума ЦК по предложению Козлова за вклад в советские достижения в космосе было решено наградить Хрущева третьей звездой «Серп и Молот». Он стал трижды Героем Социалистического Труда. Одновременно за их работу в этом же направлении решили наградить Козлова и Брежнева.

Через несколько дней после космического триумфа СССР произошло событие, которое нанесло новый ощутимый удар по престижу США. 17 апреля американские наемники

вторглись на территорию Кубы, но в течение трех суток они были наголову разбиты частями регулярной армии и милиции. Вскоре президент Кеннеди признал свою ответственность за организацию интервенции против суверенного государства. В то же время провал попыток Соединенных Штатов навязать свою волю маленькой Кубе продемонстрировал их слабость. Через несколько дней Фидель Кастро объявил, что Куба выбирает путь строительства социализма. Разгром американских наемников в Плайя-Хирон способствовал еще большей популярности Кубы и Фиделя Кастро в нашей стране. Для многих советских людей, особенно молодых, Фидель Кастро и его «барбудос» (бородачи), такие, как Эрнесто («Че») Гевара, олицетворяли романтику и молодость революции, которых не хватало тогдашним советским руководителям. По радио исполнялась новая песня «Куба – любовь моя!».

Полет Юрия Гагарина и разгром американских наемников на кубинском побережье создавали впечатление об уверенном наступлении сил социализма во всем мире. Это позволяло Хрущеву надеяться на то, что он сможет заставить Кеннеди пойти на ряд уступок в ходе переговоров на высшем уровне, о проведении которых они договорились 12 мая. В то же время апрельские события 1961 года лишь усилили стремление Кеннеди продемонстрировать, что США не намерены отступать. 25 мая Кеннеди обратился к конгрессу с новым посланием, в котором просил усилить расходы на вооружение.

На другой день, 26 мая 1961 года, на заседании Президиума ЦК Хрущев изложил свои соображения по предстоявшей встрече с Кеннеди: «Твердо идти на заключение мирного договора с ГДР. США могут пойти на развязывание войны. Англия, Франция и ФРГ не будут поддерживать США. Общественные силы поднимутся, по-моему, войны не будет». Ему возражал Микоян: «По-моему, могут пойти на военные действия без применения атомного оружия». Но тут же смягчал свой вывод: «90% за то, что войны не будет, будет обострение». И выдвигал в качестве важного условия: «Чтобы самолеты летали на аэродромы ГДР». То есть он предлагал сохранить «воздушный мост».

Хрущев не соглашался с Микояном: «По воздушному сообщению – если мы оставим какую-то возможность открытых ворот, то мы покажем свою слабость, а нам надо проявить твердость, и, если надо будет, пойти на сбитие самолетов… Наша позиция очень сильная, но нам придется, конечно, тут и припугнуть реально. Например, если будут полеты, нам придется сбивать самолеты. Могут ли они пойти на провокацию? Могут. Если не собьем самолет, значит, мы капитулируем. Я считаю, – проглотят. Сбили мы английский самолет, который вышел за пределы коридора. Проглотил Макмиллан». Громыко поддерживал Хрущева: «Почти исключаю возможность войны из-за Берлина». Хрущев сообщал о том, что в своей беседе с послом США Томпсоном он сказал: «Ваши права на доступ в Берлин основаны на оккупационном режиме, а мирный договор кладет конец такому состоянию… Есть риск и этот риск, на который мы идем, он оправдан, я бы сказал, если в процентном отношении брать, больше, чем на 95%, что войны не будет». Хрущев обращался к военачальникам: «Я хочу, чтобы Малиновский, Захаров, Гречко хорошенько посмотрели, какое у нас соотношение сил в Германии и что нужно. Может быть, подбросить вооружение, одним словом на тот случай, если надо будет подкрепление туда… На это срок вам полгода».

В обстановке, чреватой риском начала мировой войны, 3 июня 1961 открылась встреча в Вене двух руководителей супердержав. И Хрущев, и Кеннеди тщательно готовились к этой встрече, стараясь узнать как можно больше друг о друге. Трудно было придумать более несхожих участников двусторонних переговоров. Разница не исчерпывалась тем, что убежденный атеист Хрущев вел переговоры с Кеннеди, приверженность которого к католицизму стала чуть ли не главной причиной недоверия многих американских избирателей-протестантов к кандидату демократов. При всем несходстве образа мышления даже у Хрущева и Эйзенхауэра было больше общего: они принадлежали к одному поколению и не были выходцами из социальных верхов. В отличие от них Кеннеди был молод: он был моложе Хрущева на 23 года. В ходе переговоров Хрущев даже заметил, что Кеннеди почти такого же возраста, как его погибший сын Леонид. Так же, как и Леонид, Джон Кеннеди участвовал в боевых действиях Второй мировой войны и был ранен. Следствием этого ранения стала травма позвоночника. В результате нее Кеннеди значительную часть времени должен был находиться в постели, а во время совещаний он сидел в специальном кресле-качалке с жесткой

спинкой. По сравнению с хронически больным 44-летним Кеннеди 67-летний Хрущев ощущал себя здоровяком, полным сил.

В отличие от Хрущева, Джон Кеннеди рос в привилегированной семье. В этом было также некоторое сходство с Леонидом Хрущевым. Однако в отличие от сына Хрущева, Джон Кеннеди не знал ни отчаянной бедности в раннем детстве, да и стиль семейной жизни советского партийного работника, даже из высших кругов, существенно отличался от образа жизни семейства Джозефа Кеннеди, человека богатого даже по американским меркам. В этой семье дети не имели представления о материальном недостатке. Они получили отличное образование, обрели светские манеры, в том числе и умение хорошо одеваться. Суходрев, восхищенный этими внешними чертами американского президента, как и многие в то время, писал: «Отличительной чертой Кеннеди я бы назвал его несравненное обаяние. Всегда чувствовалось его отменное воспитание… Из-за ранения, которое часто его беспокоило, он немного сутулился, и пиджак на нем слегка обвисал, но это придавало ему какую-то особую элегантность». Разумеется, на фоне подтянутого и «элегантного» Кеннеди полный Хрущев, одетый в мешковатый костюм, выглядел простецки. Выигрывал Кеннеди в сравнении с Хрущевым и своими изысканными манерами.

Манеры помогали Джону Кеннеди соответствовать тому образу, который настойчиво создавался средствами массовой информации. Еще с середины 1950-х годов семейство Кеннеди развернуло планомерную кампанию по созданию идеализированных образов двух братьев – Джона и Роберта Кеннеди. Их изображали утонченными интеллектуалами и добропорядочными отцами семейств, борцами против организованной преступности и великими демократами. В то время не знали про связи Джона Кеннеди с американской мафией, которые в немалой степени помогли ему стать президентом США. Лишь позже стало известно, что культурные запросы Кеннеди не слишком отличаются от запросов его предшественника Эйзенхауэра. Лишь через десятилетия после гибели Джона и Роберта Кеннеди стало известно про их активные внебрачные связи, в том числе и с Мерилин Монро. Тогда были высказаны убедительные версии о том, что смерть кинозвезды, которая знала слишком много, не была следствием самоубийства, а убийства, осуществленного, скорее всего, с ведома или по заданию братьев Кеннеди. Но в то время почти все в мире верили в легенду о счастливой и любящей молодой паре – Джоне и Жаклин Кеннеди. На их фоне Никита Сергеевич и Нина Петровна Хрущевы выглядели старомодными старичками.

Несмотря на все эти различия, переговоры, открывшиеся в американском посольстве в Вене, начались гладко. По словам Суходрева, «диалог лидеров был ровным, уважительным. Говорили о праве народов на самоопределение, о колониальной политике. К чести Хрущева скажу, что он держался дружелюбно. Подробно, как всегда, разъяснял Кеннеди свою точку зрения: как неизбежно феодализм заменил собой рабовладельческий строй, благодаря незыблемым законам общественного развития, а капитализм пришел на смену капитализму. Кеннеди возражал, говорил о свободе выбора. "А что, если, к примеру, в Польше, – спросил он, – в результате свободных выборов к власти придет какая-то другая партия, а не ПОРП?"»

Суходрев вспоминал: «Главными вопросами было положение в Лаосе, где тогда шла гражданская война, и проблема ядерных испытаний. Обе стороны признавали, что и войну, и испытания надо прекратить». В то же время даже эти не самые главные вопросы международной жизни нельзя было быстро решить. В ходе гражданской войны в Лаосе с конца 1960 года заметно усилились позиции прокоммунистического движения Патет-Лао, и это лишний раз свидетельствовало об отступлении США в Юго-Восточной Азии. Поэтому Кеннеди не мог позволить пойти на серьезные уступки даже в этом небольшом по населению королевстве. Хрущев же не мог уступить, потому что любой компромисс за счет Патет-Лао мог быть истолкован КПК и ее союзниками как недопустимое отступление перед империализмом. Тем не менее была достигнута принципиальная договоренность о создании правительства из представителей противоборствующих группировок с участием Патет-Лао и провозглашения Лаоса нейтральным государством.

Возможность достижения согласия существовала и в вопросе о прекращении ядерных испытаний. К этому времени было возможно получить достоверные сведения о характере любых испытаний без проведения инспекций. Но американцы упорно требовали их

осуществления в качестве главного условия для подписания договора о запрете испытаний ядерного оружия. Поэтому соответствующий договор, содержание которое было в основном согласовано еще в 1958 году, не был подписан.

Затем очередь дошла до германского и берлинского вопросов. Придавая главное значение субъективному фактору в вопросах политики, Хрущев, по словам Суходрева, «напирал на необходимость встреч на высшем уровне, выдвигал свой любимый тезис о том, что уж если мы, мол, с вами договоримся, то как можно ожидать, что договорятся наши подчиненные. Это был конек Хрущева. Он был вообще импульсивным человеком, говорил ярко, искренне, иногда пускался в длинные рассуждения. Кеннеди, с его юридическим образованием, выглядел на фоне Хрущева более четким, корректным».

Суходрев, очарованный Кеннеди, был поражен, когда, делясь своими впечатлениями о первом дне переговоров, Хрущев сказал: «Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ». У Хрущева были основания для невысокой оценки Кеннеди. Как опытный политический деятель, он быстро почувствовал отсутствие у молодого президента глубокого понимания многих важнейших предметов мировой политики. Из полученной им информации Хрущев знал о том, что клан Кеннеди больше озабочен стремлением удержать власть в своих руках, чем интересами США. Вероятно, подобную оценку могли поддержать многие политические противники Кеннеди в США. И все же Хрущев делал ошибку, схожую с той, что он сделал в Кэмп-Дэвиде, оценивая Эйзенхауэра. Как и его предшественник, Кеннеди не мог игнорировать интересы правящих кругов США. В то же время низкая оценка Кеннеди свидетельствовала и о самомнении Хрущева. По словам Микояна, к июню 1961 года «Хрущев зазнался необычайно – после полета Гагарина в космос и укрепления наших отношений в Африке и Азии. Решил подавить молодого президента, только что политически проигравшего при высадке на Кубу, вместо того, чтобы использовать этот шанс для разрядки».

Очередная неверная оценка Хрущевым президента США убедила его в том, что достаточно крепко надавить на Кеннеди – и США отступят. Как вспоминал Суходрев, «во время переговоров самой трудной оказалась германская проблема. Хрущев жестко говорил о том, что до конца года он подпишет мирный договор с ГДР… Кеннеди ни на йоту не отступал от позиции, что такой ход со стороны Советского Союза противоречит всем послевоенным договоренностям и может привести только к серьезнейшему обострению отношений. Когда обоим стало окончательно ясно, что каждый остается при своем мнении, было решено завершить встречу… Хрущев еще раз повторил, что намерен до конца года заключить мирный договор с ГДР. Стоявший уже в дверях Кеннеди, грустно улыбнувшись, пожал плечами и сказал: "Ну что ж, видимо, будет холодная зима"».

Правда, в отличие от встречи в Париже в мае 1960 года, переговоры с Кеннеди завершились без скандала и мир увидел немало фотографий и киноматериалов, запечатлевших улыбавшихся руководителей СССР и США. Позже стало известно, что, разговорившись с Жаклин Кеннеди о полетах советских собачек в космосе, Хрущев даже пообещал подарить супруге американского президента щенков от Стрелки. Как свидетельствует Суходрев, это обещание было выполнено. Однако обмен улыбками и вежливыми жестами лишь скрывал то обстоятельство, что после встречи в Вене ситуация в мире намного ухудшилась.

Вскоре после своего возвращения в Москву Хрущев в своем выступлении по телевидению 15 июня официально объявил о намерении подписать мирный договор с ГДР до конца 1961 года. На собрании по случаю 20-й годовщины нападения Германии на Советский Союз Хрущев появился одетым в форму генерал-лейтенанта. В своей речи 22 июня 1961 года Хрущев осудил западные державы, и прежде всего ФРГ, за сопротивление его предложению подписать мирный договор с обеими германскими государствами и превратить Западный Берлин в вольный город. Обращаясь к канцлеру ФРГ Аденауэру, Хрущев заявил: «Все знают, что мы войны не хотим. Но если вы действительно угрожаете нам войной, то это будет для вас самоубийством». Хрущев говорил: «Пусть все, кто вынашивает агрессивные планы в отношении Советского Союза и других социалистических стран, знают, какая участь их постигнет, если они развяжут войну и совершат нападение». Словно отвечая на прощальное замечание Кеннеди о «холодной зиме», сказанное им в Вене, Хрущев 28 июня заявил: «На пути к разрядке напряженности, видимо, нам придется пройти какой-то этап «похолодания» климата в Европе. Это будет искусственное

похолодание, так как никаких веских причин для этого нет. Но, вероятно, международная реакция и реваншистские силы Западной Германии хотят этого».

В ответ Кеннеди не ограничился резкими заявлениями, а объявил 19 июля о решении увеличить расходы США на вооружение на 3,5 миллиарда долларов. 25 июля Кеннеди выступил по телевидению с обращением к американскому народу. Он заявил, что при необходимости США будут готовы защищать Западный Берлин с помощью оружия. Он сообщил о своем решении увеличить в три раза количество лиц, призываемых в армию. Одновременно он призвал американцев создавать запасы в ядерных бомбоубежищах. Многие американцы стали срочно строить индивидуальные бомбоубежища на случай ядерной войны. Было ясно, что Хрущев не рассчитывал на такую реакцию Кеннеди. Находясь на отдыхе, Хрущев принял главу американской делегации на переговорах о разоружении Джона Макклоя. В ходе беседы с ним он назвал выступление Кеннеди «предварительным объявлением войны», «ультиматумом». В ответ на заявления Кеннеди Хрущев в начале августа заявил руководителям стран Варшавского договора, что если Кеннеди развяжет войну, то он будет «последним президентом США».

Одновременно Хрущев и другие руководители СССР предприняли усилия для того, чтобы продемонстрировать советское превосходство в науке и технике. Об этом должно было свидетельствовать сообщение 6 августа о старте космического корабля «Восток-2» с космонавтом на борту. На сей раз космонавт СССР Герман Титов совершил за 25 часов 17 витков вокруг Земли. Раздражение США собственной неспособностью догнать СССР в освоении космоса выразилось в публикации в авторитетном американском журнале «ЮС ньюс энд уорлд рипрорт» сообщения о том, что на самом деле в Советском Союзе запускают космические корабли без космонавтов, а переговоры с ними имитируются с помощью магнитофонных устройств, размещенных на кораблях. Это было лишь попыткой утешить себя перед лицом очевидных неудач. В Советской же стране имя нового космонавта стало таким же популярным, как и Гагарина. От лица воспитательницы детского сада Толкунова пела песню о детишках, которые играли в Титова и Гагарина, а в праздничные дни над Красной площадью по радио гремела песня со словами:

Будет путь наш легендарен
В марше завтрашних годов!
Каждый будет как Гагарин,
Каждый будет как Титов!

Хрущев поздравил космонавта номер два по телефону и объявил Титову, являвшемуся кандидатом в члены партии, что с этого момента его кандидатский срок закончен и он считается членом КПСС. А 9 августа 1961 года Хрущев приветствовал Титова, как четыре месяца назад приветствовал Гагарина. Выступая на митинге, Хрущев сказал, что про Титова можно сказать словами народной песни: «Всю-то я Вселенную проехал…» Упомянув все космические достижения СССР, начиная с запуска первого спутника, Хрущев заявил с трибуны Мавзолея: «Наиболее здравомыслящие представители западного мира не могут не признать, что социализм – это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз запускает свои космические корабли. Мы первыми в мире построили социализм, первыми проложили путь в космос. Наша страна первой идет к коммунизму». В речи ни слова не было сказано об остром международном кризисе вокруг Западного Берлина.

Дело в том, что еще 7 августа Хрущев в своем выступлении по радио и телевидению, поздравив граждан страны с новым космическим достижением, снова остановился на берлинском кризисе. Он сообщил: «Возможно, в дальнейшем придется увеличить численный состав армий у западных границ за счет дивизий, которые будут переброшены из других районов Советского Союза. В связи с этим, может быть, придется призвать часть резервистов для того, чтобы наши дивизии имели полный численный состав и были подготовлены ко всяким неожиданностям». Обращаясь к руководителям Запада, Хрущев восклицал: «Стойте, господа! Мы хорошо знаем, чего вы хотите, чего вы добиваетесь; мы подпишем мирный договор и вашу лазейку в ГДР закроем… Мы войны не хотим, но наш народ не дрогнет перед

испытаниями: на силу он ответит силой, сокрущит любого агрессора». Международный кризис продолжал обостряться.

Хотя после раздела Германии берлинский кризис был уже третьим по счету, многие немцы решили, что на сей раз внутриберлинскую демаркационную линию, через которую они свободно переходили с Востока на Запад и обратно, на самом деле закроют. В результате поток немцев из ГДР в Западную Германию через неохраняемую границу резко усилился с начала лета. Вальтер Ульбрихт еще в марте 1961 года предложил Хрущеву установить в Берлине обычную границу между ГДР и западными секторами. Но тогда Хрущев решительно возражал, считая, что это помешает его планам. Теперь же Хрущев понял, что США никоим образом не подпишут договор с ГДР и даже готовы начать войну за Западный Берлин. Между тем затяжка кризиса лишь усиливала поток беженцев из ГДР. Видимо, в этой обстановке Хрущев решил поддержать предложение Ульбрихта и таким образом остановить массовый исход жителей ГДР. 13 августа 1961 года в считанные часы была сооружена ограда, разделившая Берлин на две части. Вскоре эта ограда из колючей проволоки превратилась в бетонную стену.

Создание внутриберлинской границы вызвало взрыв возмущения на Западе, особенно в Западной Германии. Я это остро почувствовал, поскольку в эти дни был участником международного молодежного семинара, организованного американскими квакерами и проходившего под Веной. Не только представители молодежи западных стран, но и американские квакеры, руководившие семинаром, с негодованием требовали от советских участников ответа за сооружение барьеров внутри Берлина. В то же время было очевидно, что, хотя создание границы внутри Берлина вступало в противоречие с существовавшими соглашениями о статусе этого города, США и их союзники не остановили действий полиции ГДР. Выступавший на нашем семинаре западногерманский профессор выражал свое возмущение не столько действиями правительств ГДР и СССР, сколько «предательством Запада». Он говорил, что сейчас в Западной Германии начинают думать о необходимости «нового Рапалло»,[5] то есть прямого соглашения с СССР для решения германского вопроса без участия в нем западных держав.

Внутри США правые круги требовали от правительства Кеннеди решительных мер для сокрущения пограничных сооружений. Однако, как вспоминал пресс-секретарь президента США Пьер Сэлинджер, «визгливые требования, чтобы США двинули бульдозеры против Стены были отвергнуты Кеннеди на том основании, что режим Ульбрихта имел законное основание для того, чтобы закрыть свои границы. Никто не должен считать, заявил президент, что мы должны начать войну из-за этого вопроса». Правда, все это Кеннеди высказал лично Пьеру Сэлинджеру и в СССР не знали о позиции президента. Для мировой же общественности президент США демонстрировал свое возмущение действиями ГДР и СССР. В Западный Берлин был направлен вице-президент США Линдон Джонсон. Там он заявил, что США готовы пожертвовать ради защиты Берлина «жизнями, богатствами и нашим священным достоинством». В Берлин был переброшены воинские подкрепления в количестве 1500 солдат. Эти части проследовали по автобану, по которому Западный Берлин соединялся с ФРГ.

В ответ на эти жесты СССР ответил контр демонстрацией. Вопреки договоренности с Кеннеди, достигнутой в Вене в июне 1961 года, было объявлено, что СССР возобновляет ядерные испытания в атмосфере с 1 сентября 1961 года. При этом США было указано, что СССР прекратит испытания, если американцы согласятся на подписание мирного договора с ГДР. 12 сентября США сами возобновили ядерные испытания.

Хотя ни США, ни СССР не собирались перейти к военным действиям из-за Берлина, обе стороны не знали о намерениях друг друга и обстановка в мире продолжала накаляться. Президент Кеннеди направился в Нью-Йорк, чтобы обратиться к делегатам Генеральной Ассамблеи ООН. В советском руководстве опасались, что на сей раз Кеннеди сделает еще более жесткое заявление, чем 25 июля. Накануне выступления Кеннеди к его пресс-секретарю П.

---

[5] Рапалльский договор между РСФСР и Германией, подписанный 16 апреля 1922 года в Рапалло (Италия), предусматривал восстановление дипломатических отношений, отказ от взаимных претензий и развитие торговых связей. Он был заключен вопреки воле держав Запада. – *Прим. авт.*

Сэлинджеру обратился редактор журнала «СССР» Большаков. Он просил принять его и председателя Госкомитета по радио и телевидению СССР М. Харламова. В обстановке секретности Сэлинджер принял их, и Харламов начал беседу со слов: «Гроза в Берлине закончилась». Поясняя свою мысль, Харламов передал Сэлинджеру устное послание Хрущева для Кеннеди. Сэлинджер вспоминал: «Послание носило срочный характер. Хрущев расценил увеличение наших вооруженных сил в Германии как непосредственную угрозу для мира. Теперь Хрущев был готов рассмотреть американские предложения, направленные на достижение соглашения по Берлину. Он был готов к встрече на высшем уровне в ближайшее время, но он оставлял Кеннеди свободу принять решение, учитывая "очевидные политические трудности" президента… В послании выражалось пожелание, чтобы выступление президента в ООН не явилось бы еще одним воинственным ультиматумом, вроде того, что был сделан 25 июля».

Сэлинджер ознакомил с посланием Хрущева Кеннеди, а тот надиктовал ему ответ. Кеннеди был готов встретиться с Хрущевым, но ставил условием прекращение наступления Патет-Лао в Лаосе. Если мы будем соблюдать наши венские договоренности по Лаосу, говорил Кеннеди, то можно будет решить и германский вопрос. Кеннеди ничего не изменил в тексте своего выступления в ООН, так как оно, в отличие от выступления 25 июля, не было слишком жестким.

Через несколько дней Большаков передал Сэлинджеру личное письмо от Хрущева на 26 страницах для Кеннеди. Сэлинджер вспоминал, что в этом письме «Хрущев был готов отойти от своих неуступчивых позиций, занятых в Вене. Он не видел причин, почему бы переговоры не привели бы к достижению соглашения, как в Юго-Восточной Азии, так и в Германии. Он был готов, если к этому готов и Кеннеди, пересмотреть позиции, которые оставались замороженными в течение 15 лет холодной войны». Сэлинджер отмечал дружелюбный тон письма. «По сути, – писал Сэлинджер, – Хрущев сообщал: я и вы, господин президент, – руководители двух держав, которые идут к столкновению. Но так как мы – разумные люди, то мы понимаем, что война – немыслима. У нас нет другого выбора, как вместе подумать о том, как найти пути к миру».

Вскоре после того, как Сэлинджер передал это послание Хрущева Кеннеди, последний попросил передать Большакову, что он ответит Хрущеву через неделю. Сэлинджер писал: «Это привело к тому, что Большаков и я стали курьерами – роли, которые мы выполняли много раз в будущем». Секретное послание Хрущева Кеннеди, по словам Сэлинджера, положило начало личной переписке между двумя главами супердержав, которая продолжалась в течение двух лет вплоть до убийства Кеннеди.

Уже в ходе передачи первого послания Большаков сообщил, что Хрущев просил Кеннеди дать интервью редактору «Известий» Аджубею или редактору «Правды» Сатюкову. Сэлинджер подчеркивал, что посол СССР в США Меньшиков не был даже уведомлен о письме Хрущева. Очевидно, что Хрущев стал решать важнейшие международные вопросы в одиночку, используя Харламова, Аджубея, Сатюкова, Большакова как своих доверенных лиц.

В мире почти никто не знал о тайной переписке между Хрущевым и Кеннеди, и многим казалось, что планета идет к катастрофе. В Берлине конфронтация между воинскими подразделениями СССР и США подошла к опасной черте. Словно откликаясь на призывы «разрущить стену!», американцы придвигали к новой границе бульдозеры. Их сопровождали танки и джипы с американскими солдатами. Им навстречу из восточной части Берлина выдвигались советские танки.

В ночь с 26 на 27 октября у контрольно-пропускного пункта «Чарли» американские танки в сопровождении бульдозеров и джипов вышли на внутриберлинскую границу. Их встретила группа советских танков. Хрущев так описывал это противостояние: «Ночью стояли танки, американцы тоже стояли, потому что им уйти нельзя было, нашим танкам хвост показать. И я это разгадал и предложил: давайте выведем танки и уберем, и сейчас же американцы уйдут. И Малиновский доложил, как только танки ушли, через 30 минут ровно американцы развернулись и ущли».

Совершенно очевидно, что устрашающие военные демонстрации в центре Берлина могли быть в нужный момент остановлены Хрущевым и Кеннеди. Ответственность же за подобные

шоу можно было списать на военных, якобы временно вышедших из-под контроля. Именно так поступал Хрущев, обвиняя американского генерала Клея, командовавшего войсками в Западном Берлине, в «провокациях». При этом каждая сторона получала свои политические выгоды от этих драматичных спектаклей. Американцы демонстрировали свою готовность пойти на вооруженный конфликт, чтобы облегчить бегство граждан ГДР на Запад. Советская сторона показывала, что она была готова с оружием в руках защитить суверенитет ГДР. На деле правительство США уже давно решило не прибегать к войне для сокрушения берлинской стены, а Хрущев временно отказался от планов выдавить западные державы из Западного Берлина.

Однако в это время подавляющее большинство общественного мнения считало, что мир находится на пороге мировой ядерной войны. Этому способствовали и советские испытания ядерного оружия на Новой Земле, равных которым не было ни до, ни после них. 17 октября 1961 года, выступая с отчетным докладом на XXII съезде, Хрущев заявил, что в заключение испытаний «мы в конце октября взорвем водородную бомбу мощностью в 50 миллионов тонн тротила. Мы говорим, что имеем бомбу в 100 миллионов тонн тротила. И это верно. Но взрывать такую бомбу мы не будем, потому что если взорвем ее даже в самых отдаленных местах, то и тогда можем окна у себя повыбить».

Напрасно державы Запада, а затем и руководители неприсоединившихся государств обращались к Хрущеву с просьбой отменить испытания 50-мегатонной бомбы. Напрасно правительства скандинавских стран указывали советскому правительству на то, что в *случае* испытаний уровень радиации в Скандинавии опасно возрастет. Хрущев был непреклонен. Правда, опасения скандинавов относительно роста радиации оказались напрасными. В ходе наиболее крупного испытания подавляющая часть материи вещества была израсходована на энергию взрыва, и поэтому количество радиоактивных осадков было минимальным. Зато сам взрыв оказался мощностью не в 50 мегатонн, как ожидалось, а в 57 мегатонн. Это был самый мощный ядерный взрыв, когда-либо прогремевший на нашей планете. Хрущев мог объявить, что столь мощное оружие имелось лишь в руках СССР.

Одновременно Хрущев объявлял о том, что у СССР есть «подводный флот с атомными двигателями, вооруженный баллистическими и самонаводящимися ракетами». Хрущев предупреждал, что этот флот «ответит сокрушительным ударом по агрессорам, в том числе и по их авианосцам, которые в случае войны будут неплохой мишенью для наших ракет, пускаемых с подводных лодок». Хрущев заявил: «Разрешите доложить съезду, что перевооружение Советской Армии ракетно-ядерной техникой полностью завершено».

Усиливавшаяся конфронтация между СССР и США в Берлине и советские ядерные испытания спровоцировали рост панических настроений в США. В газетах сообщали о нараставшем в США строительстве индивидуальных бомбоубежищ. Но вдруг совершенно неожиданно тон американской печати изменился. В это время я работал в информационном отделе ИМЭМО и ежедневно обрабатывал некоторые американские газеты, в частности «Нью-Йорк таймс». Примерно в конце сентября в «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение о том, что сведения о советской ракетной мощи сильно преувеличены. Затем было объявлено, что советских ракет не 2000, а примерно 500. Потом их число было сокращено до 200. Сокращение числа наших ракет продолжалось на страницах газеты в течение всего октября. В конце октября пришло сообщение о том, что на самом деле в СССР не более 20 ракет, но не исключалась возможность того, что и это число преувеличено, так как в одном случае за межконтинентальную ракету был принят минарет в Средней Азии. Последнее сообщение было похоже на анекдот. «Не могла же советская ракетная мощь испариться в течение нескольких недель?» – думал я. Будучи знакомым с американскими версиями о том, что вместо Гагарина и Титова летали магнитофоны, и зная склонность американцев не признавать чьи-либо успехи, кроме их собственных, я не верил этим сообщениям. Я считал, что правящие круги США, которые сначала пугали американцев советской ракетной мощью, чтобы взвинтить гонку вооружений, теперь испугались размаха той паники, которая охватила их страну, и стараются успокоить население.

Я не знал о том, что публикации этих сообщений были основаны на сведениях, которые поступали от американских разведывательных спутников. Кроме того, тогда никто из советских

людей не знал о том, что сведения о советском ракетном потенциале передал завербованный американцами весной 1961 года заместитель начальника иностранного отдела Управления внешних сношений Государственного комитета СССР по координации научно-исследовательских работ О.В. Пеньковский. Он доносил в США о том, что ракеты, которыми хвастался Хрущев, не существуют в природе. О.В. Пеньковский ссылался на своего знакомого Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова, который доверительно сообщал ему подлинные сведения о советском ракетном потенциале. Вопреки заявлениям Хрущева к концу 1961 года на боевом дежурстве находилось около 30 советских межконтинентальных ракет.

Великий блеф Хрущева о сотнях советских ракет, нацеленных на различные страны Запада, рухнул. Лишь немногие советские многомегатонные ядерные заряды могли быть доставлены до места назначения. Угрозы Хрущева направить сотни ракет на страны Запада в случае их неуступчивости теряли смысл. Хрущев лишился самого главного козыря в своей внешнеполитической игре. К этому времени стало ясно, что и другие предпосылки, из которых Хрущев исходил, развертывая свое наступление на Запад (сохранение прочности социалистического лагеря, активное выступление большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки против империализма), оказались несостоятельными.

Как утверждает историк Н. Верт, «в начале октября Соединенные Штаты сообщили Советскому Союзу, предъявив в подтверждение фотоматериалы, об установленном ими факте наличия у СССР значительно меньшего количества ракет, чем предполагалось, и об очень большом превосходстве США в этой области. После этого возможности Советского Союза «увещевать» оказались значительно меньшими. По-видимому, именно по этой причине Хрущев спустил критическую ситуацию на тормозах». Хотя в своем отчетном докладе на XXII съезде Хрущев заявил, что «германский мирный договор должен быть и будет подписан вместе с западными державами или без них», он сделал оговорку: «Если западные державы проявят готовность к урегулированию германской проблемы, то вопрос о сроках подписания германского мирного договора не будет иметь такого значения, мы не будем тогда настаивать на том, чтобы подписать мирный договор обязательно до 31 декабря 1961 года. Главное – решить вопрос, ликвидировать остатки второй мировой войны, подписать мирный договор, В этом основа, в этом суть». Выступая с заключительным словом 27 октября, Хрущев добавил: «Мы не суеверные люди и считаем, что счастливыми могут быть и 31 и 13 числа». Он явно намекал на события 13 августа и, стало быть, исходил из того, что после 13 августа 1961 года нет необходимости подписывать договор 31 декабря.

Хрущев не желал признавать своего поражения в Берлине даже в узком кругу своих коллег. Он старался сделать хорошую мину при плохой игре. Выступая на заседании 8 января 1962 года по германскому вопросу, Хрущев заявлял: «Можем ли мы при нынешних условиях получить максимум? Пожалуй, нет, так как Запад к этому не готов. После 13 августа кость в горле беспокоит больше западников. Если реально смотреть – мы уже одержали победу и противник говорит о сосуществовании… Не надо, товарищи, уподобляться офицеру, который громко испустил воздух на балу и из-за этого застрелился… У нас цветущее положение, экономика развивается, – и ставить это все в зависимость от Западного Берлина? Одним словом, сейчас говорить, что мы не выиграем – рано. Мы еще должны нажимать. Я беру худшее – они не пойдут (очевидно, на подписание мирного договора с ГДР. – *Прим. авт.).* Но уже сейчас соглашаться с тем, что ничего не принесет, рано. Так что эта игра стоит свеч». «У них положение не блестящее, – уверял Хрущев. – Мы еще какие-то нажимы будем делать, у нас еще ходов много. Сейчас, шутка ли сказать, они настроили бомбоубежищ. Это не от хорошей жизни. Если американцев мы заставили бомбоубежища строить, вы можете представить, что это за положение».

Глава 6
«ЗА РАБОТУ, ТОВАРИЩИ!»

Несмотря на эти хвастливые заявления и шуточки Хрущева, У. Хайленд и Р. Шрайок имели основания утверждать, что «к концу 1961 года самая вопиющая неудача Хрущева была в Берлине». Однако внимание западной пропаганды было переключено на воздвигнутую в

Берлине стену и попытки немцев из ГДР преодолеть ее. Сам факт существования берлинской стены не свидетельствовал о победе Запада в Берлине и поражении СССР. В Советской же стране провал попыток добиться капитуляции Запада в Берлине был скрыт усилиями пропаганды. Хотя в советской печати писали о «провокациях» в Берлине, внимание советских людей было умело переключено на темы, не позволявшие думать о вероятности мировой войны. В это время вся политически активная часть советского общества изучала проект новой программы партии, который исходил из того, что в ближайшие 20 лет страна будет занята мирным строительством коммунистического общества.

Новая программа КПСС должна была прийти на смену действующей, которая была принята на VIII съезде партии в 1919 году. Еще на XIX съезде было принято решение о создании комиссии во главе с И.В. Сталиным для разработки программы партии. Однако вскоре ее председатель скончался и к XX съезду программа не была готова. А затем большинство из членов комиссии, избранной в 1952 году, было исключено из состава высшего партийного руководства. В 1958 году комиссию по подготовке программы создали вновь, и ее возглавил Б.Н. Пономарев. Работа над созданием программы ускорилась в 1961 году при самом активном участии Хрущева.

Проект программы отвечал представлениям о скором крушении капитализма и победе социализма, которые были тогда характерны для миллионов коммунистов мира и сочувствовавших им людей. Программа открывалась уверенным заявлением о том, что «всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму, начатый Октябрьской революцией, – закономерный результат общества». В ней говорилось: «Первая мировая война и Октябрьская революция положили начало общему кризису капитализма… Ныне мировой капитализм вступил в новый, третий этап этого кризиса. Важнейшая особенность этого нового этапа состоит в том, что он развернулся не в связи с мировой войной». Если в 1949 году Г.М. Маленков объявлял «третью мировую войну… могилой… для всего мирового капитализма», то в 1961 году Н.С. Хрущев, будучи одним из авторов программы КПСС, заявлял, что и без третьей мировой войны капитализм уже находится на грани гибели.

В программе утверждалось, что «империализм вступил в период заката и гибели. Неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины: его экономический и государственный строй, политику и идеологию. Империализм, бесспорно, утратил власть над большинством человечества. Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общество». В перечне стран социалистической системы были перечислены 12 стран «социалистического лагеря». Особняком была упомянута Югославия, о которой было сказано, что она «также встала на путь социализма. Однако югославские руководители своей ревизионистской политикой противопоставили Югославию социалистическому лагерю и международному коммунистическому движению и создали угрозу революционных завоеваний югославского народа».

Две трети программы было уделено «задачам Коммунистической партии Советского Союза по строительству коммунистического общества». Программа провозглашала: «Высшая цель партии – построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: "От каждого – по способностям, каждому – по потребностям". В полной мере воплотится лозунг партии: "Все во имя человека, для блага человека"»… «Построение коммунистического общества» провозглашалось «непосредственной задачей советского народа… Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье, всех народов». Шесть ключевых слов стали постоянно использоваться в праздничных плакатах и были запечатлены не раз в настенных панно.

Судя по проекту программы Хрущев исходил из еще более быстрых темпов развития советской экономики, чем те, о которых он говорил в ноябре 1957 года на юбилейной сессии Верховного Совета и в январе 1959 года на XXI съезде партии. Если тогда говорилось лишь о вероятности того, что в 1970 году СССР сможет обогнать США по производству продукции на

душу населения, то в программе 1961 года было объявлено без всяких оговорок о том, что «в ближайшее десятилетие (1961–1970 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма – США». При этом указывалось, что «в течение ближайших 10 лет» следует «увеличить объем промышленного производства… примерно в два с половиной раза и превзойти уровень промышленного производства США».

Предполагалось, что за эти годы «значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня».

Утверждалось, что в последующие десять лет (1971–1980 годы) «будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество. Полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период».

Было объявлено, что «в течение 20 лет» промышленное производство будет увеличено «не менее чем в шесть раз» и «нынешний объем промышленного производства США» будет оставлен «далеко позади». Общий объем сельскохозяйственного производства к 1971 году должен возрасти в два с половиной раза, а в 1980 году – в три с половиной раза. Производство мяса должно было возрасти в 1980 году – в четыре раза. При этом указывалось, что «когда общественное хозяйство колхозов сможет полностью заменить личное хозяйство колхозников, когда колхозники сами убедятся в том, что им невыгодно иметь приусадебное хозяйство, они добровольно откажутся от него».

Проект программы сулил и дальнейший прогресс в социальной области. В нем говорилось: «В течение предстоящих 10 лет осуществится переход на шестичасовой рабочий день – при одном выходном дне в неделю или на 35-часовую рабочую неделю – при двух выходных днях… Во втором десятилетии на базе соответствующего роста производительности труда начнется переход к еще более сокращенной рабочей неделе. Таким образом, Советский Союз станет страной самого короткого в мире и в то же время самого производительного и наиболее высокооплачиваемого рабочего дня. Значительно возрастет свободное время трудящихся, что создаст дополнительные условия для повышения их культурно-технического уровня». Программа обещала также отмену платы за многие виды социальных услуг.

Программа предусматривала рост политической активности советских людей. С этой целью было предусмотрено «систематическое обновление состава руководящих органов». Было установлено, что «руководящие работники общесоюзных, республиканских и местных органов могли бы избираться на свои должности, как правило, не более чем на три срока подряд». Однако тут же следовала оговорка: «В тех случаях, когда личные дарования работника, по общему мнению, делают полезной и необходимой его дальнейшую деятельность в руководящем органе, может допускаться его переизбрание». Правда, бессрочное продление полномочий руководителя допускалось «лишь при условии, если за кандидата будет подано не менее трех четвертей голосов». Поскольку же в советской практике безальтернативных выборов кандидаты, внесенные в список для голосования, обычно получали более 90 процентов голосов избирателей, это условие позволяло бессрочно переизбирать руководителей, чья деятельность была признана «полезной и необходимой».

Точно такие же условия были установлены и для выборов высших органов партии. Требование о «систематическом обновлении руководящих органов» здесь конкретизировалось положением о том, что «на каждых очередных выборах состав Центрального Комитета КПСС и его Президиума обновляется не менее чем на одну четвертую часть». Однако опять-таки указывалось, что «те или иные деятели партии, в силу их признанного авторитета, высоких политических, организаторских и других качеств, могут быть избраны в руководящие органы подряд на более длительный срок». Условием продления полномочий являлись итоги тайного

голосования, в результате которого кандидат получал «не менее трех четвертей голосов». Было очевидно, что положение о замене по крайней мере четверти всех членов ЦК и его Президиума новыми людьми вполне отвечало сложившейся при Хрущеве практике. В то же время Хрущев и его союзники могли всегда рассчитывать на то, что у них обнаружат «признанный авторитет, высокие политические, организаторские и другие качества», а потому они останутся у власти бессрочно.

Знаменательно, что программа устанавливала более частую смену кадров на более низком уровне, чем на высшем: «Состав ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов обновляется не менее чем на одну треть на каждых очередных выборах, состав окружкомов, горкомов и райкомов партии, парткомов или бюро первичных партийных организаций – наполовину».

Программа исходила из того, что «развитие социалистической государственности постепенно приведет к преобразованию ее в общественное коммунистическое самоуправление, в котором объединятся Советы, профессиональные, кооперативные и другие массовые организации трудящихся. Историческое развитие неизбежно ведет к отмиранию государства». В то же время в проекте программы говорилось: «Партия исходит из того, что, пока сохраняется империализм, – будет оставаться опасность агрессивных войн». Поэтому «Советское государство будет заботиться о том, чтобы его Вооруженные силы были мощными, располагали самыми современными средствами защиты Родины – атомным и термоядерным оружием, ракетами всех радиусов действия, поддерживали на должной высоте все виды военной техники и оружия».

Нововведением программы стал «Моральный кодекс строителя коммунизма», содержавший 12 положений. Впоследствии текст «Морального кодекса строителя коммунизма» был широко растиражирован, в том числе и на ткани. Вымпелы с этим текстом можно было увидеть на стенах многих учреждений и предприятий. Были созданы кружки по изучению этого «кодекса». Знание «кодекса» порой служило условием приема не только в партию, но и в комсомол. Впервые так детально указывалось на то, что не только материальный прогресс, но и моральное самосовершенствование играет важную роль в общественном развитии. В то же время вряд ли содержание кодекса было достаточно продуманным.

Принципы преданности обществу, стране, идеям коммунизма были произвольно перемешаны с вековыми принципами порядочного поведения в обществе. При этом некоторые принципы были собраны в одном положении («честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни»), а другие, схожие принципы («любовь к странам социализма»; «братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами») были перечислены в различных положениях. Наряду с принципами, которые исходили из «уважения», «любви» и «дружбы» к ближним людям или народам мира, немало принципов открывались словами «нетерпимость» и «непримиримость»: «непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству»; «нетерпимость к нарущениям общественных интересов»; «нетерпимость к национальной и расовой неприязни»; «непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов». Авторы «кодекса» явно отдавали предпочтение жестким требованиям морали, построенным на нетерпимости и непримиримости.

Не случайно, обсуждая проект программы КПСС 17 июня 1961 года, Хрущев неожиданно стал возмущаться «мягкими законами» своей страны. Он сказал: «Я вчера читал в газете "Из зала суда". (В «Правде» от 16 июня 1961 года был опубликован приговор по делу Рокотова, Эдлиса, Файбишенко и других, обвиненных в валютных махинациях. Три главных фигуранта получили по 15 лет. – *Прим. авт.)* Я возмущен, как это можно: дали 15 лет, через 5 лет он будет на свободе!» «Товарищ прокурор, – обратился Хрущев к Руденко, – Вы что, будете политику проводить или будете слушать ЦК?» Руденко: «Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, не утвердили, установили максимум 15 лет, без смертной казни, мы смертную казнь ввели за хищения в особо крупных размерах». Хрущев: «Да пошли вы к чертовой матери, простите за грубость. Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается. Грабители грабят, а вы законы пишете. Что такое? Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никого не расстреливают, а эти грабят рабочих и крестьян. Хотите,

я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела, не боюсь, а вы боитесь. Я думал, расстреляют этих мерзавцев, читаю -15 лет. Так вы же поощряете других!» «Человек разложился, – продолжал Хрущев, – ничем не занимался, с малых лет начал спекулировать. Ему одно только место – в гробу. Вы его оставили. 15 лет его надо кормить, иметь отдельную камеру, держать солдат для охраны, а что через 15 лет будет? Потом его расстреляют. У крестьян есть поговорка – „худая трава с поля вон“».

Указания Хрущева были выполнены. Вскоре был принят указ об усилении уголовной ответственности за нарущение правил о валютных операциях. Хотя судить уже осужденного по закону, принятому после вынесения приговора, было нельзя, Рокотова снова судили, приговорили к смертной казни и расстреляли. Фактическую отмену наказаний для членов высшей партийной номенклатуры Хрущев осуществил одновременно с усилением наказаний для остальных граждан страны. Никогда в стране не было так много законов, по которым человека можно было казнить, как при «либеральном» Хрущеве. Было очевидно, что таких, как Рокотов, Хрущев не собирался пускать в коммунистическое общество.

Программа завершалась словами: «Под испытанным руководством Коммунистической Партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построил социализм. Под руководством партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построит коммунистическое общество. Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Опубликованный в конце июля 1961 года проект программы КПСС произвел огромное впечатление на весь мир. Правда, за пределами СССР было немало сомневающихся в реальности создания общества, в котором будет осуществлен принцип: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Обращали внимание на то, что СССР еще отстает от многих развитых стран мира по производству на дущу населения и по потреблению различных потребительских товаров. Однако быстрые темпы развития СССР с конца 1920-х годов, запуск первого советского спутника, полеты Гагарина и Титова, а также другие успехи советской науки и техники последних лет в самых разных отраслях, заставляли многих друзей СССР верить в исполнимость намеченных планов.

Еще меньше было сомневавшихся в СССР. Следует учесть, что мечта о построении коммунизма овладела сознанием миллионов людей в нашей стране еще в 1917 году. Уже в первые годы Советской власти ее руководители не раз заявляли о возможности построить коммунизм в ближайшие 10–15 лет. Хотя впоследствии сроки построения коммунизма перестали называть, в марте 1939 года на XVIII съезде партии И.В. Сталин объявил о том, что «мы идем дальше, вперед, к коммунизму». В конце 1940-х годов в стране новые гидротехнические сооружения в СССР были объявлены «великими стройками коммунизма».

К 1961 году в сознании советских людей был накоплен кредит доверия к планам и прогнозам развития Советской страны. Требование Сталина 1931 года – «пробежать за десять лет то расстояние, которое передовые капиталистические страны преодолели за 50-100 лет, иначе нас сомнут» – было в основном выполнено. К 1941 году страна достигла такого уровня развития, что страна не была «смята» гитлеровскими захватчиками. Кредит доверия возрос в годы Великой Отечественной войны, когда призыв, провозглашенный Молотовым 22 июня 1941 года, а затем повторенный Сталиным 3 июля: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» – оказался реализованным. Программа восстановления разоренной страны, намеченная в 1946 году, была выполнена. А к 1961 году СССР добился выполнения тех задач в производстве стали, чугуна, нефти, угля, зерна, которые Сталин выдвигал в 1946 году на ближайшие 15 лет для того, чтобы «избежать всяких случайностей». Не было сомнений, что теперь СССР обладал таким хозяйственным и оборонным потенциалом, который обеспечивал безопасность ему и его союзникам.

Хотя Хрущев уже серьезно истощил кредит доверия, накопленный при Сталине, все же вера в выполнимость государственных планов развития поддерживалась благодаря трудовым усилиям миллионов советских людей и после 1953 года. Как указывалось выше, многие задания по увеличению промышленного производства в течение 15 лет, выдвинутые Хрущевым в 1957 году, успешно выполнялись и были выполнены в 1972 году. Невыполнение же своих обещаний Хрущев обычно скрывал под дымовой завесой новых, еще более широковещательных

обещаний. Видимо, он не желал думать о том, что партии через 10 или 20 лет потребуется держать ответ за необоснованные обещания Хрущева.

Очередной XXII съезд партии Хрущев открыл в только что построенном в Кремле Дворце съездов. Не ограничившись зачтением отчетного доклада, Хрущев выступил и с докладом о новой программе партии, в котором он перечислил много показателей экономического производства на 1970 и 1980 годы. Сравнивая задачи, выдвинутые Хрущевым в его «предварительном прогнозе» 1957 года, с задачами, поставленными им в 1961 году, можно увидеть, что он значительно их завысил. Если в 1957 году производство электроэнергии должно было составить 800–900 миллиардов киловатт-часов в 1972 году и эта задача была в основном выполнена, то в докладе Хрущева на XXII съезде было намечено произвести 900-1000 миллиардов киловатт-часов электроэнергии уже в 1970 году. На самом деле в 1970 году было произведено 740 миллиардов киловатт-часов. Аналогичным образом были завышены задания по производству других видов промышленной продукции, что сделало их невыполнимыми.

Из этого видно, что за четыре года Хрущев утратил чувство реальности. Его планы стали заведомо невыполнимыми. Еще больше был разрыв между поставленными задачами в производстве селъско-хозяйственной продукции и реальными достижениями советской экономики в 1970 году:

Разрыв между заданиями на 1980 год и реальными экономическими показателями был еще более значительным. Хрущев же возмущался сомнениями западных аналитиков в исполнимости намеченных планов. Он заявлял: «У нас в Программе обосновано каждое положение. У них только крикливые заявления. У нас рассчитана и доказана каждая цифра. У нас дан точный научный анализ тенденций исторического развития. У них кликушеские заклинания, бесплодные гадания на кофейной гуще».

Ошибочные расчеты Хрущева на то, что СССР существенно обгонит США к 1980 году, усугублялись тем, что он занижал возможности США и других стран капитализма. Он не учел того, что научно-технический прогресс за 20 лет существенно изменит структуру современной экономики. Намеченные же им планы не настраивали на такие перемены.

Эту опасность почувствовал Микоян. Он вспоминал: «Когда речь зашла у нас о новой Программе партии и туда предложили включить цифры, я протестовал. Цифры не для программы. В программах, принятых раньше, только одна цифра – 8-часовой рабочий день… А тут записали 240 миллионов тонн стали. Зачем? Кому известно, что понадобится столько?… Но Хрущев не отступал: "Это же не скоро, только к 1980 году". Я так понял его, что он не рассчитывал дожить до конца периода "строительства коммунизма" и ему не так важно, реальные это цифры или нет… Ему же был нужен эффект для народа». Вероятно, главным для Хрущева был «эффект» и не только для советского народа. Он исходил из того, что надо «дискредитировать Америку» и использовать пример СССР исключительно в пропагандистских целях. Однако все свои возражения против внесения в программу плановых заданий на последующие 20 лет Микоян сохранил при себе и на съезде поддержал проект программы.

Иным образом поступил В.М. Молотов. Из Вены, где он в это время занимал пост представителя СССР в МАГАТЭ, Молотов направил в Москву развернутые критические замечания по поводу программы, объявив ее антимарксистской и антиленинской. (Вскоре после того, как с его замечаниями ознакомились в Москве, Молотов был освобожден от своих обязанностей в Вене, отправлен на пенсию и исключен из партии.)

Приняли прохладно проект программы КПСС и в Китае. Несмотря на наличие в нем общих слов о «лагере социализма» и «мировой социалистической системе», проект программы исходил из того, что СССР будет существенно опережать по своему развитию другие социалистические страны и первым приступит к построению коммунизма. Объясняя, как выглядел проект хрущевской программы в Китае, Э. Крэнкшоу писал: «Для китайцев программа советской партии содержала простое и однозначное послание: "Мы – передовые; вы – отсталые. Мы – богатые; вы – бедные. У нас достаточно еды; у вас – нет. У нас скоро будет больше, чем в любой другой стране, мира; у вас этого нет. У нас есть водородная бомба; у вас ее нет". Тем, кто сомневается в том, что такой вульгарный тон возможен в наши дни, достаточно прочесть любой отрывок из речей Хрущева».

Несмотря на то что разногласия между руководством КПК и КПСС продолжали усиливаться, Хрущев не решился говорить о них на съезде партии. Объектом нападок было избрано руководство Албании, которому Хрущев не простил нападок на ноябрьском совещании 1960 года. В ответ на критику в адрес Хрущева на IV съезде Албанской партии труда (февраль 1961 г.) советское правительство объявило об отказе в экономической помощи Албании. В мае 1961 года СССР расторг двусторонние соглашения с Албанией по обязательствам по Варшавскому договору и начал вывод своих подводных лодок с албанских баз. С трибуны съезда Хрущев утверждал, что «албанским руководителям не по душе решительное осуждение культа личности Сталина и его вредных последствий». Одновременно он обвинил албанских лидеров Энвера Ходжу и Мехмета Шеху в жестоких репрессиях против всех, кто с ними не согласен. Он выразил надежду, что «наступит такое время, когда албанские коммунисты, албанский народ скажут свое слово, и тогда албанским руководителям придется держать ответ за тот ущерб, который они причинили своей стране, своему народу, делу строительства социализма в Албании». Ни для кого не было секретом, что, когда Хрущев произносил слово «Албания», он имел в виду «Китай».

Однако албанское руководство принимало нападки Хрущева прежде всего на свой счет, не без оснований опасаясь, что изолированная Албания может стать жертвой атаки СССР. Поскольку угрозы Хрущева в адрес Албании звучали одновременно с взрывами на Новой Земле, в этой стране всерьез испугались возможности ядерного нападения. Как и в США, в Албании в эти дни началось массовое строительство бомбоубежищ. Одновременно в стране повсюду убирались, портреты Хрущева и заменялись портретами Сталина. В ответ Хрущев развернул на XXII съезде новую атаку на Сталина.

Новая антисталинская кампания Хрущева объяснялась не только его желанием таким образом критиковать Ходжу и Мао Цзэдуна, но и недовольством сохранявшейся популярности Сталина в СССР. Несмотря на постоянные напоминания о необходимости борьбы против культа личности Сталина, памятники ему, его портреты, картины с его изображением по-прежнему можно было видеть повсюду. Находясь 1 мая 1961 года на гостевой трибуне на Красной площади, я вместе с секретарем парторганизации МГИМО насчитал не меньше двух десятков новеньких полотнищ с изображением Сталина, которые несли демонстранты.

В этот день в Кремле состоялся прием по случаю Первого мая, на котором был мой отец. Вернувшись, он рассказал, что Хрущев с неожиданной яростью стал атаковать Сталина, выкрикивая: «Правление Сталина было царством топора!» И мой отец, и я решили, что это было реакцией Хрущева на появление новых портретов Сталина на первомайской демонстрации. Хрущев увидел в знаменах с портретами Сталина вызов себе. Поскольку украшение праздничных колонн всегда было предметом заблаговременного внимания высших руководителей страны, не исключено, что кто-то на самом верху разрешил появление полотнищ с изображением Сталина. Хрущев мог заподозрить, что кто-то из его коллег вольно или невольно потворствовал появлению сталинских знамен. Учитывая, что Микоян постоянно именовал Козлова «сталинистом», не исключено, что подозрение за появление этих знамен пало на Козлова и атакой на Сталина Хрущев старался приструнить своего первого заместителя, влияние которого неуклонно росло.

Правда, выступая в мае 1961 года в Ереване и Тбилиси по поводу 40-летия установления советской власти в этих республиках, Хрущев с уважением говорил о роли Сталина в руководстве революционной борьбой в Закавказье. Но к XXII съезду Хрущев, видимо, созрел для новой антисталинской кампании. На сей раз Хрущев возложил ответственность за нарушения законности не только на Сталина, но также на Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова. (Бывший председатель Президиума Верховного Совета СССР был с опозданием в 4 с лишним года «включен» в состав «антипартийной группы».) Эти обвинения дополнялись выступлениями Подгорного, Спиридонова и других. Каждый из них атаковал того или иного члена «антипартийной группы». Как и на июньском (1957 г.) пленуме ЦК, опять приводились оскорбительные надписи, которые оставили Сталин, Каганович, Молотов, Ворошилов на письмах бывших советских руководителей, приговоренных к смерти. Особенно много об этом говорил председатель КГБ СССР А.Н. Шелепин. Видимо, таким образом руководство страны старалось снять ответственность за репрессии чекистов. После этих обвинений П.Н. Демичев

внес предложение: «Исключить из рядов нашей ленинской партии жалких отщепенцев – Молотова, Маленкова, Кагановича». Это предложение было единодушно принято.

Хотя комиссии, созданные на основе письма Шатуновской, не подтвердили ее версию, Хрущев вновь намекал на ответственность Сталина за убийство Кирова. Он говорил: «Начало массовым репрессиям было положено после убийства Кирова. Надо еще приложить немало усилий, чтобы действительно узнать, кто виноват в его гибели… Наш долг тщательно разобраться». Кто-то верил Хрущеву, кто-то нет. Кто-то увидел в этих намеках Хрущева еще один повод поиздеваться над властями и советской историей. Об этом свидетельствовала частущка:

Эх, огурчики-помидорчики,
Сталин Кирова убил
В коридорчике.

Все версии и обвинения в адрес Сталина, высказанные на XXII съезде, уже прозвучали на XX съезде и июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС. Но на этот раз Хрущев решил прибегнуть к драматическому жесту, который должен был бы вместе с сообщениями о взрыве 57-мегатонной бомбы и провозглашением программы построения коммунизма скрыть его внешнеполитическое поражение в Берлине. Поэтому, ссылаясь на решения собрания Кировского (Путиловского) машиностроительного завода, И.В. Спиридонов внес предложение «о перемещении праха Сталина в другое место. Жизнь и имя великого Ленина могут с полным правом быть названы Справедливостью с большой буквы… Нельзя мириться с тем, чтобы рядом с Владимиром Ильичем Лениным находился человек, запятнавший свое имя большой несправедливостью». Возможно, выбор Спиридонова для этого выступления был обусловлен тем, что он был соратником Козлова и этим Хрущев старался унизить «тайных сталинистов».

Ряд партийных руководителей отказался произнести речи в поддержку выноса тела Сталина из Мавзолея. Среди них был первый секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе, сказавшийся больным, и член Президиума ЦК КПСС Мухитдинов. Последний за это лишился места в Президиуме ЦК. Среди тех, кто выступил в поддержку предложения Спиридонова, была член КПСС с 1902 года 77-летняя ДА. Лазуркина, пробывшая в заключении до середины 1950-х годов. Она заявила: «Вчера я советовалась с Ильичем, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии».

По предложению Н.В. Подгорного, съезд принял резолюцию, в которой признавалось «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина».

В.Е. Семичастный вспоминал: «Останки Сталина были похоронены у Кремлевской стены при свете прожекторов. Надпись на фронтоне «Ленин – Сталин» удалили, оставив лишь одно имя – Ленин На утро следующего дня никакой заметной реакции общественности не последовало. Появились только любопытные – посмотреть, как стал выглядеть Мавзолей. Однако нельзя сказать, что на погребение Сталина народ вообще не обратил никакого внимания. Приходили письма от несогласных с решением людей, в них отмечалась огромная роль Сталина в исторической победе над фашистской Германией. Долго никто не хотел брать на себя ответственность за установку давно готового бюста. В течение многих лет могилу Сталина украшали цветы. Каждый день – свежие».

Перезахоронение тела Сталина, последовавшее за этим уничтожение памятников Сталину во всех городах страны, переименование городов, заводов, колхозов, совхозов и ряда учреждений, названных в его честь, ознаменовали низвержение того, кто до XX съезда именовался «великим продолжателем дела Ленина». Все эти заявления и действия под знаменем борьбы против «культа личности Сталина» сопровождались все более шумным возвеличиванием Н.С. Хрущева. В июне 1961 года состоялась премьера документального фильма «Наш дорогой Никита Сергеевич», в котором безмерно восхвалялся Хрущев. На XXII

съезде не было ни одного делегата, который бы в своем выступлении не высказался тепло о Хрущеве. При этом почти в каждой речи можно было встретить несколько упоминаний о Хрущеве. Так, Н.В. Подгорный упомянул его 18 раз, а Л.И. Брежнев – 19 раз.

Как правило, в речах звучали восторженные характеристики Н.С. Хрущева и его деятельности. Козлов: «Творческое отношение к теории, связь с жизнью, умение правильно выражать коренные интересы народа характеризуют т. Хрущева как верного ленинца, выдающегося политического деятеля и теоретика марксизма-ленинизма» Брежнев: «Товарища Хрущева отличает великая вера в народ, в силу нашей партии, твердость и непоколебимость в проведении ее линии, непримиримость к врагам коммунизма, смелость и решительность в осуществлении внешней и внутренней политики партии и Советского государства». Подгорный говорил, что для Н.С. Хрущева характерны «неисчерпаемая кипучая энергия, подлинно революционный, ленинский подход к решению сложных вопросов теории и практики, его неразрывная связь с народом, человечность и простота, умение постоянно учиться у масс и учить массы». Все это, по словам Подгорного, являлось «вдохновляющим примером для всей партии, для каждого коммуниста». Рашидов: «Народы Узбекистана от всей души, от всего чистого сердца называют Никиту Сергеевича Хрущева своим самым близким другом, своим дорогим и любимым учителем». Кириленко: «Трудящиеся Среднего Урала, как и все советские люди, приносят слова горячей, искренней любви и сердечной благодарности своему испытанному авангарду – Коммунистической партии, ее Центральному комитету, талантливейшему продолжателю дела Ленина, выдающемуся теоретику и практику коммунистического строительства – нашему дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву!» Теперь дорога для провозглашения Хрущева одним из вождей мирового коммунизма, наряду с Марксом, Энгельсом, Лениным, была открыта.

Одновременно на съезде произошло изгнание из Президиума ЦК тех, кто вызывал недоверие Хрущева. В состав избранного после XXII съезда Президиума ЦК вошли все те, кто уже был в его составе к началу съезда, кроме Аристова, Игнатова, Фурцевой и Мухитдинова. Новым членом Президиума стал первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г.И. Воронов. Появились новые лица и в составе Секретариата ЦК КПСС. Помимо Хрущева, Козлова, Суслова и Куусинена, секретарями ЦК КПСС стали: П.Н. Демичев, Л.Ф. Ильичев, Б.Н. Пономарев, И.В. Спиридонов, А.Н. Шелепин.

В знак протеста против не избрания их в состав Президиума ЦК Мухидтинов и Фурцева не явились на заключительное заседание съезда. К ним присоединился и муж Фурцевой, заместитель министра иностранных дел СССР Фирюбин, не избранный членом ЦК. Мухидтинов взял у врача бюллетень. У Фурцевой был на самом деле сердечный приступ. В этом болезненном состоянии она вскрыла себе вены, и врачи едва спасли ее.

Вспоминая «историю с Фурцевой», Микоян так оценивал действия Хрущева: «то поднимал ее, как только мог, то наоборот. И все это без предупреждения, без предварительного разговора». Впрочем, так Хрущев поступал не только с Фурцевой. Микоян вспоминал: «Люди узнавали, что они уже не в Президиуме ЦК только тогда, когда оглашался список». На заседании Президиума ЦК Хрущев заявил: «О Фурцевой. Поступок сложный. Огорчение – совпало со съездом, когда не избрали в Президиум. Люди относят как к протесту против партии. По работе ничего не скажу, в острых вопросах – всегда остро держала. По характеру – неважный, я говорил ей: "То с Жуковым, то с Булганиным, то с Молотовым". Поступок нехороший. О Мухитдинове – ошиблись в нем, плохо воспитан как член партии, никчемное руководство оставил в республике. Пережитки байского есть у него, есть претензии к нему: групповщину (узбекскую) поддерживал. Хвастливо докладывал о разговоре с Неру, с Насером. Потеря – молодой, способный человек». Таким образом, с тех пор, как 4 года назад на июньском пленуме ЦК КПСС Хрущев изгнал «антипартийную группу» и составил Президиум ЦК из 14 человек, из них после XXII съезда осталось лишь 7. За четыре года Хрущев обнаружил в половине состава Президиума ЦК различные недостатки, пороки, слабости.

Зато еще больше усилилась роль Ф.Р. Козлова, который, наряду с Н.С. Хрущевым, был докладчиком на XXII съезде (по вопросу об изменениях в Уставе партии). Его роль «второго человека» в руководстве партии и страны явно беспокоила Микояна, который позже писал, что «Козлов видел главного противника во мне». В то же время Микоян утверждал, что «цель

Козлова была… – свести Хрущева на чисто показную роль, все решать без него, за его спиной». Таким образом, внутренняя борьба в руководстве страны продолжалась. Однако Хрущев создавал впечатление, что в руководстве царит единодущие и он полностью контролирует положение в партии. Его отчетный доклад был единогласно одобрен, а составленная им программа единогласно принята.

Помимо 4394 делегатов с решающим и 405 с совещательным голосом, представлявших 8,8 миллиона членов партии и 843 тысячи кандидатов в члены партии, заключительные слова Хрущева приветствовали многочисленные гости съезда. Среди них был и 83-летний В.В. Шульгин, некогда призывавший говорить с «красными» только «языком пулеметов». Присутствие в зале заседаний бывшего ярого врага советской власти на съезде, принявшего программу построения коммунизма, казалось бы демонстрировало необратимость грандиозных перемен в советском обществе.

Хрущев закончил XXII съезд партии на бодрой ноте. Он выкрикнул в зал: «Наши цели ясны, задачи определены! За работу, товарищи! За новые победы коммунизма!» Вскоре эти слова были широко растиражированы на плакатах и панно, которыми украсили стены зданий. Вместе с этими словами изображался и сам Хрущев, который жестом призывал следовать за ним вперед к новым победам.

Часть 3
ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

Глава 1
«ХРУЩЕВА НА МЯСО!»

У. Хайленд и Р. Шрайок имели основание начать свою книгу «Падение Хрущева» с событий конца 1961 года, заметив, что к этому времени Хрущев столкнулся с тяжелым положением «как внутри страны, так и за ее пределами». Внешнеполитические неудачи происходили в то время, как стало очевидным, что попытки Хрущева добиться перелома в развитии сельского хозяйства не увенчались успехом. Урожай зерна в 1961 году был ненамного выше урожаев 1959 и 1960 годов. Урожай на целине был самым небольшим за последние 5 лет. Производство мяса опять сократилось. Писатель Е. Носов позже писал: «Вопреки еще не успевшим выцвести, не смытым дождями оптимистическим диаграммам роста надоев и привесов, с прилавков магазинов стало исчезать мясо и все мясное. Потом все молочное. В считанные дни размели даже привялые плавленые сырки. Куда-то девались пшено и гречка, как потом оказалось на целые десятилетия. Дело дошло до лапши и макарон».

К этому времени стало ясно, что сельское хозяйство, развитию которого Хрущев уделял столько сил и внимания, начиная с сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, находится в плачевном состоянии. Чтобы выяснить причины такого положения, Хрущев опять отправился в поездку по стране. На сей раз Хрущев увидел источник неудач в том, что, вопреки его указаниям, в ряде мест продолжали применять систему травопольного севооборота Вильямса. Хрущев уже давно требовал отказаться от этой системы, позволявшей регулярно восстанавливать плодородие почвы. В ходе своей поездки по стране в конце 1961 года Хрущев сурово набросился на упрямцев. В «Крокодиле» опубликовали карикатуру «Травополыцик-подполыцик». На ней был изображен академик, который тайно высаживал травы в своем кабинете.

Выступая на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС, Хрущев уверял на примере Краснодарского края, что если вместо трав сеять кукурузу, то в стране резко возрастет производство мяса. «Это не арифметическая акробатика, а настоящая арифметика, по Малинину и Буренину, – уверял Хрущев, вспоминая авторов дореволюционного задачника для начальной школы. – Никто пока четыре действия арифметики не опроверг, и вам, товарищи краснодарцы, тоже не удастся это сделать!» Он призывал: «Мы должны обратить особое внимание на искоренение последствий травопольной системы земледелия В.Р. Вильямса».

Осуждая курс Хрущева через 25 лет после его отставки, писатель Е. Носов вспоминал: «Пришла мысль посягнуть и на саму травопольную систему, выбросить из севооборота травы-предшественники, а вместо них внедрить ту же кукурузу. Для оправдания этого посягательства был изруган и дискредитирован основоположник этой системы академик Вильямс, портреты его сняли, а труды изъяли из учебных заведений и библиотек. Наряду с травами, игравшими роль восстановителей питательного баланса почв, были ликвидированы и чистые пары, вместо них, дававших отдых земле, внедрялась опять та же кукуруза».

Насаждение кукурузы напоминало насильственное введение картофеля в России в XVIII веке. Позже писатель Е. Носов писал: «В стране началась памятная кукурузная кампания, в том ее проявлении не понятая и не принятая народом. Вообще-то сама по себе культура она продуктивная, если с ней обращаться по уму. Но Кострома не Айова. Во многих российских местах кукуруза оказалась самозванкой, непрошено посаженной на престол нашего земледелия. Внедряли ее таранно, ударом кулака по столу, не слущая никаких резонов, вешались выговоры, отбирались партбилеты, не глядя ни на широту, ни на долготу». Преувеличенное внимание Хрущева к распространению кукурузы привело его к желанию сократить до предела производство ряда других кормовых культур. Микоян писал: «Одно время он стал нападать на подсолнух, но удалось его убедить, что без подсолнечного масла нам не обойтись».

Другой стороной кукурузомании Хрущева стало неоправданное расширение пахотной земли. Е. Носов писал: «Не имея свободных земель в тогдашних пахотных регионах, ее (кукурузу) вводили, вернее вколачивали в уже занятые угодья, тесня не только традиционные, испытанные кормовые культуры, но и зерновые тоже. Однако это не дало желаемого результата. И тогда трактора ворвались в луга… И, словно предвестники грядущей беды, начались пыльные бури – прямое следствие чрезмерных распашек и нарушения севооборотов. Миллионы тонн растревоженной земли подняло ветром с полей Кубани и Ставрополья. За одну ночь наши курские, еще заснеженные предвесенние поля переоделись в черные сугробы. Черная взвесь проникала сквозь оконную оклейку, черно лежала на подоконнике, на писчей бумаге, ну, и конечно, на дуще».

Хрущев подверг гонениям не только травы и многие зерновые культуры (кроме кукурузы). Начиная с февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК объектом травли Хрущева стали лошади. Евгений Носов писал: «Вспомним печальное постановление о лошадях. Они были обозваны дармоедами, поедающими чужой корм, позорящими социалистическую Россию бездельным ржанием и тяжелым скрипом… Какой-то придворный лукавец нашептал Хрущеву, что ежели забить несколько миллионов лошадей, то столько сразу сэкономится корма! Да плюс почти за так уйма конского мяса! Да кожа на ремни и подметки! Было запрещено выдавать корма на лошадей, их исключили из всех видов отчетности, то есть фактически объявили вне закона, и колхозы волей-неволей вынуждены были отправить их на убой. И потянулись на живодерни эти скорбные, понурые шествия лошадей по дорогам России, которую они много веков кормили, опахивали, окашивали и берегли от врагов… А тем временем молочную флягу от фермы до сельского детского сада везут на тракторе с прицепом. Тогда как высокомоторизованная Америка и теперь держит для расхожих работ 10 миллионов лошадей».

Но и другим видам сельскохозяйственного скота не поздоровилось при Хрущеве. В своих мемуарах Микоян жаловался на то, что Хрущев разрушил специализированные хозяйства крупного рогатого скота и овец для производства мяса, которые были созданы по инициативе Микояна еще в 1930-х годах: «Сталин тогда меня понял. А Хрущев отменил. "Вот, – говорит, – у нас молока не хватает, а он их не доит. Надо всех доить". Но скот на мясо от этого становится хуже и весит меньше. К тому же, я завел эти хозяйства в степях, где не было рабочей силы. На 500 коров можно было иметь одного пастуха. А доить– одна доярка на каждые 10 коров. Хрущев во второй половине 1950-х годов их соединил в молочно-мясные хозяйства».

Критиковал Микоян Хрущева и за отмену мер поощрения высококачественной сельскохозяйственной продукции. Микоян вспоминал, что он «давно ввел бонификацию и ректификацию при сдаче продукции государству. Сталин даже однажды тост провозгласил: "За твои бонификации!" Это были стимулы для повышения качества сельскохозяйственной продукции. Для зерна – процент влажности, для свеклы – процент сахаристости, влажности и т. д. Хрущев же вместо доплат за хорошее качество, вычетов – за плохое, которые я вводил,

ввел прием на вес – "за мужика ратовал". Но это с его стороны было не "за мужика", а за разложение мужика».

Е. Носов писал: «Упрямо изыскивая способы посрамления Америки, Никита Хрущев распорядился скупить у колхозников без всяких уклонений всю их рогатую живность. Таким административным приемом удалось увеличить общественное поголовье на несколько миллионов голов. Но с наступлением холодов выяснилось, что колхозы и совхозы не готовы к размещению и содержанию скупленных коров, и их пришлось частично забить».

Серьезный урон сельскому хозяйству нанесла и проводившаяся Хрущевым кампания за огульное укрупнение колхозов. Микоян писал: «Укрупняли колхозы, забрасывали деревни, делая их пустующими, вместо деревенского хлеба и молока, свежего и всегда под рукой, решили завозить из города. И, конечно, начались перебои с подвозом. Появились очереди за хлебом и молоком в деревне – это раньше представить себе было невозможно!…» Видимо, Хрущев хотел доказать, что сталинская критика его предложений о строительстве агрогородов была несправедливой. У писателя Носова «агрогорода» вызвали лишь возглас возмущения: «А насаждение декоративных агрогородов?! Ради такой театрализованной жизни, случалось, людей силком, с милиционером переселяли в казенные многоквартирные дома с общим туалетом под забором. А тем временем покинутые деревеньки объявлялись бесперспективными, дворы зарастали чертополохом, кособочились и падали радиостолбы, осыпались колодцы и ветер трепал истлевший белесый флаг, забытый над крышей заколоченной школы».

Микоян вспоминал о Хрущеве: «Чуть не отобрал приусадебные участки у колхозников, чем немедленно поставил бы страну на грань голода. Вовремя его остановили, я в том числе. Даже затеял превращение колхозов в совхозы без серьезного обоснования, просто с целью "заставить мужика работать"».

Получалось, что сельское хозяйство, которому Хрущев уделял наибольшее внимание с первых лет своего пребывания у власти, понесло наиболее серьезный ущерб от его активной деятельности. Но урон, который наносили некомпетентность и самоуверенность Хрущева, не ограничивался сельским хозяйством. Стремление Хрущева улучшить положение советских людей заставляло его принимать решения, которые не были подкреплены соответствующим ростом производительности труда. Госплан СССР, Министерство финансов СССР и Государственный банк СССР докладывали правительству 2 декабря 1960 года, что «решающей причиной убыточности большого числа предприятий тяжелой промышленности является то, что имевший место за последние годы в раде ее добывающих отраслей… значительный рост заработной платы, в связи с ее упорядочением и сокращением продолжительности рабочего дня, не был компенсирован соответствующим повышением производительности труда». Следствием этого стало удорожание промышленной продукции.

Не принесла желанных выгод и проведенная Хрущевым денежная реформа. Экономист А. Матлин писал: «В 1961 году была проведена вроде совершенно безобидная операция: масштаб нашей денежной единицы был повышен в 10 раз и в связи с этим выпущены в обращение новые деньги. На самом деле, как известно, денежной реформой 1961 года наломали дров. При ее проведении почему-то забыли азбуку экономической науки: деньги – это общественное отношение, а денежные знаки – долговые обязательства Госбанка, которым можно и не верить, требуя более "твердую валюту". В чем была ошибка 1961 года? Государство могло заменить 10 старых рублей одним новым только при выплатах государственным рабочим и служащим, при установлении цен в государственной и кооперативной торговле. А в остальном оно было не властно. Крестьянин, получающий доходы от колхоза и продажи на колхозном рынке, мог и не согласиться с новым курсом рубля. По опубликованным данным, цены колхозного рынка, которые в 1960 году были ниже довоенных (97 процентов), к 1963 году возросли на 18,5 процента. «Борьба» с личным хозяйством внеэкономическими методами и в ответ на рост цен в эти же годы привела к снижению физического объема продажи на колхозном рынке на 10 процентов. Колхозный рынок поставлял в 1960 году 13,9 процента продовольствия городскому населению, в основном в мелких и средних городах. Повышение цен и уменьшение продажи продуктов питания надо было как-то компенсировать. Так к уравниловке в оплате труда, созданной при пересмотре ее условий в 1956–1959 годах, добавилась «выводиловка» в оплате

труда городских рабочих. Реальное обесценивание денежных знаков не могло не привести к затяжному процессу роста всех видов цен». Следствием этого стали экономические проблемы, которые преследовали СССР последующие годы. А. Матлин писал: «Все эти процессы неизбежно влияли на падение темпов экономического роста и снижение эффективности общественного производства. И этому в высшей степени способствовала спираль роста цен и оплаты труда, возникшая после и, видимо, в значительной мере в результате денежной реформы 1961 года».

Пытаясь найти выход из тяжелого положения, Хрущев снова и снова созывал пленумы для решения сельскохозяйственных проблем. Для участия в мартовском пленуме (1962 г.) были приглашены сотни людей, не являвшихся ни членами, ни кандидатами в члены ЦК. Это стало обычной практикой в последние годы пребывания Хрущева у власти. Он уверял, что так обеспечивается большая демократичность при обсуждении государственных вопросов. Однако не исключено, что таким образом Хрущев избегал постановки острых вопросов, которые можно было обсуждать лишь в более узком кругу. Деловое обсуждение подменилось митинговыми речами.

Открывая пленум, Хрущев заявил о необходимости увеличить ассигнования на сельское хозяйство. Однако в своем заключительном выступлении через 4 дня он признал, что ни тяжелая промышленность, ни оборона не могут выделить средств для развития сельского хозяйства. Как обычно, он решил найти выход в очередной организационной реформе. Хрущева предложил создать «межрайонные территориальные производственные администрации». В результате райкомы фактически подлежали ликвидации.

Микоян так оценивал действия Хрущева: «Исчерпал, видимо, все организационные меры, а мужик все не работал. Экономические меры и стимулы он серьезно не понимал, а ведь умный был человек. Но не хватало образования, политического опыта, глубины подхода. Как правило, у него преобладали поверхностный подход, желание немедленно свои идеи применить в жизни. Такая энергичность и напористость – бесценные качества, только направлялись они слишком часто по неправильному пути».

Очевидно, что мысли о том, что деятельность Хрущева приносит больше вреда, чем пользы, начинали возникать у некоторых руководителей страны и их сторонников. Скрытая борьба внутри руководства усиливалась. На апрельском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС были произведены две примечательные перемены. Избранный полгода назад секретарем ЦК КПСС И.В. Спиридонов, сторонник Ф.Р. Козлова, был выведен из состава секретариата. Зато сторонник Л.И. Брежнева А.П. Кириленко был избран членом Президиума ЦК.

В это же время Хрущев решил прибегнуть к экономическим мерам, чтобы стимулировать производство сельскохозяйственной продукции. 17 мая 1962 года Президиум ЦК одобрил его предложение повысить на 35 процентов розничные цены на мясо и на 25 процентов – на масло.

Это решение было обнародовано 1 июня 1962 года. В этот день в ИМЭМО, где я продолжал работать, собрали всех лекторов и агитаторов, и нам объявили, что мы сегодня должны дежурить в продовольственных магазинах. Если же мы станем свидетелями «провокационных разговоров», то их надо «пресекать» и «давать им отпор». Как надо было это делать, никто ясно себе не представлял. Когда я вместе с другим сотрудником ИМЭМО оказался в продмаге на 2-й Ярославской, то никаких «провокационных разговоров» мы не услышали. Люди подходили к прилавкам и, увидев новые ценники, вслух читали их и громко говорили: «Это надо же!», «Ну и дела!» или что-то вроде этого. Однако далеко не везде реакция на введение новых цен была столь безобидной. В этот день рукописные листовки с призывами к забастовкам распространились в Киеве, Ленинграде, Донецке, Челябинске. Даже на московской улице Горького появилась листовка с надписью: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра?» Очевидно, что к этому времени в стране уже сложилась сеть подполья, способного организовать выпуск листовок, и, вероятно, в руководстве страны уже знали об этом, когда были даны указания «пресекать провокационные разговоры».

Самое крупное выступление произошло на Электролокомотивном заводе имени Буденного под Новочеркасском. Это было обусловлено тем, что новость о повышении цен на мясо и масло пришла к рабочим, которые еще не успели оправиться после решения дирекции завода о снижении расценок в среднем на 30% и увеличении нормы выработки. Узнав о

повышении цен на мясо, рабочие стали шумно выражать начальству свое недовольство. Они жаловались на тяжелые условия труда, высокую стоимость жилья, высокие цены на рынке. Когда рабочие сказали директору завода, что они теперь не могут позволить себе пирожки с мясом, он ответил им в стиле королевы Марии-Антуанетты, что они могут есть пирожки с капустой. По убеждению Микояна, «дурак-директор… на недовольство рабочих реагировал по-хамски, не желая с ними даже разговаривать. Действовал, как будто провокатор какой-то оттого, что не хватало ума и уважения к рабочим».

На заводе началась стихийная забастовка. Вскоре к ним присоединились рабочие других заводов. Рабочие вышли на улицу. Попытки областного начальства, прибывшего в Новочеркасск, успокоить толпу были заглушены криками: «Мяса! Мяса! Повысьте заработную плату!» В прибывших из Ростова областных руководителей стали кидать камни и бутылки. Тем временем толпа перекрыла железную дорогу и задержала поезд Саратов – Ростов. Кто-то написал «Хрущева на мясо!» и «Долой правительство Хрущева!» на электровозе. В заводском управлении стали сдирать портреты Хрущева со стен, и их сжигали. К заводу подошли 200 милиционеров, но были вынуждены бежать. Прогнали и солдат, которые прибыли в 5 грузовиках и 3 бронетранспортерах.

Брожения среди рабочих наблюдались также в Москве, Тбилиси, Новороссийске, Ленинграде, Днепропетровске, Грозном, но нигде, кроме Новочеркасска, события не приняли столь бурный характер. 2 июня в своем выступлении перед кубинской молодежью, которая проходила производственное обучение в нашей стране, Хрущев объяснял необходимость подъема цен заботой о сельском хозяйстве страны. Еще накануне он приказал Микояну и Козлову ехать в Новочеркасск, чтобы остановить происходившие там волнения. Вскоре Хрущев отправил на юг страны Кириленко, Шелепина, Полянского, Ильичева и заместителя председателя КГБ Ивашутина.

Микоян вспоминал: «Прибыв в Новочеркасск и выяснив обстановку, я понял, что претензии рабочих были вполне справедливы и недовольство оправдано». Микоян уверял, что пока он «ходил говорить с забастовщиками и выступал по радио», Козлов «названивал в Москву и сеял панику, требуя разрешения на применение оружия». Так это было или просто Микоян старался всю вину за последовавшие события возложить на ненавидимого им соперника, неизвестно. Однако Микоян признавал, что именно Хрущев дал санкцию применить оружие против забастовщиков, правда оговорив словами: «в случае крайней необходимости». О том, что Хрущев не исключал такой «необходимости», следует из его распоряжения направить командующего Северо-Кавказским военным округом генерала И. Плиева в Новочеркасск уже вечером 1 июня. Объясняя действия Хрущева, Микоян писал: «Почему Хрущев разрешил применить оружие? Он был крайне напуган тем, что, как сообщил КГБ, забастовщики послали своих людей в соседние промышленные центры».

Тем временем 2 июня, в 8 утра, начался марш рабочих через Новочеркасск. К маршу присоединились женщины и дети. Во главе колонны несли портреты Ленина, Маркса, Энгельса. Чтобы достичь центра города, рабочим надо было пересечь реку. Танки преградили им путь. Некоторые переходили реку вброд, другие перебирались через танки. Солдаты не предпринимали попыток остановить людей. Около десяти тысяч человек вышли на площадь Ленина. Оказавшись там, часть демонстрантов ворвалась в здание горкома партии. Выйдя на балкон горкома они стали призывать собравшихся идти к отделениям милиции, чтобы освобождать арестованных накануне рабочих. Раздались выстрелы в воздух. Толпа отказалась разойтись. Снова раздались выстрелы. Неизвестно, кто отдал приказ стрелять на поражение. Есть версия, что стрельба началась случайно. 23 человека были убиты (главным образом в возрасте от 18 до 23 лет), 87 было ранено, из них трое скончались от ран.

На следующий день на площадь Ленина собралось 500 человек. По громкоговорителям передавали запись выступления Микояна, которое он произнес накануне. Во второй половине дня по радио выступил Козлов, который пообещал улучшить условия. Тем временем 116 участников выступления были арестованы. 14 из них были осуждены. 7 из них были приговорены к смертной казни. Другие получили от 10 до 15 лет тюрьмы.

События в Новочеркасске не были уникальными в годы правления Хрущева. В своей работе «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе» историк В.А. Козлов

подробно описал столкновения с властями, которые произошли в Грозном (август 1958 г.), в Темир-Тау на строительстве Карагандинского металлургического завода (август 1959 г.), в Краснодаре (январь 1961 г.), в Бийске (июль 1961 г.), в Муроме и Александрове (июль 1961 г.) и других местах. Причины этих выступлений были разные: отчаянно плохие бытовые условия, как в Темир-Тау, межэтнические конфликты, как в Грозном, столкновения с милицией по поводу задержания людей и т. д. Нередко эти столкновения сопровождались захватом зданий местных органов власти, применением милицией огнестрельного оружия и жертвами. Но нигде до сих пор выступления не носили столь бурного характера, нигде расправа с демонстрантами не была столь кровавой, нигде не выносились столь суровые приговоры участникам выступлений. Расстрел демонстрации рабочих в Новочеркасске наносил сильный удар по репутации Хрущева. Впервые руководство правящей партии, которое в соответствии с канонами официальной идеологии должно было выражать интересы рабочего класса, так жестоко разгромило выступление рабочих.

Репрессии, которым подвергались в советское время различные слои населения, в наименьшей степени задевали представителей рабочего класса. Даже когда в 1923 году на заводах и фабриках страны прокатились забастовки, их никто не подавлял с помощью оружия. С детства советским людям внушали, что рабочие демонстрации разгоняли и расстреливали лишь в царское время. Протест рабочих в Новочеркасске из-за цен на мясо и их расстрел воскрешал в исторической памяти хрестоматийные истории про восстание на броненосце «Потемкине» 1905 года и Ленский расстрел 1912 года полувековой давности. В тех случаях поводами для выступлений явилось негодное к употреблению мясо. На протяжении всей советской истории сообщения о разгоне демонстраций рабочих, отстаивавших свои права в капиталистических странах, даже если они не сопровождались расстрелами, неизменно сопровождались возмущенными комментариями. Первые разгоны и расстрелы демонстраций и забастовок рабочих произошли лишь после 1953 года в ГДР, Польше и Венгрии. Однако в тех случаях советская пропаганда объясняла происшедшие события подстрекательской деятельностью западной агентуры.

Объяснить же деятельностью западных шпионов выступление рабочих старинного казачьего города Новочеркасска было невозможно. Поэтому правду об этих события скрыли от общественности. Хрущев же так оценил события в Новочеркасске на заседании Президиума ЦК: «Хорошо провели акцию. Другого выхода не было. Большинство поддерживает. Разгромить сектантские организации. Слабость нашей работы. Басов (первый секретарь Ростовского обкома. – *Прим. авт.)* слабый оказался. Вывод сделать – улучшить работу. Усилить работу КГБ».

На самом деле восстание в Новочеркасске требовало значительно более серьезного и глубокого анализа. События в Новочеркасске означали, что против Хрущева и его политики выступил рабочий класс. Хрущев, который постоянно напоминал о том, что он выходец из рабочего класса и проводник его интересов, отдал приказ стрелять по братьям по классу. Это означало, что вместе с другими руководителями партии Хрущев утрачивал свою главную социальную опору. Пророческое предупреждение Сталина о том, что партия-Антей может оторваться от народа, сбывалось. События в Новочеркасске стали еще одним грозным знаком, свидетельствовавшим о банкротстве Хрущева как руководителя страны.

Глава 2
КАРИБСКИЙ, ИЛИ КУБИНСКИЙ, ИЛИ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС

В 1962 году усугубились трудности СССР и на международной арене. Разоблачение ракетного блефа поставило страну в тяжелое положение. Теперь, когда американцы знали, что у СССР нет возможности нанести сокрушительный ядерный удар по Америке и военным базам США в Европе и Азии, они могли развернуть наступление на позиции СССР в мире, прибегнув к таким же угрозам, к каким недавно прибегал Хрущев. Поэтому с осени 1961 года Хрущев стал прилагать усилия для поддержания своего контакта с Кеннеди, установленного во время берлинского кризиса. В ходе обмена письменными и устными посланиями Хрущев, с одной стороны, стремился продемонстрировать уверенность СССР в своих силах и готовность

возобновить борьбу за Западный Берлин. С другой стороны, Хрущев рассчитывал узнавать, какие шаги Кеннеди отражают подлинные намерения правительства США, а какие являются лишь громогласными политиканскими заявлениями. Этим целям служили беседы Пьера Сэлинджера с Харламовым и Большаковым.

В ходе этих бесед особые усилия направлялись на то, чтобы укрепить доверие между главами двух стран. Обсуждалось предложение о телепередаче, в ходе которой Хрущев и Кеннеди могли бы высказаться на тему «В каком мире я хотел бы жить?». Говорилось и об установлении «горячей линии» между Москвой и Вашингтоном. Тема возможности развязывания случайной войны вследствие сбоя в системе электроники стала особенно популярной на Западе после выхода в свет политического романа Ю. Бёрдика и Х. Уилера «Система предохранения», в котором действующими лицами были Хрущев и президент США. В последнем легко узнавали Кеннеди. В романе рассказывалось о том, как американские самолеты, получив неверный сигнал, летят бомбить Москву. Чтобы убедить Хрущева в том, что это – следствие ошибки и ему не стоит отдавать приказ о начале ядерной войны, президент США приказывает сбросить ядерную бомбу на Нью-Йорк.

Активную роль в беседах с Кеннеди играл и Аджубей. Вместе со своей супругой Радой Никитичной он в конце января 1962 года посетил Белый дом, где их принял Кеннеди. Президент США передал Аджубею, что американцы удовлетворены решением Хрущева отложить подписание мирного договора с ГДР. В то же время он подчеркнул, что в любом случае американцы не уйдут из Западного Берлина. Одновременно Кеннеди выразил озабоченность продолжавшимся наступлением Патет-Лао в Лаосе. Кеннеди выразил также недовольство продолжавшимися в СССР ядерными испытаниями в атмосфере и заявил, что США также могут возобновить подобные испытания. Не вдаваясь в содержание бесед, Пьер Сэлинджер сообщил на пресс-конференции, что, «разговаривая с господином Аджубеем, президент отдавал себе отчет в том, что тот находится в положении, позволяющем ему непосредственно передать его взгляды своему тестю».

Решение США возобновить ядерные испытания в атмосфере привело к отказу от теледебатов между Кеннеди и Хрущевым, но контакты между президентами не были прерваны. 11 мая 1962 года Пьер Сэлинджер прибыл в Москву, где его принял на даче Хрущев. В ходе переговоров, которые проходили за обеденным столом и во время прогулок по парку, Хрущев положительно оценил примирительные заявления Кеннеди по берлинскому вопросу. Однако он выразил свое негодование по поводу заявления Кеннеди в своем интервью известному журналисту Стюарту Олсопу. По словам Олсопа, говоря о возможностях применения ядерного оружия в Европе, Кеннеди заявил: «Хрущев не должен быть уверен в том, что, защищая наши интересы, Соединенные Штаты никогда не нанесут первый удар». Хрущев возмущался: «Этот поджигатель войны Олсоп – он что, – ваш государственный секретарь? Даже Эйзенхауэр и Даллес не делали таких заявлений, какое сделал ваш президент. Он вынуждает нас пересмотреть нашу политику». В ответ Сэлинджер заверил Хрущева, что «политика США остается неизменной. Мы не применим ядерное оружие, если мы и наши союзники не станем целью массированного коммунистического нападения».

В ходе последовавшей беседы Хрущев вновь подчеркнул, что СССР никогда не примирится с присутствием войск западных союзников в Западном Берлине. (Сэлинджер утверждал, что «Берлин стал такой же идеей фикс для Хрущева, как и сельское хозяйство СССР».) Хрущев говорил: «Неразумно грозить нам войной, неразумно пытаться помешать нам подписывать мирный договор с ГДР угрозами войны… А вы что, на самом деле начнете войну из-за Западного Берлина с его населением в два с половиной миллиона человек? Сам Аденауэр заявил, что не найдется дураков, которые были бы готовы сражаться за Западный Берлин. Но если сами немцы говорят так, то, конечно, США не будут воевать за Западный Берлин, который им нужен, как собаке пятая нога». «Мы не можем предвидеть, – говорил Хрущев, – какие шаги будут предприняты американским правительством. Но мы хотим, чтобы нас верно поняли в США. Было бы глупо с нашей стороны запугать вас, точно так же, как было бы глупо с вашей стороны запугать нас».

Хрущев отмел объяснения Сэлинджера по поводу статьи Олсопа. Он сказал: «Я не знаю, как будут дальше развиваться наши отношения с США при президенте Кеннеди. Это зависит от

него. Для нас важным испытанием является Западный Берлин. Для нас – это Рубикон. Если мы пересечем его без войны, то все пойдет хорошо. Если нет, то плохо. Ключ – в руках у Кеннеди, потому что он собирается стрелять первым. Ведь он заявил, что может создаться положение, когда США первым нанесет атомный удар… Мы готовы встретить этот удар. Но я предупреждаю вас, что мы не будем медлить в нанесении ответного удара». Хрущев прекрасно понимал, что первый ядерный удар по СССР американцы могут нанести с многочисленных военных баз, расположенных в Турции, Италии, ФРГ и других странах НАТО. В этом случае они могли бы поразить многие установки межконтинентальных советских ракет и лишить СССР возможности для ответного удара. Поэтому возникла идея резко усилить военные позиции СССР, разместив советские ракеты в непосредственной близости от американской земли.

Вскоре после встречи Хрущева с Сэлинджером советника посольства СССР на Кубе А. Алексеева в мае 1962 года вызвали в Москву и пригласили на беседу к Хрущеву. Тот сообщил Алексееву о его назначении послом на Кубе. Алексеев вспоминал: «Беседа один на один продолжалась в его (Хрущева) кремлевском кабинете более часа. Я рассказывал Хрущеву о проблемах Кубы, о Фиделе, Эрнесте Че Геваре, Рауле Кастро, других руководителях страны. Он задавал мне немало вопросов». По словам Алексеева, «в конце беседы Хрущев пожелал мне успехов в работе». Возможно, Алексеев рассказал Хрущеву и о современном международном положении Кубы. Разгром кубинских эмигрантов, вооруженных Соединенными Штатами в апреле 1961 года, не заставил их отказаться от попыток восстановить дореволюционные порядки. Для правительства же Кеннеди свержение правительства Кастро означало бы реванш за постыдное поражение на Плайя-Хирон. Кеннеди не раз выражал свою готовность помочь эмигрантам в их усилиях. Одновременно различные политические деятели США постоянно говорили о необходимости «устранить рассадник коммунизма», возникший вблизи берегов Флориды. Некоторые из них упрекали Кеннеди в нерешительности. 12 апреля 1962 года член палаты представителей США Хосмер требовал установить блокаду на ввоз оружия на Кубу и для этого обыскивать суда, следующие на остров. Ширились призывы к прямой интервенции против Кубы. Революционная Куба жила в условиях постоянной угрозы новой агрессии. После целого ряда советских заявлений о готовности защитить Кубу разгром кубинской революции означал бы для Хрущева гораздо более серьезное политическое поражение, чем переворот в Конго, приведший к аресту Лумумбы.

Как вспоминал Алексев, «через четыре дня в Кремле состоялась новая беседа». В ней помимо Н.С. Хрущева участвовали Ф.Р. Козлов, А.И. Микоян, Ш.Р. Рашидов, Р.Я. Малиновский, А.А. Громыко, командующий Ракетными войсками С.С. Бирюзов. Алексеев снова стал рассказывать о Кубе, а Хрущев снова задавал ему вопросы. «И вдруг, – вспоминал Алексеев, – прозвучал вопрос, неожиданность которого повергла меня в оцепенение: Хрущев спросил, как, по-моему, прореагирует Фидель на предложение установить на Кубе наши ракеты. С трудом преодолев замешательство, я все же высказал сомнение в том, что Фидель с таким предложением согласится, поскольку кубинские руководители строят свою стратегию на боеготовности всего народа и на солидарности мирового общественного мнения, народов Латинской Америки с кубинской революцией».

«Тогда, – писал Алексеев, – Хрущев в обстоятельном выступлении сказал, что если Фидель сочтет наше предложение неприемлемым, то мы окажем Кубе помощь любыми другими средствами, которые, впрочем, вряд ли остановят агрессора… Он сказал далее о своей абсолютной уверенности в том, что в отместку за поражение на Плайя-Хирон американцы предпримут вторжение на Кубу уже не с помощью наемников, а собственными вооруженными силами: на этот счет у нас есть достоверные данные. Мы, продолжал он, должны найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев от этого рискованного шага, ибо наших выступлений в ООН в защиту Кубы уже явно недостаточно. Надо дать им понять, что, напав на Кубу, они будут иметь дело не только с одной непокорной страной, но и с ядерной мощью Советского Союза. Надо максимально повысить плату за военную авантюру против Кубы, в какой-то мере уравнять угрозу Кубе угрозой самим Соединенным Штатам. Логика подсказывает, говорил Хрущев, что таким средством может быть только размещение наших ракет с ядерными боеголовками на территории Кубы».

Одновременно Хрущев связал задачу защиты Кубы с общими задачами противостояния СССР и США. Алексеев так излагал речь Хрущева: «Поскольку американцы уже окружили Советский Союз кольцом своих военных баз и ракетных установок различного назначения, мы должны заплатить им их же монетой, дать им попробовать собственное лекарство, чтобы на себе почувствовать, каково живется под прицелом ядерного оружия. Говоря об этом, Хрущев подчеркнул необходимость проведения этой операции в условиях строгой секретности, чтобы американцы не обнаружили ракет до того, как они будут приведены в полную боевую готовность. Особенно важно избежать огласки в период накала в США политических страстей – кампании по выборам в конгресс, назначенной на 6 ноября 1962 года. А после этого, считал Хрущев, можно будет обнародовать соглашение о ракетах, если оно будет одобрено кубинским правительством. Тогда Куба окажется в фокусе мировой политики и американцам будет уже поздно что-либо предпринимать против нее. Мы же будем разговаривать с Америкой на равных».

Судя по черновым записям заседания Президиума ЦК 21 мая Хрущев собирался огласить военный договор о размещении ракет на Кубе во время своего визита туда между 25 и 27 ноября. До этого «расположить ракетно-ядерное оружие. Закрыто провести. Потом объявить. Ракеты под нашим командованием. Это будет наступательная политика». Таким образом, Хрущев получил бы возможность уравновесить силы с США и вновь вернуться к угрозам вытеснить американцев и их союзников из Западного Берлина. «Конечно, – подчеркивал Хрущев, – необходимо избрать такой способ противодействия американской угрозе в отношении Кубы, который не привел бы к началу термоядерной войны. Он высказал уверенность, что прагматичные американцы не отважатся на безрассудный риск – точно так же, как мы сейчас не можем ничего предпринять против нацеленных из Турции, Италии, ФРГ на Советский Союз американских ракет. Должны же здравомыслящие политики в США рассуждать так же, как сегодня рассуждаем мы, заключил Хрущев». Очевидно, что переписка с Кеннеди и переговоры с ним через доверенных лиц убедили Хрущева в том, что, несмотря на грозные заявления, президент США не доведет дело до мировой войны.

Называя решение Хрущева разместить ракеты на Кубе «чистой авантюрой», Микоян уверят, что он «много спорил, говорил, что американцы обязательно обнаружат завозимые ракеты в момент строительства стартовых площадок». Однако Алексеев не упоминал о чьих-либо возражениях предложенному Хрущевым плану.

На этом совещании было принято решение направить на Кубу делегацию во главе с Рашидовым, в которую входили также маршал Бирюзов и Алексеев. Тем временем Хрущев съездил в Болгарию, а вернувшись оттуда, созвал Совет обороны, в состав которого входили Козлов, Брежнев, Микоян, Косыгин, Малиновский. На заседании было принято решение о размещении ракет на Кубе. В условиях секретности план был разработан в Генштабе. Затем состоялось совместное заседание президиума ЦК и Совета обороны. 24 мая Малиновский представил план, который был одобрен. На этом заседании было принято решение «согласиться с предложениями Н.С. Хрущева по вопросам Кубы.

Алексеев вспоминал, что перед самым отлетом на Кубу, 27 мая, члены делегации были приглашены на дачу Хрущева, где «присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС, находившиеся в то время в Москве». Алексеев подчеркивал, что «на этом совещании царило полное единодушие, и поэтому распространенная впоследствии западной прессой версия, будто в советском руководстве была оппозиция этим планам Хрущева, не соответствует действительности».

Прибыв в Гавану, Алексеев сразу же встретился с министром вооруженных сил Кубы Раулем Кастро, братом Фиделя. По его словам, он «ничего не сказал Раулю о конкретных целях нашей делегации, но, поскольку в ее составе был маршал Бирюзов, прибывший в Гавану под другой фамилией, Рауль, как мне думается, понял, о чем пойдет речь. Через несколько часов вечером состоялась наша встреча с Фиделем, на которой присутствовал и Рауль». Узнав о советском предложении, «Фидель на минуту задумался, а затем сказал, что ему эта идея представляется очень интересной, поскольку она, кроме защиты кубинской революции, послужит интересам мирового социализма и угнетенных народов в их противоборстве с обнаглевшим американским империализмом, который повсюду в мире пытается диктовать

свою волю. Таким образом, Куба могла бы внести свой вклад в общее дело антиимпериалистической борьбы. Но он пообещал обсудить этот вопрос с ближайшими соратниками и лишь потом дать нам окончательный ответ… На следующий день состоялась новая беседа, на которой с кубинской стороны кроме Фиделя присутствовали Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Освальдо Дортикос и Рамиро Вальдес. Ответ их был однозначен: да».

Микоян вспоминал: «Все решила поездка маршала Бирюзова в Гавану. Во-первых, Фидель Кастро, вопреки моим ожиданиям, согласился. Во-вторых, чтобы угодить Хрущеву, Бирюзов, видимо не очень умный человек, сказал, что «местность позволяет скрыть все работы», под пальмами, мол, их не будет видно. Я-то видел эти пальмы – под ними ракетную площадку никак не укроешь».

В июне 1962 года в Москву прибыл Рауль Кастро, и в обстановке строжайшей секретности прошли его переговоры с Малиновским и Бирюзовым. Их переводчиком был сам Алексеев. В результате этих переговоров Р. Малиновским и Р. Кастро было парафировано соглашение, в котором говорилось, что ракеты и их обслуживание будут полностью находиться в ведении советского военного командования.

Уже в июле началась подготовка к отправке на Кубу материальной части и воинского персонала численностью около 50 тысяч человек. 6 июля командующим войск, размещаемых на Кубе, был назначен И. Плиев. На Кубу предполагалось направить 24 баллистические ракеты типа Р-12 и 16 ракет Р-14 с ядерными боеголовками, эскадрилью истребителей МиГ-21, 42 легких бомбардировщика Ил-28, батареи зенитных орудий, 12 подразделений ракет СА-2 со 144 пусковыми установками, 80 крылатых ракет с ядерными боеголовками, 2 крейсера, 4 эсминца, 12 катеров. 12 подводных лодок с ядерным оружием направлялись для патрулирования восточного побережья США. Всего на Кубу направлялось 50 874 военнослужащих.

Операция по транспортировке оружия получила название «Анадырь». Таким образом пытались создать впечатление, что речь идет об усилении наших воинских частей в районе Чукотки. Так как переправка грузов и личного состава осуществлялась на морских судах, которые могли с воздуха просматриваться американскими разведывательными самолетами, то солдаты были снабжены зимним обмундированием, лыжами и прочим. Стартовали из разных портов – от Севастополя до Североморска. Для того чтобы усилить конспирацию, солдаты изображали из себя советников по сельскому хозяйству и были одеты в ковбойки. В середине августа ЦРУ представило Кеннеди фотографии советских кораблей с огромными грузами, направляющимися на Кубу.

В это время Хрущев не делал никаких острых заявлений по международным вопросам. В своем выступлении 17 августа с трибуны Мавзолея по случаю торжественной встречи космонавтов Н.А. Николаева и П.П. Поповича, совершивших первый в мире «групповой полет» двух космических кораблей, Н.С. Хрущев лишь высмеял престарелого экс-президента США Гарри Трумэна, который отрицал факт такого полета. Хрущев вновь призвал покончить «с остатками второй мировой войны». Но вместо угроз указал на возможность мирного решения сложных международных проблем на примере урегулирования конфликта в Лаосе, а также спора между Индонезией и Голландией по поводу Западного Ириана. Судя по тому, как долго Хрущев декламировал слова из песни «Я верю, друзья, караваны ракет…», он был в хорошем настроении.

А в это время караваны наших судов двигались к Кубе. В конце августа американцы получили от западногерманской разведки сведения о том, что число наших судов в Балтийском море и в Атлантическом океане возросло почти в 10 раз. Одновременно в США стали поступать сообщения от кубинских эмигрантов, родственники которых остались на Кубе. Из них следовало, что разгрузка советских судов в кубинских портах резко возросла. Алексеев писал: «Хотя вся выгрузка ракет в портах и перевозка их к местам назначения осуществлялась по ночам и только советским персоналом, скрыть факт движения по дорогам даже надежно закамуфлированных 20-метровых ракет было трудно».

Пока советские суда с военным грузом и солдатами в ковбойках перемещались по водам Атлантического океана, в США набирала обороты предвыборная кампания, в ходе которой переизбиралась полностью палата представителей США, треть сената США и часть губернаторов штатов. Для Кеннеди эта кампания означала референдум, в ходе которого

население могло одобрить или осудить первую половину его президентства. К тому же в штате Массачусетс на место сенатора баллотировался его младший брат – Эдуард. Оппозиционная республиканская партия стремилась использовать все неудачи правительства Кеннеди, все его слабости. Обращалось внимание на то, что Кеннеди сделал своего среднего брата министром юстиции, а его младший брат тоже рвется к власти. Наиболее злые критики утверждали, что семейство Кеннеди может монополизовать власть в США. По стране ходил анекдот: «С 1961 по 1969 год у власти два срока будет править Джон Кеннеди. С 1969 по 1977 год у власти будет Роберт Кеннеди. С 1977 года президентом станет Эдуард. А потом наступит 1984-й год». (Имелся в виду антиутопический роман Джорджа Оруэлла «1984» о тоталитарной державе – Океании, владевшей Великобританией и странами Западного полушария.)

На совещании республиканцев было принято решение считать кубинский вопрос наиболее выигрышным для республиканской партии. С конца августа 1962 года в американской печати все чаще раздаются призывы к «решительным действиям» против Кубы. Очевидно, что некоторые разведывательные данные о передвижении советских судов стали известны республиканцам. 28 августа республиканский сенатор К. Кейпхарт объявил, что на Кубе находятся советские войска. 31 августа сенатор Китинг сделал заявление о наличии на Кубе советского военного оборудования и вооруженных сил. Отвечая на эту критику, Кеннеди 4 сентября 1962 года объявил на пресс-конференции, что «если появятся свидетельства организованных вооруженных сил советского блока на территории Кубы… или ракет земля-земля, или иных существенных оборонительных средств в руках Кубы или под советским руководством… то возникнут острейшие вопросы». Кеннеди пообещал применить «любые средства, которые необходимы» в борьбе против Кубы. 8 сентября Кеннеди отдал приказ о призыве резервистов.

Однако критики Кеннеди считали подобные заявления и действия недостаточными. 19 сентября комиссия по иностранным делам и комиссия по вооруженным силам сената США приняли резолюцию, в которой содержалось обязательство «использовать любые необходимые меры, включая оружие, чтобы помешать марксистско-ленинскому режиму на Кубе распространить силой или угрозой силы свои агрессивные действия в любую часть этого полушария». 24 сентября эта резолюция была принята сенатом. 3 октября палата представителей США приняла новую антикубинскую резолюцию, в которой впервые шла речь о возможности применения вооруженной силы против Кубы. «Осенние дни сентября и октября, – вспоминал Роберт Кеннеди, – были заполнены обвинениями и контробвинениями. Республиканцы… утверждали, что правительство США не принимает необходимых шагов, чтобы защитить нашу безопасность».

4 октября на Кубу прибыли первые ядерные боеголовки, а строительство площадок для установки советских ракет на Кубе началось. Генерал Плиев замечал, что строительство отстает от графика. 10 октября сенатор Китинг заявил, что обладает информацией «стопроцентной надежности» о начале строительства на Кубе площадок для шести ракетных установок среднего радиуса действия. Эти заявления решительно опровергались демократами. Хотя появление советских ракет на Кубе резко меняло расстановку сил между США и СССР в пользу последнего, у США имелось немало средств, способных нанести ядерный удар по Советской стране. Помимо ракет, размещенных в Турции, Италии, ФРГ, о которых говорил Хрущев на совещаниях в Кремле, американские самолеты с ядерными бомбами постоянно неслись в направлении СССР и лишь незадолго до пересечения границы поворачивали назад. Воды Мирового океана постоянно бороздили подводные лодки США с ядерными ракетами на борту. В то же время Кеннеди отдавал себе отчет, что сообщения о том, что на Кубе появились ракеты, способные поразить любой из городов США в считанные минуты, означало бы его политическую гибель. Поэтому ему нужно было получить заверения от СССР в том, что на Кубе строятся лишь сооружения для обороны острова.

Еще 4 сентября посол СССР в США Добрынин заверил министра юстиции Роберта Кеннеди, что никаких ракет на Кубе нет и они никогда там не появятся. Вскоре Д.Ф. Кеннеди принял Большакова и заявил ему, что он отдал приказ прекратить облеты советских кораблей. Президент заверил его, что перспективы для развития советско-американских отношений хорошие, что он надеется встретиться с Хрущевым в ближайшем будущем. 4 и 6 октября

Роберт Кеннеди принял Большакова. Последний вновь передал министру заверения Хрущева о том, что оружие, направляемое на Кубу, является оборонительным. Даже, если братья Кеннеди не верили этим заверениям, они были им нужны для того, чтобы затем ссылаться на них. Выступая 15 октября в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне, помощник государственного секретаря Эдвин М. Мартин говорил: «Военное строительство на Кубе носит по сути оборонительный характер… Конечно, любое оружие – наступательное, если вы находитесь по другую сторону от спускового крючка; но в целом нынешний военный потенциал на Кубе не увеличит материально способность Кубы предпринять наступательные действия за пределами острова».

В то же время Кеннеди прекрасно понимал: если станет известно о том, что он имел сведения о размещении ракетных установок на Кубе, но не постарался их проверить, то он может не только поплатиться постом президента, но и оказаться на скамье подсудимых. В этих условиях 9 октября Кеннеди отдал приказ о полете разведывательного самолета над Кубой. Однако небо Кубы была закрыто облаками. Лишь 14 октября, когда ураган развеял облачность, приказ был выполнен. В тот же день были получены фотографии, на которых было запечатлено активное строительство площадок для ракетных установок.

Хотя сложилось мнение о том, что эти фотографии сразу же спровоцировали Карибский кризис, факты свидетельствуют о том, что сначала они не вызвали большого переполоха. Лишь на другой день, 15 октября, фотографии были переданы из ЦРУ в Пентагон.

Начальник разведывательного отдела Керрол передал их заместителю министра обороны Р. Гилпатрику, а тот передал их министру обороны Р. Макнамаре. Последний решил, что содержание фотографий не таково, чтобы беспокоить президента, и передал их помощнику Кеннеди Макджорджу Банди. Он также не спешил передать фотографии Кеннеди и сделал это лишь на следующий день, 16 октября. По словам М. Банди, Кеннеди сначала воспринял содержание фотографий спокойно.

Сравнительно спокойная реакция военных и гражданских чиновников США, а также самого президента страны объяснялась следующим: хотя обнаружение строительства площадок для ракет на Кубе существенно усиливало возможность СССР нанести ядерные удары по американским городам, такие возможности существовали и до размещения ракет на Кубе. Хотя число советских межконтинентальных ракет было преувеличено в свое время Хрущевым, их наличие позволяло нанести довольно ощутимый удар по США. Под водой в непосредственной близости от крупнейших городов США могли находиться советские подводные лодки с ядерным оружием. Однако поскольку появление советских ракет на Кубе существенно усиливало возможности СССР для нажима на США в ходе переговоров по берлинскому вопросу, то в Государственном департаменте размещение советских ракет на Кубе расценили как сигнал тревоги.

Государственный секретарь Дин Раск, его заместитель Д. Болл и его помощник Э. Мартин сочли, что содержание фотографий дает повод для решительных действий против Кубы. В этом они получили поддержку от помощника министра обороны по вопросам международной безопасности Р. Нитце. Уже вечером 15 октября Раск и Нитце приняли решение настаивать на приведении в действие планов Пентагона о вторжении на Кубу. Правда, они признавали, что отсутствие единства среди союзников США по вопросу о Кубе вынудит их действовать с осторожностью. Лишь узнав о реакции Государственного департамента на результаты аэрофотосъемки, Кеннеди принял решение обсудить этот вопрос на заседании ряда членов правительства. Теперь Кеннеди понимал, что, в случае, если он по-прежнему будет говорить, что никакой угрозы для США нет, против него взбунтуются его собственные министры и в этом случае его ждет политическая катастрофа. 16 октября было созвано совещание ряда высших чиновников правительства, которое впоследствии получило название «Исполнительный комитет Национального совета безопасности», или «Экском», хотя существование такого органа не было предусмотрено ни одним правовым документом США.

На заседании «Экскома» сразу же выделились две группировки: «ястребы» – сторонники немедленного вторжения на Кубу, и «голуби» – сторонники объявления блокады Кубы и последующего поиска мирного решения кризиса. Хотя министр обороны Р. Макнамара не принадлежал к «ястребам», он объявил, что «необходимые военно-воздушные силы, личный

состав и материальная часть приведены в боевую готовность, и мы можем начать бомбардировку с воздуха во вторник 23 октября, если будет принято соответствующее решение».

В тот день, когда начал работать «Экском», 16 октября Хрущев заявил новому послу США в СССР Флою Колеру о том, что он собирается посетить сессию Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре и провести переговоры с Кеннеди по Западному Берлину. Еще 26 июля, провожая посла США Томпсона после завершения им пребывания в СССР, Хрущев сказал, что «он не может бесконечно ждать» договора с Германией, что он «глубоко обеспокоен». В сентябре 1962 года Хрущев говорил министру внутренних дел США Юдоллу, что ситуация вокруг Германии становится «непереносимой». Хрущев сказал, что у Кеннеди не хватает мужества принять решение. «Мы ему дадим выбор – пойти на войну или подписать мирный договор». Таким образом, становилось ясно, что Хрущев решил использовать ракеты на Кубе не столько для защиты Острова свободы, сколько для того, чтобы добиться решения берлинского и германского вопросов так, как он хотел. Возможно, то обстоятельство, что Кеннеди смирился с «берлинской стеной», убедило Хрущева в том, что президент США смирится и с появлением советских ракет на Кубе. Видимо, Хрущев рассчитывал, что в ближайшие дни установка ракет будет завершена, и он уже заранее предупреждал Кеннеди о том, что он готов предъявить США новый и на сей раз окончательный ультиматум по Западному Берлину.

18 октября, через два дня после беседы Хрущева с Колером Д.Ф. Кеннеди принял А.А. Громыко, который предложил американскому президенту встретиться в ноябре с Хрущевым. В своих мемуарах Громыко писал: «На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия. Следовательно, мне и не надо было давать ответ, есть ли такое оружие на Кубе или нет». По его словам, Громыко заявил Кеннеди: «В течение длительного времени… американская сторона ведет безудержную антикубинскую кампанию, предпринимает попытки блокировать торговлю Кубой с другими государствами. В США раздаются призывы к агрессии против этой страны… В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя… СССР – великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира».

В ответ Кеннеди, по словам Громыко, заявил: «Нынешний режим на Кубе не подходит США, и было бы лучше, если бы там существовало другое правительство». В то же время Кеннеди решительно заверил Громыко: «У моей администрации нет планов нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе не существует». Заметив, что «эта беседа с Кеннеди была, пожалуй, самой сложной из тех бесед, которые мне приходилось вести за 48 лет с каждым из всех девяти президентов США», Громыко писал: «Должен сказать, что беседа с Кеннеди по вопросу о Кубе изобиловала резкими поворотами, изломами. Президент нервничал, хотя внешне старался этого не показывать. Он делал противоречивые высказывания. За угрозами по адресу Кубы тут же следовали заверения, что никаких агрессивных замыслов против этой страны Вашингтон не имеет». В тот же день, по словам Громыко, аналогичное заявление сделал Дин Раск: «США не намерены осуществлять вооруженное вторжение на Кубу, хотя остров превратился в военный плацдарм для наступления на США. Внутренний режим на Кубе не соответствует безопасности Западного полушария».

Тем временем «Экском» продолжал дискуссию. 21 октября Кеннеди поставил вопрос: возможно ли полное уничтожение советских ракет в результате бомбардировки. Поскольку этого представители военно-воздушных сил не могли гарантировать, «Экском» принял компромиссное решение: США объявят блокаду Кубы, но в то же время они будут готовы совершить нападение с воздуха.

22 октября 1962 года Д.Ф. Кеннеди выступил по телевидению. Он сообщил, что на Кубе размещены советские ракеты, способные доставить ядерные заряды на расстояние более 1000

миль и поразить Вашингтон, Панамский канал, мыс Канаверал, Мехико. Кеннеди заявил, что США будут рассматривать «любой запуск ракеты в направлении любой страны Западного полушария как нападение Советского Союза на Соединенные Штаты, которое потребует полного ответного удара по Советскому Союзу». Кеннеди потребовал немедленного вывода советских ракет и объявил, что США устанавливают военно-морскую блокаду Кубы. Правда, поскольку «блокада» означала объявление войны, Кеннеди назвал ее «карантином». Кризис, который потом получил разные названия (Карибский, Кубинский, или ракетный), начался.

22 октября в Москве было срочно созвано заседание Президиума ЦК. Первым выступил Малиновский, заявив: «Не думаю, чтобы США сразу смогли предпринять молниеносные действия… Видимо, выступление по радио – это предвыборный трюк. Если будет декларировано вторжение на Кубу, то сутки еще пройдут, чтобы изготовиться. Думаю, что мы не находимся в таком положении, чтобы ставить ракеты в часовую готовность». Хрущев: «Согласен с выводами Малиновского… Дело в том, что мы не хотим развязывать войну, мы хотели припугнуть США в отношении Кубы. Трудность – мы не сосредоточили всего, что хотели и не обнародовали договора. Трагичное – они могут напасть, мы ответим. Может вылиться в большую войну. Один вариант: они начнут действовать против Кубы. Один вариант: объявить по радио, что есть соглашение по Кубе. Другой вариант: в. случае нападения все средства являются кубинскими, и кубинцы заявляют, что они ответят; и другое: не применять пока стратегического оружия, а применить тактическое. Плиеву дать указание – привести в боевую готовность. Всеми силами, но на первых порах не применять атомное оружие. Если десант – тактическое атомное оружие, а стратегическое – до указания, исключая средства "хозяйства Стаценко" (то есть баллистических ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками)».

Хрущев продолжал: «Об информации Кубе – наполовину вышло, наполовину нет… Дать команду на возвращение кораблей, тех кораблей, которые еще не дошли. О договоре – не объявлять. Письмо Кеннеди – США встают на путь подготовки и развязывания третьей мировой войны. Американский империализм взял на себя диктовать свою волю – протестуем. СССР также обладает оружием, мы протестуем против пиратских действий. Все спорные вопросы – путем переговоров. Ставим вопрос в Совете безопасности».

23 октября 1962 года советское правительство опубликовало заявление, в котором говорилось: «Наглые действия американских империалистов могут привести к катастрофическим последствиям для всего человечества, чего не желает ни один народ, в том числе и народ США». «Народы всех стран, – говорилось в заявлении, – должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны. Нагло попирая международные нормы поведения государств и принципы Устава Организации Объединенных Наций, США присвоили себе право, и объявили об этом, нападать на суда других государств в открытом море, т. е. заниматься пиратством». Заявление подчеркивало, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар». Одновременно СССР внес в ООН предложение о созыве Совета безопасности для рассмотрения вопроса «О нарущении Устава ООН и угрозе мира со стороны Соединенных Штатов Америки».

По приказу министра обороны в ракетных войсках стратегического назначения в войсках противовоздущной обороны и на подводном флоте СССР было задержано увольнение старших возрастов и отменены отпуска всему личному составу. Командование объединенных Вооруженных сил стран Варшавского договора провело ряд мер по повышению боеготовности войск и флотов. В тот же день Хрущев направил Кеннеди личное послание. Он отвергал обвинения Кеннеди в том, что СССР разместил наступательное оружие на Кубе, и протестовал против введения блокады Острова Свободы. Хрущев призывал Кеннеди к благоразумию.

Пока заявление советского правительства и послание Хрущева передавались по дипломатическим каналам, расшифровывались и переводились, шло время. Сэлинджер писал: «Связь между Белым домом и Кремлем была угрожающе медлительна в ядерный век. Послание от президента США послу в СССР Колеру для передачи Хрущеву шло четыре часа по обычным дипломатическим каналам».

Тем временем во Флориду было переброшено свыше 100 тысяч американских

военнослужащих. К району действия «карантина» двигалось 90 американских военных судов. На борту 8 авианосцев находилось 86 самолетов. Все единицы боевой техники стратегической авиации США, все американские ракеты дальнего радиуса действия и все подводные лодки «Полярис» с атомными ракетами были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Десятки самолетов с ядерным оружием летали над Гренландией и северной Канадой в ожидании сигнала следовать далее к СССР. Мир оказался на грани термоядерной войны.

К руководителям СССР и США обратился исполнявший обязанности Генерального секретаря ООН У Тан с призывом воздержаться от военных действий. Он предложил СССР остановить продвижение своих судов к Кубе. С посланиями к Кеннеди и Хрущеву обратился английский философ и пацифист Бертран Рассел. Ответы Хрущева У Тану и Расселу публиковались во всех газетах страны. Хрущев заявлял о готовности к мирным переговорам.

23 октября Кеннеди заявил, что в случае, если хотя бы один американский самолет будет сбит, по Кубе будет нанесен «удар возмездия». Тем временем данные аэрофотосъемок, произведенных американскими самолетами У-2, свидетельствовали о том, что работы по сооружению ракетных площадок на Кубе ведутся круглосуточно, а на кубинских аэродромах появилось много советских бомбардировщиков Ил-28. В этот же день Кеннеди подписал «Прокламацию о перехвате направляемого на Кубу наступательного вооружения», которая вступала в действие на следующий день, 24 октября, с 10 часов утра. Теперь советские суда, двигавшиеся на Кубу, могли быть остановлены американскими. Алексеев признавал: «К сожалению, как это нередко случается в столь сложных ситуациях, ни мы, ни кубинцы не продумали заранее всех альтернативных вариантов, связанных с конкретным развитием обстановки после размещения на острове наших ракет. Такие варианты пришлось потом вырабатывать буквально на ходу». Как писал Алексеев, «чтобы не обострять конфликта, ряду наших кораблей, следовавших на Кубу, было дано указание изменить курс, но несколько судов, не обращая внимание на предупреждение американских военных кораблей, все же прорвались к острову. Американцами было остановлено и проверено только одно зафрахтованное Советским Союзом канадское судно, доставившее на Кубу сельскохозяйственные машины».

Однако Кеннеди и его помощники с недоверием отнеслись к сообщениям о замедлении движения или перемене курса ряда советских судов, направлявшихся на Кубу. 24 октября Кеннеди направил Хрущеву ответное послание, в которой подтверждал свое намерение добиваться вывода советских ракет с Кубы. Правда, 25 октября Кеннеди принял решение пропустить через «карантин» танкер «Бухарест», направлявшийся к Кубе, так как воздущная разведка США установила, что на борту танкера не было ракет. Тем временем объединенный комитет начальников штабов США потребовал нанести авиаудары по строившимся на Кубе пусковым установкам. Концентрация вооруженных сил США на юге страны продолжалась. Угроза нападения на Кубу, а стало быть и мировой войны, возрастала с каждым часом.

25 октября на Президиуме обсуждался ответ на послание Кеннеди. Записи так отразили высказанные Хрущевым мысли: «Оглядеться… Демонтировать ракетные установки. Кубу сделали страной мирового фокуса. Дайте обязательство не трогать Кубу, и мы дадим согласие на демонтаж, потом разрешим инспекторам ООН проверить». Комментируя принятое решение, Хрущев, как обычно, делал хорошую мину при плохой игре: «Дальнейший ход событий идет таким образом. Американцы говорят, что надо демонтировать ракетные установки на Кубе. Может быть, следует это делать. Это не капитуляция с нашей стороны. Так как выстрелим мы, то и они выстрелят. То, что американцы перетрусили, нет сомнения. Видимо, Кеннеди спал с деревянным ножом». На вопрос Микояна: «Почему с деревянным?» – Хрущев ответил: «Когда человек первый раз идет на охоту на медведя, он берет с собой деревянный нож, чтобы очищать штаны было легче».

Хрущев продолжал: «Мы сейчас сделали Кубу страной мирового фокуса. Столкнули лбами две системы. Кеннеди говорит нам, уберите свои ракеты. Мы отвечаем: "Давайте твердые гарантии, обещание, что американцы не нападут на Кубу". Это не плохо. Мы бы могли вывезти Р-12, а оставить там другие ракеты. Это не трусость. Это резервная позиция, возможно, придется встретиться с ними в ООН. (Видимо, тогда Хрущев еще не исключал своего визита на Генеральную Ассамблею ООН. – *Прим. авт.)* Надо дать противнику успокоение и получить заверение в отношении Кубы. Кроме того, доводить до точки кипения не следует. Мы можем

разбить США и с территории СССР. Сейчас Куба будет не та, чем раньше. Они, американцы, угрожают экономической блокадой, но США не будут нападать на Кубу. Нам не надо обострять положение, а вести разумную политику. Этим самым мы укрепим Кубу и спасем ее на 2-3 года. А через несколько лет еще труднее с ней справиться. Надо играть, но не отыгрываться, не терять головы. Инициатива в наших руках, не надо бояться. Начали и струсили. (Не ясно, что Хрущев имел в виду. – *Прим. авт.)* Нам воевать не выгодно. Не от Кубы зависит будущее, а от нашей страны».

В протоколе записано: «Все члены Президиума подтверждают и поддерживают Хрущева. Тов. Хрущев предлагает подумать об информации Фиделю Кастро. Нам надо изложить такой документ, где сказать, куда мы держим курс. Кое-что вышло, кое-что нет. То, что мы имеем сейчас, является политическим моментом. В чем положительная сторона? В том, что весь мир прикован к Кубе. Ракеты сыграли свою положительную роль. Пройдет время, если нужно, ракеты могут появиться там снова». 26 октября Хрущев направил личное послание Кеннеди, в котором объявлял о решении демонтировать ракеты в обмен на обязательство не нападать на Кубу.

Утром 27 октября Кеннеди вместе с членами «Экскома» стал готовить ответ Хрущеву. В это время пришло новое послание Хрущева. В нем говорилось: «Мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными». В то же время там содержалось принципиально новое предложение: «Ваши представители сделают заявление о том, что США, со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность Советского государства, вывезут аналогичные средства из Турции». Письмо завершалось словами: «Весь мир сейчас волнуется и ждет от нас разумных действий». Это послание было полной неожиданностью для Кеннеди и его министров. Они понимали, что последнее послание Хрущева полностью перечеркивает предыдущее. Пытаясь найти выход из кризиса, Кеннеди решил отвечать на более раннее послание и игнорировать последнее.

В это время произошло событие, которое могло стать началом глобальной войны. Советская ракета, размещенная на Кубе, сбила американский самолет У-2. Поскольку четыре дня назад Кеннеди заявил, что в подобном случае по Кубе будет нанесен удар, объединенный комитет начальников штабов США стал настаивать на таком ударе, который бы предшествовал вторжению.

Скопление вооруженных сил двух супердержав возле Кубы создавало опасную ситуацию, которая в любой момент могла выйти из-под контроля. На конференции, состоявшейся в 2002 году и посвященной 40-летию Карибского кризиса, был рассказан один из характерных эпизодов этой конфронтации. Эскадренный миноносец «Бил», находившийся вблизи побережья Кубы, стал сбрасывать глубинные бомбы на советскую подводную лодку Б-59. Три офицера этого подводного судна могли принять решение применить ядерное оружие, находившееся на борту лодки. Хотя двое склонялись к этому решению, один из офицеров не согласился с ними. Комментируя эту историю, бывший министр обороны США Р. Макнамара заявил, что ядерное нападение на американский корабль могло бы вылиться в полномасштабный обмен ядерными ударами между двумя супердержавами. Другой участник конференции, бывший сотрудник ЦРУ Д. Бругиони, утверждал: «27 октября – день, который я никогда не забуду. Наша планета могла бы быть уничтожена».

Алексеев писал: «Почувствовав, что США находятся в преддверии войны, он (Джон Кеннеди) поручил своему брату Роберту срочно встретиться с советским послом в Вашингтоне Добрыниным. В обмен на вывод ракет Дж. Кеннеди принимал на себя джентльменское обязательство не только не нападать на Кубу, но и удерживать своих союзников от этого шага».

Тем временем Хрущев направил телеграмму Плиеву с требованием запретить применять ракеты и посадить все советские истребители. 27 октября на заседании Президиума ЦК Хрущев говорил: «Могут ли они напасть на нас сейчас? Думаю, что не решатся. Конечно, поручиться нельзя.

Драматическое выступление Кеннеди по радио и телевидению (имелось в виду выступление 22 октября. – *Прим. авт.),* не от храбрости оно. Они на нас взваливают вину, они решили расправиться с Кубой, но сейчас они, по-моему, пересмотрели это решение. Шаги, которые мы предприняли до этого, правильны. Дальнейшие шаги. Не сможем ликвидировать

конфликта, если не дадим удовлетворения американцам… Думаю, что упорствовать не надо. Допустили ли мы ошибку или нет? Это можно оценить позже. Надо принять во внимание – США не напали на Кубу. А если мы получим в придачу базы в Турции, Пакистане, то мы окажемся в выигрыше. Согласны на проверку, когда вывезем ракеты». Запись гласит: «Все товарищи высказываются за предложение Хрущева».

«В ночь на 28 октября, – вспоминал Алексеев, – Советским правительством без консультации с Фиделем Кастро было решено принять условия Кеннеди». В своем послании президенту США от 28 октября Хрущев упоминал о том, что американские самолеты в последнее время дважды вторгались в советское пространство. Последнее нарушение произошло в районе Чукотки 28 октября. Однако советское правительство решило не реагировать на это нарушение, чтобы не усугублять и без того напряженную обстановку. Хрущев писал: «Мы сейчас должны быть очень осторожны и не делать таких шагов, которые не принесут *пользы* обороне государств, вовлеченных в конфликт». В послании говорилось: «Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного конфликта для дела мира, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительстве площадок для размещения оружия, отдало новое распоряжение о демонтаже вооружений, которые вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз».

Алексеев вспоминал: «Последнее письмо Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева президенту США Дж. Кеннеди было передано открытым текстом по Московскому радио. Позднее, во время визита Ф. Кастро в СССР в мае 1963 года, Хрущев рассказывал, что такая поспешность была вызвана полученными из США достоверными данными о принятом американским военным командованием решении начать 29 или 30 октября бомбардировку советских ракетных установок и кубинских военных объектов с последующим вторжением на остров».

28 октября в Президиуме ЦК было подготовлено конфиденциальное письмо Хрущева для Кеннеди. Еще раз подтверждая намерение демонтировать ракеты на Кубе, он напоминал о предложении убрать американские ракеты из Турции, ссылался на позитивное отношение к этому предложению Р. Кеннеди и просил президента США не затягивать с выводом этих ракет. 28 октября Р. Кеннеди вновь подтвердил Добрынину намерение США убрать ракеты из Турции.

На Президиуме ЦК было высказано намерение написать письмо и для Кастро, но оно так и не было выполнено. Позже, по словам Алексеева, «Хрущев сказал, что ночь на 28 октября все члены Президиума ЦК КПСС провели в Кремле, готовя последнее письмо американскому президенту. Поэтому, говорил Хрущев, у советского руководства не оставалось времени, чтобы согласовать свое решение с Гаваной: мир висел на волоске». Однако эти аргументы не убедили Алексеева. Через 25 лет после этих событий он писал: «Я до сих пор не нахожу объяснений, почему из Москвы не была послана телеграмма Фиделю, хотя бы с уведомлением о готовящемся решении относительно вывода ракет. Впрочем, могу предположить, что Н.С. Хрущев, зная непреклонный характер кубинского руководителя, сознательно пошел на такой шаг. Думаю, он понимал, что Фидель сразу не согласится с нашим решением и время будет упущено. А промедление, как, очевидно, представлялось Хрущеву, было смерти подобно. Усмотрев в заверениях Кеннеди выход из тупиковой ситуации и поняв, что в результате такого шага кубинская революция не только получит передышку, но и будет спасена, Хрущев, как мне кажется, решился даже на временную утрату своего авторитета у кубинцев». Очевидно, что, запутавшись в сложной международной игре, Хрущев старался спасти то, что можно было спасти и был готов пожертвовать если не самой Кубой, то ее международным престижем.

Алексеев вспоминал: «В воскресенье 28 октября, около 7 часов утра, мне в посольство позвонил президент республики Освальдо Дортикос и сказал, что радио сообщает о принятом в СССР решении вывести ракеты с Кубы. Помню, я ответил ему, что американское радио способно запустить любую «утку» и что из Москвы у меня нет никаких сведений на этот счет. Но когда Дортикос сказал, что речь идет о передаче Московского радио, я почувствовал себя самым несчастным человеком на Земле, представив к тому же и реакцию Фиделя. Да, Дортикос

подтвердил, что Фидель был страшно разгневан этим сообщением и уехал совещаться с кубинскими военными начальниками. Меня же президент попросил немедленно проинформировать его, когда будет получено первое сообщение из Москвы. Через час или два я получил шифровку. На одной страничке текста сообщались мотивы этого срочного и не согласованного с кубинцами решения; конечно же столь скупо изложенные доводы не могли удовлетворить руководителей республики. Я сам отвез телеграмму Дортикосу, втайне надеясь встретиться у него с Фиделем. Но встреча не состоялась ни тогда, ни в последующие три-четыре дня». Когда Хрущеву требовалось разместить ракеты на Кубе, он упрашивал Кастро разрешить ему эту опасную для кубинцев акцию, но, когда Хрущев решил убрать ракеты, Кастро не был даже поставлен в известность об этом решении.

Узнав, что советское правительство приняло решение, не позаботившись уведомить об этом Кубу, правительство США стало подчеркнуто игнорировать Кубу в ходе последовавших переговоров об условиях вывода советских ракет. Алексеев вспоминал: «Делая явный расчет на унижение Кубы, Вашингтон хотел решать все вопросы только с Советским Союзом, без ее участия, даже те, которые прямо затрагивали ее интересы. И хотя Фидель как бы негласно участвовал и в переговорах Н.С. Хрущева с Дж. Кеннеди, и позднее – через А.И. Микояна – в переговорах В.В. Кузнецова с представителями президента США, так как без его согласия невозможно было достичь каких-либо результатов, все же формально, как того и добивались американцы, Республика Куба была отстранена от прямого участия в этих делах. И это обстоятельство, конечно, более всего удручало кубинских руководителей, затрудняя и наши беседы с ними».

«Главная попытка американцев унизить Кубу, – подчеркивал Алексеев, – заключалась в том, чтобы добиться нашего согласия на инспектирование их военными непосредственно на кубинской территории демонтажа и вывоза ракет. Разумеется, мы предложили американцам решать этот вопрос с правительством Кубы, и, конечно же, они от этого отказались. А Фидель сразу сказал Микояну, что Куба никогда не допустит на свою территорию никаких инспекторских групп– ни из США, ни из ООН… И даже когда в поисках выхода из создавшегося тупика мы высказали идею допуска инспекторов на советские суда, Фидель сказал, что это дело СССР, но что в своих территориальных водах Куба такого не позволит. Это не каприз, а защита наших суверенных прав, твердо сказал кубинский руководитель. США еще долго продолжали настаивать на своих требованиях, но, убедившись в непреклонности Кубы, вынуждены были согласиться с планом погрузки не зачехленных ракет на палубы советских судов и фотографирования их со своих кораблей и самолетов в международных водах».

Алексеев писал: «Фидель неоднократно говорил тогда, что если мы уступим американцам в вопросах инспекции, то они пойдут дальше и потребуют новых уступок. И надо отдать ему должное: уже в первых беседах он почти точно предсказал, с какими новыми требованиями выступят американцы, если мы в чем-то уступим: 1. Вывод бомбардировщиков «Ил-28», хотя эти устаревшие бомбардировщики и не угрожают безопасности США; 2. Вывод быстроходных торпедных катеров типа «Комар»; 3. Вывод нашего воинского контингента; 4. Включение в состав кубинского правительства изгнанных революцией и окопавшихся в Майами буржуазных политиканов. Нам же казалось, что Фидель слишком преувеличивает опасность, ибо мы полагали, что США, напуганные кризисом, удовлетворятся разумным компромиссом и не будут обострять обстановку. В течение первых двух недель переговоров американцы действительно выставили одно за другим почти все предвиденные Фиделем требования. Лишь на домогательство включить в правительство республики эмигрантское отребье они не осмелились, поняв, что это может привести к срыву переговоров». «В итоге, – констатировал Алексеев, – несмотря на длительное сопротивление кубинских товарищей, нам все же пришлось согласиться с американцами на вывод самолетов «Ил-28» и торпедных катеров. Была достигнута договоренность об оставлении на Кубе учебного центра, где наши специалисты могли оказывать кубинцам помощь в овладении оставшейся советской военной техникой».

Переговоры, которые в Гаване с Кастро и в Нью-Йорке с У Таном и американскими дипломатами вели А.И. Микоян и В.В. Кузнецов, шли с трудом. Микоян писал: «Мне пришлось три недели потом уговаривать Фиделя не саботировать соглашение Хрущев – Кеннеди. А он вполне в силах был это сделать, и тогда нам было бы еще труднее вылезать из этой истории».

Исход переговоров был неясен, и Микоян даже не вернулся из Гаваны в Москву, чтобы присутствовать на похоронах своей супруги. Хрущев злился на неуступчивость Кастро. На заседании Президиума ЦК 16 ноября он говорил: «О позиции Кастро. Неразумная, крикливая. Нам наука. Подошли к развязке, или будем сотрудничать, или уводим своих людей». Таким образом, Хрущев был готов пойти на разрыв с Кубой, хотя на словах он ради нее затеял мировой кризис. Наконец, 20 ноября 1962 года переговоры завершились. Кеннеди объявил о снятии «карантина». Советское правительство объявило об отмене повышенной боевой готовности советских вооруженных сил. Кризис закончился.

Хрущев изображал его исход как победу дела мира, но при этом умалчивал, что он в значительной степени причастен к тому, что несколько дней вероятность глобальной термоядерной войны была весьма реальной. Хрущев подчеркивал, что благодаря достигнутому компромиссу, угроза нападения на Кубу была устранена. Действительно, несмотря на то, что в последующем американцы не раз ставили под сомнение свои обязательства не нападать на Кубу, так как они не были зафиксированы в каком-либо письменном соглашении, в последующие годы Куба не стала объектом вторжения со стороны США. Однако цена, которую заплатили СССР и Куба за Карибский кризис, была немалой. В Латинской Америке многие стали воспринимать Кубу не как символ борьбы за свободу от господства американцев, а страну, зависимую от СССР. В разгар кризиса ОАГ (Организация американских государств) полностью поддержала действия США.

Для многих в мире было очевидно политическое поражение СССР. Не только советские ракеты, но и самолеты, и торпедные катера были выведены из Кубы. Правда, требование Хрущева о выводе ракет из Турции было в последующем удовлетворено. Однако американское руководство знало, что попытки Хрущева добиться решения берлинского и германского вопросов на его условиях под давлением ракет, размещенных на Кубе, провалились. Ко всему прочему неуклюжие действия Хрущева в разгар кризиса привели к ухудшению отношений СССР со своим новым союзником – Кубой.

Глава 3
СПОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ И ИНТРИГИ В КРЕМЛЕ

Шумная пропаганда «победы разума», развернутая в советских средствах массовой информации, скрывала острую критику, которой подверглись действия советского правительства в Китае. В китайской печати достигнутый компромисс был назван «новым Мюнхеном». Китайцы отвергали утверждение Хрущева о том, что своими действиями СССР спас мир от ядерной катастрофы. Напротив, утверждала «Женьминьжибао», действия СССР сделали мир более ненадежным. Если коммунисты начинают кланяться капиталистам, просить у них мира за счет революционных народов, заявлял автор передовой статьи, то это лишь будет поощрять воинственность и агрессивность империалистов и это сделает ядерную войну более вероятной. Они называли действия Хрущева авантюристическими.

Однако действия Хрущева были подвергнуты критике не только в Китае и Албании. Недовольство Хрущевым нарастало и внутри советского руководства. Вывод советских ракет с Кубы, и то, как это было осуществлено, делало его уязвимым для критики и со стороны его коллег-соперников в Президиуме ЦК. Тем более что далеко не все из них были довольны очередной организационной реформой Хрущева, которая была им подготовлена к пленуму ЦК КПСС. Еще в сентябре 1962 года Хрущев подготовил записку с предложением о разъединении местных органов партии на две части – промышленные и сельскохозяйственные. По словам Сергея Хрущева, его отец считал, что «народное хозяйство необыкновенно усложнилось, секретарь обкома или райкома, его аппарат не могут одновременно быть специалистами и в промышленности, и в сельском хозяйстве. А значит, нужно создать два параллельных аппарата». Таким образом, Хрущев исходил из того, что роль партийного аппарата в управлении хозяйством будет усиливаться.

Сергей Хрущев вспоминал, что сначала Хрущев изложил свои идеи Брежневу, Подгорному и Полянскому во время отдыха в Крыму. «Шел неспешный разговор о делах государственных. Потом пошли купаться. Отец, кстати, плавал плохо и пользовался надувным

спасательным кругом из красной резины, напоминавшим велосипедную камеру. Разговор о разделении обкомов начался еще в воде, и, выйдя на берег, отец продолжил свою мысль. Наконец, он замолчал. Все тут же в один голос бурно, с энтузиазмом его поддержали. "Прекрасная идея, надо ее немедленно реализовать", – запомнилось мне тогда. Особенно был воодушевлен Николай Викторович Подгорный». Однако, судя потому, что эти же люди отменили это нововведение сразу же после отставки Хрущева, вряд ли они были искренны. Для недовольства новой реформой были серьезные основания. Позже Микоян уверял, что после разделения партийных органов на местах на сельские и городские "вообще неразбериха началась – кто за что отвечает и где"».

По мнению советологов У. Хайленда и Р. Шрайока, недовольством очередной реформой Хрущева и его поражением в ходе Карибского кризиса решили воспользоваться Козлов и его сторонники. Ноябрьский (1962 г.) пленум ЦК КПСС, созванный для обсуждения новой структуры партийных органов, мог превратиться в суд над Хрущевым. Видимо, не будучи уверенным в том, что его предложение о разделении партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные получит после провала на Кубе поддержку, и даже в том, что он вернется с этого пленума Первым секретарем, Хрущев сделал неординарный ход.

Присутствовавший на пленуме мой отец рассказал мне подробно содержание доклада Хрущева, который не был полностью опубликован. В своем докладе Хрущев неожиданно стал рассказывать о том, что главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский обратился к нему с просьбой помочь в публикации рассказа нового автора. Оказалось, что рассказ школьного преподавателя математики А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» был забракован идеологической цензурой. Как утверждал Хрущев, он был слишком занят, чтобы читать рассказ и поэтому попросил прочесть его своих коллег по Президиуму. Хрущев не уточнял, кому он дал читать этот рассказ, но из его слов можно было понять, что таких читателей было несколько. Как утверждал Хрущев, все прочитавшие рассказ в один голос стали убеждать его, что публиковать произведение Солженицына не стоит. Тогда, по словам Хрущева, он решил сам ознакомиться с содержанием рассказа и, прочтя его, пришел к выводу, что его обязательно надо издавать. Рассказ вышел на страницах ноябрьского номера «Новый мир». (А вскоре Хрущев сказал, что рассказ заслуживает Ленинской премии.)

Главная ценность рассказа, по мнению Хрущева, состояла в том, что в нем говорилось о тех преступлениях, которые творил Сталин, и надо, чтобы советские люди знали об этом. Затем Хрущев набросился на своих коллег: «Мне ясно, товарищи, что мы еще не до конца изжили из себя сталинизм, что он еще очень силен, в том числе и среди наших руководителей». Скорее всего, Хрущев имел в виду Козлова, но, возможно, не только его.

Мысль о том, что некоторые руководители партии не изжили в себе «сталинизм» содержалась и в стихотворении «Наследники Сталина» Евгения Евтущенко. Оно было опубликовано в «Правде» по инициативе Хрущева незадолго до пленума ЦК КПСС. В стихотворении говорилось:

Мы вынесли из Мавзолея его.
Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?!
Иные наследники розы в отставке стригут,
А втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
А сами ночами тоскуют о времени старом.

Слова «покуда наследники Сталина есть на земле, мне будет казаться, что Сталин еще в Мавзолее» могли означать, что поэт и те, кто его поддерживал, желают физического уничтожения «тайных сталинистов». Только человек, очень неопытный в вопросах борьбы за власть, не мог понять, что поддержкой рассказа Солженицина и публикацией стихотворения Евтущенко Хрущев занес дамоклов меч над «тайными сталинистами» в Президиуме ЦК. Было ясно, что под предлогом борьбы за искоренение сталинизма может начаться кампания по

устранению противников Хрущева. Хотя это место в речи Хрущева не было опубликовано[6], но члены ЦК услышали, что в любой момент может быть развернута кампанию по изгнанию «сталинистов» из руководства страны.

На пленуме Хрущеву не только удалось сохранить свое положение, но и добиться принятия желанного решения по разделению местных органов партии. Кроме того, он объявил о необходимости обеспечить ускоренное развитие химической промышленности. В этой отрасли Хрущев увидел очередную панацею, которая поможет стране решить хозяйственные проблемы. Одновременно он, видимо, решил расширить функции секретариата ЦК. В его состав были введены Ю.В. Андропов, В.И. Поляков, А.П. Рудаков и В.Н. Титов.

В то же время своими скрытыми угрозами Хрущев основательно напугал тех, кто прочел и раскритиковал рассказ Солженицина. Пока они не утратили своего положения, они решили дать отпор Хрущеву. С этого момента в руководстве страны начинается своеобразное перетягивание каната между Хрущевым и его сторонниками, с одной стороны, и Козловым и его сторонниками, с другой. Для этого Козлов и его сторонники постарались доказать Хрущеву, что его выбор рассказа Солженицина для атаки на них был ошибочным. Действительно, содержание рассказа Солженицина не укладывалось в те рамки борьбы против нарушений законности, которые установил сам Хрущев. До сих пор жертвы репрессий, о которых говорил Хрущев, были представителями высших эшелонов советской власти, обвиненных в измене Родине. Хотя в рассказе Солженицина были и представители «начальства», его главным героем был колхозник Иван Денисович, который не был политическим заключенным. Рассказ вызывал чувство возмущения не несправедливым обвинением героя, а тяжестью тех условий, в которых он находился. Поддерживая рассказ Солженицина, Хрущев должен был признать несправедливой саму систему наказания в СССР, которая по своей сути не изменилась и при Хрущеве. Но вряд ли к этому был готов Хрущев. Во всяком случае те, кто критиковал рассказ, могли обратить внимание Хрущева на то, что они к этому не готовы.

Первый контрудар противники Хрущева решили нанести по рассказу «Один день Ивана Денисовича» и его автору. Были предприняты усилия для того, чтобы не допустить присуждения Солженицину Ленинской премии за его рассказ. На заседании Комитета по Ленинским премиям против одобренного Хрущевым рассказа неожиданно выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов. Позже он утверждал, что ему «показалась нелепой сама мысль присудить премию имени Ленина за книгу, в которой рассказывалось о подробностях лагерного быта». Павлова поддержал космонавт Герман Титов. Павлов вспоминал, что «вечером того же дня» ему позвонил председатель КГБ В.Е. Семичастный, который предупредил его: «Завтра тебе будет еще труднее: защитники Солженицина готовятся к атаке. Я пришлю тебе следственное дело». Возможно, в следственном деле Солженицина имелись какие-то материалы, которые можно было истолковать таким образом, что ему не следует присуждать Ленинскую премию. Также ясно, что Павлов и Титов выступали при скрытной поддержке руководства КГБ, а возможно, и ряда других видных деятелей страны.

Павлов констатировал: «Кандидатуру сняли с обсуждения, хотя уже и в «Правде» и в «Известиях» были опубликованы статьи, рекламирующие и "Один день Ивана Денисовича", и самого Солженицына как безусловного претендента на Ленинскую премию». Павлов уверял, что «Хрущев все это понял, принял и, по-моему, не обиделся, по крайней мере никаких изменений в его отношении ко мне не почувствовал». Однако вряд ли с этим замечанием можно согласиться. Скорее всего, Хрущев решил скрыть свои подлинные чувства. Хрущев прекрасно понимал, что Павлов не решился бы на такое выступление, если бы не ощущал поддержки со стороны более влиятельных лиц, а потому он и не стал срывать свое раздражение на Павлове. На самом деле Хрущев прекрасно понял, что отказ Комитета присудить Солженицину Ленинскую премию – это было небольшое, но реальное поражение Хрущева. Ведь рассказ, который Хрущев использовал в качестве важного инструмента в дворцовой интриге, был

---

[6] Из части, посвященной «сталинской теме», в стенограмме были оставлены лишь очередные рассуждения Хрущева о Сталине, в которых покойный обвинялся в незнании жизни и нежелании посещать предприятия. – *Прим. авт.*

признан не достойным награды, которую предложил Хрущев.

Одновременно ряд партийных руководителей, и прежде всего те, кто отвечал за идеологическую работу партии, стали указывать Хрущеву на то, что, воспользовавшись критикой культа личности, в советской культуре стали развиваться «явления, чуждые советскому строю». Для таких заявлений были известные основания. В последующем многие из деятелей культуры, подвергнувшихся в 1962–1963 годах критике властей, либо эмигрировали, либо выступили против советского строя в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Правда, грубая атака властей на ряд деятелей культуры в конце 1962 – начале 1963 годов сама по себе способствовала росту их оппозиционности. Очевидно, Хрущев понял, что ему не стоит вступать в конфронтацию с влиятельными руководителями страны, которые указывают ему на опасность идейного перерождения советского общества. Видимо, по этой причине он решил продемонстрировать свою готовность дать отпор любым «идейно-политическим шатаниям».

1 декабря 1962 года Хрущев посетил выставку в Центральном выставочном зале в Манеже, организованную по случаю юбилея Московского отделения Союза художников СССР. Его сопровождали Суслов, Полянский, Косыгин, Кириленко, Шелепин, а также руководители Союза художников СССР. Впоследствии утверждалось, что сопровождавшие Хрущева лица специально спровоцировали его на скандал, подведя его к картинам абстракционистов и прокомментировав их соответствующим образом. Но это было не так. За два дня до похода в Манеж на Президиуме ЦК было обсуждено письмо группы художников в ЦК КПСС с критикой формалистических произведений и их авторов. 29 ноября Хрущев, как записано в протоколе заседания Президиума ЦК, «остро высказывается по поводу недопустимости проникновения формализма в живописи и крупных ошибок в освещении вопросов живописи в «Неделе» и газете «Известия». Резко говорит по адресу т. Аджубея. «Похвала» Суслову. (То есть Хрущев иронично «хвалил» Суслова за появление крамолы в живописи. – *Прим. авт.)* Проверить положение, «Неделю», разобраться с выставками. Кассировать выборы (видимо, в выборные органы Союза художников. – *Прим. авт.),* отобрать помещение, вызвать, арестовать, если надо… Может быть, кое-кого выслать».

Очевидно, что Хрущев шел на выставку с намерением устроить разгром «чуждых явлений» и, подойдя к картинам абстракционистов, сознательно утрировал свое возмущение увиденным. При виде работ Р. Фалька, Э. Белютина, Э. Неизвестного Хрущев стал кричать: «Мазня!» «Осел мажет хвостом лучше!» Тут же Хрущев вступил в полемику с Эрнстом Неизвестным, обвиняя его во всех смертных грехах.

Скандал в Манеже стал шоком для либеральных интеллигентов Москвы, для тех, кто всецело одобрял Хрущева. Многие из них, как и герои эренбурговской «Оттепели», восторгались новыми временами. Они мнили себя людьми с крепкими легкими, и им дышалось легко в хрущевское время. К концу 1962 года их не смутили бесконечные невыполнения Хрущевым его обещаний, его ошибки в хозяйстве, затормозившие развитие страны, его провалы во внешней политике, не раз ставившие мир на грань всеобщего уничтожения, его действия по разгрому вооруженных сил. Их даже не смутил расстрел рабочих в Новочеркасске, осуществленный с его разрешения. Они были готовы все простить ему за «десталинизацию» и некоторые послабления контроля со стороны руководства партии над деятелями культуры. Один из видных представителей этой части интеллигенции М. Ромм вспоминал: «Надо сказать, что я… принадлежал к числу поклонников Хрущева. Меня даже называли «хрущовцем». Я был вдохновлен его выступлением на XX съезде, мне нравилась его человечность. Я старался ему прощать все… Про Хрущева сказать «красавчик» было нельзя, но «дущенька» – говорили. Говорили все, ну и я тоже говорил. Не красавчик, но душенька. В области культуры дела шли хорошо, дышалось свободно, искусство двигалось вперед, и мы продолжали время от времени говорить друг другу: "Он, правда, не красавчик, но дущенька, дущенька"».

Поскольку скандал в Манеже стал неожиданностью для московской либеральной интеллигенции, в ответ на разнос, устроенный Хрущевым Эрнсту Неизвестному и ряду художников, некоторые деятели культуры написали письмо в защиту обиженных. Его подписали М. Ромм, И. Эренбург, К. Чуковский и другие. Со времен внутрипартийной борьбы 1920-х годов коллективное письмо, содержавшее протест против каких-либо действий начальства, означало появление оппозиционной платформы, а, стало быть, с точки зрения

Хрущева, было равносильно вражеской вылазке. Теперь коллеги Хрущева могли указать ему, что московские либеральные интеллигенты совсем распоясались и требуются более основательные действия, чтобы их привести в чувство. Скорее всего, и сам Хрущев так считал.

17 декабря 1962 года состоялась встреча Хрущева с творческой интеллигенцией страны в Доме приемов на Ленинских горах. М. Ромм утверждал, что собралось «человек 300, а то, может быть, и больше. Все тут: кинематографисты, поэты, писатели, живописцы и скульпторы, журналисты, с периферии приехали – вся художественная интеллигенция тут. Гудит все, ждут, что будет… А через двери, которые ведут в главную комнату – комнату приемов, видны накрытые столы: белые скатерти, посуда и яства! Черт возьми! Банкет, очевидно, предстоит!… Но вот среди этого гула… толпа устремляется к Хрущеву, защелкали камеры. Хрущев беседует как-то на ходу, направляется в эту самую главную комнату, все текут за ним. Образуется в дверях водоворот из людей. Все стараются поближе к Хрущеву, туда скорее… Хрущев встал и сказал, что вот мы пригласили вас поговорить, но чтобы разговор был позадушевнее, сначала давайте закусим». Утверждают, что во время банкета Хрущев провозгласил тост за Солженицына.

Деловая часть встречи открылась докладом секретаря ЦК Л. Ильичева, который заявил: «Мирного сосуществования социалистической идеологии и идеологии буржуазной не было и быть не может. Партия выступала и будет выступать против буржуазной идеологии, против любых ее проявлений… Мы не имеем права недооценивать опасность диверсий буржуазной идеологии в сфере литературы и искусства».

Затем выступали поэты, писатели, художники, которых время от времени прерывал Хрущев. Сначала, как замечал Ромм, «первые реплики его были благостные», но затем «реплики Хрущева были крутыми, в особенности когда выступали Эренбург, Евтушенко и Щипачев… А он постепенно как-то взвинчивался, взвинчивался и обрушился раньше всего на Эрнста Неизвестного… Поразила меня старательность, с которой он разговаривал об искусстве, ничего в нем не понимая, ну ничего решительно. И так он старается объяснить, что такое красиво и что такое некрасиво; что такое понятно для народа и непонятно для народа. И что такое художник, который стремится к «коммунизьму», и художник, который не помогает «коммунизьму». И какой Эрнст Неизвестный плохой. Долго он искал, как бы пообиднее, пояснее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И наконец нашел, нашел и очень обрадовался этому, говорит: «Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите». Говорит он это под хохот и одобрение интеллигенции творческой, постарше которая, – художников, скульпторов да писателей некоторых».

Помимо выступлений с репликами, Хрущев выступил и с заключительным словом, хотя не он был докладчиком. Выступление длилось около двух часов. По словам М. Ромма, Хрущев «стихи даже читал какого-то шахтера. Он все старался объяснить, какое искусство хорошее, и в частности привел стихи, такие плохие стихи, что диву даешься. Запомнил их, очевидно, с молодости, с тех пор стихов-то не читал». В ходе выступления Хрущев обрушился на коллективное письмо московской интеллигенции: «Письмо тут подписали. И в этом письме между прочим пишут, просят за молодых этих левых художников, и пишут: пусть работают и те и другие, пусть-де, мол, в изобразительном вашем искусстве будет мирное сосуществование. Это, товарищи, грубая политическая ошибка. Мирное сосуществование возможно, но не в вопросах идеологии». Эренбург ему с места: «Да ведь это была острота! Никита Сергеевич, это в письме такой, ну, что ли шутливый способ выражения был. Мирное же письмо было». «Нет, товарищ Эренбург, это не острота. Мирного сосуществования в вопросах идеологии не будет. Не будет, товарищи! И я предупреждаю всех, кто подписал это письмо. Вот так!»

В заключение Хрущев сказал: «Ну вот, – говорит он, – мы вас тут конечно послушали, поговорили, но решать-то будет кто? Решать в нашей стране должен народ. А народ – это кто? Это партия. А партия кто? Мы – партия. Значит, мы и будем решать, я вот буду решать. Понятно?» – «Понятно». – «И вот еще по-другому вам скажу. Бывает так: заспорит полковник с генералом, и полковник так убедительно все рассказывает, очень убедительно. Генерал

слущает, слущает, и возразить вроде нечего. Надоест ему полковник, встанет он и скажет: "Ну вот что, ты – полковник, я – генерал. Направо, кругом марш!" И полковник повернется и пойдет исполнять! Так вот, вы – полковники, а я, извините, – генерал. Направо кругом, марш! Пожалуйста».

Никогда в советское время руководители партии не говорили с творческой интеллигенцией в таком тоне. Даже А.А. Жданов, обрущившийся с критикой на М. Зощенко, А. Ахматову и других, не заявлял им: «Направо кругом, марш!» Это было унижение, которое многие деятели культуры, до сих прощавшие Хрущеву все провалы его политики, не могли простить. В то же время выступления либеральной интеллигенции Москвы служили для его конкурентов в Президиуме ЦК свидетельством порочности политики Хрущева. То обстоятельство, что в западной печати были опубликованы подробные отчеты о встречах Хрущева с интеллигенцией, в том числе и те его высказывания, которые не были напечатаны в советских газетах, свидетельствовало о том, что ряд участников этих встреч информировали западных журналистов. В советском руководстве усиливались сомнения в лояльности некоторых представителей советской творческой интеллигенции.

20 января 1963 года были опубликованы статьи, критикующие путевые заметки о США и Италии Виктора Некрасова. Автора обвиняли в том, что он не сумел дать политическую оценку империализму США и занял позицию идейного компромисса. 30 января в «Известиях», редактором которой был А Аджубей, была опубликована статья В. Ермилова, в которой были подвергнуты критике воспоминания И. Эренбурга. В своих мемуарах, напечатанных в 1961–1962 годах, Эренбург утверждал, что многие советские люди, и он в их числе, знали о несправедливости репрессий 1930-х годов, но молчали. Таким образом, писатель давал понять, что уж Хрущев-то не мог не знать о незаконных репрессиях и никак не протестовал против них. За этим выводом, следовавшим из заявления Эренбурга, мог последовать и другой: главный обвинитель Сталина в незаконных репрессиях, был активным их соучастником. Видимо, поэтому А. Аджубей постарался опровергнуть тезис Эренбурга и в статье Ермилова утверждалось, что до смерти Сталина никто не знал о масштабе и характере репрессий.

К этому времени, по мнению западных наблюдателей, в советском руководстве усилилась критика не только писателей, которые требовали «мирного сосуществования» разных идейных направлений, но и внешней политики «мирного сосуществования», отстаивавшейся Хрущевым. Советологи Хайленд и Шрайок ссылались на выступление министра обороны Р. Малиновского 23 февраля, в День Советской Армии. Он говорил о том, что, хотя в ходе Карибского кризиса угроза войны была отодвинута, «нельзя наивно предполагать, что империалисты сложили оружие. Ныне как никогда требуется больше бдительности». Эти же авторы обращали внимание на жесткий характер оценок международного положения в предвыборном выступлении Ф.Р. Козлова 26 февраля и сравнивали их с более умеренными оценками в речи Л.И. Брежнева в тот же день, а также в речи Н.С. Хрущева от 27 февраля. Растущие разногласия в руководстве страны Хайленд и Шрайок увидели также и в том, что в своей предвыборной речи Козлов, в отличие от Хрущева и его сторонников, не говорил о ведущей роли химической промышленности, но зато подчеркивал необходимость ускоренного развития машиностроения.

Видимо, в обстановке наступления Козлова и его сторонников Хрущев решил вновь продемонстрировать свою жесткость в отношении инакомыслия либералов. 7-8 марта 1963 года состоялась еще одна встреча Хрущева с представителями творческой интеллигенции. На сей раз она происходила в Кремле и, по оценке М. Ромма, на ней было человек 600–650. Встречу открыл Н.С. Хрущев. М. Ромм вспоминал, что начал Хрущев довольно миролюбиво, заметив: «Вот решили мы еще раз встретиться с вами, вы уж простите, на этот раз без накрытых столов. Мы решили на этот раз внимательно поговорить, чтобы побольше народу послушало». Несмотря на опыт предыдущих встреч, многие представители либеральной интеллигенции считали, что их главными врагами являются Козлов, Суслов, Ильичев, а Хрущев лишь поддается их «злому» влиянию. Поэтому в их рассказах об этой встрече особенно зловещим выглядит Козлов, хотя тот ни слова не сказал в ходе этой встречи. По этой же причине новая атака Хрущева на присутствовавших была для них неожиданной. По словам Ромма, Хрущев поговорил о погоде, а затем «без всякого перехода» сказал: «Добровольные осведомители иностранных агентств, прошу покинуть зал».

Ромм вспоминал: «Молчание. Все переглядываются, ничего не понимают: какие осведомители? "Я повторяю: добровольные осведомители иностранных агентств, выйдите отсюда". Молчим. "Поясняю, – говорит Хрущев. – Прошлый раз после нашего совещания на Ленинских горах, после нашей встречи, назавтра же вся зарубежная пресса поместила точнейшие отчеты. Значит, были осведомители, холуи буржуазной прессы! Нам холуев не нужно. Так вот, я в третий раз предупреждаю: добровольные осведомители иностранных агентств, уйдите. Я понимаю: вам неудобно сразу встать и объявиться, так вы во время перерыва, пока все мы тут в буфет пойдем, вы под видом того, что вам в уборную нужно, и проскользните и смойтесь, чтобы вас тут не было, понятно?"» Такое вот начало».

С докладом опять выступил Л.Ф. Ильичев. В нем он осудил тех, что «сеет недоверие в умах молодежи к совершенно ясным и четким выступлениям партии против тенденций, чуждых советскому искусству, хочет выдать себя за духовных «наставников», духовных «вождей» нашей молодежи… Но у нас был, есть и будет только один духовный вождь народа, – советской молодежи – наша великая Коммунистическая партия!» Ильичев заявил, что «у нас навечно утвержден ленинский курс в жизни, и порукой тому Центральный комитет партии во главе с Н.С. Хрущевым».

К этому времени по всей стране развернулась кампания острой критики творчества ряда деятелей культуры. Особенно доставалось абстракционистам. Создавалось впечатление, что главная проблема страны – это отказ ряда художников создавать реалистичные полотна. О том, что страстное увлечение Хрущевым «наведением порядка» среди деятелей культуры было фактическим бегством от реальных проблем страны, убедительно сказал в своем выступлении художник А.А. Пластов. Поскольку Пластов был реалистом, описывавшим деревенскую жизнь, и не принадлежал к партии либеральной интеллигенции, ни его выступление, ни реплики Хрущева в его адрес не привлекли тогда внимание советской общественности, озабоченной главным образом спором Хрущева с видными либералами. Между тем из заметок М. Ромма следует, что именно это выступление содержало наиболее острую критику Хрущева и значительной части творческой интеллигенции, не замечавшей подлинные проблемы народа.

М. Ромм вспоминал: «Вышел такой человек с проборчиком, скромненький, не молодой и не старый, глуховатый или притворявшийся глуховатым, с простонародным говорком таким, и начал, беспрерывно кланяясь, благодаря партию и правительство и лично Никиту Сергеевича, рассказывать самые удивительные истории… И такую он стал картину деревни рисовать, все поддакивая Хрущеву и говоря: "Спасибо вам, Никита Сергеевич" – клуба нет, спирт гонят цистернами, все безграмотные, в искусстве никто ничего не понимает. Эти совещания никому не нужны. Такую картину постепенно обрисовал, что жутко стало… И по сравнению с этим рассказом и "Вологодская свадьба", и "Матренин двор"[7] просто казались какой-то идиллией, что ли».

«А закончил он так: "Надо, братцы, бросать Москву, надо ехать на периферию всем художникам, на глубинку. Там, конечно, комфорту нету, ванной нету, дуща нету, но жить можно". И заканчивает: "В Москве правды нет!" И обводит так рукой. А говорит-то он на фоне Президиума ЦК! "В Москве правды нет!" И хоть и смеялись во время его выступления, когда он кончил, как-то стало страшновато». Хотя это выступление не привлекло большого внимания, события, которые разразились в стране менее чем через полгода, показали, что Пластов был прав: руководство страны должно было срочно обратить внимание на отчаянное положение села. Однако внимание собравшихся и всей советской общественности было привлечено не к этому выступлению, а к тем перепалкам, которые постоянно возникали между Хрущевым и либеральными интеллигентами. Из-за реплик Хрущева Ромм едва сумел закончить речь.

На второй день, по словам Ромма, «вышел Вознесенский. Ну тут начался гвоздь программы… Вознесенский сразу почувствовал, что дело будет плохо, и поэтому начал робко, как-то неуверенно». Вознесенский вспоминал: «Трибуна для выступающих стояла спиной к столу президиума. Почти впритык к столу, за которым возвышались – Хрущев, Брежнев,

---

[7] Имеются в виду очерк А. Яшина «Вологодская свадьба» и рассказ А. Солженицына «Матренин двор», опубликованные в то время. – *Прим. авт.*

Суслов, Козлов и Ильичев… Хрущев был нашей надеждой, я хотел рассказать ему как на духу о положении в литературе, считая, что он все поймет. Но едва я, волнуясь, начал выступление, как кто-то из-за спины стал меня прерывать. Я продолжал говорить. За спиной раздался микрофонный рев: "Господин Вознесенский!" Я просил не прерывать. "Господин Вознесенский!" По сперва растерянным, а потом торжествующим лицам зала я ощутил, что за спиной моей происходит нечто страшное. Я обернулся. В нескольких метрах от меня вопило искаженное злобой лицо Хрущева. Глава державы вскочил, потрясая над головой кулаками. "Господин Вознесенский! Вон! Товарищ Шелепин выпишет вам паспорт". Дальше шел чудовищный поток».

Ромм вспоминал: «Хрущев почти мгновенно его прервал – резко, даже грубо, – и взвинчивая себя до крика, начал орать на него. Тут были всякие слова: и «клеветник», "что вы тут делаете?", и "не нравится здесь, так катитесь к такой-то матери", "мы вас не держим". "Вам нравится за границей, у вас есть покровители – катитесь туда! Получайте паспорт, в две минуты мы вам оформим. Оформляйте ему паспорт, пусть катится отсюда!" Вознесенский говорит: "Я здесь хочу жить!" "А если вы здесь хотите жить, так чего ж вы клевещете?! Что это за точка зрения… на Советскую власть!"» Вознесенский вспоминал: «За что?! Или он рехнулся? "Это конец", – понял я. Только привычка ко всякому во время выступления удержала меня в рассудке. Из зала, теперь уже из-за моей спины доносился скандеж: "Долой! Позор!". Метнувшись взглядом по президиуму, все еще ища понимания, я столкнулся с ледяным взглядом Козлова. Как остановить это ужас? Все-таки я прорвался сквозь ор и сказал, что прочитаю стихи».

Хрущев неохотно удовлетворил просьбу Вознесенского. Ромм вспоминал: «Стал читать он поэму «Ленин». Читает, ну не до чтения ему: позади сидит Хрущев, кулаками по столу движет. Рядом с ним холодный Козлов. Прочитал он поэму, Хрущев махнул рукой: "Ничего не годится, не годится никуда. Не умеете вы и не знаете ничего! Вот что я вам скажу. Сколько у нас в Советском Союзе рождается ежегодно людей?" Ему говорят: три с половиной миллиона. "Так вот, пока вы, товарищ Вознесенский, не поймете, что вы – ничто, вы только один из этих трех с половиной миллионов, ничего из вас не выйдет. Вы это себе на носу зарубите: вы – ничто"».

После завершения прений выступил Хрущев. Он снова набросился на абстракционистов и Эрнста Неизвестного: «Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного, и возможно, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское высшее учебное заведение, платит народу такой черной неблагодарностью… Вы видели и некоторые другие уродства открыто, со всей непримиримостью». Отругал Хрущев и фильм Хуциева «Застава Ильича». Говоря о молодых героях этого фильма, Хрущев заявил: «Нет, на таких людей общество не может положиться. Это – морально хилые, состарившиеся в юности люди, лишенные высоких целей и призвания в жизни… Каждый, кто посмотрит такой фильм, скажет, что это неправда».

Далее Хрущев остановился на теме «культа личности». Он похвалил новую редакцию поэмы Твардовского «За далью – даль», в которой была кардинально изменена оценка Сталина, рассказ Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «некоторые стихи Евтущенко», кинофильм Чухрая «Чистое небо». Но Хрущев заметил: «Появляются и такие книги, в которых, по нашему мнению, дается по меньшей мере неточное, а вернее сказать, неправильное, одностороннее освещение явлений и событий, связанных с культом личности, и существа тех принципиальных коренных изменений, которые произошли и происходят в общественной, политической и духовной жизни народа после XX съезда. К числу таких книг я отнес бы повесть тов. Эренбурга «Оттепель». С понятием оттепели связано представление о времени неустойчивости, непостоянства, незавершенности, температурных колебаний в природе, когда трудно предвидеть, в каком направлении будет складываться погода… Посредством такого литературного образа нельзя составить правильного мнения о сущности тех принципиальных изменений, которые произошли после смерти Сталина в общественной, политической, производственной и духовной жизни».

Особо досталось воспоминаниям Эренбурга. «Когда читаешь мемуары И.Г. Эренбурга, – говорил Хрущев, – то обращаешь внимание на то, что он все изображает в мрачных тонах». И

тут Хрущев неожиданно стал говорить о заслугах Сталина перед революцией и страной. Он напомнил о позитивной роли Сталина в проведении курса на индустриализацию и коллективизацию. Он вспоминал: «Когда хоронили Сталина, то у меня были слезы на глазах. Это были искренние слезы». Правда, тут же Хрущев оговаривался и сообщал, что «Сталин был в последние годы жизни глубоко больным человеком, страдающим подозрительностью, манией преследования». Но затем приводил отрывки из переписки Сталина с Шолоховым, из которых следовало, что Сталин пресекал репрессии на местах, когда узнавал о них. Казалось, что мысли о Сталине не отпускали Хрущева и он продолжал путаться между позитивными и негативными оценками покойного, не в силах дать единую оценку.

Как обычно, речь Хрущева была сумбурна. То Хрущев нападал на Маленкова и Берию за их попытки ликвидировать ГДР. То он восторгался песнями «Варшавянка», «Замучен тяжелой неволей…», «Как родная меня мать провожала…», которые знал со времен Гражданской войны. То высмеивал современные танцы. Он поделился своими «неприятными впечатлениями» от поездки В. Некрасова, К. Паустовского и А. Вознесенского во Францию и сделанных ими там заявлений. Подробно остановился Хрущев на стихотворении Е. Евтушенко «Бабий Яр». Он заявлял: «Из этого стихотворения видно, что автор его не проявил политическую зрелость и обнаружил незнание исторических фактов. Кому и зачем потребовалось представлять дело таким образом, что будто бы население еврейской национальности в нашей стране кем-то ущемляется».

Очевидные противоречия в оценке Сталина, метания Хрущева от заигрывания с творческой интеллигенции к острой критике и даже грубым окрикам в отношении некоторых из них свидетельствовали об утрате им четких политических ориентиров. Этим воспользовались его соперники в руководстве страны и постепенно стали пересматривать некоторые из его решений и направлений политики. Вопреки смыслу курса Хрущева на децентрализацию хозяйства страны, 13 марта 1963 года решением Президиума ЦК и Совета Министров СССР был создан Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). Новый орган, во главе которого встал Д.Ф. Устинов, должен был контролировать выполнение государственного плана. 31 марта было объявлено о совещании по вопросам планов развития на 1964, 1965 и 1966–1970 годы, проведенном Президиумом ЦК и Советом Министров СССР под руководством Косыгина и Устинова. На этом совещании была подчеркнута необходимость первоочередного развития электротехнической промышленности и машиностроения, а не химической промышленности.

Хрущев не участвовал в работе этого совещания, так как отправился в отпуск на Черное море. Тем временем 9 апреля было объявлено, что следующий пленум ЦК КПСС в конце мая будет посвящен вопросам идеологии. Хайленд и Шрайок подчеркивали, что «такая повестка дня не имела прецедентов в послесталинском периоде и решение об этом было очевидно принято в отсутствие Хрущева. Возможно, оно было принято по настоянию Козлова и Суслова, отвечавшего за идеологию. Во всяком случае это объявление шло вразрез с требованием Хрущева, объявленном им в ноябре 1962 года о том, что следующий пленум будет посвящен вопросам развития химической промышленности».

По версии Хайленда и Шрайока, острая борьба в руководстве страны разыгралась вокруг первомайских призывов 1963 года. Публикация этих призывов была данью традиции, тщательно соблюдавшейся с первых революционных лет. Такие лозунги публиковались на первой странице «Правды» перед праздниками 1 Мая и 7 Ноября. 8 апреля 1963 года среди прочих призывов был и такой: «Пусть крепнет дружба и сотрудничество между советскими народами и народами Югославии в интересах мира и социализма!» В то же время призывы, в которых говорилось о дружбе с другими социалистическими странами, провозглашали их единство в деле «строительства социализма». Таким образом, получалось, что советское руководство согласно с позицией руководства компартий Китая и Албании, не признававших, что Югославия строит социализм.

Но к этому времени отношения между СССР и Югославией опять улучшились. В декабре 1962 года президент СФРЮ И. Тито побывал на отдыхе в Крыму, где встретился с Хрущевым. Выступая 12 декабря на сессии Верховного Совета СССР в присутствии Тито Н.С. Хрущев заявил: «Невозможно отрицать, что Югославия является социалистической страной». Таким образом, опубликованный призыв фактически отрицал оценку Хрущева. По мнению Хайленда

и Шрайока, призыв был сформулирован Козловым. Они писали: «Козлов… выбрал подходящее время и выгодный вопрос. Положение Хрущева уже было шатким и вопрос о Югославии имел различные широкие и чреватые неприятностями последствия лично для Первого секретаря. Дело было не только в том, что сближение Хрущева с Белградом являлось центральным вопросом в споре между Китаем и СССР. Этот вопрос затрагивал и отношения СССР со странами Восточной Европы и даже направления во внутренней политике СССР (налево или направо). Без сомнения, Козлов, конечно, знал, что отношение Хрущева к Тито и югославскому примеру очень непопулярно среди более ортодоксальных членов КПСС. Было известно, что сам Козлов, а также два ведущих идеолога, Суслов и Пономарев, не выражали энтузиазма в признании «югославского социализма».

Хайленд и Шрайок предположили: «Если Хрущев потерпел поражение при голосовании или же его мнение умышленно проигнорировали как по вопросу о повестке дня следующего пленума ЦК КПСС, так и по первомайскому призыву о Югославии, то вряд ли он дружелюбно прореагировал на эти новости, когда получил их, находясь на отдыхе на Черном море. Вероятно, за этим последовали крайне резкое столкновение с Козловым. Хотя об этом не было объявлено, но 10 апреля у Козлова случился еще один инфаркт, за которым последовало тяжелое сердечное заболевание, в конечном счете увенчавшееся его смертью (в конце 1963 года. – *Прим. авт.).* Вслед за этим произошло беспрецедентное событие: призыв о Югославии был изменен и теперь официально указывалось, что Югославия «строит социализм». Это случилось 11 апреля, а Козлов последний раз появился на публике за день до этого».

Тяжелая болезнь Козлова вывела из строя второго секретаря ЦК КПСС и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, сосредоточившего в своих руках немалую власть и объединившего всех, кто выступал против Хрущева. Это обстоятельство помогло Хрущеву выиграть тур в дворцовой борьбе и удержаться у власти.

Глава 4
ЗОЛОТОЙ ХЛЕБ 1963 ГОДА

Явным признаком победы Хрущева над заболевшим Козловым стала публикация в «Правде» от 17 апреля редакционной статьи «Выдающийся вклад в теорию и практику коммунистического строительства», посвященной выходу в свет очередного сборника статей Н.С. Хрущева. Издание этого сборника «Правда» объявляло «значительным событием в жизни нашей партии и страны. XXII съезд партии был назван «самым выдающимся событием в истории Коммунистической партии Советского Союза и всего мирового коммунистического и рабочего движения».

Вернувшись из отпуска, Хрущев 24 апреля обратился к собранию работников промышленности и строительства. Он особо подчеркивал необыкновенные возможности химического производства и объявил, что этому вопросу будет посвящен один из пленумов ЦК КПСС. Он критиковал преувеличенное внимание к развитию машиностроения. Таким образом, он подчеркивал возврат к тому курсу, против которого выступал Козлов.

Позже, 4 июня, «Правда» сообщила, что Хрущев внес ряд замечаний, направленных на изменение плана хозяйственного развития страны на 1964–1965 годы. При этом Хрущев настаивал на «коренном пересмотре» планов с целью усилить развитие химической промышленности. Вскоре было объявлено, что пленум ЦК КПСС по вопросам идеологии, намеченный на конец мая, перенесен на середину июня.

Тем временем, в конце апреля и значительную часть мая, главное внимание в политической жизни страны уделялось визиту Фиделя Кастро (27 апреля – 2 июня 1963 года). Хрущев делал все возможное, чтобы наладить отношения с Кубой, сильно подпорченные после вывода советских ракет. Впервые в советской истории руководителю иностранного государства была предоставлена возможность выступить с трибуны Мавзолея Ленина на митинге, состоявшемся на Красной площади. 23 мая 1963 года Кастро стал первым руководителем зарубежной страны, которому было присвоено звание Героя Советского Союза. Хрущев сопровождал Кастро в его поездке по стране, по пути объясняя ему мотивы, по которым советское правительство решило столь спешно удовлетворить американские требования.

Подводя итоги визиту Кастро на заседании Президиума ЦК в июне 1963 года, Хрущев утверждал, что в ходе Карибского кризиса была одержана победа над американским империализмом. Новым поводом для демонстрации растущего советского могущества стали очередные запуски космических кораблей. 14 июня стартовал корабль «Восток-5» с космонавтом В.Ф. Быковским. 16 июня было объявлено, что на орбиту выведен корабль «Восток-6», на борту которого находится первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова. В своем выступлении с трибуны Мавзолея 22 июня, во время торжественной встречи космонавтов, Хрущев читал стихи Некрасова о русских женщинах, отмечал в Терешковой волю и смелость Анки-пулеметчицы, героинь первых пятилеток Паши Ангелиной, Дуси Виноградовой, Марины Расковой, героинь Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской и Лизы Чайкиной. Выражая свое восхищение космонавтами, Хрущев показывал, что открывшаяся в его правление космическая эра рождает новых героев и героинь, продолжая славные традиции советских лет.

Тем временем в Москве состоялся пленум ЦК КПСС по вопросам идеологии. Помимо членов и кандидатов в члены ЦК для участия в работе пленума было приглашено около 2000 деятелей культуры. Теперь, после заболевания Козлова, Хрущев решил укрепить свое положение в Президиуме ЦК, избрав в состав Секретариата своих верных сторонников – Л.И. Брежнева и Н.В. Подгорного. При этом Л.И. Брежнев сохранял пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Хотя главным докладчиком на пленуме был не Хрущев, а Ильичев, как и на предыдущих встречах с деятелями культуры, Хрущев вел себя как главное действующее лицо, постоянно прерывая выступавших и завершив пленум своим выступлением. В этой речи опять досталось Эрнсту Неизвестному. Хрущев снова вспомнил и коллективное письмо деятелей культуры, подписанное Эренбургом, Роммом и другими. «Я не называю фамилий товарищей, которые подписались под письмом с вредным тезисом об идеологическом мирном сосуществовании. Некоторых из этих товарищей я хорошо знаю. Едва ли они были в нормальном состоянии, когда подписывались под этим письмом… Если подбросить в раствор бетона соль, то никакой связи вы не получите, бетон разрушится. Мирное идеологическое сосуществование – это своего рода соль.

Враги хотят подбросить эту соль в нашу идеологию». Таким образом, авторы письма были объявлены врагами.

А затем Хрущев опять обрушился на одного из соавторов письма – Михаила Ромма: «Среди отдельных работников кинематографии имеются, как говорят, некоторые заскоки, неправильные взгляды на роль кино. В частности, это относится к такому известному и опытному режиссеру, как М. Ромм. Будем надеяться, что он одумается и укрепится на верных позициях». Так как кроме Неизвестного и Ромма почти никто не был подвергнут критике, а Ромм был подвергнут критике дважды, то он не успел «одуматься»: ему стало плохо. Врач, дежуривший на пленуме ЦК в Кремле, поставил ему диагноз: стенокардия. До этого у Ромма никогда не было проблем с сердцем.

Обратив внимание на то, что Хрущев на сей раз избрал мало мишеней для своих разносов, рад исследователей решили, что Хрущев до этого ругал деятелей культуры лишь в угоду Козлову. Но это было не так. Тогда в распоряжении историков не было стенограммы выступления Хрущева на заседании Президиума ЦК 25 апреля 1963 году, состоявшегося уже после начала болезни Козлова. Там Хрущев выражался значительно более откровенно относительно ряда деятелей культуры, чем при очных встречах с ними, и гораздо яснее высказывал свои взгляды в области литературы и театра.

25 апреля Хрущев говорил: «Сложилось такое понятие о какой-то «оттепели» – это ловко этот жулик подбросил, Эренбург… Вот театр имеет огромное значение… Вот посмотрите, поставили «Ревизор»; кого спросили, кому это нужно? Какую цель преследовали? Вещь хорошая, вещь революционная для своего времени. Я убежден, что это идея Игоря Ильинского, постановка этой пьесы. А Игорь Ильинский брюзжащий человек. Вот вы посмотрите, когда он выступает на какой-нибудь сцене, какой он репертуар берет на вооружение. Это не Отс, который выступил с такой песней (имелось в виду исполнение Г.К. Отсом песни «Хотят ли русские войны?» на слова Е. Евтущенко, которая понравилась Хрущеву. – *Прим. авт.).* Это – не

Отс, это – Игорь Ильинский. Это брюзжащий, оппозиционно настроенный к нам человек, но сдержанный, сдержанная оппозиция, он на этой позиции находится. И не только он один». Таким образом, с точки зрения Хрущева, исполнение на советской сцене «Ревизора», который изучался в каждой школе, было проявлением брюзгливости, оппозицией к властям. Вероятно, с точки зрения Хрущева, сатирическое изображение коррумпированных властей, даже столетней давности, было вызовом тем властным группировкам, на которые он опирался.

Хрущев продолжал: «Даже Художественный театр, вот поставили "Марию Стюарт". Я два раза видел. Замечательно, но этот спектакль не для нас, а для Тарасовой…[8] Наверное, нигде в мире этот спектакль не идет, кроме нас, а если и идет где, то зачем он нам?! А мы занимаемся. А когда-то у нас ставили «Бронепоезд», когда-то там ставили «Хлеб», «Кремлевские куранты». «Любовь Яровая»[9] – это чудесная пьеса, она и сейчас звучала бы лучше, чем «Мария Стюарт». При этом Хрущев забывал, что «Кремлевские куранты» и «Хлеб» сняли из репертуара за прославление в этих пьесах Сталина. Было очевидно, что, несмотря на широкое знакомство с классической драмой, она не имела большой ценности для Хрущева, а стало быть, не должна была демонстрироваться и советским зрителям, вкусы которых стремился формировать Хрущев.

Далее Хрущев перешел к разбору литературы: «Лес» Леонова (имелся в виду роман «Русский лес». – *Прим. авт.).* Слушайте, нуднейшая вещь… Она довольно противоречивая. Есть там такие места: вот рубят лес, ну хорошо, когда его топорами рубили, а теперь, когда механические пилы, тракторы пришли, мол, ну конечно, жизнь пропала… Слушайте, это говорит человек, который ни черта не понимает в жизни». Видимо, Хрущев не разделял боль русского писателя Леонова за судьбу родного леса. Скорее всего, ему была бы чужда боль Репина и Чехова, переживавших по поводу гибели русских лесов. Наверное, он считал выступления в защиту родной природы вредным делом.

Такое впечатление усиливалось от критики Хрущевым очерка Константина Паустовского, посвященного разработке гравия в черте Тарусы. Писателя возмутило, что каменоломню построили, не учитывая того, что нанесен непоправимый ущерб пейзажу, только потому, что здесь добыча кубометра гравия была дешевле на две копейки. «Говорит, портит ландшафт, – возмущался Хрущев, – красивое место там, березочки растут… Ишь, говорит, две копейки. Эх, ты! Да знаешь ли ты, что такое 2 копейки в миллионах и миллиардах кубометрах! А какая разница, что здесь берут лес, в другом месте… Что такое ландшафт? Ведь это привычка… И тут бы выступить и сказать, как это так, писатель может говорить, – 2 копейки. А вот, если так, на сколько квартир народ получит меньше жилья и насколько удлинятся сроки удовлетворения потребностей народа, когда природа не страдает… Вообще это глупость, реакционная глупость, но это выдается за защитников природы. Он говорит: он выстрелил и убил зайца, и когда заяц умирал, так ногами дрыгал. А сам каждый день жрет говядину. А что такое говядина или баранина? Так это тоже баран когда-то ногами дрыгал, когда его резали». И хотя Паустовский не осуждал охоту на зайцев, Хрущев, видимо, считал, что он нашел меткий аргумент, чтобы посрамить выступление писателя в защиту окружающей среды.

Неожиданно Хрущев стал ругать и Солженицына, за которого он недавно публично предлагал тосты и собирался наградить Ленинской премией: «Вот Солженицин написал одну дрянную книгу (имелась в виду книга «В круге первом». – *Прим. авт.),* одну хорошую книгу, теперь, наверное, бросил школу». Голос: «Бросил». Хрущев: «Ну это никуда не годится. И не известно, напишет ли он третью. Вот вам Литфонд. Уже к кормушке, писатель. А он не писатель, а едок, а кормушка – Союз писателей». Ильичев: «Что касается Солженицына, он серьезно болен». Хрущев: «Пусть он болеет как человек, но зачем ему болеть как члену Союза

---

[8] Тарасова А.К. – народная артистка СССР, играла главную роль в спектакле МХАТа «Мария Стюарт». – *Прим. авт.*

[9] Постановки пьес «Бронепоезд 14–59» (автор Всеволод Иванов), «Кремлевские куранты» (автор Н.Ф. Погодин), «Любовь Яровая» (автор К.А. Тренев), инсценировка повести «Хлеб» А.Н. Толстого посвящены событиям, происходившим в годы Гражданской войны. – *Прим. авт.*

писателей? Ему и так был бы обеспечен надзор и помощь. А теперь – он писатель».

Особый гнев Хрущева вызвали популярные тогда исполнители авторских песен и поэты, выступавшие перед массовыми молодежными аудиториями: «Вот мне и Микоян говорит: "Ты знаешь кто такой Окуджава? Это сын старого большевика". А старый большевик был дерьмом, он был уклонистом, национал-уклонистом. Так что, конечно, дерьмо… Видимо, это наложило отпечаток на сына. Так мы не должны поддерживать в этом сына и его укреплять. А ты (обращаясь к Микояну) готов поддерживать с этой бандурой, гитарой. Так?» Микоян: «Я не поддерживал. Он просто подражает Вертинскому». Хрущев: «Так мы Вертинского выслали». Голос: «Он потом вернулся». Хрущев: «Он вернулся, а песенки уже не пел».

Тут Хрущев обрушился на Евтушенко: «Вот говорят, кричат – Женя! Женя! Так то кричат 15 тысяч оболтусов. Этих оболтусов на такое население Москвы не трудно собрать. У нас тысячи убийц не раскрытых живет. Зачем им давать трибуну? Это отсутствие руководства и боязнь. Это трусость, что им аплодируют. Так зачем вы собрали? Это – банда. Говорят: там были и хорошие. Хорошие были, а аудитория была на стороне тех, которые против нас выступают. Потому такой подбор был, потому что хорошие, честные люди, стоящие на позициях партийности, не шли туда. Деньги платить, и дерьмо слушать! А это дерьмо шло».

Эти слова Хрущева не оставляют камня на камне от мифа, распространяемого либеральной интеллигенцией и ныне, о том, что благодаря Хрущеву в начале 1960-х годов стали возможными вечера поэзии и авторской песни. «Дети XX съезда», «романтики оттепели», считавшие, что они стали властителями дум, не подозревали, какую ненависть испытывал Хрущев к ним. Но ненависть Хрущева не ограничивалась «идейно чуждыми» поэтами и их поклонниками. Из его слов ясно, что он также органически не терпел выдающихся современных писателей, вроде Леонова и Паустовского, что он не выносил классику. Из всех видов искусств Хрущев признавал лишь те, которые он мог использовать в чисто политиканских целях для укрепления собственной власти.

Разумеется, подобные речи часто можно услышать от людей гневливых и склонных к крайним суждениям. Но ведь дело в том, что Хрущев произносил свой монолог не дома за обеденным столом, а на заседании Президиума ЦК. Разнос писателей и поэтов увенчался решением Хрущева «создать комиссию в составе Суслова, Ильичева, Сатюкова, Романова, Фурцевой, Степанова, Аджубея…». Потом он решил назвать это Советом по идеологическим вопросам, который должен был заменить существовавшую до сих пор Идеологическую комиссию, которая, по мысли Хрущева, не сумела остановить крамолу. Не исключено, что возмущение Хрущева различными актерами, писателями и поэтами служило определенной политиканской игре: в новом Совете Сатюков и Аджубей, на которых он все больше опирался, получали статус, равный с членом Президиума ЦК и секретарем ЦК Сусловым. Это могло стать для них трамплином для вхождения в Президиум ЦК.

Однако свои эмоции Хрущев оставил для узкого круга. На июньском (1963 г.) пленуме по вопросам идеологии он предпочитал говорить о достижениях страны с 1917 года и перспективах развития СССР. Хрущев опять выразил уверенность в победе над мировым капитализмом. Он заявил: «Что капитализм падет – в этом нет сомнения. Но он падет не сам по себе! Наши успехи будут вдохновлять рабочий класс всех капиталистических стран на более решительную революционную классовую борьбу. А мы им помогали и будем помогать своим примером, строя коммунизм. Народы различных стран, борющиеся за свою независимость, получают нашу помощь, а завтра будут еще больше возможности для оказания помощи и другого рода». Таким образом, строительство коммунизма в СССР для Хрущева представлялось прежде всего способом революционной пропаганды и он считал, что с капитализмом надо покончить экспортом, если не революции, то оружия. Поэтому он не придавал большого значения, насколько реалистичны планы построения коммунизма. Поэтому же он был готов перебрасывать оружие то в Конго, то на Кубу, то на Ближний Восток, надеясь таким образом нанести роковой удар по мировому капитализму. Очевидно, что Хрущев сохранил в душе многие представления, характерные для троцкистов 1920-х годов. Также возможно, что своей революционной риторикой Хрущев хотел доказать своим китайским оппонентам, что он является последовательным революционером, а не ревизионистом, капитулирующим перед Западом.

Между тем идейный спор двух компартий продолжался. 14 июня руководство КПК направило ЦК КПСС открытое письмо к КПСС, в котором критиковалась позиция руководства КПСС и доказывалась правота китайского руководства. В письме, в частности, говорилось: «Появление ядерного оружия не может остановить наступательный ход истории человечества. Нельзя утверждать, что в связи с появлением ядерного оружия исчезли возможность и необходимость социальных и национальных революций, а основные положения марксизма-ленинизма о пролетарских революциях и диктатуре пролетариата, о войне и мире, уже устарели и превратились в «догмы». Это письмо не было сначала опубликовано в советской печати, и тогда китайцы предприняли беспрецедентные усилия по распространению его текста в СССР. В огромном количестве тексты письма провозились через границу под видом другого груза и распространялись среди советского населения. Наконец, 14 июля письмо КПК было опубликовано в «Правде» вместе с ответом руководства КПСС, в котором все обвинения китайской стороны отвергались, а руководство КПК обвинялось в раскольнической деятельности.

В этой обстановке 5 июля открылись советско-китайские межпартийные переговоры. Делегацию КПК возглавлял Дэн Сяопин. В ответ на заявления китайских участников переговоров о том, что Хрущев осквернил память Сталина, тот снова обрушился на покойного с оскорблениями. 19 июля 1963 года в своем очередном выступлении Хрущев объявил, что «нельзя обелить черные деяния периода культа личности… Каждый советский человек, каждый коммунист знает, что знамя, которое некоторые люди хотят поднять, покрыто кровью революционеров, коммунистов, честных трудящихся Советского Союза». (Возможно, что Хрущев вспоминал о знаменах с изображением Сталина, которые проносили на Красной площади 1 мая 1961 года.)

Дэн Сяопин отвергал обвинения Хрущева в адрес Сталина и, в свою очередь, обвинял Хрущева в ошибочной политике в отношении американского империализма. Он заявил, что Хрущев хватается за любую соломинку, которую протягивают ему Эйзенхауэр или Кеннеди, а затем, когда следует провал мирного соглашения, Хрущев приходит в ярость, доводит ситуацию в мире до острейшего кризиса, а интересы всего социалистического лагеря оказываются под угрозой. 20 июля переговоры были прерваны.

Усугублявшийся конфликт с Китаем, разрыв с Албанией дополнялся и ухудшением отношений с Румынией. 7 июня на заседании Президиума ЦК констатировалось, что Румыния заняла особую позицию в советско-китайском конфликте, и утверждалось, что руководители Румынии «взяли курс на автаркию». 24 июня Хрущев выехал в Бухарест. Грубыми окриками он пытался «призвать к порядку» руководителя Румынии Г. Георгиу-Дежа, но его поведение имело обратный эффект. Румыния начала постепенно отдаляться от СССР.

Впрочем, к этому времени стало очевидным, что Хрущев считал, что главным во внешней политике страны являются ее отношения с США. 5 августа 1963 года был подписан договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой). Это соглашение не остановило процесс разработки ядерного оружия с помощью подземных испытаний. В то же время договор создавал препятствия для проведения испытаний в воздухе странами, которые еще не создали своего ядерного оружия. Среди таких стран был и Китай. Сразу же после подписания этого договора китайские руководители обрушились с резкой критикой против него. СССР ответил на это контрпропагандой.

В советской пропаганде договор о частичном запрете ядерных испытаний изображался как крупная победа политики мирного сосуществования государств с различными системами. Это событие вместе с новыми успехами в освоении космоса, а также надеждами на то, что ускоренное развитие химической промышленности создают возможности для решительного рывка в развитии советского хозяйства, особенно сельского, рождали атмосферу уверенности в будущем. Настроения оптимизма были характерны для большинства советских людей тех лет и отмечались многими иностранцами. Так, английские и американские квакеры, прибывшие в нашу страну в августе 1963 года, рассказывали, что по пути в СССР они проезжали через Чехословакию, где почти все их собеседники выражали недовольство существующими порядками. (Очевидно, что условия, породившие «пражскую весну» 1968 года, медленно, но верно созревали.) «У вас же, – говорили англичане и американцы, – почти все, с кем мы

беседовали, включая случайных прохожих, хвалили строй, политику страны и правительство».

Разумеется, такие ответы отражали не только оптимизм советских людей, но и типичное для тогдашнего времени желание советских людей продемонстрировать свой патриотизм в беседах с иностранцами. В то время мало кто из советских людей догадывался, что их патриотизм и оптимистическое настроение вскоре подвергнутся серьезному испытанию. Страну поразила очередная для наших климатических условий тяжелая засуха. За 1963 год было собрано 107,5 миллиона тонн зерна, то есть почти в полтора раза меньше, чем в 1962 году. По производству зерна страна откатилась на уровень 1955 года. Так как сразу же были введены ограничения на использование зерна для корма скота, то начался забой коров. В результате производство мяса увеличилось, но надои молока снизились до 61,2 миллиона тонн, то есть ниже уровня 1959 года. Заверения Хрущева, что страна надежно решила хлебную проблему, что она может легко обогнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения, оказались несостоятельными.

По словам А. Аджубея, «в 1963 году начали ощущаться… перебои с хлебом. В газету («Известия») шел немалый поток писем по этому поводу. Я созвонился с главным редактором «Правды» Павлом Алексеевичем Сатюковым, и мы решили направить выдержки из таких писем в ЦК. Последующие события носили более чем драматический характер». Писатель Е. Носов писал: «Осенью 1963 года хлебозаводы прекратили плановую выпечку батонов и булок, закрылись кондитерские цехи. Белый хлеб выдавали по заверенным печатью справкам только некоторым больным и дошкольникам». В хлебных магазинах были установлены ограничения на продажу хлеба в одни руки и продавались лишь батоны сероватого хлеба, который готовили с примесью гороха.

А. Аджубей писал: «Хрущев предлагал (и, возможно, это было разумным) ввести на какой-то срок карточки, чтобы прекратить скармливание хлеба скоту. Но престижные соображения перевесили. Решили закупить некоторое количество зерна за рубежом». Было закуплено 9,4 миллиона тонн зерна, то есть 10% от ежегодного валового сбора. Закупки были произведены не за счет доходов от нефти и газа, которые еще были не столь велики, а за счет золота. Значительная часть потребляемого хлеба стала золотой.

Хотя Аджубей утверждал, что «шок прошел быстро», это было не так. Е. Носов более точно оценил положение в стране и отношение советских людей к происходившим событиям: «Над страной нависла угроза карточной системы. Одним словом, приехали… "Боярская шапка" оказалась не по "нашему Сеньке". Предупреждение художника Пластова о вопиющем невнимании к селу и его заботам, высказанное им в своеобразной манере на собрании творческой интеллигенции в ЦК КПСС в марте 1963 года, сбывалось. Поскольку кризис разразился через два года после опубликования проекта Программы КПСС, обещавшей коммунизм для нынешнего поколения советских людей, доверие к Хрущеву и его обещаниям оказалось сильно подорванным. Тогда несколько неграмотно переиначили слова популярной песни: "Пусть всегда будет мясо, пусть всегда будет хлеба!"»

Понимая, что неурожай может стать поводом для внешнеполитического наступления Запада на СССР, Хрущев заявлял, что враги «злорадствуют, что у нас сложился неблагоприятный сельскохозяйственный год и поэтому, мол, можно предъявить Советскому Союзу политические требования, встать ему коленом на грудь. К этому призывают такие наиболее реакционные и озлобленные враги социализма, как Аденауэр и другие ему подобные. Они прямо заявляют, что нужно, мол, предъявить Советскому Союзу политические условия, прежде чем продавать пшеницу или поставлять химическое оборудование. Не пытайтесь диктовать Советскому Союзу политических условий, как говорится, не на того напали!»

Хрущев искал выхода с помощью химизации сельского хозяйства. Он вновь подчеркивал решающую роль химической промышленности. В декабре 1963 года состоялся пленум ЦК КПСС, на котором он выступил с докладом «Ускоренное развитие химической промышленности – важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа». В своем заключительном слове 13 декабря Хрущев заявил: «Химическая промышленность выдвигается сейчас на первый план в народном хозяйстве потому, что применение химических продуктов и синтетических материалов дает возможность осуществить преобразования в ведущих сферах материального производства… Если бы был

жив В.И. Ленин, то, видимо, сейчас сказал бы примерно так: коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны плюс химизация народного хозяйства». Одновременно Хрущев вновь атаковал школу травопольного земледелия академика В.Р. Вильямса и противопоставлял ей школу академика Д.Н. Прянишникова.

Кроме того, Хрущев старался найти новых руководителей, способных вывести сельское хозяйства из тяжелого положения. Декабрьский пленум вывел председателя Совета министров Украины В.В. Щербицкого из состава кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС. На его место был избран первый секретарь ЦК КП Украины П.Е. Шелест, рекомендованный Хрущеву Подгорным. Вскоре Щербицкий был снят с поста Председателя Совета министров Украины. В январе 1964 года Хрущев во время пребывания в Беловежской пуще поссорился с кандидатом в члены Президиума ЦК и первым секретарем ЦК КП Белоруссии и заявил, что его надо заменить.

Боясь за свое положение, многие местные руководители старались скрыть очевидные провалы в выполнении государственных планов. Аджубей вспоминал, как во время поездки с Хрущевым в 1963 году он стал свидетелем типичной сцены тех лет: «Поезд подходил к Воронежу рано утром и километров в ста от города сделал последнюю остановку. В вагон к журналистам вошел собственный корреспондент «Правды». Мы стояли у окон, разглядывая чуть припорошенные снегом дали, и кто-то обратил внимание на странные волны, чередовавшиеся по земле в строгой последовательности. Корреспондент «Правды» пояснил, в чем дело. Не успели убрать кукурузу и, зная, что здесь проедет Хрущев, вывели в поле тракторы, стальными рельсами, как волоком, примяли стебли к земле, чтобы «замаскировать» неубранный урожай». Об этом Аджубей рассказал Хрущеву, а тот «в присутствии сотен работников сельского хозяйства ряда областей рассказал об этой истории».

Однако разносы Хрущева и отставки видных руководителей не оказывали воздействия на руководителей совхозов и колхозов, научившихся скрывать свои неудачи от начальства и преувеличивать свои успехи. Просто после нашумевшего случая с «уборкой» кукурузы рельсами, делать это стали искуснее. Я помню, что в ходе работы в одном из подмосковных совхозов в середине 1960-х годов, нам, сотрудникам ИМЭМО, однажды объявили, что сегодня мы займемся «политической работой». Нас привезли на свекольное поле. Оказалось, что «политический» характер уборки свеклы состоял в том, что мы должны были тщательно убрать лишь ту часть поля, которая хорошо просматривалась с Симферопольского шоссе. Нам пояснили: «Тут ездит начальство».

Анекдоты о Хрущеве становились все злее. В одном из них пародировалась типичная газетная заметка тех лет о встрече Хрущева с колхозниками. «Как дела, колхозники?» – шутит Никита Сергеевич. «Хорошо идут дела», – шутят колхозники. Другой анекдот пародировал репортажи о беседах с колхозниками, в ходе которых Хрущев постоянно прерывал ораторов вопросами о том, не могут ли они добиться еще больших трудовых успехов. В этом анекдоте Хрущев задавал председателю колхоза вопросы, не может ли его колхоз еще больше сдать молока и всякий раз увеличивал количество возможных надоев. «Можем», – неизменно отвечал председатель. Однако, когда Хрущев назвал особенно крупную цифру, председатель ответил решительно: «Нет, не можем!» – «Почему?» – спрашивал Хрущев. «А тогда одна вода будет», – был ответ.

В третьем анекдоте рассказывалось, как сотрудник КГБ пришел на дачу Хрущева, чтобы проинформировать его об анекдотах о нем. По пути к особняку сотрудник пришел в восторг от ухоженной усадьбы Первого секретаря и в начале беседы заметил: «Хорошо живете, Никита Сергеевич!» – «Ну, скоро все советские люди будут так жить», – ответил Хрущев. «Так кто же из нас будет анекдоты рассказывать: вы или я?» – изумился сотрудник КГБ.

Глава 5
ЗАГОВОРЩИКИ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Насмешки над Хрущевым отражали растущее недовольство им во всех слоях советского общества. Семичастный вспоминал: «В конце 1963 года ропот и критические реплики уже раздавались и на высшем уровне. Не настолько, правда, громко, чтобы долетать и до ушей

Хрущева, однако говорили уже не шепотом и не за закрытыми дверями, как раньше. Критики Хрущева считали, что высший партийный и государственный руководитель все больше отклоняется от правильного пути. Он уже не прислушивался к окружающим, зазнался. Те самые люди, которые с воодушевлением помогали ему вначале, славили его, ныне, наоборот, всеми силами старались его неутомимый натиск притормозить, и даже в моем присутствии (то есть в присутствии председателя КГБ. – *Прим. авт.)* они не замолкали. Первыми из членов Политбюро (Президиума ЦК. – *Прим . авт.)* стали обсуждать создавшееся положение. Второй человек в партии Леонид Ильич Брежнев и секретарь Центрального Комитета Николай Викторович Подгорный: с Хрущевым уже невозможно работать – таков был их вывод». В.В. Гришин уточнял: «Идейным… вдохновителем этого дела являлся Н.В. Подгорный… Практическую работу по подготовке отставки Н.С. Хрущева вел Л.И. Брежнев».

Оба принадлежали к тем людям, которым больше всего доверял Хрущев. Вероятно, как это часто бывает с подозрительным человеком, Хрущев, уверовал в свою способность разгадывать тайные замыслы окружавших его людей, а потому проявил слепоту в отношении Брежнева и Подгорного. Возможно, что Хрущев исходил из того, что он, победивший Берию, Молотова, Маленкова и других, а также покойного Сталина, успешно сражавшийся с мировыми лидерами, был на голову выше Брежнева и Подгорного. Есть немало свидетельств того, что Хрущев на людях пренебрежительно относился и к тому, и к другому. Хрущев, который при Сталине, старался изображать из себя простачка, не замечал, что другие также могут прикидываться простачками.

Правда, утверждению Семичастного о том, что инициаторами заговора были Брежнев и Подгорный, противоречит версия Бурлацкого. Ссылаясь на слова Демичева, Бурлацкий утверждал: «Свержение Хрущева готовил вначале не Брежнев… На самом деле начало заговору положила группа «молодежи» во главе с Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе Лужники во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному… Его задача заключалась в том, чтобы парализовать охрану Хрущева». Однако, вероятно, встречи Шелепина, Семичастного и других, в ходе которых они обсуждали планы отстранения Хрущева от власти, вряд ли привели бы к успеху, если бы эти идеи не разделяли другие руководящие деятели страны. По словам Сергея Хрущева, «в период января – марта 1964 года в Секретариате ЦК сформировалась оппозиция Хрущеву, в которой объединились Подгорный, Брежнев, Полянский и Шелепин». Судя по воспоминаниям В.В. Гришина и первого секретаря Московского горкома КПСС Н.Г. Егорычева, на раннем этапе в заговор был вовлечен секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев.

Судя по последующим событиям в подготовке заговора против Хрущева принимал активное участие также Н.Г. Игнатов, выведенный из состава Президиума ЦК в октябре 1961 года, но сохранивший пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Этот пост позволял Игнатову иметь тесные деловые контакты с руководителями всех областей и автономных республик РСФСР, а также с руководителями других союзных республик, не возбуждая особых подозрений. Видимо, на каком-то этапе все стремившиеся к отстранению Хрущева, соединили свои усилия.

По словам Семичастного, первыми стали «прощупывать почву вокруг себя» Брежнев и Подгорный. Член Президиума ЦК и председатель Совета Министров РСФСР Г.И. Воронов вспоминал: «Все это готовилось примерно с год. Нити вели в Завидово, где Брежнев обычно охотился. Сам Брежнев в списке членов ЦК ставил против каждой фамилии плюсы (кто готов поддержать его в борьбе против Хрущева) и минусы. Каждого индивидуально обрабатывали». На вопрос, обрабатывали ли его, Воронов ответил: «Целую ночь». Говоря о действиях Брежневе и Подгорного, Семичастный писал: «Будучи опытными людьми, они понимали, что, не обеспечив себе поддержку КГБ, им не удастся осуществить свой замысел – произвести замену главы государства и первого секретаря ЦК КПСС. Когда в один прекрасный день я вошел в кабинет Брежнева, то сразу заметил, что Леонид Ильич чувствует себя более неуверенно, чем когда-либо раньше. Он пошел мне навстречу, пригласил сесть и начал разговор издалека. Очень осторожно и сверх меры мягко. "Как ты сам понимаешь, чувствуешь и видишь, положение в стране трудное, – начал он на ощупь. – Запустили мы заботу о простом народе, забросили партийный актив; много проявлений несогласия". Отношения, которые сложились у

нас с ним до той поры, были приятельскими, но в определенной мере и официальными, так, что идти прямо к сути дела он не мог. Поэтому остановился именно там, где и намеревался: надо созвать пленум Центрального Комитета и освободить Никиту Сергеевича от его поста».

Семичастный вспоминал: «Я отреагировал так, как в тот момент считал правильным: по сути дела – никак. Сказал, что надо подумать, все взвесить, посоветоваться, а уже потом решать. На том мы и разошлись. Однако мне самому для размышлений много времени не требовалось. Я понимал, о чем идет речь, и внутренне разделял стремление добиться перемен». Получалось, что и учитель Хрущева Каганович, и его ученик Семичастный, в разное время пришли к одному и тому же выводу: пребывание Хрущева на высших постах опасно для страны.

По словам Семичастнрго, его «следующий разговор с Брежневым проходил уже при участии членов Политбюро (Президиума ЦК. – *Прим. авт.)* Подгорного и Шелепина. Предмет обсуждения был намного конкретнее: обсуждались практические вопросы обеспечения всей акции со стороны КГБ. Согласно результатам предварительных разговоров главных действующих лиц и одновременно высших деятелей антихрущевской оппозиции Брежнева и Подгорного предложение о замене первого секретаря должно было получить значительную поддержку у большинства членов ЦК, а также в самом Президиуме. Оставались еще два момента: определить время, место и способ действий и одновременно получить поддержку плана со стороны министра обороны Малиновского. Никому не хотелось оказаться под конец в положении Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Хрущев все же был Верховным Главнокомандующим, и хотя открытое столкновение с ним было в высшей степени неправдоподобным, тем не менее и такой вариант до последней минуты исключать было нельзя».

Каждый из участников заговора старался вовлечь в него как можно больше сторонников. Егорычев вспоминал: «В 1964 году меня пригласил к себе Демичев… Он отвел меня к окну и сказал: "Знаешь, Николай Григорьевич, Хрущев ведет себя неправильно". И очень разволновался. Я говорю: "Петр Нилович, да не волнуйтесь вы, я давно вижу, что он ведет себя не так, как надо. И этот вопрос нам надо как-то решать"». В свою очередь «новообращенные» также принимались вербовать новых сторонников. По его словам, Н.Г. Егорычев «вел беседы с членами ЦК, жившими и работавшими в Москве. Президент Академии наук СССР Мстислав Келдыш, например, ответил, что готов хоть сегодня выйти на пленум и сказать, что не согласен с тем, что делает Хрущев».

Пока члены ЦК сговаривались об отстранении Хрущева от власти, в феврале 1964 года был созван очередной пленум ЦК КПСС. Доклад на нем делал новый министр сельского хозяйства И.П. Воловченко. Сергей Хрущев так характеризовал нового министра: «Еще недавно директор совхоза, он сделал головокружительную карьеру. На одном из недавних совещаний он удачно выступил, рассказал о больших достижениях возглавляемого им хозяйства, внес отдельные предложения. Отец ухватился за него. Одну из причин наших неуспехов в сельском хозяйстве он видел в забюрокраченности руководства, в отрыве от живого дела. Ему представлялось, что появление человека от «земли» может в корне изменить ситуацию. Так Воловченко стал министром. Однако чуда не произошло. И вот теперь он делал доклад с пышным заголовком «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития ирригации, комплексной механизации и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции».

Судя по названию доклада Хрущев по-прежнему возлагал главные надежды на «индустриализацию» сельского хозяйства, особенно на ее химизацию. Это вновь проявилось во время посещения Хрущевым Казахского научно-исследовательского института зернового хозяйства в Шортандах в августе 1964 года. «В шестьдесят четвертом, – вспоминал М. Петров, – целина казалась безнадежно больной». Тогда ученые института выступили за возврат к древнему способу восстановления плодородия земли – парам. Руководитель института А. Бараев доказывал: «Если даже в ближайшие пять лет дадут достаточное количество гербицидов, удобрений и интенсидов, то даже через пять лет останется еще фактор пара, который навряд ли будет компенсирован, – это влагонакопление». Однако Хрущев решительно

выступил против этого. Он поставил под сомнение вывод ученых держать под парами пятую, а то и четвертую часть всей пашни. Его позиция привела бы к дальнейшему разрушению целинных земель.

К этому времени трудности возникли не только в сельском хозяйстве страны. Расчет Хрущева на установление отношений добрососедского сотрудничества с США в значительной степени строился на его уверенности в возможности добиваться взаимовыгодных отношений с Джоном Кеннеди. В письме Кеннеди от 27 июля 1963 года он ставил вопрос о необходимости подписать договор о ненападении между НАТО и Организацией Варшавского договора. После подписания соглашения о запрещении ядерных взрывов в трех средах Хрущев заявил Раску о необходимости решить берлинский вопрос. В своей беседе с Добрыниным от 26 августа Хрущев говорил о том, что следует вести переговоры о предотвращении внезапного нападения и запрещении средств массового уничтожения в космосе. Однако надежды многих людей в мире, что любые, даже самые острые международные конфликты, могут быть разрешены благодаря взаимопониманию между Хрущевым и Кеннеди, а также надежды самого Хрущева на то, что ему удастся наладить отношения с США с помощью Кеннеди, оказались недолговечными. 22 ноября 1963 года Хрущев узнал про выстрел в Далласе. Говорят, что он был в шоке.

Новый президент США Л.Б. Джонсон представлял более консервативную часть правящей демократической партии. Возникала опасность, что новый президент не будет придерживаться договоренностей относительно Кубы. Одновременно правительство Джонсона значительно активизировало помощь сайгонскому режиму в Южном Вьетнаме, а в августе 1964 года под предлогом инцидента с американским военным судном в Тонкинском заливе приступило к бомбардировкам Демократической Республики Вьетнам. Резкое ухудшение отношений СССР с Китаем не позволяло оказать быструю и эффективную помощь Северному Вьетнаму. Хрущев, который прежде был готов прийти на помощь Сирии, Ираку, Кубе, Конго, Индонезии, теперь вынужден был молча наблюдать, как бомбят территорию союзника по социалистической системе.

На фоне все более ухудшавшихся дел внутри страны и за ее пределами все шире распространялся культ личности Хрущева. Каждая газета, каждый киножурнал «Новости дня», каждая телепередача новостей открывались сообщениями о Хрущеве. Значительная часть газетных полос отводилась чуть ли не ежедневным публичным выступлениям Хрущева, подробным описаниям его встреч с трудящимися страны, иностранными гостями. Портреты Хрущева были отпечатаны в школьных учебниках с соответствующими хвалебными статьями, их можно было увидеть во всех государственных учреждениях, школах, вузах, заводских управлениях и правлениях совхозов и колхозов. Его огромные фотоизображения красовались на центральных улицах и площадях городов. Сергей Хрущев вспоминал: «Подготовили выпуск красочных альбомов с фотографиями Хрущева: до войны, на войне, после войны… В каждом выступлении к месту и ни к месту упоминался отец». Хотя Сергей Хрущев в своих воспоминаниях утверждал, что и он, и его отец были удивлены и возмущены, когда во время поездки на Кременчугскую ГЭС они обнаружили, что поселок энергетиков был назван «Хрущев», в искренность их удивления и возмущения трудно поверить. Не надо было ехать на эту ГЭС, а достаточно было взять любой географический атлас или карту СССР, чтобы увидеть название этого города. Оно сохранилось несмотря на переименование в соответствии с указом 1957 года городов и населенных пунктов, названных в честь других членов советского руководства, и это было известно всем советским людям.

К этому времени трижды Герой Социалистического Труда Хрущев стал лауреатом Международной Ленинской премии мира. Книге о его поездке в США в 1959 году было присвоена Ленинская премия. В.В. Гришин замечал: «Поездки в зарубежные страны всей семьей (с детьми, зятем и внуками), показ этих поездок по телевидению, освещение в печати, присвоение сыну Сергею в 27 лет звания Героя Социалистического Труда… – все это порождало критику в его адрес, слухи, анекдоты».

В обстановке растущего прославления Хрущева было отмечено его семидесятилетие. Сергей Хрущев таким запомнил 17 апреля 1964 года: «Поздравления в тот день начались с утра. Весь дом проснулся от грохота – охрана затаскивала в столовую большой радио-телекомбайн

производства рижского завода. На боку металлическая табличка с дарственной надписью – подарок от товарищей по работе в ЦК и Совете Министров… Весеннее утро было солнечным. К 9 часам утра стали съезжаться с поздравлениями гости: родственники, члены Президиума и секретари ЦК. Другого времени не было – оставшийся день был отдан официальным мероприятиям и расписан по минутам… Вновь прибывающие приходили в гостиную, собирались кучками, обменивались новостями, шутили. Никто не курил, поскольку отец не выносил табачного дыма. Виновник торжества запаздывал. Наконец улыбающийся, нарядно одетый отец появился на залитой солнцем дубовой лестнице. Гости двинулись навстречу. Рукопожатия, пожелания здоровья и счастья – словом, все как обычно, независимо от ранга юбиляра. Брежнев расцеловал отца. Понемногу суета улеглась. Отец пригласил всех в столовую. Большой стол был празднично накрыт».

Первым выступил Брежнев. Он зачитал коллективное поздравление от имени всех членов Президиума ЦК, кандидатов в члены Президиума, а также секретарей ЦК. Хотя Ф.Р. Козлов подписал поздравление, его не было на церемонии, так как он лежал в больнице. В поздравлении, в частности, говорилось: «Ваша кипучая политическая и государственная деятельность, огромный жизненный опыт и мудрость, неиссякаемая энергия и революционная воля, стойкость и непоколебимая принципиальность снискали глубокое уважение и любовь к Вам всех коммунистов, всех советских людей. Мы счастливы работать рука об руку с Вами и брать с Вас пример ленинского подхода к решению вопросов партийной жизни и государственного строительства, быть всегда вместе с народом, отдавать ему все свои силы, идти вперед и вперед к великой цели – построению коммунистического общества… Мы считаем, наш дорогой друг, что Вами прожита только половина жизни. Желаем Вам жить еще по меньшей мере столько же, и столь же блистательно и плодотворно. Сердечно обнимаем Вас в этот знаменательный день». Сергей Хрущев писал: «Леонид Ильич расчувствовался, смахнул слезу и обнял Никиту Сергеевича. Все подходили, чокались, говорили подходящие к случаю фразы».

Затем Брежнев произнес вторую речь, которая была опубликована на первых полосах всех центральных газет страны: «Дорогой Никита Сергеевич! Не могу скрыть своей радости и волнения в связи с поручением Центрального Комитета партии и Президиума Верховного Совета СССР вручить Вам в знаменательный день Вашего 70-летия заслуженную награду – орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза… Советские люди всегда будут благодарны Вам за то, что, став у руля партии, Вы проявили мужественную инициативу в разоблачении культа личности Сталина и возглавили огромную работу по устранению его вредных последствий в различных областях жизни. В стране восстановлены ленинские нормы партийной и общественной жизни, возродился бессмертный дух Ленина во всей его чистоте и правдивости… Позвольте от имени всех присутствующих сердечно поздравить Вас и пожелать Вам и в дальнейшем так же плодотворно, с такой же кипучей энергией служить великому делу Ленина, добиваясь все новых и новых побед в борьбе за счастье народов, за мир, за коммунизм».

Никто не догадывался, что произносивший эти речи, а также некоторые из соавторов торжественного адреса уже не один месяц разрабатывали планы отстранения юбиляра от власти. Семичастный, присутствовавший на этом приеме, вспоминал: «Тех, кто знал в тот момент, что семидесятилетие Хрущева станет его последним торжеством на посту высшего государственного и партийного деятеля, было пока не очень много. Я же относился к группе посвященных. Я слущал оды в честь юбиляра, неумеренные восхваления, в частности, Брежнева, и пытался одновременно читать по лицам, что же на самом деле все эти люди чувствуют. Вел я внутренний разговор и со своей собственной совестью. Это правда, что Н.С. Хрущев во многом мне в жизни помог. И я никогда не забывал всего, что он для меня сделал. Мое тогдашнее неприятие касалось лишь его более позднего политического развития, а именно оно заслуживало и неприятия, и отзыва с должности».

В ответ на выступления Брежнева Хрущев поблагодарил собравшихся. А затем он произнес слова, в которых можно увидеть невольное предвидение им скорого конца своей политической карьеры: «Должен сказать, когда человеку 70 лет, то если давать ему очень большие авансы, можно, так сказать, не получить полной оплаты за аванс. (Веселое оживление

в зале.) Почему? Потому что времени не так много дано человеку, чтобы расплатиться за все, что ему говорят в его юбилейную дату… Смерть для некоторых политических деятелей иногда наступает раньше их физической смерти… В день моего семидесятилетия вы мне говорите добрые слова, как бы даете аванс на будущее. Но я хотел бы сказать, что не от меня все зависит. Я работаю в коллективе». Казалось, что Хрущев предчувствовал, что скоро он лишится возможности работать в этом коллективе, а, стало быть, и возможности заниматься государственной деятельностью.

Чествования и награждения Хрущева не ограничились этим. В 4 часа дня юбилейные торжества были продолжены в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Теперь А.И. Микоян произнес слова приветствия и еще раз огласил коллективное письмо от имени членов советского руководства. Потом приветственные выступления руководителей союзных республик (заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.П. Кириленко, первого секретаря ЦК КП Украины П.Е. Шелеста, первого секретаря ЦК КП Белоруссии К.Т. Мазурова и других) чередовались с выступлениями глав иностранных делегаций: от Болгарии выступил Т. Живков, от Венгрии – Я. Кадар, от Германской Демократической Республики – В. Ульбрихт, от Монгольской Народной Республики – Ю. Цеденбал, от Польши – В. Гомулка, от Чехословакии – А. Новотный, Румынии – И. Маурер, от Финляндии – У. Кекконен, от Ганы – специальный представитель президента этой страны Кваме Нкрума. В чехословацкой делегации находился будущий лидер «пражской весны», а тогда первый секретарь Компартии Словакии Дубчек. До этого некоторые из руководителей делегаций вручили Хрущеву высшие награды своих стран. Антонин Новотный вручил Хрущеву орден Белого льва с Золотой цепью, И. Маурер – Звезду Румынской Народной Республики первой степени, Цеденбал – орден Сухэ-Батора, Ульбрихт – орден Карла Маркса. Живков объявил о присвоении Хрущеву звания Героя Народной Республики Болгарии и вручил ему орден Георгия Димитрова. Те руководители, которые не наградили Хрущева в этот раз, успели его наградить ранее.

В последующие дни в центральных газетах были опубликованы многочисленные приветствия в адрес Хрущева от партийных руководителей, глав государств и правительств многих стран мира, включая Фиделя Кастро, премьер-министра Англии А. Дугласа-Хьюма, президента Индии С. Радхакришнана, главы государства Камбоджи نородома Сианука, премьер-министра Кении Джомо Кениаты. Приветствие было и от Генерального секретаря ООН У Тана. Среди этих посланий выделялось поздравление от руководства Компартии Китая, подписанное Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньлаем. После приветственных слов в адрес Хрущева в послании было сказано: «Если только мы будем стоять на марксистско-ленинской позиции, то империалисты и реакционеры различных стран во главе с США, говоря по существу, никогда не ослабят своих усилий в проведении антисоветской, антикитайской, контрреволюционной и антинародной политики… Хотя между нами существуют ныне разногласия по целому ряду принципиальных вопросов марксизма-ленинизма и сложилась такая обстановка, когда отсутствует сплоченность, но мы твердо убеждены, что это лишь временное явление. В случае возникновения в мире крупных событий, КПК и КПСС, КНР и СССР и народы наших стран будут стоять плечом к плечу и совместно бороться против общего врага. Пусть империалисты и реакционеры содрогаются перед нашей сплоченностью. Они неизбежно потерпят крах».

Многочисленные знаки уважения к Хрущеву, высказанные в день его рождения, свидетельствовали прежде всего о великом положении нашей страны в мире. В то же время не было сомнений и в том, что Хрущев воспринимался как неоспоримый руководитель Советского Союза, пользовавшийся огромным авторитетом как среди друзей СССР, так и среди его врагов. После столь торжественного празднования 70-летия, стольких приветствий и наград, после столь проникновенных слов Брежнева и его коллег в адрес Хрущева смещение его было бы трудно объяснить порочностью его политики. Поэтому Брежнев стал настаивать на физическом устранении Хрущева. В этом случае можно было бы избежать объяснений причин его отстранения от власти. Эти предложения Брежнев стал высказывать во время поездки Хрущева в Египет.

Семичастный вспоминал: «Было предложено Брежневым: "Может, отравить его?" Тогда я сказал: "Только через мой труп. Ни в коем случае. Никогда я на это не пойду"». Тогда Брежнев,

по словам Семичастного, предложил «устроить авиационную катастрофу при перелете из Каира в Москву». Как вспоминал Семичастный, Брежнев говорил: «Самолет стоит на чужом аэродроме, в чужом государстве. Вся вина ляжет на иностранные спецслужбы». Семичастный возражал: «С Хрущевым летает преданный ему экипаж. Первый пилот – генерал Цыбин, вы знаете, начал летать с ним еще подполковником в сорок первом. Прошел всю войну. Да и как вы все это представляете? Мирное время. Кроме Хрущева в самолете Громыко, Гречко, команда и, наконец, наши люди – чекисты. Этот вариант абсолютно невыполним». Между тем ничего не подозревавший Хрущев вместе с членами своей делегации и членами своей семьи пересекал водные просторы Черного и Средиземного морей на борту теплохода «Армения».

Сергей Хрущев вспоминал: «Еще в день приезда президент Насер объявил о награждении отца орденом Ожерелье Нила, которым отмечали за особые заслуги, и то чрезвычайно редко… Возникла проблема: каким советским орденом можно наградить президента Насера и командующего вооруженными силами маршала Мухаммеда Амера… Отец, долго не раздумывая, принял представление о присвоении звания Героя Советского Союза президенту Насеру и – по предложению маршала Гречко – маршалу Амеру… В Москву ушла соответствующая шифровка, и вскоре был получен положительный ответ в виде Указа Президиума Верховного Совета СССР за подписью Брежнева. Привезли и запечатанный сургучными печатями сверток с наградами. В торжественной обстановке отец вручал ордена Насеру и Амеру». Из этого рассказа следует, что решение о наградах Насера и Амера решалось лишь после прибытия Хрущева в Египет.

Шелепин же утверждал, что до отъезда Хрущева в Египет Президиум ЦК принял решение наградить Насера орденом «Дружбы народов», но Хрущев нарушил это решение. Хрущев, очевидно, не понимал отношения советских людей к званию Героя Советского Союза. Считалось, что такого звания заслуживают лишь люди, проявившие чудеса героизма в мирной жизни или совершившие воинский подвиг в боях за Родину. Первыми Героями Советского Союза были летчики, спасавшие с риском для жизни участников экспедиции «Челюскина», пилоты, впервые перелетевшие через Северный полюс. Затем героями стали мужественные воины Великой Отечественной войны, сражавшиеся под Сталинградом, форсировавшие Днепр, штурмовавшие Берлин, партизаны «Молодой Гвардии» и Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Николай Гастелло, космонавты СССР. Как известно, И.В. Сталин наотрез отказался принять это звание после того, как оно было ему присвоено в июне 1945 года. Он возмущался: «Я не ходил в атаку с винтовкой наперевес!»

Как указывалось ранее, первым руководителем зарубежной страны, которому было присвоено звание Героя Советского Союза, стал Фидель Кастро. Награждение популярного Фиделя приветствовали в СССР. Во-первых, потому что он, руководитель и участник штурма крепости Монкады и победоносного народного восстания против коррумпированного диктатора, был олицетворением революционного героизма, в духе которого были воспитаны несколько поколений советских людей. Во-вторых, потому что в трудные дни Карибского кризиса Фидель Кастро олицетворял героизм кубинцев, стоявших рядом с советскими воинами.

Однако поскольку президент Алжира Бен Белла также олицетворял революционный героизм своего народа, Хрущев присвоил и ему звание Героя Советского Союза. Вероятно, это было лишним. Во-первых, в отличие от Кубы, Алжир не был столь близок к СССР. Сотрудничество Алжира и СССР не прошло через горнило таких испытаний, через какие прошла кубино-советская дружба. Во-вторых, о Бен Белле было мало известно в СССР и он не казался личностью, заслуживающей звания «Героя», а уж тем более «Советского Союза». Но, присвоив Бен Белле звание Героя Советского Союза, Хрущев создал опасный прецедент. Теперь любой лидер стран Азии, Африки и Латинской Америки, объявлявший себя революционером, мог претендовать на звание Героя Советского Союза. Хотя подавляющее большинство советских людей, кроме ярых поклонников Израиля, не испытывало неприязни ни к Насеру, ни к Амеру, их возмущение награждением двух руководителей Египта золотыми звездами Героя Советского Союза было велико и лишь усилило недовольство Хрущевым.

Во время пребывания в Египте Хрущев принял участие в торжественном пуске Асуанской плотины, построенной на советские средства и с помощью советских специалистов. Помимо Хрущева и Насера в церемонии пуска плотины приняли участие президент Алжира Бен Белла,

президент Йемена Ас-Саляль и президент Ирака Ареф. Последний пришел к власти в феврале 1963 года в результате военного переворота, в ходе которого был убит руководитель Ирака Абдель Касем и расстреляны тысячи коммунистов во главе с Салямом Адилем. В СССР с возмущением реагировали на переворот Арефа, а одну из московских улиц назвали именем Саляма Адиля. Теперь Хрущев вынужден был вместе с Арефом нажимать кнопку пуска плотины, построенной Советским Союзом. После выступления Арефа на митинге по случаю пуска плотины, в котором тот подчеркивал необходимость сплочения всех арабов, выступил Хрущев. Он говорил о том, что арабы бывают разные: есть арабы – рабочие, а есть – капиталисты. «О каких арабах говорите вы? О рабочих арабах или арабских капиталистах?» – спрашивал Хрущев Арефа. После выступления Хрущева к нему подошел Насер и стал объяснять ему, что Ареф – сторонник единства арабских стран и Египет будет поддерживать Арефа.

Впрочем, Хрущеву понравились рассуждения Арефа об арабском социализме. Еще больше ему понравились подобные высказывания Насера. Он пришел к выводу, что Насер строит в Египте социалистическое общество, и решил помочь ему в этом. Своим волевым решением Хрущев в ходе переговоров с президентом Египта Насером сократил египетский долг наполовину (на 2,5 миллиарда долларов). В отчете о своей поездке на заседании Президиума ЦК 26 мая Хрущев расхваливал ее итоги. Аджубей добавлял: «В сложной обстановке диалектическое мышление Никиты Сергеевича схватывало суть, зерно существенного».

Тем временем Хрущев снова стал готовиться к зарубежной поездке, на сей раз в Скандинавские страны, которая начиналась 15 июня. По подсчетам Таубмэна, Хрущев в 1963 году в течение 170 дней был вне Москвы в СССР или заграницей, а за первые 9 месяцев 1964 года он 150 дней находился за пределами Москвы. Пребывание Хрущева и его многочисленных помощников вне Москвы лишь облегчало подготовку заговора против него.

Сергей Хрущев утверждает, что еще до начала поездки его отца в Египет была заметна «непонятная перемена в поведении Леонида Ильича. Его всегда отличала широкая располагающая улыбка, готовая сорваться с языка шутка. На сей раз он был мрачен, даже отцу отвечал односложно, почти грубо». С.Н. Хрущев объяснял эту перемену решением освободить Л.И. Брежнева от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР на июльской сессии Верховного Совета. Утверждалось, что Л.И. Брежневу очень нравилась эта должность, связанная с официальными церемониями, вручениями верительных грамот послов и правительственных наград, государственными визитами глав зарубежных стран и визитами в эти страны. В июле 1964 года этот пост занял А.И. Микоян. Позже Сергей Хрущев писал: «Только в последнее время, когда стали известны многие обстоятельства тех лет, все стало выглядеть в ином свете. Очевидно, к маю окончательно оформилось решение избавиться от Хрущева. Оставалось, видимо, продумать детали и возможные сроки. Тогда, в Ялте, Брежнев, вероятно, не смог скрыть своего истинного отношения к отцу».

Тем временем, по словам Семичастного, «круг посвященных постепенно разрастался, однако все еще не существовало конкретного плана и единой стратегии действий. Вопросы, что делать, а главное – как дальше действовать, не выходили целыми днями из головы Брежнева… Однажды он снова мне позвонил и попросил зайти: хочет, мол, обсудить один практический вопрос. Вскоре я был в его кабинете. В это время Хрущев собирался выехать в Швецию и, как уже стало традицией, намеревался ехать туда всей семьей – сначала на поезде до Ленинграда, а оттуда на корабле по морю. Предложение Брежнева звучало весьма ясно: "Что если бы КГБ задержал поезд Хрущева при его возвращении из Ленинграда где-нибудь у Завидова и изолировал Первого секретаря?" Семичастный замечал: "При таком варианте вступление в должность нового «Первого» прошло бы в обстановке полной безопасности". Разумеется, в то время Леонид Ильич, будучи вторым секретарем ЦК КПСС, уже понял, что тем новым, кто заменит Хрущева, будет именно он. Однако он хорошо расценивал и свои возможности, а потому по мере приближения решающего момента его страх перед Никитой Сергеевичем нарастал. Предложение Брежнева меня неприятно удивило. Даже если бы в конце концов группа Президиума остановилась именно на таком варианте (в чем я вовсе не был уверен), наши действия были бы совершенно противозаконными и вызвали осуждение во всем мире».

Брежнев вновь стал настаивать на том, что Хрущева следует физически ликвидировать.

Семичастный размышлял: «И вообще как такое возможно было бы осуществить? Ни я, ни Брежнев своей собственной рукой никогда бы ничего такого не сделали. Тогда кто же это должен быть? «Некто» из круга тех, кто десятки лет работает с Хрущевым? Кто его охраняет и готовит еду?» Он энергично возражал Брежневу: «Сначала вы меня информировали о плане созвать пленум Центрального Комитета и на нем поставить этот вопрос. Я считаю, что только такое решение возможно, – твердо подытожил я». «Сразу же после встречи с Брежневым, – вспоминал Семичастный, – я снял трубку и позвонил Шелепину. "Послущай, – сказал я ему, – тянут нас куда-то в сторону. Хотят чужими руками совершить преступление, а потом?… Что будет потом?" "Кто его знает, что будет потом!" Шелепин был полностью со мной во всем согласен». Бывшие комсомольские руководители разгадали коварство Брежнева и его союзников. Ведь последние могли свалить убийство Хрущева на Шелепина и Семичастного, а затем, быстро их устранив, объявить о спасении страны от зловещих заговорщиков, которые убили Хрущева и готовили убийство других членов Президиума ЦК.

Недоверие друг к другу сдерживало заговорщиков и мешало в осуществлении рос планов. Подозрения стал вызывать и Н.Г. Игнатов. Семичастный писал, что «Игнатов… старался на обоих фронтах обеспечить себе "задние ворота", чтобы иметь возможность в случае успеха или провала замысла против Хрущева снова вернуться в Политбюро (Президиум ЦК. – *Прим. авт.).* С одной стороны, вел переговоры с Брежневым, а с другой – передал через своего охранника предостерегающий сигнал Сергею Хрущеву, а через него – и его отцу, Никите Сергеевичу».

В середине сентября 1964 года Сергей Хрущев находился в особняке на Ленинских горах, когда однажды вечером раздался звонок «вертущки», то есть аппарата правительственной связи. Спрашивали Никиту Сергеевича. С.Н. Хрущев удивился, так как был уверен, что всем известно, что его отца нет в Москве. Звонил Василий Иванович Галюков, бывший начальник охраны Н.Г. Игнатова. Он сказал С. Хрущеву: «Выслущайте меня… Мне стало известно, что против Никиты Сергеевича готовится заговор! Об этом я хотел сообщить ему лично. Это очень важно. О заговоре мне стало известно из разговора Игнатова. В него вовлечен широкий круг людей». Когда Сергей Хрущев предложил В.И. Галюкову сообщить об этом Семичастному, тот ответил: «К Семичастному я обратиться не могу, он сам активный участник заговора вместе с Шелепиным, Подгорным и другими. Обо всем этом я хотел лично рассказать Никите Сергеевичу. Ему грозит опасность».

В.И. Галюков и С.Н. Хрущев договорились встретиться на Кутузовском проспекте. По пути Сергей Хрущев вспоминал, что его сестра Рада уже говорила о звонке некоей женщины, предупреждавшей ее о заговоре против их отца летом 1964 года. С подобным предупреждением обратился к Раде и бывший управляющий делами ЦК В.В. Пивоваров, но начальник 4-го Главного управления Министерства здравоохранения А.М. Марков посоветовал Раде не обращать внимания на эти предупреждения.

Тем временем Сергей Хрущев подъехал к дому на Кутузовском проспекте, где Галюков подсел в его машину, и они поехали за город. Лишь оказавшись в вечернем подмосковном лесу, Галюков стал рассказывать Сергею Хрущеву. По его словам, 3 августа Н.Г. Игнатов попросил его сопровождать во время своего отдыха на юге. 8 августа они прибыли в Сочи в санаторий «Россия» на правительственную дачу, предоставляемую обычно лишь для членов Президиума ЦК. По ходу дела Игнатов объяснил Галюкову, что его пребывание на даче обеспечивают Шелепин и Семичастный. Галюкова якобы удивило, «почему плохо скрываемая вражда сменилась такой сердечностью».

В ходе своего пребывания в санатории Игнатов постоянно встречался с местными руководителями различных областей. Галюков рассказал, что во время встречи с секретарем Чечено-Ингущского обкома Титовым и председателем Волгоградского облисполкома Чмутовым «рассказывали анекдоты о Хрущеве. Все громко смеялись». Однако в этом Галюков не увидел «ничего подозрительного». В это время все рассказывали анекдоты о Хрущеве. 29 августа Игнатов вел телефонный разговор с Брежневым, при котором присутствовал Галюков. В ходе разговора он сообщал Брежневу, что первый секретарь КП Армении Заробян «настроен хорошо». Он сказал в трубку о Заробяне: «Наш человек», а затем добавил: «Леня, но об одном я тебя прошу, все надо сделать до ноября». Игнатова несколько беспокоили настроения грузинского руководства, но Брежнев его успокоил. Кроме того, он сказал Брежневу, что он

собирается «прощупать» первого секретаря Краснодарского сельского крайкома Г.И. Воробьева.

31 августа Игнатов прибыл с Галюковым в Краснодар, где встретился с Воробьевым на митинге по случаю вручения краю ордена. После митинга Игнатов до поздней ночи ходил с Воробьевым по парку правительственного особняка, и они о чем-то долго разговаривали. На следующий день, 1 сентября, беседа между Игнатовым и Воробьевым была продолжена. Вскоре в нее включились Н.И. Байбаков и первый секретарь Ростовского обкома Миронов. Во время этой беседы позвонил Брежнев, который позвал Игнатова. Последний сообщил Брежневу: «У меня здесь Воробьев, мы с ним обо всем переговорили. Говорил я еще и с саратовским секретарем Шибаевым. Сначала не понимали друг друга, но потом нашли общий язык, так что с ним тоже все в порядке, я его обработал».

6 сентября, после обеда, на котором Игнатов опять встречался с рядом местных руководителей, ему позвонил Подгорный. В ответ на пожелания Подгорного успехов, Игнатов, по словам Галюкова, ответил: «Главный успех не от нас, а от тебя зависит». «Тут, – сказал Галюков, – он обратил внимание, что я остался в кабинете, и кивнул мне – можешь быть свободен. Я потихоньку вышел и закрыл дверь.» Галюков констатировал: «Происходившее в последние дни – шущуканье допоздна, недомолвки, намеки – все это возбуждало любопытство и настораживало меня. Вот и сейчас выставили».

Галюков вспоминал, что 7 сентября, «проводив краснодарцев домой, Николай Григорьевич пригласил меня на прогулку. "Видишь, никто за него и тоста не поднял. Это хорошо"! – с удовлетворением произнес Игнатов. "За кого «за него»?" – не понял я. "За Никиту". Без видимой связи с предыдущим он добавил: "Титов – хороший человек"».

Больше встреч и бесед Игнатова, вызвавших подозрения у Галюкова, не было. Но после возвращения в Москву Галюков стал свидетелем телефонных разговоров Игнатова. Тот пытался дозвониться до отдыхавших Кириленко и Брежнева. Ему ответили: Кириленко купается в море, а Брежнев заболел. Услышав эти ответы, Игнатов разволновался. Шагая из угла в угол, он приговаривал: «Болеет или не болеет? Что это у него за болезнь? Нужная это болезнь или ненужная?…» Почувствовав себя лишним, я вышел. Вернулся я в кабинет примерно через час. Игнатов сидел в кожаном кресле и умиротворенно улыбался. «"Ничего. Все в порядке. У него просто грипп. Все нормально", – сказал он».

Галюков недоумевал: «почему грипп у Брежнева – это нормально? Но этот разговор добавил к списку необычных событий, происходивших в течение последнего месяца. Если сложить все эти мелочи вместе, получается подозрительная картина. Недомолвки, намеки, беседы один на один с секретарями обкомов, неожиданная дружба с Шелепиным и Семичастным, частые звонки Брежневу, Подгорному, Кириленко… Почему упоминается ноябрь? Что должно быть сделано до ноября?»

Рассказ Галюкова занял два часа. К этому времени совсем стемнело. Сергей Хрущев решил: «Надо все не спеша обдумать и решить, что делать дальше. Пороть горячку в таком деле нельзя». Он поблагодарил Галюкова, взял у него домашний номер телефона, который тот дал с большой неохотой. Позже Сергей Хрущев узнал, что предосторожности были напрасными: КГБ СССР все было известно о переговорах Галюкова с ним.

Кто был прав: Сергей Хрущев, который верил Галюкову, что тот действовал по собственной инициативе, или Владимир Семичастный, который считал, что Галюкова направил к Сергею Хрущеву Игнатов, чтобы на всякий случай «подстраховаться» и доказать преданность Хрущеву? Версия Семичастного не выдерживает критики, так как из содержания рассказа Галюкова следовало, что Игнатов являлся ярым ненавистником Хрущева и одним из энергичных инициаторов заговора. Вряд ли после такого рассказа Галюкова Хрущев доверился бы Игнатову. В то же время поверить тому, что Галюков действовал в одиночку, также трудно. Эта версия отвечает той, что была обыграна в фильме «Серые волки». Однако Семичастный справедливо указывает в своих мемуарах: «По ходу действия фильма Галюкова убивают. Это абсолютный вымысел. После известных событий 1964 года, он, живой и здоровый, работал у Мураховского, бывшего первого заместителя Предсовмина». Сергей Хрущев подтверждал, что вплоть до конца 1980-х годов Галюков работал в аппарате Совета Министров СССР. Если бы Галюкова считали человеком, который едва не сорвал заговор против Хрущева, то вряд ли

после отставки Хрущева руководство КГБ СССР допустило бы не только пребывание Галюкова в аппарате Совета Министров СССР, но и в Москве вообще.

Почему Галюков не был наказан? С.Н. Хрущев утверждал в своих воспоминаниях, что Галюков находился под наблюдением КГБ. Он писал, что домашний телефон Галюкова, а также «телефон правительственной связи в квартире Хрущева… прослушивался, а наша встреча с Василием Ивановичем была зафиксирована от первого до последнего шага. И потом мы не могли сделать ни шагу без ведома "компетентных органов". Почему же руководство КГБ СССР во главе с Семичастным, получавшее сведения о переговорах Галюкова с Сергеем Хрущевым, не помешало им? Можно сделать предположение: действия Галюкова были на руку Семичастному, так как он и Шелепин были заинтересованы в том, чтобы спровоцировать Хрущева на активные действия.

В это время Семичастный и его союзник Шелепин стремились ускорить ход событий. В своих воспоминаниях Семичастный писал: «Для нас с Шелепиным один вопрос сменялся другим. Что предпримет Хрущев, если к нему просочится новая информация и снимет все его сомнения? Придет ли ему на помощь Малиновский (которому до сих пор еще никто ничего не сказал!) – так, как семь лет назад Никите Сергеевичу помог Жуков? Как тогда Хрущев поведет себя по отношению ко мне и Шелепину? О чем придется говорить с Брежневым и Подгорным? Мы превратимся в заговорщиков? Станем врагами? Нерешительность Брежнева становилась опасной. Поэтому при следующей встрече с ним я уже давил на него: "Неопределенность решения грозит мне и всем вам большой опасностью". И я произнес слова, которые наконец-то подтолкнули Брежнева к решительным действиям. "Помните, – сказал я, – если Хрущев узнает правду, то прежде всего он отдаст приказ мне, чтобы я, в соответствии со своими служебными обязанностями, арестовал вас как члена «антипартийной группы». И я, Леонид Ильич, буду вынужден это сделать"». Однако Семичастный вряд ли стал спокойно ожидать такого развития ситуации. Предупреждая через Галюкова Хрущева о готовящемся заговоре, Семичастный подталкивал его, а тем самым и Брежнева к активным действиям. В то же время те сведения, которые сообщил Галюков Сергею Хрущеву, лишь помогли сбить его отца с толку.

Возможно, заговорщики узнали, что некоторые люди уже попытались предупредить Хрущева и членов его семьи о готовящемся заговоре. Однако все эти предупреждения не содержали ничего конкретного. Между тем опасность того, что люди, занимавшие значительно более высокое положение, чем те, что до сих пор пытались предупредить Хрущева о заговоре, была велика. Как следует из воспоминаний тогдашнего первого секретаря П.Е. Шелеста, в ходе двух бесед, которые с ним вел Л.И. Брежнев, он «решил держаться на расстоянии», сказав: «Вы сами там и разбирайтесь. Мы в низах работаем». Шелест откликнулся лишь на слова Брежнева: «Мы думаем собрать Пленум и покритиковать его», сказав: «Так в чем дело? Я – за».

Не поддержал критику Хрущева, высказанную Н.Г. Егорычевым, первый секретарь ЦК партии Литвы А.Ю. Снечкус. Позже он объяснял Егорычеву, что счел его слова провокацией. Егорычев вспоминал: «Я проводил зондаж и с ленинградцами. Секретарь обкома Василий Толстиков так и не понял, о чем речь. Убеждал меня, что Хрущев – молоток. А к моим доводам, что этот молоток расколотил вдребезги отношения со всеми, с кем мог, Толстиков остался глух». Неудачно прошла беседа и с М.А. Сусловом, когда Егорычев во время похорон Мориса Тореза в июле 1964 года в Париже стал приводить примеры ошибочной политики Хрущева: «Вот, например, Хрущев выступает на пленуме и говорит, что нам такая Академия наук не нужна. Такая Академия была нужна царю… А для чего отнимают приусадебные участки у врачей и учителей, работающих в сельской местности? Я только что приехал из Владимирской области. Там по участкам сельской интеллигенции прошли тракторами, поломали заборы, перепахали посадки на огородах». Суслов, по словам Егорычева, «замял разговор».

Любой из этих людей мог сообщить Хрущеву о нелояльных речах Егорычева. Могли донести и на Демичева, Шелепина, Брежнева, Полянского, Подгорного, которые вели такие же беседы с различными руководителями разного уровня. Эти сведения могли исходить от людей, которых, в отличие от Галюкова, Хрущев хорошо знал и мог им доверять. Между тем как сведения, которые передал Галюков, были так составлены, что могли привести Хрущева и близких к нему людей к неверным выводам и толкнуть к ошибочным действиям.

Во-первых, по словам Галюкова, некие события должны были развернуться перед

ноябрем, а стало быть, получалось, что вплоть до конца октября у Хрущева было время. Во-вторых, из рассказа Галюкова следовало, что главной фигурой в предполагаемом заговоре был Игнатов, не обладавший реальной властью. Более того, получалось, что поведение Брежнева и других членов Президиума ЦК вызывали у Игнатова сомнения и даже тревогу, а стало быть, они еще не сделали окончательный выбор. В-третьих, из рассказа следовало, что пока Игнатов лишь занимался ведением каких-то переговоров с руководителями обкомов и ему, скорее всего, еще предстояло немало вести такие переговоры. В-четвертых, из рассказа Галюкова нельзя было ничего понять о роли Шелепина и Семичастного. В-пятых, в рассказе Галюкова ни слова не говорилось о Малиновском. Между тем Хрущев прекрасно знал из опыта событий в июне 1953 года и в июне 1957 года, что без руководителей силовых структур осуществить смену руководства страны невозможно. Скорее всего, информация, которую передал Галюков, была им согласована с руководством КГБ. Ведь бывший начальник охраны Игнатова работал в этой системе.

Наконец, Хрущев мог предположить, что тайные переговоры Игнатова с Брежневым, Подгорным и местными руководителями свидетельствуют не о стремлении сместить его, а об их недовольстве теми переменами, которые Хрущев собирался совершить на ноябрьском пленуме ЦК КПСС. Об этом писал Сергей Хрущев: «Я слышал о планах отца. На Пленуме для начала собирались расширить состав Президиума ЦК. За последние годы выросла молодежь: Шелепин, Андропов, Ильичев, Поляков, Сатюков, Харламов, Аджубей. Очень инициативные товарищи». Но вряд ли разговорчивый Никита Сергеевич посвятил в свой планы лишь своего сына. Скорее всего, Брежнев и другие заговорщики были знакомы с планами Хрущева. Зная об этом, Хрущев мог решить, что эти люди сговариваются лишь с целью помешать расширению членов Президиума ЦК КПСС. Поскольку Хрущев собирался ввести Шелепина в состав Президиума ЦК, он не мог поверить тому, что Шелепин заодно с Брежневым.

Есть сведения о том, что включением в состав Президиума ЦК новых членов Хрущев не собирался ограничиться. Еще на июльском пленуме ЦК КПСС Хрущев сообщил, что на намеченном на ноябрь пленуме ЦК будет предложена новая реорганизация управления сельского хозяйства. Он собирался ликвидировать межрайонные территориальные управления, созданные после мартовского (1962 г.) пленума ЦК. Одновременно он готовил реформы в области науки. Хрущев решительно поставил вопрос: нужна ли стране Академия наук? 18 июля Хрущев направил свою записку «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации». Кроме того, Хрущев предложил пересмотреть главные направления и задачи планирования на 1966–1970 годы. 26 сентября на совместном заседании Президиума ЦК и Совета Министров СССР (в нем участвовало 400 человек) Хрущев без согласования с членами Президиума ЦК предложил заменить пятилетние планы семилетними и восьмилетними. Очевидно, что, увидев невыполнение плана семилетки по сельскому хозяйству, Хрущев хотел скрыть этот факт в новых планах развития.

24 июля на заседании Конституционной комиссии Хрущев высказал свои замечания по проекту новой Конституции СССР. Генерал-полковник Н.И. Москвителев, служивший в это время в Киеве, вспоминал, как в середине сентября 1964 года прибывший из Москвы генерал Г.П. Данин «собрал нас, коммунистов» и сказал, что «все мы накануне великого события. Через день-два придет указание, и мы будем называть Никиту Сергеевича нашим вождем». Возможно, что генерал был под впечатлением каких-то разговоров, которые вели наиболее рьяные сторонники Хрущева. Действительно, уже на XXII съезде Хрущева объявили «продолжателем дела Ленина».

Между тем эти очередные преобразования, намеченные Хрущевым, вызвали ропот среди многих руководящих деятелей страны. Историк С. Семанов писал: «Одни стонали от того, что "пошли под хвост" плоды долгой и упорной работы по составлению народнохозяйственных планов и балансов. Других пугали «идеологические» аспекты грядущей государственной реформы. Третьи со страхом ждали обещанной «перетряски» кадров. Эта атмосфера недовольства, тревоги и неуверенности способствовала тому, что ряды «заговорщиков» стали быстро пополняться». Росло недовольство и среди рядовых членов партии. Последней каплей, переполнившей чашу терпения сельской интеллигенции, было решение о ликвидации приусадебных участков у этой категории лиц. И.П. Казанец, работавший на Украине,

вспоминал: «Мы тогда в Совете министров Украины за один месяц получили 16 тысяч возмущенных писем». Казанец говорил об этом Хрущеву, но тот настаивал на своей очередной реформе.

Сохранялось недовольство и разделением местных органов партии на городские и сельские. Этим также воспользовались заговорщики. С. Семанов привел свидетельства работника Псковского обкома партии Ю. Королева: «Брежнев в один из сентябрьских дней 1964 года вызвал к себе группу руководящих работников (в том числе и меня) и дал поручение: побывать в нескольких республиках и областях. Мы поняли: надо посмотреть, как реагируют на это решение (раздел партийных организаций на промышленные и сельскохозяйственные) руководители и коммунисты на местах.

Но дал задание Леонид Ильич в какой-то неясной форме, намеками. Видно, сам боялся провала собственной миссии. Поэтому говорил примерно так: «Это правильное мероприятие, верное партийное решение. ЦК одобрил его. Вы только посмотрите повнимательнее, как на местах народ реагирует, довольны люди или нет. Через некоторое время группа докладывала Брежневу итоги своих поездок. Беседа велась очень осторожно, без каких-либо политических оценок и крайних выводов. Леонид Ильич, как мне показалось, был удовлетворен общими результатами. Они, бесспорно, свидетельствовали о неудаче эксперимента и падении авторитета Хрущева в партийных кругах».

В сентябре же была проведена встреча многих из руководителей заговора в Ставрополье, которых принимал тогдашний секретарь Ставропольского крайкома партии Ф. Кулаков. Об этих событиях ничего не рассказывал Сергею Хрущеву Галюков. Создается впечатление, что заговорщики умышленно выбрали Сергея Хрущева для передачи умело сфабрикованной информации. Вероятно, они догадывались, что Сергей Хрущев, в отличие от своего отца, не заметит пробелов и нескладностей в версии Галюкова. Они знали, что Сергей Хрущев больше разбирается в своей работе у Челомея, чем в государственных делах.

В то же время, если заговорщики рассчитывали на невнимание Сергея Хрущева к проблемам государства, то они явно перестарались, так как он не спешил бить тревогу. Судя по его воспоминаниям, этот молодой ученый думал прежде всего о себе и о том, не повредит ли ему в будущем участие в этой интриге. Ни интересы страны, ни даже забота о положении его отца не заставили его действовать немедленно. Сергей Хрущев вспоминал: «И Брежнев, и Подгорный, и Косыгин, и Полянский – все они часто бывают у нас в гостях, гуляют, шутят. Многих я помню с детства еще по Киеву. Если все это окажется ерундой, выдумкой малознакомого человека… что они будут обо мне думать?» Сергей Хрущев решил подождать возвращения отца с ракетного полигона, где проходили испытания ракет предприятий Янгеля и Челомея. Когда же Н.С. Хрущев вернулся домой, то сын стал интересоваться прежде всего тем, почему были отвергнуты ракеты Челомея, в создании которых он принимал участие. Лишь через неделю после возвращения отца Сергей сообщил ему о беседе с Галюковым. Поэтому старания Семичастного ускорить развитие событий не сразу увенчались успехом.

Первой внешней реакцией Хрущева на пересказ Сергеем информации Галюкова было недоверие к ней: «Нет, это невероятно… Брежнев, Подгорный, Шелепин – совершенно разные люди. Не может этого быть… Игнатов – возможно. Он очень недоволен, и вообще он нехороший человек. Но что у него может быть общего с другими?» На самом деле Хрущев тут же решил проверить информацию, полученную его сыном. 29 сентября в первый же рабочий день после возвращения с ракетодрома Хрущев побеседовал с Подгорным в присутствии Микояна. Н.С. Хрущев говорил сыну: «Я в двух словах пересказал им твой рассказ. Подгорный просто высмеял меня. "Как вы только могли такое подумать, Никита Сергеевич?" – вот его буквальные слова». Услыхав это, Сергей Хрущев подумал прежде всего о себе: «У меня сердце просто упало. Этого мне только не хватало: завести себе врага на уровне члена Президиума ЦК! Ведь если все это ерунда, то Подгорный, да и другие, кому он не преминет обо всем рассказать, никогда мне не простят. Все, что я рассказал, можно квалифицировать как провокацию против них».

Скорее всего, Хрущев не слепо доверился Подгорному, а решил просто увидеть его реакцию на обвинение в заговоре. Хрущев не рассказал сыну о том, что он поставил вопрос о заговоре в лоб перед всеми членами Президиума ЦК. Ссылаясь на слова Игнатова, историк С.Н.

Семанов писал, что перед своим отъездом на отдых в Пицунду, Хрущев сказал на заседании Президиума ЦК: «Что-то вы, друзья, против меня затеваете. Смотрите, в случае чего разбросаю, как щенят». По словам Игнатова, многих из присутствовавших это повергло в полущоковое состояние. Придя в себя, «друзья» чуть ли не хором стали клясться, что ни у кого из них и в помыслах не было и быть не могло. Тем не менее Хрущев, обращаясь к Микояну, проговорил: «Давай-ка, Анастас Иванович, займись этим делом, постарайся выяснить, что это за мышиная возня». Не исключено, что таким образом Хрущев хотел спровоцировать заговорщиков на некие действия, которые бы безошибочно свидетельствовали об их заговоре.

1 октября Хрущев улетел в Крым, оттуда съездил в Краснодарский край, а затем прибыл на отдых в Пицунду. Перед отъездом он сказал, чтобы в его отсутствие Сергей организовал встречу Галюкова с Микояном. Из этого следовало, что Хрущев отнюдь не доверился словам Подгорного и заверениям других членов Президиума ЦК. Тем временем происходило то, чего больше всего опасался Семичастный: Хрущева стремились предупредить о наличии заговора те местные руководители, которых он хорошо знал и которым он мог бы поверить. КГБ надо было постоянно следить, чтобы такие люди не вступили в контакт с Хрущевым. Позже секретарь ЦК Компартии Украины О.И. Иващенко рассказала С.Н. Хрущеву, что в начале октября пыталась дозвониться до его отца по «ВЧ», но соединиться с ним ей не удалось. Вместо информации, которую Хрущев мог получить от Иващенко и других людей, которым он мог всецело доверять, он располагал лишь туманными сведениями от Галюкова.

К тому же Микоян почему-то не спешил побеседовать с Галюковым. Прошло несколько дней после отъезда Н.С. Хрущева на юг, прежде чем Микоян попросил Сергея Хрущева привезти к нему Галюкова в его особняк на Ленинских горах. Микоян попросил Сергея Хрущева записывать содержание разговора. Изложив все, что он уже рассказывал Сергею Хрущеву, Галюков стал отвечать на вопросы Микояна. Они касались исключительно Игнатова и его отношения к Хрущеву. Из ответов Галюкова следовало, что Игнатов был недоволен возвышением Кириченко, а затем Козлова, Брежнева и других. Однако в последний год его отношение к Брежневу, Подгорному, Шелепину, Семичастному изменилось.

Когда Галюков кончил говорить, Микоян поблагодарил его: «Все, что вы сказали, очень важно. Вы проявили себя настоящим коммунистом. Я надеюсь, вы учитываете, что делаете это сообщение мне официально и тем самым берете на себя большую ответственность… Я не сомневаюсь, что мы знаем и Николая Викторовича Подгорного, и Леонида Ильича Брежнева, и Александра Николаевича Шелепина, и других товарищей как честных коммунистов, много лет беззаветно отдающих все свои силы на благо нашего народа, на благо Коммунистической партии, и продолжаем к ним относиться как к своим соратникам по общей борьбе!» Сергей Хрущев вспоминал, что Микоян попросил его записать эти слова.

В своих мемуарах Микоян так характеризовал свое отношение к рассказу Галюкова: «Я, выслущав его, понимал, что человек этот честный и говорит то, что думает. Но было и впечатление, что он может все сильно преувеличивать. Большинство фактов – мелкие, недостаточно убедительные. Слова Игнатова о тех или иных людях были неопределенные – "хороший человек", "нехороший человек". Ругань в адрес Хрущева понятна, имея в виду амбициозность Игнатова и тот факт, что Хрущев не ввел его в Президиум ЦК, а надежды на приближение к власти у того всегда были. С другой стороны, от Игнатова можно было всего ожидать.

Но все остальные? Хрущев еще в Москве, до отъезда в Пицунду, сказал мне, что не верит в «заговор» Шелепина и Семичастного; не верит, что Воронов мог объединиться с Брежневым – они друг друга ненавидели; Суслова он вообще идеализировал. Похоже, он принимал подхалимаж всерьез и не верил, что люди, поставленные им так высоко, способны против него пойти. Я их хуже знал. Он же лет двадцать со многими из них работал до того, как поднять их в руководство партией. Если он им больше верит, чем этому чекисту, почему я должен меньше верить? Поговорив с чекистом, я все же не имел твердого мнения, прав ли он или заблуждается. Решил в Пицунде оставить это на усмотрение Хрущева. Все равно мне делать было нечего по этому вопросу, он мне только поручил выслушать, никаких особых полномочий, естественно, не дал».

Справедливо обратив внимание на недостаточность фактов в словах Галюкова, Микоян в

то же время явно лукавил, заявляя, что он хуже знал указанных людей, чем Хрущев. Кроме того, получалось, что, если бы Хрущев дал ему «особые полномочия», Микоян всерьез занялся бы расследованием заговора. Возможно, что Микоян по-иному отнесся бы к информации, если бы Хрущев вернул его к более активной работе, чем та, которой теперь занимался Микоян на посту председателя Президиума Верховного Совета СССР. У Сергея Хрущева, и не только у него, впоследствии создалось впечатление, что Микоян подозревал о наличии заговора, но по собственным соображениям решил успокоить Хрущева. Этого нельзя исключить. Ведь на каком-то этапе заговорщики, зная о некоторых конфликтах между Хрущевым и Микояном, могли обратиться к последнему и начать осторожно прощупывать почву. Будучи опытным политическим деятелем, Микоян мог сразу же догадаться, что стоит за таким зондажем. Но даже если такого зондажа не было, Микоян мог понять из разговора с Галюковым, что в верхах партии созрел заговор. Ведь, как следовало из приведенного выше разбора Микояном встреч Игнатова с Серовым, для него, кремлевского руководителя, было азбучной истиной: если партийные руководители, которые не имеют общих деловых интересов, начинают часто общаться друг с другом, за этим стоит заговор. Микоян, вероятно, решил себя вести так же, как он вел в июне 1953 года и в июне 1957 года: поддержать в последний момент сильную сторону, но при этом сохранив видимость независимой позиции. Весь политический опыт подсказывал Микояну: Хрущев окончательно запутался как политик и изжил себя как государственный деятель.

На другой день Сергей Хрущев расшифровал свою запись и записал ее почти печатными буквами. В тот же день он вместе с записью отправился в Пицунду. На даче Н.С. Хрущев изучал расшифрованные донесения послов. Когда пришел Микоян, то Сергей Хрущев сказал: «Я привез запись, Анастас Иванович. Что с ней делать?» За Микояна ответил Никита Сергеевич: «Отдашь Анастасу… Вчера приезжал к нам Воробьев, секретарь Краснодарского крайкома. Мы его спросили обо всех этих разговорах с Игнатовым. Он все начисто отрицал. Оказывается, ничего подобного не было. Он нас заверил, что информация этого человека, забыл его фамилию, – плод воображения. Он у нас тут целый день был. Еще пару индюков в подарок привез, очень красивых…» Считая эту тему исчерпанной, отец вернулся к текущим делам. Я оторопел. Так значит, они все эти дни не только ничего не предпринимали, но даже не пытались выяснить, соответствует ли истине полученная информация?» Вряд ли это было так. Скорее всего, Н.С. Хрущев скрывал от сына свои подозрения в отношении своих коллег, так как еще не выяснил, в чем суть заговора и кто состоит в рядах заговорщиков.

Тем временем Сергей Хрущев передал Микояну привезенную запись, а тот спрятал ее почему-то в бельевой шкаф. Возможно, что Микоян умышленно старался успокоить Хрущева. И все же вряд ли только влиянием Микояна можно объяснить спокойное поведение Хрущева в последние часы перед переворотом. Скорее всего, сведения от Галюкова убеждали его в том, что речь идет о какой-то склоке между различными руководителями страны. Но даже если бы заговорщики сумели на время отстранить Хрущева от власти, он мог быть уверен в том, что, как и в 1957 году, после поражения на Президиуме, он смог бы разгромить своих оппонентов, используя информационную блокаду и давление силовых министерств. Его верные сторонники – редактор «Известий» Аджубей, редактор «Правды» Сатюков, председатель Госкомитета по радио и телевидению СССР Харламов и другие руководители средств массовой информации – обеспечивали Хрущеву контроль над общественным мнением страны. Хрущев не сомневался в поддержке Малиновского. Хрущев не мог быстро разувериться в Семичастном, которого он воспитывал как политического руководителя на Украине, а затем выдвигал на различные посты в Москве. Вероятно, от КГБ и лично от Семичастного Хрущев получал сведения, которые притупляли бдительность Первого секретаря. В то же время с начала октября Семичастный мог теперь передавать Брежневу сведения о том, что Хрущев постоянно требует информацию о заговоре против него, и поэтому промедление чревато крайней опасностью для всех заговорщиков.

Если Семичастный рассчитывал, что, запустив Галюкова в стан Хрущева, он добьется того, что тот начнет расспрашивать заговорщиков и это их встревожит, то он не ошибся. Однако он вряд ли ожидал, что Брежнев так начнет паниковать. Первый секретарь Московского горкома партии Н.Г. Егорычев вспоминал: «Он (Брежнев) позвонил мне на квартиру…

"Слущай, Коля, ты не мог бы прийти ко мне пораньше в ЦК?" Договорились, что я приеду к половине девятого. Приезжаю. Он взял меня за руку и повел. За большим кабинетом у него был второй, поменьше, для личной работы, потом через комнату отдыха мы прошли туда, где у него были ванна и туалет. "Знаешь, Коля, – говорит, – Хрущеву стало все известно про подготовку пленума. Ему все известно! Он нас расстреляет!" И раскВасился. Слезы градом текут. Я говорю: "Да вы что, Леонид Ильич! Умойтесь". Подвел его к раковине, потом дал полотенце и продолжил: "Имейте в виду: никто нас не расстреляет. Что мы делаем против партии? Ничего. Мы готовим пленум ЦК. Если мы не правы, нам так скажут, что мы не правы". Но Брежнев, хотя и перестал рыдать, настаивал на своем: "Ты его плохо знаешь, он нас всех расстреляет"».

Поразительным образом участник Великой Отечественной войны и опытный руководитель, бывавший порой грозным с подчиненными, Л.И. Брежнев пуще всего на свете боялся гнева выше стоявшего начальства. Он был единственным за всю историю партии, кто упал в обморок во время бурных заседаний Президиума ЦК в июне 1957 года. Он «рыдал» от окриков Кириченко. Теперь же он плакал от страха перед Хрущевым. Очевидно, что к этому времени у Брежнева уже не осталось иллюзий о «либеральности» Хрущева. Брежнев уже знал о подозрительности Хрущева, его нетерпимости к чужим мнениям, склонности отстранять от власти реальных или мнимых оппонентов. Знал он и о мстительности Хрущева. Он ясно представлял, как будет расправляться Хрущев с заговорщиками в случае их провала.

Страх настолько парализовал Брежнева, что он отказывался беседовать с Малиновским и уехал с официальным визитом в ГДР. По словам Семичастного, «он вернулся лишь после того, как 10 октября свое согласие дал Малиновский». Тем временем к заговору присоединился и НА. Косыгин. Семичастный утверждал, что он «первым делом спросил: "С кем КГБ?" И только узнав, что КГБ согласен на этот шаг, ответил: "Я буду поддерживать"».

Глава 6
РЕШЕНИЕ, ОПОЗДАВШЕЕ НА 11 ЛЕТ

11 октября 1964 года, когда Сергей Хрущев прибыл в Пицунду, Л.И. Брежнев вернулся из Берлина в Москву. 12 октября в Москву прибыл Н.В. Подгорный. Семичастный вспоминал: «Перед КГБ стояла задача обеспечить спокойный и гладкий ход событий… «Проблематичных» в этом плане чекистов оставалось примерно пять или шесть десятков. Именно столько их было в команде, обеспечивающей личную охрану Хрущева, которая находилась в это время вместе с ним на Черном море. Формально они неизменно были в моем подчинении, однако в случае если бы высший представитель отдал им другую команду, они не могли бы его ослущаться. Разработали мы также план обеспечения порядка в столице и особенно в Кремле, где и должна была развернуться дискуссия на Президиуме ЦК, а затем и работа пленума… Все работали с пониманием и добросовестно. В это время наша военная контрразведка и контрразведывательные подразделения Московского округа получили приказ строго следить за любым, даже самым малейшим движением войск в округе и при передвижении их в сторону Москвы немедленно сообщать в КГБ. Пришло время действовать!» Таким образом, помимо чекистов, охранявших Хрущева, недоверие Семичастного вызывали и части Московского военного округа, которые могли выступить на стороне Хрущева.

Сергей Хрущев вспоминал: «Утро двенадцатого октября встретило нас теплой, ясной погодой. Невысокое солнце пригревало… Микоян не появлялся, а отец после завтрака и массажа удобно расположился в кресле на открытой террасе плавательного бассейна, выстроенного у самой кромки воды. Тут же стоял плетенный столик с аппаратом "ВЧ"».

К Хрущеву подошел его помощник В.С. Лебедев, который держал в одной руке толстую папку с полученными сегодня из Москвы документами, а в другой – тугой портфель с материалами по новой Конституции. Лебедев заверил Хрущева, что в почте нет ничего срочного. «Хорошо, сейчас посмотрим. А как дела с материалами по Конституции?» – «В ближайшие дни обработаем ваши замечания и представим», – ответил Лебедев. Хрущев пояснил сыну: «Мы тут на свободе занялись подготовкой текста новой Конституции. Затянули это дело. Хотелось к Пленуму в ноябре подготовить редакцию для обсуждения. Я надиктовал свои мысли, сейчас над ними работают».

В это утро Хрущев ждал сообщений о запуске космического корабля «Восход». Впервые на борту корабля должно было находиться сразу три космонавта: В.М. Комаров, К.П. Феоктистов и Б.Б. Волков. Хрущев следил за часами. «Запуск прошел, – объявил он и посмотрел на телефон. Аппарат молчал, – вспоминал Сергей Хрущев. – Обычно сразу после запуска отцу звонил заместитель Председателя Совета Министров, отвечающий за ракетную технику, докладывал о результатах, потом звонил Королев, иногда Малиновский… На сей раз телефон молчал долго. Отец занялся бумагами, но сосредоточиться не мог. То и дело поглядывал на массивный белый аппарат. Никто не звонил. Прошло полчаса, сорок минут – молчание становилось все более странным». Хрущев потребовал, чтобы его соединили с заместителем Председателя Совета Министров Л.В. Смирновым, ведавшим, в частности, космическими исследованиями. Хрущев стал ругать Смирнова за то, что тот не сообщил ему о запуске космического корабля. Смирнов сослался на занятость. Сергей Хрущев считал, что Смирнов «уже все знал и не торопился звонить отцу. Для него смена власти фактически произошла».

Через полчаса к Хрущеву пришел Лебедев и сообщил, что установлена прямая связь с космонавтами. Хрущев вошел в небольшой кабинет. Туда же устремились многочисленные фото– и кинокорреспонденты. Свой рапорт командир корабля В.М. Комаров начал привычными словами: «Докладываю ЦК КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву…» Хрущев дружески поздравил Комарова и других космонавтов. Потом он сказал: «Передаю трубку Анастасу Ивановичу Микояну. Он у меня ее буквально вырывает из рук, не могу же я отказать ему в этом». Микоян говорил об «"общей радости" всех советских людей». Затем трубку снова взял Хрущев, который сказал: «До свидания, товарищи. Ждем вас на Земле. До свидания». Комаров ответил: «До свидания, дорогие Никита Сергеевич и Анастас Иванович. Мы вас поняли – вы ждете нас на Земле, и мы с вами встретимся. Мы доложим о выполнении порученного нам задания». Хрущев еще раз сказал: «До свидания». И это было последнее его слово, прозвучавшее в советском эфире.

Хрущев не знал, что ему не доведется встретить космонавтов во Внуково и что он фактически прощался со всей Советской страной.

Тем временем, как вспоминал Семичастный, «12 октября все собрались на квартире у Леонида Ильича Брежнева». К этому времени члены Президиума решили пригласить Хрущева на свое заседание и высказать накопившиеся к нему претензии. Однако для этого надо было пригласить Хрущева. Шелепин вспоминал: «Вроде Подгорному и надо звонить. Но он накануне разговаривал с Хрущевым. И Подгорный отказывается: "Я не буду звонить, а то вызову сомнения, я с ним недавно разговаривал, ничего не было, а тут вдруг – вызываем". Решили, что позвонит Брежнев». Как свидетельствовал Семичастный, «дорожащего Брежнева нам пришлось к телефону буквально тащить – такой страх он испытывал от сознания того, что именно ему приходится начинать всю акцию. Вызвали Пицунду и стали ждать (связь обеспечивали мои люди). Наконец на другом конце провода раздался голос Хрущева».

В октябре в Пицунде солнце рано садилось. Хрущев и Микоян прогуливались по темной аллейке вдоль моря. По словам Сергея Хрущева, «прогулку прервал подбежавший дежурный: "Никита Сергеевич, вас просит к телефону товарищ Суслов". Все повернули к даче. Отец с Микояном вошли в маленький кабинет, где стоял аппарат «ВЧ». Я последовал за ним. Охрана осталась в парке. Отец снял трубку: "Слущаю вас, товарищ Суслов"». Возможно, что разночтения между воспоминаниями Сергея Хрущева и воспоминаниями Шелепина и Семичастного (первый утверждал, что говорил Суслов, последние уверяли, что говорил Брежнев) связаны с тем, что Брежнев все-таки не смог набраться смелости позвать Хрущева и за него это сделал Суслов, который уже потом передал трубку Брежневу.

Шелепин вспоминал: «Брежнев трусил. Боялся. Не брал трубку… Страшно это было. Брежнев дрожал, заикался, у него посинели губы: "Никита Сергеевич, тут вот мы просим приехать… по вашим вопросам, по вашей записке". Хрущев: "По какому вопросу?" Брежнев: "По сельскому хозяйству и другим". Хрущев: "Решайте без меня". Брежнев: "Без вас нельзя". Хрущев: "Я подумаю"». Семичастный утверждал, что Хрущев сказал: «Эти вопросы могут и подождать. Обсудим их вместе после моего возвращения из отпуска». Мы стояли, столпившись, рядом с Брежневым. Выражения лиц Подгорного, Суслова, Полянского,

Шелепина и других выдавали их внутреннюю напряженность: что теперь Леонид Ильич сделает? Мы стали подсказывать, чтобы Брежнев настаивал. «Нет, Никита Сергеевич, – Брежнев придал своему голосу решительный тон. – Мы уже решили. Заседание созвано. Без вашего участия оно не может состояться». Хрущев был несколько удивлен, но ясного ответа не давал. «Хорошо, – сказал он наконец. – Мы здесь подумаем с Анастасом». На этом разговор был закончен.

Семичастный «отправился в свой кабинет на Лубянку, и каждый час Брежнев названивал мне: есть ли новости?» Тем временем в Пицунде Хрущев обратился к Микояну: «Якобы собрались все члены Президиума и у них возникли какие-то срочные вопросы по сельскому хозяйству, которые надо обсудить перед Пленумом. Настаивают, чтобы я завтра же прилетел в Москву. Ты слышал, я хотел отложить до возвращения из отпуска, но они не соглашаются. Придется лететь. Ты полетишь?» «Конечно». Хрущев отдал распоряжения об отлете и перенес встречу с министром Франции Гастоном Палевским с обеденного времени на утро. Семичастный вспоминал: «Только в полночь дежурный по правительственной охране доложил, что Хрущев затребовал правительственный самолет в Адлер, ближайший к Пицунде аэропорт, к шести утрам следующего дня. Я немедленно передал эту информацию Брежневу. Тот обрадовался. Было ясно, что Никита Сергеевич прилетит, а вместе с ним прибудет и председатель Президиума Верховного Совета Микоян. Предусмотрительно я отправил в отпуск начальника личной охраны Хрущева Литовченко».

Тем временем Хрущев, его сын и Микоян отправились на прогулку. Шли молча. Потом заговорил Хрущев: «Знаешь, Анастас, нет у них никаких неотложных сельскохозяйственных проблем. Думаю, что этот звонок связан с тем, о чем говорил Сергей». Потом он отправил Сергея домой, а сам еще долго разгуливал с Микояном, о чем-то беседуя. Видимо, только сейчас Хрущев понял, что Брежнев хитрил в разговоре с ним. Однако по тону Брежнева он мог справедливо решить, что тот ощущает неуверенность. То обстоятельство, что Брежнев срочно вызывал его в Москву, Хрущев мог истолковать так, что в Президиуме идет острая стычка между различными группировками. Слова Брежнева о том, что без Хрущева ничего нельзя решить, могли лишь свидетельствовать о серьезности возникших разногласий. Однако, казалось, что Хрущев должен стать арбитром для разрешения спора, но никак не жертвой заговора. Исходя из опыта июня 1953 года, Хрущев мог решить, что в случае переворота его бы давно арестовали. Между тем охрана вела себя как обычно. Ему предоставлялась полная свобода действий, и его никто не вез в Москву под арестом. Возможно, что Хрущев и Микоян долго обсуждали вероятные варианты развития событий.

Сергей Хрущев вспоминал: «Утро 13 октября – последнее утро "славного десятилетия" Хрущева – встретило нас теплом и покоем. Распорядок дня не нарущался. Внешне отец был абсолютно спокоен. За завтраком он, как обычно, пошутил с женщиной, подающей на стол, посетовал на свою диету. Потом заговорил с помощником о текущих делах. После завтрака отец просмотрел бумаги». Спокойствие Хрущева говорило о его собранности, готовности к предстоящему трудному разговору на Президиуме и уверенности в своей победе над возможными оппонентами. Сергей Хрущев обратил внимание: «Одно только было необычным– телефоны молчали…» Но и это Н.С. Хрущев мог объяснить: члены Президиума ведут какой-то серьезный спор, и поэтому никто из них не обращается к нему, ожидая его возвращения.

Прием Гастона Палевского продолжался недолго. С.Н. Хрущев писал: «Меньше чем через полчаса гости удалились, а отец пошел к даче. Последний в его жизни официальный прием закончился. Пора было собираться в Москву. Вещи уже увезли на аэродром. Подали легкий обед – овощной суп, вареный судак. По совету врачей отец последнее время придерживался диеты. Ели молча. С нами за столом сидели, как обычно, помощники и личный врач отца – Владимир Григорьевич Беззубик».

Перед отъездом Хрущева сестра-хозяйка правительственной дачи вручила ему большой букет цветов. У ворот к машине подошел командующий Закавказским военным округом. Он извинился, что только он провожает Хрущева, так как, по его словам, первый секретарь КП Грузии В.П. Мжаванадзе находился на лечении в Барвихе, а председатель Совета министров Грузии Джавахишвили уехал по районам. Это выглядело правдоподобно, так как отъезд Хрущева из Грузии произошел неожиданно. Командующий округом сопровождал Хрущева до

аэродрома, рассказывая о положении в сельском хозяйстве Грузии, и это лишь подчеркивало то, что ни в стране, ни в положении Хрущева ничего не изменилось.

На аэродроме Хрущева встретил улыбающийся командир корабля генерал Цыбин, который доложил: «Машина к полету готова! Неполадок нет. Погода по трассе хорошая». По словам С.Н. Хрущева, «отец пожал ему руку, стал легко подниматься по трапу. За ним последовал Микоян. Они оба прошли в хвостовой салон… Отец не любил одиночества, и в полете в «хвосте» всегда собирались попутчики: он что-то обсуждал с помощниками, правил стенограммы своих выступлений, а то и просто разговаривал с сопровождающими. На сей раз было иначе. «Оставьте нас вдвоем, – коротко приказал он… Бортпроводница проносит в задний салон поднос с бутылкой армянского коньяка, минеральной водой и закуской, но через минуту возвращается, неся все обратно. Не до того… В заднем салоне, закрывшись от всех, два человека вырабатывали линию поведения, проигрывали варианты, пытались угадать, что их ждет там, впереди, в аэропорту Внуково-2».

Семичастный вспоминал: «Из аэропорта в Адлере правительственный самолет поднялся в воздух около десяти часов утра 13 октября. Я сообщил Брежневу, что Хрущев прилетит в Москву примерно в полдень, и спросил, кто поедет его встречать. Было принято, что Первого секретаря обычно встречают все члены Президиума, а также много других функционеров. "Никто не поедет, – неуверенно ответил Брежнев. – Поезжай сам". Тогда я спросил, как мне себя во время встречи вести. "Решишь все на месте", – отделался он от меня короткой фразой. Еще до того, как колеса самолета коснулись посадочной полосы, выяснилось, что столкновения с охраной или какого-либо насилия не будет: из Пицунды сообщили, что Хрущева сопровождают только пять членов его личной охраны. Аэродром был совершенно пуст. Вскоре после меня во Внуково прибыло еще несколько человек из Девятого управления, но те по моему указанию встали так, чтобы их не было видно. Прибыл и секретарь Президиума Верховного Совета Георгадзе, чтобы встретить своего шефа – Микояна».

Сергей Хрущев вспоминал: «Самолет подрулил к правительственному павильону в аэропорту Внуково-2. Последний раз взревели моторы, и наступила тишина. Внизу – никого. Площадка перед самолетом пуста, лишь вдали маячат две фигуры. Отсюда не разберешь, кто это. Недобрый знак. Последние годы члены Президиума ЦК гурьбой приезжали провожать и встречать отца. Он притворно хмурил брови, ругал встречавших «бездельниками», ворчал: "Что я, без вас дороги не знаю", – но видно было, что такая встреча ему приятна. Теперь внизу – никого».

Учитывая, что еще в начале 1950-х годов Хрущев снял первого секретаря Сталиногорского горкома за то, что тот не встретил его на улице, что Хрущев решил снять Жукова, после того, как выяснилось, что по его распоряжению Хрущева в Берлине не встретили Рокоссовский и Гречко, то можно себе представить, в какую ярость пришел Хрущев, когда увидел, что его не встречает никто из членов Президиума ЦК.

С. Хрущев вспоминал: «Медленно подкатился трап. Загадочные фигуры тоже приблизились вслед за ним. Теперь их уже можно узнать – это председатель КГБ Семичастный и начальник управления охраны Чекалов. Следом спешит Георгадзе. Отец, поблагодарив бортпроводниц, спускается по трапу первым. За ним в цепочку растянулись остальные. Семичастный подходит к отцу, вежливо, но сдержанно здоровается: "С благополучным прибытием, Никита Сергеевич". Потом пожимает руку Микояну. Чекалов держится на два шага сзади, руки по швам – служба. Лицо напряжено».

По словам Семичастного, Хрущев тут же спросил: «А где остальные?» Семичастный ответил: «В Кремле. Ждут вас». Никита Сергеевич глянул на меня, но ничего не сказал. "Вы будете обедать дома или в Кремле присоединитесь к остальным?" – нарушил я тишину вопросом. "Они уже поели?" "Наверное, нет. Ждут вас". Потом они обменялись парой фраз с Микояном. "Поедем в Кремль", – решили вместе». Хотя отсутствие членов Президиума ЦК во Внуково-2 могло возмутить и встревожить Хрущева не на шутку, миролюбивые вопросы Семичастного о том, где он будет обедать, никак не свидетельствовали о том, что Хрущев находится под арестом.

Сергей Хрущев вспоминал: «Проходим пустой стеклянный павильон. Эхом отдаются шаги. В дальних углах вытягивается охрана. Дежурный предупредительно открывает большую,

из цельного стекла, дверь. Напротив двери у тротуара застыл длинный «ЗИЛ-111», автомобиль отца. На площадке выстроились черные машины: еще один «ЗИЛ» – охраны, «Чайки» Микояна и Семичастного, «Волги». Хрущев и Микоян садятся в машину. Офицер охраны захлопывает дверцу и занимает место впереди. Автомобиль стремительно трогается и исчезает за поворотом. За ним срываются остальные. Семичастный на ходу запрыгивает в притормозившую "Чайку"».

«Поехали за ними», – сказал Семичастный своему шоферу. Он вспоминал: «Про себя воздал хвалу судьбе за то, что она помогла мне все провести так гладко. И только в пути я осознал, что допустил маленькую оплошность. За несколько дней до этого перепуганный Брежнев посоветовал мне для предосторожности – против обыкновения – брать с собой телохранителя. Телохранителем был всего один офицер, одетый к тому же в штатское. Мы, не спеша, двигались по Внуковскому шоссе к городу. Обычно я сидел рядом с водителем, а теперь мое место занимал охранник. Телохранители Хрущева обратили на это внимание и занервничали. Они все чаще стали оборачиваться, чтобы глянуть на нашу машину. Один раз обернулся и сам Никита Сергеевич». Хрущев и его охранники могли решить, что следовавшая за ними машина – это конвой. «Притормозите», – сказал Семичастный водителю, стараясь избежать неприятностей. Несколько минут машина Семичастного пережидала у края шоссе, а потом двинулась дальше.

Семичастный вспоминал: «Я снял телефонную трубку и сообщил о прилете Первого секретаря человеку, ожидавшему моего звонка за кремлевскими стенами. Как только Хрущев и Микоян прибыли на место и Никита Сергеевич закрыл за собой двери зала заседаний, я отдал еще несколько распоряжений. Прежде всего я отыскал майора, который в это время заменял в Кремле Литовченко, и сказал ему значительно: "Сейчас я меняю охрану в приемной Никиты Сергеевича, на его квартире и на даче. И ты давай со своей командой – в сторонку. Это решение Президиума ЦК. Ты коммунист, я – тоже. Поэтому давай решение выполнять. О своей дальнейшей работе в органах безопасности не беспокойся". "Товарищ председатель, – немедленно отреагировал майор. – Я офицер и коммунист. Все понимаю и сделаю так, как вы мне прикажете"». В общем, я принял все меры, чтобы охрана и связь на квартире, на даче, в машине Хрущева были замкнуты на начальника Девятого управления Чекалова и меня. Новая охрана приступила к своим обязанностям. На этом свои главные задачи я выполнил. Не оставалось повода дольше находиться в Кремле. Остаток дня я провел в своем кабинете на третьем этаже на Лубянке».

Тем временем Н.С. Хрущев вошел в свой кремлевский кабинет. Было около 4 часов дня. В кабинете находилось 24 высших руководителя партии. Здесь были все члены Президиума ЦК, кроме больного Ф.Р. Козлова, все кандидаты в члены Президиума ЦК, все секретари ЦК. Заговорщики не повторили ошибки Маленкова, Булганина и других, выступивших против Хрущева в отсутствие некоторых членов Президиума ЦК. Но главное отличие состояло в том, что сейчас участники заговора могли положиться на полную поддержку КГБ, Министерства обороты и значительной части членов ЦК. Хрущев, видимо, это еще не знал. Он, как обычно, занял председательское место, и открыл заседание словами: «Вы хотели обсудить проблемы в моем присутствии. О чем речь?»

Первым взял слово Л.И. Брежнев. В черновых записях заседаний сказано, что первый вопрос, который поднял Л.И. Брежнев, звучал так: «Ставят вопрос секретари: что означает восьмилетка». Затем был поставлен вопрос о ноябрьском пленуме и ликвидации территориальных производственных управлений. Далее было сказано о «разделении обкомов», и это означало, что у Брежнева и собравшихся были возражения против осуществленного два года назад раздела местных партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные. Следующие вопросы уже явно касались стиля работы Хрущева: «о частых структурных изменениях», «Хрущев, не посоветовавшись, выступил на совещании о восьмилетке», «общение стало через записки», «высказаться о положении в Президиуме ЦК», «общение с товарищами непартийное».

Записи лишь конспективно воспроизводят ответ Хрущева на эту критику: «Обеспокоен был. Аргументы веские. Главное – люблю свою партию, хочу быть полезным партии. К сожалению, не замечал и не ожидал. Записки посылал членам Президиума по всем вопросам. Разделение обкомов – не противоречит единому руководству. Допускал раздражительность. Я

выступаю о своих недостатках. Насколько хватит сил». Судя по этим записям, требования об отставке Хрущева еще не прозвучало и поэтому он объявил о готовности работать «насколько хватит сил». Дальше, как писал Гришин, Хрущев «предоставлял поочередно слово всем членам и кандидатам в члены Президиума ЦК. Каждый отмечал недостатки и ошибки в работе Первого секретаря ЦК».

Первым выступил кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь ЦК Компартии Украины П.Е. Шелест. В черновых записях о его выступлении сказано: «Мы– главный генеральный штаб, Резко видны недочеты и промахи. Переоценка успехов и новых идей ведут к срывам. С положениями записки Н.С. Хрущева нельзя согласиться. (Речь идет о записке «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации». – *Прим. авт.)* На партработу кадров не подобрать, сплошные реорганизации. В 1957 году ставили задачу догнать и перегнать США, а получился провал. Деятельность нашу дискредитирует. Говорили о жилье – не выполнили. Волевые решения. Не повышаем зарплату, а говорили, что повысим. О разделении обкомов – не на правильном пути стоим, нельзя молчать. О планировании – коллективно надо решать, а не единолично. Последнее заседание о плане, ничего не поняли. Ответственность и права республик – ответственность есть, а прав нет». Шелест подверг критике всю деятельность Хрущева, но не сказал, какие из этого могут последовать оргвыводы.

Следом выступил член Президиума ЦК и председатель Совета Министров РСФСР Г.И. Воронов: «В результате неправильного и непартийного отношения Хрущева создалась нетерпимая обстановка, возник новый культ личности Хрущева. Не менее опасный. По существу коллективного руководства нет. За 3,5 года я не имел возможности высказать свое мнение; окрики, оскорбления. Последнее совещание: Хрущев наговорил много ерунды. О плане – не знаем какой план. Мне говорил (видимо, Хрущев. – *Прим. авт.):* «Вы самый опасный человек». В записке много чепухи. Реорганизация – только и сидим на этом. Два обкома – жизнь не подтвердила. Отпустить на пенсию, я бы проголосовал». Таким образом. Воронов первым предложил отправить Хрущева в отставку.

Секретарь ЦК А.Н. Шелепин начал с упоминания положительного в политике Хрущева, сказав: «Линия правильная, за годы много сделано». Но тут же перешел к перечислению ошибок Хрущева: «Сколько пленумов – были митинги. У вас сосредоточена власть, вы ею стали злоупотреблять. Нетерпимая обстановка. Культ личности полностью сложился. Поддерживал вас, вера в вас падала, падала – обидно. Много демагогического. Самомнение непомерное. Зачем вы натравливаете друг на друга? Роль членов Президиума ЦК принижена. Среди членов Президиума ЦК нет друзей, окружили себя сомнительными людьми. Т. Поляков (этот секретарь ЦК присутствовал на заседании. – *Прим. авт.)* гнусную роль играет. Потеряли скромность. «Правда» – это семейный листок Хрущева. Откуда вы взяли – «дела у нас идут хорошо». Темп за 10 лет – упал. Национальный доход – с 11% до 4% упал. Волевые указания наносят вред. О строительстве. Строят 4-5-этажные дома. В сельском хозяйстве – карусель… Лозунг «обогнать» – авантюризм в политике. Резкостью оттолкнули от себя. «Мы разгоним Академию!» Перестройки в промышленности вред принесли. Оторвали науку от производства. Два обкома – ошибка и теоретическая ошибка».

«О внешнеполитическом курсе, о курсе на мирное сосуществовании, с империализмом мы должны быть строже. Отступаете от главной линии. Суэцкий кризис – на грани войны. Берлинский кризис – наша позиция ущерб нанесла. Кубинский кризис – авантюра, жонглирование судьбами народов. Лозунг «если СССР и США договорятся – все будет в порядке» – неправильно. О Китае – правильная позиция, но гибче проводить линию, в очень многом виноваты и вы. Зачем нужно Дежу говорить обидные слова. (Речь шла о грубом поведении Хрущева на переговорах с Георгиу-Дежем. – *Прим. авт.)»*

«Непостоянство. Выезды – семейные стали. О рязанском деле. Не брезгуете ничем». Последняя фраза была неясна и возможно, что речь шла о присвоении Хрущевым подарков от иностранных руководителей, подаренных ему, как главе СССР. В своих мемуарах Микоян писал: «Обвиняли еще, что взял у Насера в Египте в подарок пять автомашин. Я лично такие подарки отдавал в клуб завода "Красный пролетарий". Подарки из Японии передал в Музей восточных культур. Но у Хрущева сохранилось что-то крестьянское – он эти подарки себе и семье своей оставлял… а я поступал, по традициям 1920-х годов, когда крупные подарки не

принято было принимать и оставлять себе».

Слово взял член Президиума ЦК А.П. Кириленко: «Речь идет о серьезных ошибках – грубо стал нарущаться ленинский стиль руководства. Коллегиальность нарушается. Мнение других товарищей ничего не значит. Грубые оскорбления. Вы пытаетесь нейтрализовать замечания. Ничем не оправданно сосредоточение власти в одних руках. Слащавость любите, а людей честных – отталкиваете. Почему вы таким стали?»

Выступил кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь Компартии Белоруссии К.Т. Мазуров: «В партии происходят явления, которые противоречат ленинским указаниям. Культ создан. Провалов больше, чем могло быть. Стиль работы – записки. Нездоровое соревнование – догнать Америку. Непрерывные реорганизации. То одно указание, то другое единоличное решение привело к принижению партийной работы. Все возмущаются, что ликвидированы райкомы. Критики в ЦК нет. К руководителям других стран – отношение неправильное – национализм процветает. Забвение национального вопроса опасно. Культ зашел далеко, трудно его исправить».

Кандидат в члены Президиума ЦК и член Бюро по РСФСР Л.Н. Ефремов заявил: «Умы воспалены. Возражают против ликвидации производственных управлений. Скоропалительные выдвигаются идеи. Новые предложения вносятся одни за другим. В сельском хозяйстве – линия вырабатывается вами, но все поспешно, вне времени и пространства. Переоценка состояния механизации сельского хозяйства. В личном плане: вы были другим человеком. Вы грубите с кадрами. Субъективистский подход. Игра в вождизм. Высмеивание и сарказм. Урывками идет обсуждение внешнеполитических вопросов. Назойливо выпячиваются документы с вашим именем».

В своем выступлении кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь компартии Грузии В.П. Мжаванадзе говорил: «Первый раз говорим о правильном и справедливо. Опорочены (видимо, Хрущевым. – *Прим. авт.)* все: Микоян, Брежнев, Косыгин. Упразднение райкомов – преступление. Непоследовательность в сельском хозяйстве, неразбериха. Все вам дозволено. Пленум ЦК созвать». В отличие от июньского заседания Президиума ЦК, сейчас руководители партии были готовы решить вопрос о Хрущеве на пленуме ЦК.

Секретарь ЦК М.А. Суслов сказал: «Нет здоровой обстановки. В Президиуме – ненормальная обстановка, с точки зрения деловой. Генеральная линия правильная. Нарущение ленинских принципов и далеко пошли в их нарушении. Практически невозможно высказать иное мнение. Оскорбительно относитесь к работникам. Все положительное приписывается Хрущеву, недостатки – обкомам. Поощряете подхалимов. Сигналам придаете большое значение – от семьи. Семейные выезды. Поездки Аджубея неполезны. Один не может разобраться во всех вопросах – накручено. С новым планом – что делать не знают. Поднять роль Президиума и Пленума».

Кандидат в члены Президиума ЦК и председатель Всесоюзного Центрального Совета профсоюзов (ВЦСПС) В.В. Гришин начал с рассказа о позитивных сторонах Н.С. Хрущева: «Он к лучшему стремился и много сделано». Но тут же оговаривался: «Но товарищи правильно говорили– все успехи как будто исходили от т. Хрущева. Есть личные отрицательные качества. Нежелание считаться с коллективом. Диктаторство. Нет коллективного руководства. Поспешность, многие вопросы не продумываются. Технический уровень многих отраслей отстает. Управление промышленностью – неразбериха, наслоения. Масса комитетов, потеряли отраслевой подход. (Гришин имел в виду большое количество Государственных комитетов, созданных при Хрущеве вместо министерств. Они часто дублировали друг друга в своей деятельности. – *Прим. авт.)* В сельском хозяйстве – провалы – связывают с вами. Наскоком решаются вопросы. Пышно расцвел культ личности одного лица. Все берет на себя – нетерпимость к мнению других. Газеты заполнены вашими выступлениями, фотографиями. Интереса к профсоюзам не проявили. Все берете на себя, все доклады на себя. Правительственные органы парализованы. Ни ответа, ни привета по вопросам материального положения (в семилетке). Не уделяется с вашей стороны внимания. (Видимо, Гришин имел в виду отказ Хрущева реагировать на явное невыполнение заданий семилетнего плана по улучшению материального положения населения. – *Прим. авт.)* Пленуму доложить. Нецелесообразно сосредотачивать в одних руках власть».

Выступление В.В. Гришина было последним на заседании 13 октября, которое продолжалось до 8 часов вечера. Было решено продолжить заседание на следующий день. Семичастный вспоминал: «Вечером позвонил мне Брежнев и усталым голосом сообщил, что "на сегодня" заседание Президиума закончилось. "Что делать? Неужели отпускать Никиту?" "Пусть отправляется, куда хочет, – ответил я спокойно. – Он ничего уже сделать не может: все под контролем". Хрущев поехал домой».

Пока шло заседание Президиума ЦК, по радио и телевидению передавали сообщение об успешном приземлении космического корабля «Восход». Скорее всего, спуск космического корабля был ускорен. Ведь известно, что Хрущев бы обязательно присутствовал на встрече космонавтов во Внуково. Однако, судя по его планам, он не собирался в ближайшие дни покидать Пицунду и, стало быть, приземление «Восхода» не ожидалось так скоро. В это время даже многие информированные люди не знали о том, что происходило в Кремле. Сергей Хрущев встретился с сыном Микояна Серго и поделился с ним своими опасениями. Затем Сергей Хрущев позвонил А. Аджубею и попросил приехать к нему. Один из самых информированных людей страны А.Аджубей ничего не знал о происходившем и в ответ на его звонок в Кремль ему ответили, что действительно идет заседание Президиума ЦК, но о его повестке дня ничего неизвестно. По словам С.Н. Хрущева, «Аджубей стал звонить в разные места. Горюнову в ТАСС – ничего не знает; Семичастному в КГБ – нет на месте; Шелепину в ЦК – на заседании; Григоряну в ЦК – ничего не знает. Аджубей сник».

Сергей Хрущев вспоминал: «Около восьми часов вечера приехал отец. Машина его привычно остановилась у самых ворот. Он пошел вдоль забора по дорожке, это был его обычный маршрут. Я догнал его. Несколько шагов прошли молча, я ни о чем не спрашивал. Вид у него был расстроенный и очень усталый. "Все получилось так, как ты говорил", – начал он первым. "Требуют твоей отставки со всех постов?" – спросил я. "Пока только с какого-нибудь одного, но это ничего не значит. Это только начало… Надо быть ко всему готовым…"» Последняя фраза в последнем выступлении Гришина могла создать впечатление, что руководители партии предлагают лишь разделить функции Первого секретаря и Председателя Совета Министров СССР, а не отстранить Н.С. Хрущева от руководства. В то же время Хрущев понимал, что за отставай его с одного из этих постов могло вскоре последовать и его отстранение из руководства страны. Но, видимо, вечером 13 октября Хрущев считал, что этот процесс займет некоторое время.

Тем временем Аджубей попытался дозвониться до некоторых участников заседания. Однако телефоны Шелепина, Полянского и других молчали. Только через несколько дней С. Хрущев узнал, что «после отъезда отца все члены Президиума договорились к телефону не подходить: вдруг Хрущев начнет их обзванивать и ему удастся склонить кого-нибудь на свою сторону». Вечером Серго Микоян сообщил Сергею Хрущеву, что к А.И. Микояну приехал директор ИМЭМО академик А.А. Арзуманян и они долго беседовали. Когда беседа закончилась, С. Микоян вместе с С. Хрущевым и А. Аджубеем поехали к А. Арзуманяну. Академик пересказал им все, что он узнал от Микояна, а затем сказал: «Дело сейчас не в ошибках Никиты Сергеевича, а в линии, которую он олицетворяет и проводит. Если его не будет, к власти могут прийти сталинисты, и никто не знает, что произойдет. Нужно дать бой и не допустить смещения Хрущева. Однако, боюсь, это трудновыполнимо. Впрочем, нельзя сидеть сложа руки, попробуем что-то сделать». Сергей Хрущев писал: «Его слова вселяли надежду – отец не одинок. Ведь в 1957 году большинство членов Президиума тоже требовали его отставки, но Пленум решил иначе».

О том, что исход борьбы не был решен, свидетельствуют и воспоминания Семичастного: «Этой ночью спать мне не пришлось. Среди членов ЦК началось брожение: с кем идти, за кем идти? Непрерывно звонил телефон. Всем, кто обращался с вопросами ко мне, я отвечал, что информации о деталях обсуждения не имею. Утром следующего дня мне доложили, что Хрущев прибыл в Кремль и заседание Президиума продолжено. Хрущев казался более уравновешенным, тем не менее дискуссия длилась еще несколько часов».

На открывшемся утром 14 октября заседании первым слово взял член Президиума ЦК и заместитель Председателя Совета Министров СССР Д.С. Полянский. Он сказал: «Линия съездов правильная, другое дело осуществление ее Хрущевым… Мы не мирились и раньше, но

не были острыми. Другой Хрущев стал. В первую пятилетку вел хорошо себя. В последнее время захотел возвыситься над партией, стал груб. Сельское хозяйство – в первые годы шло хорошо, затем – застой и разочарование. 78 миллиардов рублей не хватает. Ослабление материально-технической базы. Сталина поносите до неприличия. Седеет деревня. Всех отстранили от сельского хозяйства. О восьмилетке – темним. Руководство через записки. Лысенко – Аракчеев в науке. 10 академиков Темирязевки не принимаете, а капиталиста сходу принимаете. Тяжелый вы человек. Теперь вы – другой. Заболели манией величия.

Вывод – уйти вам со всех постов в отставку. Вы же не сдадитесь просто». Очевидно, что члены Президиума ЦК, узнав о намерении Хрущева и Микояна «дать бой» и, возможно, добиться реванша даже после отстранения Хрущева с одной из должностей, решили действовать более радикально.

После того как Полянский кончил речь, Шелепин заметил: «Микоян ведет себя неправильно. Послущать его». Слово взял Микоян. Он постарался соединить критические высказывания в адрес Хрущева с упоминанием позитивных сторон его деятельности таким образом, чтобы общий вывод не привел к решению о его отставке: «Суслов прав – прямо говорит, решение съездов правильно. Стабильный состав Президиума – может управлять страной. Во внешней политике – вначале Хрущев мало владел внешней политикой, быстро овладел. Суэц – не были в состоянии войны, но риск был. Берлинский вопрос – я выступал против. В общем – правильно. Кубинский кризис – спорил. Подводный флот послать – сама идея на грани авантюризма. Блестящие беседы с иностранцами. Вспыльчивость, раздражительность – правильно. (Микоян, видимо, говорил о том, что критика этих черт характера Хрущева была правильной. – *Прим. авт.)* Нет мстительности. (Позже в своих мемуарах Микоян говорил прямо противоположное. – *Прим. авт.)* Идет на смелое выдвижение людей.

Окружение – отделить тт. Малина и Шуйского (работник Общего отдела ЦК и сотрудник секретариата Хрущева. – *Прим. авт.).* Подсовывали цифры, Старовский путает. (Микоян снимал обвинения в фальсификации статистических данных с Хрущева и обвинял в этом начальника Центрального статистического управления Старовского. – *Прим. авт.)* Не надо Хрущеву брать все на себя. По поводу обкомов – сначала я возражал. Неправильное отсечь. Хрущева разгрузить, должен оставаться у руководства партии». Так Микоян, поддержав отчасти критику в адрес Хрущева, пытался оставить его на посту Первого секретаря и в составе Президиума ЦК.

Потом выступил кандидат в члены Президиума ЦК и первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидов: «Линия ЦК правильная, страна имеет успехи. Жизнь ставит новые вопросы, кадры растут. Почему записка Хрущева разослана, а не решение? Надоели реорганизации. Производственные управления ликвидированы, райкомы ликвидированы. Принижена роль парторганов. Оба обкома – не оправдывают себя. О новой пятилетке – Президиум не обсуждал – совещание прошло без пользы. В вашем характере – противоречивость, в вашем выступлении – одно, в действиях – другое. Вам дают необдуманные цифры. Все с вашим именем связывают. Товарищей унижаете. Пленум созвать. Ленинский порядок». Во многом повторив содержание выступлений тех, кто высказался до Микояна, Рашидов тем самым продолжил наступление против Хрущева. Однако он не решился поддержать предложение Полянского.

Выступил член Президиума ЦК и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин: «Удовлетворен ходом обсуждения. Линия правильная. Полумерами не удастся решить. Стиль Хрущева – не ленинский. XXII съезд – два доклада на себя взял. Все сам, все сам. Письма льстивые рассылает, а критические нет. (Видимо, имелось в виду распространение Хрущевым членам ЦК писем, в которых выражалась поддержка политике Хрущева. – *Прим. авт.)* Противопоставили себя Президиуму ЦК и ЦК. Ни с кем не считаетесь. Интриговали. Доклад Суслова – сначала хвалил, потом хаял. Власть на вас давит. Вам нравятся овации. Записки и единоличные решения о пятилетке и восьмилетке. Военные вопросы – монополизировал. Созвать пленум, ввести пост второго секретаря. Вас освободить от всех постов». Таким образом, Косыгин решительно поддержал предложение Полянского.

В своем выступлении член Президиума ЦК и секретарь ЦК Н.В. Подгорный сказал:

«Согласен с выступлениями всех, кроме Микояна. Мы все с уважением относились к Хрущеву. Сейчас он другой. Культ личности процветает. Много хороших сторон есть. Колоссальные ошибки в реорганизации. Ссылки на Сталина – ни к чему. Сам делает хуже. По военным вопросам. Президиум не знает, что делается, и вы не знаете. О разделении обкомов – глупость. О взаимоотношениях с социалистическими странами – разброд. Вы виноваты. Обстановка с Хрущевым – невозможно поговорить. Разделить посты. Решить о пленуме. Как отразится на международных отношениях и внутренних? Отразится, но ничего не случится. Лучше, если бы сам попросил освободить».

Опять слово взял член Президиума ЦК и секретарь ЦК Л.И. Брежнев: «Согласен со всеми». Обращаясь к Хрущеву, он сказал: «С вами я прошел с 38-го года. В 57 году боролся за вас. Не могу вступить в сделку со своей совестью… Освободить Аджубея. Освободить Харламова. Рязанское дело – ваша вина… Освободить Хрущева от занимаемых постов, разделить посты».

Тем временем, по словам Семичастного, за стенами Кремля «напряженность продолжала нарастать. Поэтому, где-то в середине дня, я позвонил в Кремль и попросил позвать к телефону Брежнева. Тот откликнулся немедленно. Я сказал ему: "Продолжение дискуссии не идет на пользу: в зал может заявиться какая-нибудь делегация – спасать либо вас, либо Хрущева". "Что предлагаешь?" – тревожно спросил Брежнев. "Я за то, чтобы пленум собрался сегодня же. Еще одну ночь я не смогу контролировать ситуацию". Брежнев посоветовался с остальными и через полчаса сам мне позвонил: "Пленум откроется в шесть вечера. Мы договорились, что те, кто еще хочет выступить, получат по пять минут, а затем подведем черту"».

Записи выступлений секретарей ЦК в протоколе были короткими: «Андропов: Правильно делает Президиум. Предложение поддерживаю. Пономарев: Поддерживаю предложение. Ильичев: Согласен. Титов: Согласен с выводами. Рудаков: Согласен с выводами. Поляков: Согласен с выводами».

Опять выступил Микоян: «Говорил, что думал (видимо, он так оценил свое предыдущее выступление). Хрущев сказал, что за посты бороться не будет». Выступил член Президиума ЦК Н.М. Шверник: «Н.С. Хрущев неправильно повел себя. Лишить постов, удовлетворить просьбу».

Под конец заседания выступил Хрущев. Судя по черновым записям протокола, Шелепин довольно точно воспроизвел его речь: «Вы все много говорили о моих отрицательных качествах и действиях. Говорили также о моих положительных качествах, и за это вам спасибо. Я с вами бороться не собираюсь, да и не могу. (И тут у него на глаза навернулись слезы.) Я вместе с вами боролся с антипартийной группой. Вашу честность я ценю. Я по-разному относился к вам и извиняюсь за грубость, которую допускал в отношении Полянского, Воронова и некоторых других товарищей. Извините меня за это».

«Я многого не помню, о чем вы говорили, но главная моя ошибка состоит в том, что я проявил слабость и не замечал порочных явлений. Я пытался не иметь два поста, но ведь эти два поста дали мне вы! Ошибка моя в том, что я не поставил этот вопрос на XXII съезде КПСС. Я понимаю, что я за все отвечаю, но я не могу все читать сам. Что касается совмещения постов Первого секретаря ЦК и председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, то я считаю, что эти посты и впредь следует совмещать в одном лице. Что касается Академии наук СССР, то признаю, что допустил в отношении нее ошибку, за что извиняюсь. Вместе с тем считаю, что в таком виде Академия наук нам не нужна… Много здесь говорили о кукурузе, но имейте в виду, что кукурузой и впредь придется заниматься».

«О Суэцком кризисе. Да, это было опасно, но получилось-то хорошо. Берлинский кризис действительно поставил страну на грань войны. Я допустил ошибку, но вместе с тем горжусь, что все хорошо было сделано и так хорошо закончилось. Что касается Карибского кризиса, то да, я был инициатором. Этот вопрос мы обсуждали несколько раз, но решения не приняли – все откладывали».

«В отношении разделения обкомов партии на промышленные и сельские я считал и сейчас считаю, что решение об этом было принято правильное».

«Я понимаю, что меня, моей персоны уже нет, но я на вашем месте мою персону сразу не сбрасывал бы со счетов. Выступать на пленуме ЦК со слезами на глазах я не собираюсь. Я

расклеился. Я не прошу у вас милости. Уходя со сцены, повторяю: бороться с вами не собираюсь и «обмазывать» вас не буду, так как мы единомышленники. Я сейчас переживаю и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность Первого секретаря ЦК и говорить полным голосом… Разве я «культ»? Вы меня кругом обмазали г…, а я говорю: «Правильно». Разве это культ?! Сегодняшнее заседание Президиума ЦК – это победа партии».

«Я думал, что мне надо уходить. Но жизнь цепкая. Я сам вижу, что не справляюсь с делом, ни с кем из вас не встречаюсь. Я оторвался от вас. Вы меня сегодня за это здорово критиковали, да я и сам страдал из-за этого. Но в кости или в бильярд никогда не играл – всегда был на работе. Я благодарю вас за предоставляемую мне возможность уйти в отставку. Жизнь мне больше не нужна. Прошу вас напишите за меня заявление, а я его подпишу. Я готов сделать все во имя интересов партии. Я сорок шесть лет в партии состою – поймите меня. Я думал, что, может быть, вы сочтете возможным учредить какой-либо почетный пост. Но я вас не прошу об этом. Где мне жить, решите сами. Я готов, если надо, уехать куда угодно. Еще раз спасибо за критику, за совместную работу в течение рада лет и за вашу готовность дать мне возможность уйти в отставку».

По решению Президиума Ильичев и Гришин подготовили заявление от имени Хрущева с просьбой об отставке. Хрущев подписал это заявление, в котором говорилось, что он не может «выполнять ныне возложенные на меня обязанности».

После обеда заседание Президиума ЦК продолжалось без участия Хрущева. Микоян до конца старался добиться компромиссного решения. В своих воспоминаниях он писал: «Видя, что вопрос о его освобождении с поста Первого секретаря окончательно решен, я предложил сохранить его на посту Председателя Совета Министров хотя бы на год, а там видно будет». Объясняя мотивы своего предложения, Микоян писал: «Я имел в виду, что можно будет использовать его политический капитал во всем мире и правильное отношение к десталинизации, но лишив его возможности быть почти что полным диктатором, и таким образом иметь возможность противостоять его страсти к неоправданной административной чехарде».

Приехав к Хрущеву после этого заседания, Микоян рассказывал и о других предложениях, которые он вносил: «Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта Президиума ЦК, но мое предложение отвергли». Категорически против этих предложений выступил Косыгин. По словам Микояна, Брежнев сказал, что он понимает его предложения и их можно было бы принять, «если бы не характер Никиты Сергеевича. Его поддержали: очень уж боялись его решительности и неуемности». (Правда, Микоян все же не исключал того, что Хрущева могут сделать членом Президиума Верховного Совета СССР.) Затем Л.И. Брежнев предложил избрать Н.В. Подгорного Первым секретарем ЦК КПСС, но тот стал отказываться и предложил на этот пост Л.И. Брежнева. Это решение было принято. Было также решено рекомендовать на пост Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина.

14 октября, в 18 часов, в Свердловском зале Кремля открылся пленум ЦК КПСС. В это время мой отец был кандидатом в члены ЦК КПСС. Когда он получил от курьера извещение о пленуме ЦК, он стал обзванивать своих знакомых, чтобы выяснить, в чем дело, но никто ничего не знал. Он пришел в Кремль за несколько минут до назначенного срока. Рядом с ним сидел незнакомый ему генерал. Отец спросил его, не знает ли он, что происходит. Генерал ничего не знал. Вновь приходившие люди также ничего не могли сказать. Наконец, на сцене зала появились члены партийного руководства. По тому, что Н.С. Хрущев шел последним, многим присутствовавшим стало ясно, в чем дело. На плечах Хрущева был легкий серый плащ. Он сел в стороне от остальных членов Президиума ЦК и приложил ладони к щекам. Пленум открыл Л.И. Брежнев.

Брежнев заявил: «Товарищи! В связи с поступавшими в ЦК КПСС запросами о возникающих неясностях принципиального характера по вопросам, намечаемым к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре, а также по вопросам, связанным с планированием развития народного хозяйства на новый период, Президиум ЦК КПСС счел необходимым обсудить эти вопросы на своем заседании 12 октября… В ходе обсуждения на заседании членами Президиума, кандидатами в члены Президиума и секретарями ЦК стали подниматься и другие

важного значения вопросы, особенно о ненормальной обстановке в работе в Президиуме ЦК. Было признано неотложным и необходимым возникающие вопросы в присутствии Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября… В течение двух дней Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос об ошибках и неправильных действиях Хрущева. Все мы во время обсуждения придерживались единого мнения».

Брежнев передал слово для доклада М.А. Суслову. По оценке Семичастного, доклад продолжался два часа. Суслов суммировал обвинения в адрес Хрущева, выдвинутые на заседании Президиума ЦК. Хотя Суслов повторил слова о том, что Хрущев «после разгрома антипартийной группировки изменился, зазнался», на самом деле обвинения ничем не отличались от тех, что были выдвинуты в июне 1957 года. Несмотря на то что Молотову, Кагановичу, Маленкову мешали говорить на июньском (1957 г.) пленуме ЦК, они успели сказать, что с Хрущевым невозможно работать, что он всех оскорбляет и подавляет, что у него безгранично самомнение, что он лезет во все дела, не замечая собственной некомпетентности. Теперь об этом же говорил Суслов. В июне 1957 года также речь шла о том, что Хрущев принимает решения, не считаясь с другими членами Президиума, о «культе личности Хрущева», об импульсивных «зигзагах Хрущева» во внешней политике и его маниакальной склонности к реорганизациям системы управления внутри страны. Молотов, Каганович и Маленков дружно осуждали авантюристический лозунг «Догнать США по производству мяса, масла, молока в 2-3 года!». Теперь этот же лозунг и так же энергично высмеивали те, кто 7 лет назад с пеной у рта осуждали Молотова и других за попытку отстранить Хрущева от власти. Суслов, Подгорный, Полянский, Кириленко, Брежнев, Косыгин, Шелепин и другие, с возмущением отвергавшие в июне 1957 года обвинения в адрес Хрущева, теперь повторяли их, лишь дополняя примерами за последние семь лет.

Правда, в то время Советская страна еще была слишком сильна, чтобы даже заведомо ошибочные действия Хрущева могли остановить ее поступательное развитие. Возможно, что за фразами о «правильной линии съездов партии» скрывалась обоснованная удовлетворенность тем, что страна продолжала быстро развиваться, что за последние годы были достигнуты впечатляющие успехи в хозяйстве, науке, технике. Кроме того, деятельность Хрущева отнюдь не была однозначно порочной. Многие его действия принесли существенную пользу развитию страны. Возможно, что Суслов и другие критики Хрущева признавали его позитивную роль в достижении этих успехов.

В то же время заявления о «правильной политике ЦК» прикрывали чудовищную ошибку семилетней давности тех, кто теперь смещал Хрущева. Получалось, что в июне 1957 года нынешние члены Президиума и многие члены ЦК сознательно оставили у власти человека, непригодного к высшему руководству, лишь на семь лет затянув его диктаторское правление. В течение этих семи лет многие из теперешних обличителей Хрущева постоянно повторяли дежурные фразы об «исторических решениях» XX съезда и последующих съездов и пленумов, выражали восхищение деятельностью Хрущева, льстили ему в лицо, называя «гениальными» его вздорные предложения, провозглашая его «талантливейшим продолжателем дела Ленина, выдающимся теоретиком и практиком коммунистического строительства». Они поддерживали самые сумасбродные идеи Хрущева, терпели его хамские выходки. Тем самым они лишь умножили число катастрофических ошибок во внешней и внутренней политике страны, которых уже было допущено немало к июню 1957 года. За эти семь лет они могли убедиться в том, что Хрущев не возмутитель спокойствия в царстве застоя, каким они его представляли в июне 1957 года, а смутьян, способный вносить много дезорганизации и хаоса в государственную деятельность.

Правда, Молотов, Маленков и другие также виноваты в том, что слишком поздно поставили вопрос об отставке Хрущева. Назначение Хрущева на пост Первого секретаря ЦК КПСС было изначально ошибочным. В октябре 1964 года руководство партии и страны исправляло ошибку 11-летней давности.

Однако Суслов не только оправдывал ответственность нынешних руководителей страны за поддержку Хрущева в июне 1957 года, но и не пытался определить причины, каким образом нахальный и грубый, необразованный и самонадеянный авантюрист пришел к власти и продолжал править, невзирая на свои очевидные провалы. Очевидно, что руководство страны

не было готово к такому анализу положения в партии и обществе. Руководители страны не были способны самокритично взглянуть на нездоровую обстановку в своей среде, на интриги и подсиживания, в результате которых компетентный поиск деловых решений подменялся борьбой за власть с демагогическими обвинениями и компроматами. Нежелание серьезно и глубоко разбираться в причинах и следствиях пребывания Хрущева у власти выразилось и в том, что обсуждения доклада Суслова не была. Зато, как и в июне 1957 году, в зале звучали истерические вопли, но на сей раз адресованные Хрущеву.

Отец запомнил, как А.Б. Аристов, подбежав к трибуне, выкрикнул в лицо Хрущеву: «Дал Героя Советского Союза подручному Роммеля!»[10] Приблизившись к трибуне, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана Насриддинова выкрикнула: «Он оскорбил весь узбекский народ!» Кто-то еще рвался к трибуне, выкрикивая проклятия в адрес Хрущева. Звучали требования: «Исключить его из партии!» «Под суд его!» Хрущев сидел неподвижно, обхватив ладонями лицо.

Суслов зачитал заявление Хрущева с просьбой о своей отставке, а также проект постановления, в котором говорилось, что Хрущева освобождают от занимаемых им постов по состоянию здоровья. Брежнев предложил не открывать прений, и его предложение поддержали. Затем единогласно было принято постановление об отставке Хрущева.

Перешли к выборам новых первых руководителей страны. Слово взял Н.В. Подгорный, который внес предложение избрать Первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Это предложение было принято единогласно. Затем Л.И. Брежнев выступил с предложением избрать Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. И это предложение было принято единогласно.

Семичастный вспоминал: «Когда пленум закончился, в комнате, где обычно собирались члены Президиума ЦК, Хрущев попрощался с каждым за руку… Уместно здесь было бы напомнить, что, когда снимали со своих постов Молотова, Маленкова и Кагановича, их попросили покинуть зал заседаний сразу после принятия решения об их освобождении, и никто с ними даже не попрощался. Да и в Москве никого из них не оставили».

В отличие от Молотова, Кагановича, Маленкова и других, Хрущева не исключили из партии. Ему оставили многие материальные блага, которыми обладали советские руководители. В тот день А.И. Микоян сообщил Н.С. Хрущеву: «Меня просили передать тебе следующее… Нынешняя дача и городская квартира (особняк на Ленинских горах) сохраняются за тобой пожизненно… Охрана и обслуживающий персонал тоже останутся, но людей заменят… Будет установлена пенсия – 500 рублей в месяц и закреплена машина». Правда, дача и особняк, которыми пользовались Хрущевы, были заменены на более скромные жилища, но в остальном обещанные Хрущеву материальные условия пребывания на пенсии сохранялись до его смерти.

Глава 7
ПОСЛЕДНЯЯ И САМАЯ ДЛИННАЯ РЕЧЬ ХРУЩЕВА

Отставка Хрущева явилась сильнейшим потрясением в его жизни. Сергей Хрущев вспоминал: «За эти несколько дней жизнь изменилась в самой своей основе… Отцу нужно было определить какую-то цель, ведь жизнь на этом не кончалась. Он привык к тому, что всем нужен, привык находиться в центре событий, что без него не обойтись. Неважно, на каком посту, неважно, насколько высока и значительна занимаемая должность, – над всем преобладало это постоянное чувство необходимости. Всем был нужен комиссар батальона в Гражданскую войну, все нуждались в секретаре райкома, и так на всех ступенях длинной иерархической лестницы, вплоть до самой вершины – Первого секретаря ЦК, Председателя

---

[10] Не ясно, кого Аристов имел в виду: Амера или Насера. Также неизвестно, насколько точен был Аристов. Известно, что он любил говорить об исторических событиях, безбожно перевирая факты. На июньском (1957 г.) пленуме он, обвиняя Молотова и других, противопоставлял им «мягкость Ленина», сказав при этом, что стрелявшая в Ленина эсерка Фанни Каплан не была расстреляна, а дожила до глубокой старости в тюрьме. На самом деле Ф. Каплан была расстреляна через 4 дня после ее покушения на Ленина. – *Прим. авт.*

Совета Министров огромного государства… А сегодня? Идти гулять или посмотреть телевизор? А может, почитать? Или почистить ружье?… Заниматься отцу в первые тяжелые дни ничем не хотелось. Слишком был силен нервный шок от последних событий. Одно дело говорить об отставке между прочим, исподволь готовиться к ней, как к чему-то неизбежному, но далекому, и совсем другое – остановиться вот так, на полном ходу, вдруг ощутить свою ненужность».

Сильное потрясение испытал в эти дни не только Хрущев. Утром 16 октября радио, телевидение и газеты с утра сообщали о смене в руководстве страны. Тем утром по дороге на работу я шел по московской улице и вглядывался в лица людей. Я не видел в них ни радости, ни печали, ни обеспокоенности. Создавалось обманчивое впечатление, что падение Хрущева не затронуло людей, но на деле сильное потрясение от его отставки выражалось не столь явно и проявлялось в сложных и противоречивых чувствах. С одной стороны, подавляющее большинство людей явно не переживало по поводу ухода Хрущева от власти. Ему уже давно перестали верить. Он давно надоел своими пустыми обещаниями. Его неуемный энтузиазм уже почти никого не захватывал. С другой стороны, смена власти не вызывала восторга.

Очередное развенчание недавно прославлявшегося руководителя, которое произошло без серьезных разъяснений, лишь усилило отчуждение народа от власти. Сообщение о том, что Хрущев сам заявил о собственном преклонном возрасте и попросился в отставку добровольно, вызвало ощущение, что «народ опять дурят». Сочиненная вскоре песенка, в которой вся история страны с 1917 года излагалась в куплетах с припевом о том, как «в октябре мы скинули его, тогда узнали мы всю правду про него», отражала циничное отношение к любой власти в нашей стране от царских до советских времен.

Косвенное, но логичное следствие разочарования народа во властях я увидел в фактах, о которых сообщил нам, сотрудникам ИМЭМО, инструктор МГК ВЛКСМ в начале 1965 года. Он говорил о том, что неожиданно в Москве с осени 1964 года подростковая преступность выросла в несколько раз. Вероятно, подобное происходило во всей стране. Вряд ли этот взлет правонарушений среди молодежи не был связан с отставкой Хрущева. Внезапное развенчание прославлявшегося первого руководителя страны, чьи портреты были в школьных классах и учебниках, обывательские разговоры в семьях и в уличных компаниях о том, что никаким властям нельзя верить, не могли не способствовать утрате веры в общественный порядок, толкало ко вседозволенности.

Разумеется, эрозия моральных ценностей не ограничивалась подростками и их вовлечением в криминальную деятельность. Деградация трудовой этики, растущее пренебрежение к своим обязанностям, моральное разложение все чаще оправдывались ссылками на безнаказанность верхов, в том числе и действий Хрущева. Среди интеллигенции разочарование в верхах проявлялось в растущей аполитизаций или популярности идей, далеких от коммунистической идеологии. Отражая настроения московской интеллигенции, Евгений Евтущенко написал стихотворение «Качка», в котором говорилось:

Качка! Все инструкции разбиты,
И портреты тоже – вдрызг.
Лица мертвенны, испиты,
Под кормой крысиный визг,
А вокруг – сплошная каша.
Только крики на ветру…
Только качка, качка, качка…
Только пакостно во рту.

«Качка» затронула и руководителей социалистических стран и коммунистических партий. В.В. Гришин писал: «Освобождение Никиты Сергеевича Хрущева от обязанностей руководителя партии и правительства СССР вызвало удивление и даже неодобрение в социалистических странах. Это мне пришлось видеть самому. Так, на следующий день после пленума ЦК партии, освободившего Н.С. Хрущева от руководящих постов, я вылетел в Будапешт, где проводился исполком Всемирной Федерации профсоюзов».

В аэропорту Гришин был встречен вторым секретарем ЦК ВСРП Биску, который повез его к Яношу Кадару. «Я. Кадар был один, ждал нас. Он нервно ходил по кабинету. Едва поздоровавшись со мной, он с запальчивостью начал критиковать ЦК нашей партии, новое руководство за неожиданное смещение Н.С. Хрущева. Почему мы не посоветовались с другими партиями и, в частности, с ним о таком решении? "Понимаете ли вы, в какое положение ставите нас – руководителей в наших партиях в народе? Как нам теперь объяснять здесь, в Венгрии, освобождение от занимаемых постов Н.С. Хрущева, которого у нас хорошо знают и уважают?"» Объяснениями Гришина Кадар остался неудовлетворен. «Он продолжал неверно обвинять нас, наш ЦК в необоснованности принятия решения о Н.С. Хрущеве… Было видно, что так же негативно были настроены т. Биску и другие члены Политбюро ЦК, присутствовавшие при этом разговоре».

Гришин заметил, что «в исполнительном бюро Всемирной Федерации профсоюзов, его члены Фрашон, Новелла, Лога-Совиньский, Зупка (представлявшие профсоюзы Франции, Италии, Польши, Чехословакии. – *Прим. авт.)* тоже спрашивали меня о причинах освобождения от руководящих должностей в нашей стране Н.С. Хрущева. Чувствовалось некоторое недопонимание и критическое отношение к принятому у нас решению». Эти настроения руководителей левых профсоюзов и видных деятелей компартий отражали разочарование в СССР рядовых представителей левого рабочего и коммунистического движения, усилившееся после отставки Хрущева. Следствием этого разочарования стал отход ряда компартий капиталистических стран от КПСС, а ряда социалистических стран – от СССР.

Лишь руководство Китая было явно обрадовано переменой в Москве. Хотя это было случайным совпадением, но 16 октября на другой день после сообщений об отставке Хрущева, в Китае был произведен первый взрыв своей атомной бомбы. Китай словно салютовал свержению Хрущева взрывом бомбы, созданной вопреки нежеланию Хрущева поделиться с КНР атомными секретами. Руководство КНР увидело в отставке Хрущева обнадеживающий признак перемен к лучшему в советско-китайских отношениях. На празднование 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции прибыла делегация КНР во главе с Чжоу Эньлаем. Однако инерция конфликта была к этому времени уже слишком сильна. Ответный визит в Пекин советской делегации во главе с А.Н. Косыгиным в начале 1965 года не привел к повороту в советско-китайских отношениях. В дальнейшем же по мере развертывания в Китае «культурной революции» эти отношения еще более ухудшились.

Хрущев наблюдал за реакцией мира на свою отставку из дома в правительственном дачном поселке «Петрово-Дальнее», где он проводил почти все время. Постепенно он вышел из состояния депрессии, все активнее занимался садом, увлекался фотографированием, стал значительно больше читать художественной и нехудожественной литературы, но главный интерес его, как и прежде, представляли новости внутренней и международной жизни. Он смотрел телевизионные программы новостей и не расставался с радиоприемником «Сокол» или подаренным ему американским бизнесменом Эриком Джонсоном «всеволновым» приемником, с помощью которых он узнавал последние известия.

Из воспоминаний Сергея Хрущева следовало, что его отец был недоволен действиями своих наследников. Он, доведший ситуацию в Венгрии в 1956 году до кровавой бойни, уверял, что при нем не могло произойти ничего подобного событиям 1968 года в Чехословакии, хотя в последнем случае жертв было неизмеримо меньше. Хрущев, начавший и разжигавший ссору с Китаем, уверял, что при нем не было бы боев на острове Даманском и других кровопролитных инцидентов на советско-китайской границе 1969 года. Хрущев, который чуть не вернул страну к карточной системе распределения продуктов первой необходимости в 1963 году, теперь корил своих наследников за то, что они закупают зерно за границей.

Как это нередко бывает с лицами, утратившими высокое положение и не имеющими прочных идейных принципов, Хрущев в своих взглядах быстро эволюционировал от недовольства теми, кто его отстранил от власти, к огульной критике общественно-политического строя своей страны. Он все чаще слущал передачи «Голос Америки» и «Би-би-си», которые еще недавно требовал глушить. Он поддерживал разговоры, в которых высмеивались советские порядки. Аналогичная эволюция, видимо, совершалась и среди членов его семьи, также испытавших на себе резкие перемены в своем положении. Иначе

трудно понять, почему прежде аполитичный Сергей Хрущев стал настойчиво предлагать отцу ознакомиться с произведениями Оруэлла и Солженицына и приглашать к нему людей, явно недовольных советским строем. (Правда, по словам Сергея Хрущева, ни романы Солженицына «В круге первом» и «Раковый корпус», ни роман Оруэлла «1984» Хрущеву не понравились.)

Критика действий правительства Хрущевым, которая становилась известной широкому кругу его друзей и знакомых, неизбежно сближала его со всеми недовольными политикой страны, в том числе и с теми, кого он еще недавно осуждал и подвергал преследованиям. Хрущев, беспощадно громивший некоторых поэтов, писателей, художников и скульпторов за малейшие отклонения от норм «социалистического реализма», теперь стал их принимать у себя на даче. Приходили и лица, пострадавшие от репрессий 1930-х годов, и их дети, как например, дети Якира. Эти люди, а также сослуживцы и друзья детей Н.С. Хрущева составили его новый круг общения. В ходе бесед с этими людьми Хрущев, который и прежде любил вспоминать события прошлого, особенно сталинского времени, неизбежно уделял много воспоминаниям. В таких беседах Хрущев все острее критиковал и тех, кто был у власти до него, прежде всего Сталина, и тех, что сменил его. Нередко подобные устные воспоминания завершались предложениями слушателей, чтобы Хрущев написал мемуары.

По словам Сергея Хрущева, его отец сначала отмалчивался. Однако в конце августа 1966 года он стал делать записи своих воспоминаний на магнитофон. Постепенно он увлекся этим. Сотрудница С.Н. Хрущева Леонора Никифоровна Финогенова печатала, слушая воспроизведение записей. Сергей Хрущев редактировал отпечатанный текст. «С того дня, – писал С.Н. Хрущев, – отец диктовал по несколько часов в день. Лора печатала быстро и все-таки не успевала за ним. Я совсем задыхался.

Редактировал, правил каждую свободную минуту дома и на работе, в будни и в выходные, с утра до позднего вечера»: По сути Хрущев начал говорить самую длинную речь в своей жизни, перемежая ее, как обычно, байками собственного сочинения. Своим последним выступлением в защиту самого себя он доказывал порочность тех, кто его отстранил от власти.

Работа над воспоминаниями стала основным делом Н.С. Хрущева в период его пребывания на пенсии. В ответ на предложение Сергея Хрущева, чтобы отец обратился в ЦК за помощью, тот ответил: «Не хочу их ни о чем просить. Если сами предложат – не откажусь. Но они не предложат – мои воспоминания им не нужны. Только помешать могут». Поскольку в своих рассказах о прошлом Хрущев исходил из безошибочности своих действий, а во всех бедах страны винил других руководителей СССР, и прежде всего Сталина, то он неизбежно вступал в конфликт с новой интерпретацией истории, в которой о деятельности Хрущева и других руководителей предпочитали вообще ничего не говорить. Поэтому Хрущев решил не только не просить помощи у властей, но стал скрывать от них свою работу над мемуарами. Запись производилась на дачном участке, так как Хрущев опасался подслушивания внутри дома. По этой причине слова Хрущева порой заглушались ревом пролетавших мимо самолетов.

По словам С.Н. Хрущева, «надиктовывая километры магнитофонной ленты, отец все больше мучился – какая же судьба ждет его воспоминания? "Напрасно все это. Пустой труд. Все пропадет. Умру я, все заберут и уничтожат или так похоронят, что и следов не останется", – не раз повторял он во время наших воскресных прогулок». Забота сохранить пленки с воспоминаниями была понятна и объяснима, но менее объяснимо стало стремление Хрущева и его сына переправить пленки за границу.

Сергей Хрущев так объяснил это решение: «В одной из бесед на прогулке нам пришла идея поискать сохранное место за границей. Отец сначала сомневался, опасаясь, что там рукопись выйдет из-под нашего контроля, может быть искажена и использована во вред нашему государству. С другой стороны, сохранность там обеспечивалась надежнее. После долгих взвешиваний «за» и «против» отец все-таки попросил меня обдумать и такой вариант. Естественно, это решение мы хранили в строжайшей тайне». Как и любимый его литературный герой Пиня, Хрущев, видимо, сначала и не думал о том, чтобы выступить против воли властей, но, будучи по характеру импульсивным и мятежным, он постепенно встал на путь, который вел его к нарушению советских порядков. Даже если исходить из того, что переправка его воспоминаний за рубеж диктовалась лишь желанием сберечь их для истории, было очевидно, что Хрущев был готов сделать то, что он раньше никогда не позволил бы ни одному

гражданину СССР. Он, обвинивший поэта Бориса Пастернака в измене Родине за издание своего аполитичного романа за границей, теперь был готов переправить за рубеж свою рукопись, раскрывавшую немало неизвестных страниц из государственной жизни страны и содержавшую оценки, противоречившие официальным.

Видимо, ни подготовка Хрущевым воспоминаний, ни его планы переправить их за границу не прошли мимо внимания спецслужб. По словам В.В. Гришина, Ю.В. Андропов, который в 1967 году сменил В.Е. Семичастного на посту руководителя КГБ СССР, «сказал, что Н.С. Хрущев надиктовывает свои воспоминания и высказал беспокойство по этому поводу». В апреле 1968 года, когда советское руководство впервые стало выражать тревогу «пражской весной», Хрущева вызвали в ЦК КПСС.

Хрущева принимал член Политбюро (так с 1966 года стал именоваться Президиум ЦК КПСС) и секретарь ЦК КПСС А.П. Кириленко. Вместе с ним были член Политбюро и председатель Комиссии партийного контроля А.Я.Пельше, а также секретарь ЦК КПСС П.Н. Демичев. Пересказывая отца, Сергей Хрущев так описал эту встречу: «Кириленко сразу перешел к делу, без обычных в таких случаях вопросов о самочувствии. Он заявил, что Центральному Комитету стало известно, что отец уже в течение длительного времени пишет свои мемуары, в которых рассказывает о различных событиях истории нашей партии и государства. По сути дела, он переписывает историю партии. А вопросы освещения истории партии, истории нашего Советского государства – это дело Центрального Комитета, а не отдельных лиц, тем более пенсионеров. Поэтому Политбюро ЦК требует, чтобы он прекратил свою работу над мемуарами, а то, что уже надиктовано, немедленно сдал бы в ЦК…»

То, что произошло затем, свидетельствовало о том, что и в 74 года Хрущев сохранил способность к ярким демагогическим речам и умение доводить любую ситуацию до скандала. С.Н. Хрущев писал: «Отец помолчал, потом оглядел своих бывших соратников. В ответ он начал говорить спокойно, все больше и больше распаляясь. Он сказал, что не может понять, чего хотят от него Кириленко и те, кто его уполномочил. В мире, в том числе и в нашей стране, мемуары пишет огромное число людей. Это нормально. Мемуары являются не историей, а взглядом каждого человека на прожитую им жизнь. Они дополняют историю и могут служить хорошим материалом для будущих историков нашей страны и нашей партии. А коли так, он считает их требование насилием над личностью советского человека, противоречащим Конституции, и отказывается подчиниться». «Вы можете силой запрятать меня в тюрьму или силой отобрать эти материалы. Все это вы сегодня можете со мной сделать, но я категорически протестую», – добавил он. «Никита Сергеевич, то, что я вам передал, – решение Политбюро ЦК, и вы обязаны как коммунист ему подчиниться. В противном случае…» – настаивал Кириленко.

«Отец не дал ему договорить. "То, что позволяете себе вы в отношении меня, не позволяло себе правительство даже в царские времена. Я помню только один подобный случай. Вы хотите поступить со мной так, как царь Николай I поступил с Тарасом Шевченко, сослав его в солдаты, запретив там писать и рисовать. Вы можете у меня отобрать все – пенсию, дачу, квартиру. Все это в ваших силах; и я не удивлюсь, если вы это сделаете. Ничего, я себе пропитание найду. Пойду слесарить, я еще помню, как это делается. А нет, так с котомкой пойду по людям. Мне люди подадут". Он взглянул на Кириленко. "А вам никто и крошки не даст. С голоду подохнете"».

«Понимая, что Хрущев с Кириленко говорить не будет, в разговор вмешался Пельше, сказав, что решение Политбюро обязательно для всех, и для отца в том числе. Этими мемуарами могут воспользоваться враждебные силы». А ответ Хрущев заявил: «Вот Политбюро и выделило бы мне стенографистку и машинистку, которые записывали бы то, что я диктую. Это нормальная работа. Они могли бы делать два экземпляра – один оставался бы в ЦК, а с другим бы я работал, – более спокойно сказал отец. Но, вспомнив о чем-то, с раздражением добавил: "А то, опять же в нарушение Конституции, утыкали всю дачу подслушивающими устройствами. Сортир и тот не забыли…"»

По словам Сергея Хрущева, «свидание это выбило отца из колеи… Диктовку отец забросил, возобновляя работу лишь эпизодически. В 1968 году он продиктовал очень мало. Так что в этом смысле Кириленко добился желаемого результата». Однако вскоре отец и сын вновь

стали обсуждать вопрос о переправке воспоминаний за границу. С.Н. Хрущев писал: «Тогда же впервые возникла мысль, что в случае чрезвычайных обстоятельств или изъятия материалов в качестве ответной меры их нужно будет опубликовать. Публикация окончательно решала проблему их сохранности и, естественно, сильно снизила бы стремление отобрать и уничтожить материалы. Что спрашивается, искать, если книгу можно запросто купить в магазине? Ведь весь тираж не скупишь… Мне удалось нащупать пути передачи копии материалов за рубеж». Сергей Хрущев понимал, что «решившись на этот шаг, мы фактически переходили от легальной деятельности к «нелегальной». Мне было немного не по себе. Неизвестно, чем это могло кончиться: арестом, ссылкой? Думать о последствиях не хотелось, надо было действовать».

В своих воспоминаниях Сергей Хрущев не раскрыл всю цепочку лиц, которые помогли ему переправить воспоминания его отца за границу, сославшись на то, что «многие из тех, кто принимал участие в этом деле, живы». Он лишь упомянул, что «материалы – пленки и распечатки – пересекли несколько границ и нашли надежное пристанище за стальными дверцами сейфа». Вскоре Н.С. Хрущев дал окончательное согласие издать воспоминания за рубежом. Он сказал: «Все может случиться. Не исключено, что не только ты, но никто не сможет добраться до сейфа. Хорошо бы договориться условно с каким-нибудь солидным издательством, что они опубликуют книгу, но не к конкретному сроку, а после того, как мы отсюда дадим знак».

Выбор пал на американское издательство «Литтл, Браун энд компани». Следует учесть, что в конце 1960-х годов отношения между СССР и США были напряжены до предела, главным образом из-за войны, которую вели США против вьетнамского народа. В Северном Вьетнаме советские воины помогали защищать небо от постоянных бомбардировок американцев. Советские люди сдавали кровь вьетнамцам, пострадавшим от войны. Контакты со всеми общественными организациями США, за исключением антивоенных, были сокращены до минимума. Решение Хрущева обратиться к американским издательствам свидетельствовало о том, что он не желал считаться с господствовавшими в стране настроениями. Весьма вероятно, что выбор американского издательства диктовался не в последнюю очередь меркантильными соображениями и стремлением обеспечить Хрущева и его семью немалыми гонорарами после выхода в свет сенсационной книги.

Однако, как замечал Сергей Хрущев, возникла необычная проблема. «Издательство засомневалось: не фальшивку ли ему подсунули?… Издатели опасались провокации. Встал вопрос, как подтвердить подлинность материалов». Для этого издателями был придуман прием из арсенала шпионской литературы. Из Вены Хрущеву переслали «две шляпы – ярко-алую и черную с огромными полями. В подтверждение авторства отца и его согласия на публикацию просили прислать фотографии отца в этих шляпах. Когда я привез шляпы в Петрово-Дальнее, они своей экстравагантностью привлекли всеобщее внимание. Я объяснил, что это сувенир от одного из зарубежных поклонников отца. Мама удивилась: "Неужто он думает, что отец будет их носить?"» Как было условлено, Хрущев был сфотографирован сыном с одной шляпой на голове, и с другой – в руке. Видимо, Хрущев решил, что эти «шапки» теперь ему впору и подходят для его новой роли – смутьяна-диссидента, борющегося в одиночку против советского руководства. Получив фотографии, издательство стало ждать сигнала от Хрущева разрешить печатать книгу.

Между тем работники КГБ СССР с опозданием стали принимать меры для того, чтобы не допустить переправки воспоминаний Хрущева за рубеж. В конце 1969 года в СССР прибыл американский врач Харвей, вызвавшийся проконсультировать дочь Хрущеву Елену Никитичну, заболевшую системной волчанкой. В приезде Харвея в СССР оказал содействие А.А. Громыко и другие работники МИД СССР. Однако Харвей и его супруга вызвали подозрения КГБ СССР. 7 ноября 1969 года Сергей Хрущев находился в номере Харвеев в «Национале», когда туда ворвалось несколько контрразведчиков. Все присутствовавшие были подвергнуты обыску, который ничего не дал, но КГБ продолжало следить внимательно за деятельностью Хрущева.

25 марта 1970 года председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов направил в ЦК КПСС письмо, в котором писал: «В последнее время Н.С. Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде своей жизни, когда он занимал ответственные

партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну по таким определяющим вопросам, как обороноспособность государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, научно-технических достижений, работы органов безопасности, внешней политики, взаимоотношений между КПСС и братскими партиями социалистических и капиталистических стран и другие. Раскрывается практика обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро и ЦК КПСС». По существовавшим порядкам за нарущение секретности даже менее значительных масштабов, человека могли привлечь к уголовной ответственности.

Вскоре Хрущев был вновь вызван в ЦК КПСС. На сей раз разговор с ним вели секретарь ЦК КПСС И.В. Капитонов и кандидат в члены Политбюро Ю.В. Андропов. Об этой беседе и о том, как она проходила, Сергей Хрущев ничего не написал. Но известно, что вскоре после этой беседы 29 мая Хрущеву почувствовал себя плохо. Врачи констатировали обширный инфаркт. Пока Н.С. Хрущев находился в больнице, его сына вызвал сотрудник КГБ СССР Е.М. Рассказов. Он предупредил С.Н. Хрущева о возможном интересе к воспоминаниям отца со стороны американских спецслужб. Сергей Хрущев заверил работников КГБ, что все пленки и перепечатки хранятся в сейфах у отца. О том, что копии этих пленок давно переправлены за рубеж и находятся в американском издательстве, С.Н. Хрущев умалчивал.

11 июля 1970 года Сергея Хрущева вновь вызвали в КГБ СССР. Ему было сказано, что поскольку мемуары Хрущева «имеют большое государственное значение, в Центральном Комитете принято решение по выздоровлении Никиты Сергеевича выделить ему в помощь секретаря и машинистку для продолжения работы». Затем один из работников КГБ «от имени Центрального Комитета попросил сдать им хранящиеся у меня материалы, мотивируя это тем, что органы государственной безопасности – это правая рука Центрального Комитета… В КГБ материалы будут в большей безопасности, и можно быть уверенным, что они не попадут в руки иностранных разведок». И снова С.Н. Хрущев скрыл, что копии этих материалов давно находятся в США и агентам ЦРУ нет необходимости проникать в СССР по поддельным документам, пробираться на дачу Хрущева и подбирать ключи к его сейфу, чтобы ознакомиться с его мемуарами.

К этому времени воспоминания Хрущева были уже хорошо известны виднейшим советологам США, связанным с Государственным департаментом и ЦРУ. Поскольку издательство «Литтл, Браун энд компани» было связано с влиятельными журналами «Тайм» и «Лайф», формирующими общественно-политические взгляды американцев, не удивительно, что перевод воспоминаний Хрущева осуществлял американский карьерный дипломат Строуб Тэлботт. Вряд ли это издательство пошло на публикацию книги, содержание которой не отвечало задачам американской политики в период «холодной войны». Совершенно очевидно, что, как и доклад Хрущева на XX съезде, дискредитировавший советскую историю, содержание книги в целом удовлетворяло правящие круги США. Там же, где содержание книги не совсем отвечало целям издателей, известный советолог Эдуард Крэнкшоу сделал обширные комментарии.

В ответ на требования чекистов передать им аудиопленки и их распечатки, С.Н. Хрущев ссылался на то, что он не может распоряжаться ими без разрешения отца, но в конечном счете согласился их сдать. Ему было обещано, что материалы вернут. Однако, когда через некоторое время Сергей Хрущев стал настаивать на их возвращении, ему было сказано, что все материалы находятся в ЦК КПСС.

В конце августа 1970 года Н.С. Хрущев вышел из больницы. Когда он постепенно оправился после болезни, Сергей Хрущев рассказал ему о том, что он сдал его воспоминания чекистам. Н.С. Хрущев был разгневан, но вскоре принял решение опубликовать свои воспоминания за границей.

В начале октября С.Н. Хрущева вызвали снова в КГБ. Ему было сказано, что по имеющимся в Комитете сведениям, издательство «Литтл, Браун энд компани» располагает машинописным текстом и магнитофонными пленками с записью голоса Хрущева. В ответ С.Н. Хрущев вновь настаивал на возвращении отцу его материалов, но чекисты сказали, что теперь об этом не может быть и речи.

10 ноября 1970 года Н.С. Хрущева вызвали в Комитет партийного контроля. Здесь с ним беседовал председатель КПК А.Я. Пельше. Последний сообщил, что 6 ноября в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна «Тайм» официально объявили о том, что они располагают «воспоминаниями Никиты Сергеевича Хрущева», которые будут вначале опубликованы в журнале «Лайф», начиная с 23 ноября, а затем выйдут отдельной книгой под названием «Хрущев вспоминает». Книга будет пущена в продажу 21 декабря. Пельше напомнил Хрущеву, что он уже был предупрежден об ответственности за утечку материалов и теперь должен взять на себя всю вину за случившееся. В ответ Хрущев обвинял руководителей партии в провокации против него. Он кричал: «Пожалуйста, арестуйте меня! Расстреляйте! Мне жизнь надоела! Я узнал сегодня о смерти де Голля. Я завидую ему! Я был честным партийным человеком!… Я готов на крест! Берите гвозди и молоток!» Затем он стал говорить о том, что без него дела в стране не стали идти лучше. Он указывал, что и новые власти закупают зерно за рубежом, что в магазинах ощущается нехватка многих товаров, что новое руководство виновато в поражении Египта в арабо-израильской войне 1967 года. Однако несмотря на эти попытки уйти от обсуждавшегося предмета, Хрущев согласился подписать заявление, которое было подготовлено для него в ЦК в связи с публикацией мемуаров.

Заявление гласило: «Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н.С. Хрущева. Это – фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров и материалов мемуарного характера я никогда не передавал – ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал также материалов и советским издательствам. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать. 10.11.1970. Н. Хрущев». Как и бо льшая часть заявлений Хрущева, и это его заявление было лживым и лицемерным. Он прекрасно знал, что подготовленные к изданию мемуары – это не фабрикация, а потому слова о его возмущении были явной ложью. В то же время Н.С. Хрущев лицемерно скрывал действия своего сына и других, передававших мемуары за рубеж, заявляя о том, что он лично ничего не передавал издательствам.

Вскоре после этого разговора в ЦК и опубликования заявления Хрущева у него опять случился инфаркт. На сей раз Хрущев пробыл в больнице почти до Нового года.

В январе 1971 года С.Н. Хрущев получил вышедший в свет том воспоминаний и показал его отцу. Вскоре Сергея Хрущева вызвали в КГБ, где ему предложили сравнить содержание тома с теми воспоминаниями, которые записывал отец. Ознакомившись с переводом тома, С.Н. Хрущев написал заключение, в котором отметил, что «выброшено почти все, относящееся к войне… отсутствовали и некоторые другие факты, относившиеся к различным периодам нашей истории».

Между тем в 1971 году Н.С. Хрущев продолжал работать над мемуарами. Историк В.Н. Шевелев утверждает, что в начале сентября 1971 года Хрущев закончил диктовку воспоминаний. Последняя глава ему не понравилась, и он решил ее переделать. Однако в воскресенье 5 сентября Хрущев почувствовал себя плохо. В тот же день его отправили в больницу. 11 сентября Н.С. Хрущев скончался.

Через два дня, 13 сентября 1971 года, «Правда» опубликовала сообщение: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием извещает, что 11 сентября после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев». В тот же день на Новодевичьем кладбище состоялись похороны. Историк Г. Федоров отметил, что на похоронах было около 60 корреспондентов, главным образом иностранных. Всего же было около двухсот человек, «среди них немало людей с сединами». Здесь был и Е. Евтущенко. А.И. Микоян прислал венок.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАМЯТНИКА ХРУЩЕВУ. (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Прошло несколько лет, и в августе 1975 года после долгих проволочек был открыт памятник на могиле Хрущева. Его автором стал Эрнст Иосифович Неизвестный, которого

беспощадно осуждал и высмеивал 13 лет назад Хрущев. Произведение Неизвестного стало самым значительным произведением скульптуры, которое было посвящено бывшему руководителю СССР. Как говорилось выше, многие решили, что сочетание в памятнике белых и черных камней показывает равновесие добрых и злых дел покойного.

Нет сомнения в том, что за свою многолетнюю и активную жизнь, Никита Сергеевич совершил немало добрых дел, за которые многие ему могут быть благодарны. Вспомнить хотя бы его участие в руководстве строительством первых линий лучшего в мире московского метрополитена! Можно вспомнить и его участие в восстановлении Донбасса после Гражданской войны и в возрождении Украины после Великой Отечественной войны. Хрущев заслуживает уважения и как всякий участник Великой Отечественной войны. Будучи человеком, открытым передовым идеям, он способствовал внедрению в производство ценных рациональных предложений, рожденных научной мыслью или смекалкой практиков. Вероятно, есть немало людей, которым Хрущев, находясь на высоких постах, лично оказал помощь и они или их потомки до сих пор ему признательны. Однако чем выше государственный уровень тех добрых дел, участником и инициатором которых был Хрущев, тем чаще несомненная их польза сочеталась с вредными последствиями, а то и перевешивалась ими. А ведь и в памятнике Хрущеву черные камни перекрывают белые, а белый цвет переходит в черный.

Нет сомнений в том, что внимание Хрущева к сельскому хозяйству оказалось своевременным и многие его действия в этой области принесли пользу. Однако его энергичная деятельность в этой сфере сопровождалась и немалыми разрушениями, последствия которых сказывались долгие годы. Без Хрущева вряд ли в стране так энергично занялись посевами кукурузы, пользу которой признают и ныне. Но «чудесница» без всякой нужды вытесняла другие культуры, а порой ее урожаи были ничтожны. Нет нужды говорить о пользе массового жилищного строительства индустриальными методами, развивавшегося по инициативе Хрущева. Но эти дома воздвигались без учета особенностей климата и национальной архитектуры от Чукотки до Кавказа, и от Эстонии до Казахстана. Одновременно тормозилось строительство более совершенных и добротных домов. Хрущевские же постройки через два-три десятилетия после их воздвижения приходилось сносить. Нельзя не вспомнить несомненные заслуги Хрущева в создании ракетной промышленности и достижении Советским Союзом успехов в космосе. Но другой стороной увлечения ракетами стало разрущение авиации и военно-морского флота страны. Благое желание Хрущева добиться разоружения во всем мире сопровождалось тем, что многих военнослужащих буквально выкидывали за борт, оставляя без средств к существованию.

Хрущев осознавал, что система управления народным хозяйством страны, ее политическая система, сохранившие черты чрезвычайщины, нуждаются в переменах. Однако его непродуманные действия лишь усугубляли путаницу в работе управленцев. Снятие Хрущевым обвинений с жертв необоснованных репрессий сопровождалось не только огульной дискредитацией Сталина и людей из его ближайшего окружения, но и очернением тридцатилетнего героического периода в жизни советских людей. Его желание выдвинуть новых, энергичных руководителей в центре и на местах вели к преувеличенным восхвалениям в их адрес, которые быстро сменялись суровыми обвинениями их же в различных слабостях, ошибках и порочных наклонностях. Попытки Хрущева мобилизовать деятелей культуры на воспитание советских людей оборачивались грубыми разносами и скандальными выходками. Стремление Хрущева постоянно разъяснять политику страны сопровождалось бесконечным потоком речей, заявлений, бесед, которые вызывали пресыщение у советских людей и сильно девальвировали ценность слова, произносимого руководителем страны.

Благое желание Хрущева быстро построить коммунистическое общество, в котором будут удовлетворены все человеческие потребности, стерты различия между городом и деревней, ликвидированы различия между физическим и умственным трудом, привело к раздаче неразумных и заведомо невыполнимых обещаний, разрушению деревенского уклада, непродуманным реформам в области образования. Вера в возможность построения развитого, процветающего и равноправного общества была подорвана необоснованными обещаниями Хрущева, его прожектерством. Нарущение Хрущевым взятых обязательств, поддержка им заведомых афер и авантюристов подорвали у многих советских людей желание

самоотверженно и честно трудиться.

Нет сомнения в том, что Хрущев не раз заставил мир признать силу нашей страны и он не раз остановил агрессивные действия претендентов на роль хозяев планеты. Но обоснованное стремление Хрущева победить нашего главного геополитического противника часто порождало кризисы, последствия которых были либо сомнительными, либо отрицательными. Даже полученное от американцев обязательство не нападать на Кубу сопровождалось слишком большими утратами, в том числе и ухудшением отношений с Кубой. Щедрая помощь, которую Хрущев стал раздавать многим странам Азии, Африки и Латинской Америки, пошла на благо миллионам бедных людей. Однако нередко эта помощь разбазаривалась некомпетентными и коррумпированными правителями этих стран, а порой военные перевороты превращали бывших получателей советской помощи в злейших врагов СССР. Стремление же Хрущева «поправить» наших союзников лишь привело к разрыву с Китаем, Албанией, ухудшению отношений с Румынией, последствия которых чувствовались все годы до крушения СССР. К концу правления Хрущева главные политические опоры СССР в мире – социалистический лагерь и международное коммунистическое движение – были расколоты.

Вероятно, художественный стиль Эрнста Неизвестного оказался подходящим для изображения образа мыслей Хрущева. Памятник словно воплотил непримиримость Хрущева в его борьбе против «украшательств» и за конструктивизм, его предпочтение «практическим» делам. В памятнике чудится неукротимая мощь колоритной хрущевской натуры. Про таких говорят: «Его бы энергию, да в мирных целях!» Кажется, что громоздкие белые и черные мраморные блоки, из которых сооружен памятник Хрущеву, отражают грубую тяжеловесность и механистичность его мышления. Представляется, что ухмыляющаяся голова Хрущева олицетворяет его самомнение и уверенность в превосходстве своего здравого смысла, достаточности знания «четырех правил арифметики» для управления великой современной страной. Над головой Хрущева возвышается черный прямоугольник, словно царская шапка, которой его собираются короновать. «Шапка» явно не по размеру головы Хрущева.

В то же время вклинивающиеся друг в друга черные и белые камни разной величины и разных размеров, сочетание прямых вертикальных и горизонтальных линий с ломаными и асимметричными, создают впечатление о каком-то сложном механическом устройстве, которое вот-вот начнет двигаться сразу в нескольких направлениях и под разными углами. Кажется, будто эта конструкция способна крушить и давить все, что стоит на ее пути. Изломанные линии памятника наводят на мысль о хаотичности движения этих тяжелых блоков. Точно так же сумбурна и хаотична была и деятельность Хрущева.

Но, может быть, памятник отражает иронию скульптора над Хрущевым, который не раз издевался над ним с высоких трибун? Спрятанная в нише среди блоков на уровне человеческого роста улыбающаяся голова Хрущева и просветы между блоками ниже головы создают впечатление, что перед нами конструкция иллюзиониста, в которой полностью или частично «исчезают» люди, чтобы потом неожиданно «возникнуть» в другом месте. Казалось, что и после своей смерти Хрущев показывает очередной иллюзионистский фокус, подобный тем, что он любил демонстрировать на политической арене. Хотел этого скульптор Неизвестный, или нет, но его памятник позволяет воспринимать Хрущева как мастера политической иллюзии. Словно манипулируя зеркалами и ловко сооруженными конструкциями, Хрущев умел превращать белое в черное и наоборот. Вчерашние друзья превращались в злейших врагов, а вчерашние враги – в лучших друзей. Как иллюзионист, который, поворачивая зеркала, заставляет исчезнуть слона, Хрущев убирал из общественного сознания память о выдающихся деятелях прошлого и переворачивал представления о них. Как настоящий фокусник, вытаскивающий кролика из цилиндра и множество крупных предметов из небольшого чемодана, Хрущев на протяжении своей политической деятельности не раз убеждал окружающих в том, что он нашел много чудодейственных средств, которые станут источниками неограниченной мощи и богатства Советской страны. Подобно мастеру иллюзий, он из ничего разжигал пожары острых международных споров, а затем ловким жестом гасил пламя созданных им же конфликтов.

Отдавая должное личному фактору в событиях 11 лет правления Хрущева, нельзя не учитывать, что они во многом были обусловлены противоречиями объективной реальности.

Революции, которые победили в СССР, Китае и еще десятке стран Европы, Азии и Латинской Америке, не привели к скорой победе мирового социализма, как на это надеялись коммунисты всего мира и многие, сочувствовавшие им. Несмотря на динамичное развитие социалистических стран и потрясения в капиталистическом мире, в рамках мировой капиталистической системы оставалось большинство стран мира и мирового производства. В условиях «холодной войны» Советскому Союзу приходилось нести тяжелое бремя гонки вооружений. Из-за экономической и научно-технической блокады СССР был обречен на изоляцию от рынка мировых товаров и многих достижений научно-технического прогресса. Кроме того, «холодная война» способствовала идейной и политической консолидации врагов нашей страны и ее союзников. Вместе со своими союзниками СССР оказался перед перспективой затяжного глобального противостояния в условиях, когда сил у их противников было больше.

Наконец, существовали природные факторы, которые совершенно игнорировались в то время в СССР. Суровый климат нашей страны требовал гораздо больших энергетических затрат, чем во многих странах мира. Неравномерность осадков делала неустойчивыми урожаи. Пытаться быстро догнать США по сельскохозяйственному производству, большая часть территории которой расположена в значительно более теплом климате и в зоне равномерных осадков, крайне трудно. Пытаться преодолеть эти трудности скачком было невозможно.

Хотя Хрущев высмеивал китайских руководителей, принципиальной разницы между движением «большого скачка» и инициативами Хрущева, направленными на быстрое преодоление отставания от Запада, не было. Китайская Народная Республика в конечном счете положила конец рискованным экспериментам, вроде «большого скачка» и «культурной революции». Постепенно наращивая темпы своего внутреннего развития и преодолевая барьеры внешнеторговой дискриминации, КНР добилась стабильно высоких темпов развития и стала одной из ведущих держав на мировом рынке.

Между тем в СССР существовала широкая поддержка идеи преодолеть отставание от Запада «скачком». Хотя советский народ самоотверженно и терпеливо строил коммунистическое общество, мирясь с множеством трудностей, желание быстро завершить тяжелое строительство было велико. К тому же удивительно быстрые темпы преобразования страны породили убежденность в том, что СССР может в ближайшие годы добиться рывка в развитии экономики, науки и техники. Провозглашение Хрущевым очередной панацеи, которая якобы должна была дать мощный импульс для развития советской экономики, как правило, встречалось с энтузиазмом. Мало кто осуждал Хрущева, когда он говорил о возможности быстро обогнать капиталистические страны в экономическом соревновании.

С верой и надеждой встречали и обещания Хрущева в ближайшие годы решить насущные проблемы страны (в 1953 году он вслед за Маленковым обещал в 2-3 года решить продовольственную проблему страны, в 1957 году он обещал за 12 лет решить жилищную проблему), обогнать США (в 1957 году– по производству мяса, молока и масла за 2-3 года, в 1959 году – обогнать по производству промышленности и сельского хозяйства к 1972 году, а в 1961 году добиться этой цели к 1970 году), создать материально-техническую базу коммунистического общества в 1980 году и построить коммунизм «при жизни нынешнего поколения» советских людей.

Преувеличенные представления были не только в отношении возможностей мирного труда советских людей. Победа в Гражданской войне, а затем значительно более впечатляющая Победа в Великой Отечественной породили веру в возможность добиться новых быстрых и сокрушительных побед над внешними врагами. Это способствовало распространению идей о превосходстве советской военной мощи и о том, что третья мировая война приведет капитализм к гибели. Мало кто видел в попытках Хрущева сокрущить США, овладев Западным Берлином или разместив ракеты на Кубе, нацеленные на США, лишь опасные авантюры. Никто не возражал ему, когда он говорил, что для победы над капитализмом надо помогать странам «третьего мира», в том числе и оружием.

Но популярны были и идеи Хрущева о том, что мирное сосуществование приведет нашу страну к победе над внешним врагом. Пользовалась поддержкой и программа Хрущева осуществить всеобщее и полное разоружение за 4 года. Некритически принимали и его

рассуждения о том, что успехи СССР сделают притягательным пример социализма для трудящихся стран капитала и капитализм рухнет.

Хотя Хрущев, особенно к концу его правления, был нередко объектом насмешек и героем анекдотов, его утопическим программам продолжали верить. Поэтому пребывание Хрущева у власти не было волей случая, а закономерным следствием сложившихся в стране социально-психологических условий.

Новое руководство во главе с Брежневым, Косыгиным и Подгорным на первых порах решительно осудило «волевые» решения, рожденные субъективными пожеланиями, а не трезвым расчетом. Стараясь сохранить то позитивное, что было сделано за последние 11 лет, новое руководство одновременно постаралось после отставки Хрущева покончить со всеми последствиями его «фокусов». На ноябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС было отменено разделение партийных органов власти на промышленные и сельскохозяйственные. Вскоре были ликвидированы совнархозы. Страна возвращалась к организации управления, существовавшей до хрущевских экспериментов.

В результате отставки Хрущева была наконец осуществлена та перемена в руководстве страны, необходимость в которой признавал Сталин в последние дни своей жизни. Последний представитель партийных работников, выдвинувшихся к руководству в годы Гражданской войны, не имевших серьезного образования и никогда не работавших на производстве по специальности, требовавшей высшего образования, был отстранен от власти. Брежнев и Косыгин, которых Сталин в последние месяцы своей жизни рекомендовал в качестве кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС, заняли ведущие посты в партии и правительстве. Эти люди, а также Подгорный, Кириленко, Полянский, Воронов и другие, имели высшее образование и опыт производственной работы по специальности, обретенной им в высших учебных заведениях, и выдвинулись в партийные руководители в конце 1930-х годов.

Теперь эти люди не были связаны по рукам и ногам импульсивным своеволием Хрущева. Это сразу же проявилось в разработке обоснованного пятилетнего плана на 1966–1970 год, который был успешно выполнен. Был положен конец курсу на развал советских вооруженных сил. Успехи в развитии оборонной промышленности в конечном счете привели к тому, что советский потенциал стратегического оружия на самом деле стал равен американскому и СССР смог вести на равных переговоры с США о установлении пределов в развитии вооружений. Внешняя политика страны перестала зависеть от импульсивных взрывов Хрущева. Несмотря на существование в мире целого ряда «горячих точек», международные кризисы стали случаться реже, поскольку их зарождение не провоцировалось непродуманными заявлениями советских руководителей.

Новые руководители осознали опасность дальнейшего очернения сталинского периода советской истории. Уже в своем выступлении по случаю 20-й годовщины Победы Л.И. Брежнев упомянул И.В. Сталина среди тех, кто обеспечил разгром гитлеровских захватчиков. В ответ в зале раздались бурные аплодисменты. Вскоре стали публиковаться воспоминания советских военачальников о Великой Отечественной войне, в которых отдавалось должное роли И.В. Сталина.

Однако «возрождения сталинизма» (а под этим понимался возврат к репрессиям), чего опасались Хрущев, Микоян, их дети и академик Арзуманян, не произошло. Прежде всего следует учитывать, что в последние годы своей жизни Сталин сам готовил пересмотр общественно-политической организации страны на основе научно обоснованных решений. Историк Кожинов справедливо указывал на то, что ослабление репрессий началось еще в последние годы жизни Сталина и диктовалось объективной реальностью. Кроме того, 11 лет, которые прошли со времени смерти Сталина, существенно изменили страну. Провалы во внутренней и внешней политике страны вследствие ошибок Хрущева не смогли остановить ее неуклонного развития. Страна стала более развитой, богаче, люди стали образованнее. Эти перемены изменили и общественно-политический климат в стране. Это обстоятельство, а не деятельность Хрущева, привело к постепенному ослаблению репрессивности государства.

Однако изменения в обществе, которые произошли за 11 лет, не только укрепили его и способствовали нормализации жизни советских людей. 11 лет деятельности Хрущева, в течение которых провозглашение заведомо невыполнимых обещаний стало привычным, серьезно

подорвали кредит доверия к руководству страны. Провозглашение программы построения коммунистического общества при жизни нынешнего поколения советских людей и очевидная неспособность страны справиться с этой задачей ослабили у советских людей веру в свои силы. Постоянные нарушения правительством взятых на себя обязательств, беспрестанные смены плановых заданий способствовали тому, что у многих людей усилилось формальное, а то и циничное отношение к трудовым и общественным обязанностям. «Моральный кодекс строителя коммунизма» не смог остановить растущей эрозии моральных норм. Смертная казнь, введенная Хрущевым за многие «экономические преступления», не остановила роста хищений, коррупции и других нарущений закона. В советском обществе медленно, но верно стала складываться «теневая экономика» со своей «подпольной буржуазией».

За 11 лет серьезные перемены произошли и в правящих кругах советского общества. Ряд лиц, которых выдвигал Сталин на первые посты в руководстве (как, например, П.К. Пономаренко) были постепенно отстранены от руководства. На руководящих постах Хрущев оставлял тех, кто продемонстрировал свою поддержку ему. Хотя эти люди могли заменить Хрущева и ему подобных руководителей еще в середине 1950-х годов, в течение 11 лет пребывания на различных партийных и хозяйственных постах активно поддерживали хрущевскую политику и проводимые им реорганизации. Правда, плачевные результаты хрущевских экспериментов заставили их убрать Хрущева и отказаться от рада его реформ, но 11 лет сотрудничества с Хрущевым не прошли для них даром. За эти годы коллеги Хрущева привыкли жить без глубокого теоретического осмысления политики страны, подменяя его пропагандистской трескотней. Придя к власти, они не желали пересматривать политику страны на научной основе, что признал необходимым Сталин еще в 1951–1952 годах. Они продолжали двигаться по инерции, повторяя дежурные фразы о верности ленинизму. Попытки же пересмотреть экономическую политику страны были недостаточно глубоко обоснованы, а затем остановлены.

Вряд ли наследники Хрущева задумывались и о том, что за годы хрущевского правления лозунги партии, ее программные требования оказались так дискредитированы, что были необходимы серьезные усилия для того, чтобы восстановить утерянное доверие и восстановить утраченную привлекательность коммунистических идеалов. Программа КПСС, принятая на XXII съезде и содержавшая совершенно нереальные задачи создания материально-технической базы коммунизма к 1980 году, не была изменена. В значительной степени это объяснялось тем, что новые руководители были связаны своими заявлениями в поддержку этой программы и других обещаний Хрущева. Перемена свелась к тому, что авантюристическая самонадеянность Хрущева сменилась спесивой самоуспокоенностью.

Шаблонные фразы о преодолении «волюнтаризма» и победе ленинских идей прикрывали неспособность власть имущих критически взглянуть на глубокие изъяны политической жизни СССР, позволившие Хрущеву 11 лет находиться на ведущих постах страны. Судя по всему партийные группировки, свергнувшие Хрущева, не были готовы глубоко разбираться в причинах, породивших провалы советской внутренней и внешней политики 1953–1964 годов. Руководители страны не собирались пересматривать те условия, которые позволили им прийти к власти и удерживаться у власти. Они не понимали, что отрыв партийных верхов от народа, об опасности которого предупреждал Сталин в 1937 году, существенно усилился за годы Хрущева, а внезапное объявление о его отставке без всяких разумных объяснений лишь усугубило недоверие народа к властям.

Принцип «ненаказуемости» верхов, фактически введенный Хрущевым на XX съезде под предлогом защиты от незаконных репрессий, способствовал тому, что ошибки советского руководства за 11 лет не были глубоко проанализированы. Более того, отказавшись от очернительства советской истории за 30 лет пребывания у власти Сталина, но не попытавшись глубоко проанализировать это время, руководство фактически закрыло и этот период для серьезного и объективного исследования. История СССР превратилась в собрание шаблонизированных оценок, скрывавших правду, а нередко искажавших ее.

В известной степени нежелание глубоко анализировать прошлое объяснялось катастрофичными последствиями интерпретации Хрущевым истории нашей страны. Потрясения после XX съезда напугали власть имущих, и они избегали серьезного разбора

порочной политики Хрущева, чтобы обеспечить стабильность и спокойствие в стране. Власти лишь усиливали давление на тех, кто пытался дестабилизировать советское общество или подозревался в таких намерениях. Нежелание «раскачивать лодку» проявлялось и в стремлении подавить любые разногласия внутри руководства страны. Однако борьба между различными группировками в верхах не прекращалась. Группировки, временно объединившиеся для свержения Хрущева, вскоре вступили в борьбу за власть. Эта борьба стала затяжной и скрытной, так как представители разных группировок старались не доводить свои разногласия до острого конфликта. Результатом этой борьбы явилась победа Л.И. Брежнева и его союзников. Без громких обвинений постепенно были отправлены в отставку все бывшие соратники Брежнева в борьбе против Хрущева: Шелепин, Семичастный, Шелест, Подгорный, Воронов, Полянский, Мазуров. Даже Косыгин, не причастный к каким-либо группировкам, был отстранен от поста Председателя Совета Министров СССР незадолго до своей смерти. На место отправленных в отставку руководителей выдвигались лица, близкие к Л.И. Брежневу со времен его работы в Днепропетровске и Молдавии: Тихонов, Черненко и другие.

Успех Брежнева объяснялся его «бережным отношением к кадрам». В еще большей степени, чем Хрущев, он подчеркивал, что опирается на партийных руководителей всех рангов. Постоянные управленческие перестройки и кадровая чехарда времен Хрущева сменилась неизменностью систем управления и состава руководящих кадров. Портреты министров СССР, которые «Известия» публиковала после первой сессии вновь избранного Верховного Совета, помещались через 4 года на тех же местах. Лишь лица министров старели, да их волосы становились реже и седели. Люди, занявшие посты первых секретарей ЦК союзных республик, обкомов, райкомов, министров СССР и союзных республик в середине 1960-х годов, оставались, как правило, на своих местах до самой смерти. Принцип «ненаказуемости», фактически утвержденный Хрущевым на XX съезде, был дополнен принципом «несменяемости». Для многих советских руководители их должности стали пожизненными. Также пожизненными становились и те блага, которым пользовались они и их родственники.

В этих условиях неизбежно консервировались методы управления, организация и техника производства. Хотя экономические показатели страны продолжали расти, в целом ряде отраслей производства, науки и техники проявлялись черты «застоя», характерного для брежневского времени. Возникновение «застойных» явлений в политике страны вместо непоследовательных метаний хрущевского времени лишь означало изменение формы той болезни, которая поразила советское общество. Преодоление ряда негативных черт правления Хрущева не привело к ликвидации тех условий, которые породили хрущевский авантюризм, замешанный на демагогии, невежестве, непрофессионализме.

Правда, казалось, что появление руководителя, способного наделать столь много ошибок, стало невозможным по мере роста образованности, особенно среди высшего руководства страны. Казалось, что такой тип государственного руководителя ущел в прошлое вместе с наследием Гражданской войны и социальными потрясениями тех лет. С точки зрения, например, известного американского советолога Джерри Хафа появление в составе секретариата ЦК КПСС в 1978 году М.С. Горбачева, первого представителя нового поколения советских руководителей, получивших высшее образование после войны, свидетельствовало о повышении уровня управления в СССР. Однако чисто формальный учет числа лет, проведенных в высшем учебном заведении, не всегда означал реальный рост интеллектуального потенциала людей. Поскольку вместе с партбилетом диплом о высшем образовании стал обязательным условием для движения вверх, амбициозные молодые люди стремились приобрести эти два документа, даже если они не были глубоко привержены идеям марксизма-ленинизма и не очень уж стремились овладеть специализированными знаниями и высокой культурой.

Еще в сталинское время руководителем страны мог стать такой человек, как Хрущев, постоянно ощущавший свою отчужденность от идей правящей партии (а отсюда постоянное сравнение себя с Пиней), предпочитавший не учебой, а участием в партийных интригах улучшить свое положение в обществе. В брежневское же время, когда человека нельзя было проверить в острых ситуациях напряженного строительства 1930-х годов и Великой Отечественной войны, возрастала вероятность прихода к власти энергичных и небесталанных

людей, но глубоко чуждых принципам господствовавшей идеологии, лишенных тяги к образованию и культуре и стремившихся достичь вершин власти с помощью овладения политиканскими навыками. Все легче к высшей государственной власти могли прийти карьеристы, озабоченные лишь мыслями о собственном благополучии и глубоко чуждые идеям патриотизма.

Можно предположить, что трудности, которые приходилось преодолевать амбициозным и энергичным молодым людям в ходе обретения необходимых документов для движения вперед, лишь усугубляли их глубокую внутреннюю неприязнь и к коммунистическим идеям, и к образованности, и к общей культуре, и к патриотизму. Ярким примером в этом отношении был сам М.С. Горбачев. Его приверженность идеям коммунизма оказалась мнимой. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи его секретаря Черняева, и та поспешность, с которой он вышел из коммунистической партии, как только советская власть стала рушиться. Не менее сомнительной была его образованность. Как-то в разгар заседания Съезда народных депутатов он откровенно признался: «Юрист-то я, по правде, никакой» – и это не было выражением его скромности, а честным признанием. Его же умение сделать несколько ошибок в слове «Азербайджан», привычка говорить «лОжить», «нАчать» и делать многие другие ошибки в произношении заставляли усомниться и в его грамотности.

Эти ошибки не были следствием умственной ущербности Горбачева. Нет сомнения в том, что человек, сумевший так долго обманывать советских людей, обладал недюжинным интеллектом. Однако его внутреннее, возможно подсознательное, сопротивление знаниям и культуре проявлялось в его нежелании говорить грамотно. В присутствии же близких людей этот человек, который казался многим олицетворением интеллигентности, постоянно прибегал к нецензурным выражениям. Даже Хрущев, любивший вспоминать в речах «сортир» и склонный к раблезианской лексике, не позволял себе подобных выражений.

Столь же ярким примером использования партбилета и диплома о высшем образовании для прикрытия своего антикоммунизма и антикультурности стал и свергнувший Горбачева Ельцин. Если Хрущев ограничивался тем, что возил членов своей семьи с собой в составе официальных делегаций и забирал подарки иностранных правителей себе, а не отдавал государству, то при Ельцине его семья стала высшей правящей группировкой в стране. Ельцин с очевидным наслаждением сбросил ненавистную ему маску борца за социальную справедливость и постарался превратить членов своей семьи в богатейших граждан постсоветской России. Бывший борец за демократию быстро превратился в авторитарного правителя, бравируя своей неограниченной властью и презрением к общественному приличию. Повадки распоясавшегося купчины, к которым порой прибегал Хрущев, стали нормой поведения для «всенародно избранного президента» Ельцина. Если главным примером скандального поведения Хрущева стало то, что он постучал башмаком по пюпитру в стенах ООН, то список подобных деяний Ельцина огромен и это объяснялось тем, что президент России большую часть времени пребывания у власти был пьян. Можно вспомнить и попытку Ельцина исполнить «Калинку» вместе с германским военным оркестром в Берлине, и избиение стюардессы на борту правительственного лайнера, и отказ выйти из самолета в Дублине на официальную встречу, и сбрасывание своего пресс-секретаря Костикова с борта теплохода в воды Енисея, и многое другое.

Как и для Хрущева, чисто формально проучившегося на рабфаке и в Промышленной академии, для Ельцина, Горбачева и других высшие учебные заведения, в которых они побывали, стали прежде всего лестницами для быстрого подъема по ступеням партийной иерархии. Эти люди не были единичными аномальными явлениями в партийной номенклатуре.

Нежелание Брежнева и его соратников глубоко проанализировать советскую историю, и в частности уроки пребывания Хрущева у власти, привели к тому, что у советского общества не было выработано иммунитета против появления у руля правления людей, опасных для великой страны. Так были созданы условия для появление демагога, подобного Хрущеву, но в несколько ином виде, умеющего сулить златые горы, но на деле глубоко безразличного к нуждам народа и неспособного к решению государственных задач. Казалось, что Хрущев, исчезнув в иллюзионистской конструкции Эрнста Неизвестного, показал нам фокус, появившись вновь в ином времени и в иных обличиях.

Превращаясь в руководителей СССР, эти люди невольно шли по стопам Хрущева. На первых порах они, подобно Хрущеву, объявляли о своем стремлении улучшить положение большинства людей. Они подчеркивали свой демократизм, появляясь на людях, вступая с ними в доверительные беседы и произнося длинные речи. Как и хрущевские выступления, эти речи занимали много газетных полос и много часов эфирного времени. В них выдвигались захватывающие программы ускорения общественного производства и перестройки общественного устройства в кратчайшие сроки. В 1985 году Горбачев объявил о перестройке общества в два-три года. В 1990 году Ельцин поддержал программу преобразования страны за пятьсот дней. Будучи людьми яркими, способными и умеющими выступать на публике, они, как и Хрущев, умели создать впечатление искренности, простоты, демократичности, доступности.

По мере же того, как обнаруживалась неисполнимость их демагогических планов, Горбачев и Ельцин увольняли почти всех членов правительства, сваливая на них свои провалы. Как и Хрущев, они пытались найти выход из кризиса в непрерывных управленческих реорганизациях, которые лишь усугубляли развал страны. Правда, в отличие от Хрущева, они пошли значительно дальше. Если Хрущев довел до раскола «лагерь социализма», потворствовал центробежным тенденциям созданием совнархозов и благодушно взирал на начавшуюся дискриминацию русского населения в Прибалтике, то Горбачев и Ельцин довели дело до развала СССР и дестабилизации ряда бывших союзных республик. Если Хрущев довел кризис производства сельского хозяйства до кровавой расправы в Новочеркасске, то внутриполитический кризис, развязанный Горбачевым, привел к кровавым междоусобным бойням в Нагорном Карабахе, Фергане, Оше, Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии. Углубление внутриполитического кризиса в России при Ельцине породило войны в Чечне, расправу над Верховным Советом и его защитниками в октябре 1993 года.

Как и Хрущев, Горбачев и Ельцин старались внести во внешнюю политику страны много личного, пытаясь быть в близких, дружеских отношениях с руководителями ряда стран мира, не считаясь ни с международными реалиями, ни с интересами своей страны. В числе друзей Горбачева были южнокорейский диктатор Ро Дэ У, вскоре привлеченный к уголовной ответственности, премьер Италии Андреотти, связанный с мафией, воинствующий враг нашей страны Маргарет Тэтчер. Президент США Клинтон, которого Ельцин постоянно именовал «другом Биллом», возглавил поход Сербии, сопровождавшийся варварскими бомбардировками ее мирного населения. Если авантюристическая внешняя политика Хрущева подрывала авторитет СССР, то политика Горбачева и Ельцина стала курсом капитулянтства, которая привела к сдаче внешнеполитических позиций нашей страны и укреплению наших стратегических противников на землях наших бывших союзников и бывших советских республик.

Как и Хрущев, эти бездарные и беспомощные правители, объясняя свою неспособность выполнить собственные обещания, винили в своих провалах «тяжелое наследие прошлого». Продолжая дело Хрущева, Горбачев, при поддержке Яковлева и других, возобновил антисталинскую кампанию, которая отличалась еще большей лживостью и невежественностью. Атака на советское прошлое была продолжена при Ельцине. Яковлев, Волкогонов и другие, декларировавшие свое стремление «очистить» коммунистическую идею от сталинизма, в считанные дни стали ярыми антикоммунистами. Доведя кампанию против советского прошлого до логического конца, Ельцин и его сторонники старались изобразить всю 70-летнюю историю СССР как царство тьмы.

На практике огульное отречение от прошлого не только означало насилие над человеческой памятью, осквернение деяний отцов и дедов, но и вело к разрушению основ общественной организации. Объявляя сталинский, а затем и весь советский период истории трагической ошибкой, новые правители СССР, а затем и России взяли курс на уничтожение всего, что было создано в советском прошлом. Промышленность, оборона страны, ее наука, техника, социальное обеспечение, культура и образование были принесены в жертву в ходе горбачевской перестройки, а затем ельцинских реформ. По сути они довели до логического конца то, что начал Хрущев.

Казалось бы, эти руководители должны были понести заслуженное наказание за

многочисленные бедствия, обрушившиеся по их вине на страну. Однако благодаря тому, что под прикрытием осуждения «культа личности Сталина», Хрущевым был введен «принцип ненаказуемости» правителей, и он сам, и его духовные наследники Горбачев и Ельцин сумели избежать наказаний. Более того, разрушители великой страны были обеспечены всевозможными материальными благами и окружены почетом.

Разумеется, приход к власти Горбачева и Ельцина не был исторической случайностью, точно так же, как не было случайным и возвышение Хрущева. Появлению таких руководителей предшествовало завершение периода сравнительно стабильного развития, когда долго существовал сложившийся порядок вещей и господствовал определенный стиль управления. В обстановке, когда страна оказывалась на распутье, когда остро чувствовалась необходимость перемен в жизни общества, а сложившиеся методы правления не позволяли осуществить такие перемены, люди жаждали быстрого выхода из состояния неопределенности.

Люди на различных уровнях общественного положения отвергали тех, кто тормозил перемены. Но и те руководители, которые не предъявляли готовых рецептов быстрого решения затянувшихся недугов, вызывали подозрения. Зато симпатии вызывали те, кто мог предложить быстрый выход из сложившихся трудностей с помощью чудотворных действий. В такой обстановке возмутитель спокойствия, способный часами излагать далеко идущие программы исцеления общества от бед, человек, схожий с Лешим – Хрущовым из пьесы Чехова, горячий и порывистый, вроде Хрущевых из «Суходола», может рассчитывать на всеобщее внимание. В обстановке, когда многие знающие специалисты теряются перед лицом неординарных проблем, миллионы людей, отчаявшихся найти выход из казалось бы безвыходного положения, начинают прислушиваться к «Хрущевым», демонстрирующим озабоченность их бедами и предлагающим легкие и быстрые решения.

Хотя грубые манеры «Хрущевых» (нередко нарочитые) могут многих шокировать, изложение ими сложных вопросов на языке бытовых баек привлекает растерявшихся людей. Они скрывают, что их существенными качествами являются «бесхозяйственность» и «нелепость», обнаруженные у Хрущевых Буниным. Такие люди никогда не признавали публично, как это сделал герой чеховской пьесы Хрущов, сказавший, что в нем «сидит леший», что он «верил сплетням, клеветал заодно с другими», что он «мелок, бездарен, слеп», что их «считают героями» «на безлюдье», когда «нет талантов, нет людей, которые выводили бы нас из… темного леса, исправляли бы то, что мы портим, нет настоящих орлов». Нет, политические «Хрущевы» стараются представить себя в виде Данко, выводящими людей из лесных дебрей.

Может показаться, что «Хрущевы» могли появляться лишь в советское время. Но это не так. Смутьян Хрущев был лишь симптомом болезни, поразившей страну, но страна еще не погрузилась в смуту. В смутное же время «Хрущевы» стали расти как грибы. Сколько развязных и безудержных демагогов появилось за последние полтора десятка лет! Сколько мы услышали обещаний быстро решить вековые проблемы России! Сколько было объявлено проектов административных и организационных перестроек, которые якобы принесут благо нашей стране! Наигранный оптимизм и напускная решимость, неисполнимые призывы удвоить производство страны в два раза за короткий срок, преувеличенные надежды на административные реформы прикрывают неспособность добиться реальных успехов в улучшении жизни большинства людей и борьбе с внешними и внутренними врагами. Кажется, что опять слепая вера людей довериться людям, умеющим заговаривать зубы, приводит к бегству от решения трудных проблем, стоящих перед нашей страной.

Судьба Хрущева и его духовных наследников должна служить нам грозным предостережением. Когда из иллюзионистской конструкции невидимый фокусник опять извлечет очередную сверкающую золотом улыбающуюся голову, которая будет изрекать сладкие слова утешительной лжи, мы не должны слепо верить этим словам. Мы не должны верить в универсальную целительную силу перестроек. Мы должны помнить, что благие пожелания и простые решения могут скрывать некомпетентность и сулить катастрофу. Шапка Мономаха не должна вручаться тем, для кого она или слишком тяжела, или слишком велика. Мы должны сознавать, что смутьян ведет страну к смуте и хаосу.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1990.

Андрианов В.И. Косыгин. М., 2003. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 (в 4 томах). М., 1990.

Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.

Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003. Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина. М., 1934.

Берия С.Л. Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994.

Брежнев Л.И. Целина. М., 1980.

Булганин К. А., Хрущев Н. С. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. Ноябрь – декабрь 1955 года. М., 1955.

Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев. М., 2003.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973.

Верт Н. История советского государства. 1900–1990. М., 1994. (Восемнадцатый) XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет (в двух томах). М., 1959.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991.

Главный маршал авиации Голованов. Сборник документов и материалов. Составители О.А. Голованова и А.В. Тимофеев. М., 2001.

Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996.

Громыко А.А. Памятное (в двух книгах). М., 1988.

Двадцатый – XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет (в двух томах). М., 1956.

Двадцать второй – XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет (в трех томах). М., 1962.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968.

Жить в мире и дружбе! Пребывание Н.С. Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 г. М., 1959.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.

Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.

Заседания Верховного Совета СССР первого созыва (первая сессия). 12–19 января 1938 г. Стенографический отчет. М., 1938.

Заседания Верховного Совета СССР первого созыва (вторая сессия). 10–21 августа 1938 г. Стенографический отчет. М., 1938.

Заседания Верховного Совета СССР третьего созыва (первая сессия). 12–19 июня 1950 г. Стенографический отчет. М., 1950.

Заседания Верховного Совета СССР 4-15 марта 1953 г. Стенографический отчет. М., 1953.

Заседания Верховного Совета СССР. 5–8 августа 1953 г. Стенографический отчет. М., 1953.

Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (первая сессия). 20–27 апреля 1954 г. Стенографический отчет. М., 1954.

Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (вторая сессия). 3– 9 февраля 1955 г. Стенографический отчет. М., 1955.

Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия). 5-12 февраля 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957.

Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (седьмая сессия). 7-10 мая 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957.

Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (первая сессия). 27–31 марта 1958 г. Стенографический отчет. М., 1958.

Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (третья сессия). 27–31 октября 1959 г. Стенографический отчет. М., 1959.

Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (пятая сессия). 5-7 мая 1960 г. Стенографический отчет. М., 1960.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 (в шести томах). М., 1960–1965.

История Коммунистической партии Советского Союза (3-6 тома). М., 1967–1970.

Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного и советско-государственного работника. М., 1996.

Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.

Качановский Ю.В. Диктатура Сталина: Уроки и выводы. М., 2004.

Кожинов В. Россия. Век XX. 1939–1964. М., 1999.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995.

Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.

Лигачев Е.К. Предостережение. М., 1998.

Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 года. М., 1959.

Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.

Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР, 8 августа 1953 года. М., 1954.

Маленков Г.М. 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1949 года. М., 1949.

Медведев Р.А. Н.С. Хрущев. М., 1990.

Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

Международные отношения после второй мировой войны (в трех томах). М., 1963–1966.

Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

Мировая война. 1939–1945 годы. Сборник статей. М., 1957.

Мухитдинов Н.А. Река времени. М., 1999.

Народное хозяйство СССР в 1972 г. Статистический ежегодник, М., 1973.

Народное хозяйство СССР в 1982 г. Статистический ежегодник. М., 1983.

Некрасов В. Тринадцать «железных» комиссаров. М., 1995.

Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989.

О событиях в Венгрии. Факты и документы. М., 1957.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 13–16 июля 1960. Стенографический отчет. М.,1960.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 10–16 января 1961. Стенографический отчет. М., 1961.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 5–9 марта 1962. Стенографический отчет. М., 1962.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 19–23 ноября 1962. Стенографический отчет. М., 1962.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 15–21 июня 1963. Стенографический отчет. М., 1963.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 9–13 декабря 1963. Стенографический отчет. М., 1964.

Пленум Центрального Комитета КПСС. 10–15 февраля 1964. Стенографический отчет. М., 1964.

Полянский А. Ежов. История «железного наркома». М, 2003.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор А.А. Фурсенко. Москва, 2003.

Рыжков Г.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.

Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.

Семнадцатый съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 года. Стенографический отчет. М., 1934.

Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002.

Смыслов О.С. Василий Сталин. Заложник имени. М., 2003.

Советская историческая энциклопедия (тт. 3, 14, 15). М., 1963, 1973, 1974.

Соколов Б.В. Берия. Судьба всесильного наркома. М., 2003.

Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сталин И.В. Сочинения (в 13 томах). М., 1946–1951.

Сталин И.В. Сочинения (14, 15 и 16 тома). М., 1997.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

Судоплатов Павел. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1999.

Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева… М., 1999.

Тимофеев А В. Покрышкин. М., 2003.

Федоров А.Ф. Подпольный обком действует. М., 1957.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964 гг. М., 1999.

Хрущев Н.С. Быстрее возродим сельское хозяйство Советской Украины. Речь на республиканском совещании передовиков сельского хозяйства Украины. 18 января 1946 г. Киев, 1946.

Хрущев Н.С. Возьмемся по-большевистски за дело строительства домов. М., 1933.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1999.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (воспоминания в 4-х книгах). М., 1999.

Хрущев Н. С. Десятилетие воссоединения украинского народа в едином украинском государстве. Доклад на V юбилейной сессии Верховного Совета УССР 29 октября 1949. Киев, 1949.

Хрущев Н. С. Доклад XIX съезду партии об изменениях в Уставе ВКП(б) 10 декабря 1952 г. М., 1952.

Хрущев Н. С. Итоги декабрьского пленума ЦК ВКП(б) и задачи московских большевиков. Доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б) 30 декабря 1935 г. М., 1936.

Хрущев Н.С. Итоги июньского пленума ЦК ВКП(б) и задачи Московской партийной организации. Доклад на собрании Московской партийной организации. М., 1935.

Хрущев Н.С. Итоги первого года восстановительных работ на Украине и наши очередные задачи. Доклад 13 октября 1945 г. Киев, 1945.

Хрущев Н.С. Итоги 1939 сельскохозяйственного года и задачи на 1940 год. Доклад на республиканском совещании передовиков сельского хозяйства УССР 8 февраля 1940. Киев, 1940.

Хрущев Н.С. К новым успехам социалистического сельского хозяйства Украины. Доклад 28 января 1941 г. М., 1941.

Хрущев Н.С. Мобилизовать все силы на выполнение и перевыполнение плана добычи и отгрузки угля. Выступление Председателя Совета Министров УССР и Секретаря ЦК КП(б) Украины тов. Н.С. Хрущева на собраниях партийно-хозяйственного актива угольщиков Сталинской и Ворошиловградской областей. Сталино, 1946.

Хрущев Н.С. Мобилизовать все силы на скорейшее восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства. Речь на пленуме ЦК КП(б) Украины 28 января 1946 г. Киев, 1946.

Хрущев Н.С. Наши задачи в восстановлении и благоустройстве городов и строительстве в селах и колхозах. М., 1945.

Хрущев Н.С. О мерах по выполнению постановления Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Доклад Председателя Совета Министров УССР на Пленуме ЦК КП(б) Украины 10 марта 1947 г. Киев, 1947.

Хрущев Н.С. О некоторых вопросах дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Из выступления на сессии Московского областного совета депутатов

трудящихся 16 марта 1950 года и на совещании передовиков сельского хозяйства Московской области 31 марта 1950 года. М., 1950.

Хрущев Н. С. Об очередных задачах колхозов и МТС в связи с укрупнением мелких сельскохозяйственных артелей. Из выступлений на совещании председателей колхозов 21 июня 1950 года и на совещании бригадиров тракторных бригад и директоров МТС Московской области 24 июня 1950 года. М., 1950.

Хрущев Н.С. О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства УССР на 1946–1950 годы. Речь на VIII сессии Верховного Совета УССР 28 августа 1946 г. Киев, 1946.

Хрущев Н.С. Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства советской Украины. Доклад 1 марта 1944 года на V сессии Верховного Совета УССР. М., 1944.

Хрущев Н.С. Отчетный доклад на Московской X областной партийной конференции о работе МК ВКП(б). М., 1952.

Хрущев Н.С. Отчетный доклад ЦК КП(б) Украины XVI съезду Коммунистической партии (большевиков) Украины 25 января 1949 г. Киев, 1949.

Хрущев Н.С. Партийные организации Украины в борьбе за новый подъем сельского хозяйства. М., 1948.

Хрущев Н. С. По-большевистски выполним решение Партии и Правительства о развитии общественного животноводства в колхозах. Доклад на совещании работников животноводства УССР 15 июля 1939 г. М., 1939.

Хрущев Н. С. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы 7 марта 1950 г. М., 1951.

Хрущев Н.С. Речь на собрании избирателей Киевского-Ленинского избирательного округа 5 февраля 1946 г. М., 1946.

Хрущев Н.С. Речи на собраниях избирателей Москвы. М., 1937.

Хрущев Н. С. Речь на первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев 18 ноября 1935 г. М., 1935.

Хрущев Н.С. И.В. Сталин и великая дружба народов. Краснодар, 1940.

Хрущев Н. С. Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей Родины (к 70-летию И.В. Сталина.). М., 1950.

Хрущев Н.С. Строить прочно, быстро, красиво и дешево. Речь на совещании по вопросам строительства 14 декабря 1935 г. М., 1935.

Хрущев Н.С. В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. М., 1957.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1999.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (воспоминания в 4-х книгах). М., 1999.

Хрущев Н С. Высокая идейность и художественное мастерство – сила советской литературы и искусства. Речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года. М., 1963.

Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. М., 1959.

Хрущев Н. С. Доклад на пленуме ЦК КПСС 6 мая 1958 г. Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства. М., 1958.

Хрущев Н.С. За мир, за разоружение, за свободу народов! Выступления в Нью-Йорке на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября – 13 октября 1960 года. М., 1960.

Хрущев Н. С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. Сокращенное изложение выступлений на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г., на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 г. М., 1957.

Хрущев Н. С. Империализм – враг народов, враг мира (из выступлений 1956–1963 гг.). М., 1963.

Хрущев Н.С. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Доклад на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 г… М., 1958.

Хрущев Н. С. К новым успехам литературы и искусства (сокращенное изложение

выступлений на встрече с представителями советской интеллигенции 17 июня 1960 г., на приемах в честь писателей и композиторов РСФСР). М., 1961.

Хрущев Н. С. К победе в мирном соревновании с капитализмом (сборник). М., 1959.

Хрущев Н.С. К победе разума над силами войны (сборник). М., 1954.

Хрущев Н. С. Коммунизм – мир и счастье народов (в двух томах). М., 1962.

Хрущев Н.С. Мир без оружия – мир без войн. М., 1960.

Хрущев Н. С. О внешней политике Советского Союза (в двух томах). М., 1961.

Хрущев Н. С. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Доклад на пленуме ЦК КПСС. 23 февраля 1954 г. М., 1954.

Хрущев Н. С. О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства. Речь на Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов 7 декабря 1954 г. М., 1955.

Хрущев Н. С. Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад на пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 г. М., 1955.

Хрущев Н.С. Предотвратить войну, отстоять мир! Речи, беседы, выступления. М., 1963.

Хрущев Н.С. Речи во время пребывания в Рязани в связи с вручением Рязанской области ордена Ленина 12–13 февраля 1959 г. Рязань, 1959.

Хрущев Н.С. Речь на III съезде РРП 21 июля 1960 г. М., 1960.

Хрущев Н.С. Социализм и коммунизм (из выступлений 1956–1963 гг.). М, 1963.

Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Речи и выступления (в 8 томах). М., 1962–1964.

Хрущев С.Н. Пенсионер союзного значения. М., 1991.

Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М., 2001.

Шапиро Д. Невротические стили. М., 2000.

Шевелев В.Н. Н.С. Хрущев. Ростов-на-Дону, 1999.

Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны (в 2 книгах). М., 1985.

Юбилейная сессия Верховного Совета СССР, посвященная 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 6 ноября 1957 г. Стенографический отчет. М., 1957.

Яковлев А .С . Цель жизни. М., 1967.

Carell Paul. Hitler Moves East. 1941–1943. New York, 1967.

Crankshaw Edward. The New Cold War. Moscow v. Pekin. London, 1963.

Hough Jerry. How the Soviet Union is Governed. Harvard University Press, 1979.

Hyland William and Shryock Richard. The Fall of Khrushchev. London, New York, 1968.

Khrushchev Remembers. With the Introduction, Comments and Notes by Edward Crankshaw. London, New York, 1971.

Powers Gary and Gentry Curt. Operation Overflight. The U-2 spy pilot tells his story for the first time. New York, 1970.

Fitzpatrik Sheila. Education and Social Mobility in the Soviet Union. 1921–1934. Cambridge, 1979.

Russel Bertrand. Unarmed Victory. London, 1963. Salinger Pierre. With Kennedy. New York, 1967. Taubman William. Khruschev. The Man and His Era. N.Y., London, 2003.

Werth Alexander. Russia Under Khrushchev. London, 1962.

ПЕРИОДИКА

Известия. 1953–1964.

Известия ЦК КПСС. 1989–1991.

Исторические архивы. 1993–1999.

Молодая гвардия. 1989, № 4.

Правда. 1934–1964.

Congressional Record. 1959.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первый секретарь ЦК КПСС
Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев

Н.С. Хрущев на трибуне XX съезда КПСС. 1956 год

Встреча с творческой интеллигенцией. 1962 год

Н. С. Хрущев выступает с трибуны
на встрече с целинниками. 1960 год

Н. С. Хрущев с початками кукурузы

На выставке горнорудной техники и оборудования. Слева от Н.С. Хрущева — А.И. Кириченко

В Кремле. Слева направо А.Б. Аристов, Н.С. Хрущев, неизвестный, Е.А. Фурцева, Ф.Р. Козлов

Осмотр судов на подводных крыльях. Среднее Поволжье. 1960 год.
Слева направо: Н.С. Хрущев, Ф.Р. Козлов, М.А. Суслов,
Н.Г. Игнатов

Строительство типового жилого дома в Москве

Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев беседуют по телефону с Юрием Гагариным

Валентина и Юрий Гагарины, Н.С. Хрущев и Н.П. Хрущева

Н.С. Хрущев приветствует первую женщину-космонавта Валентину Терешкову

Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр с женами. 1959 год

Н. С. Хрущев в США. Встреча на железнодорожной станции по пути из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско

Н.С. Хрущев, В.М. Суходрев, премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан во время обхода почетного караула. Москва. 1959 год

Н.С. Хрущев и президент Франции Шарль де Голль с женами в Елисейском дворце. 1960 год

Н.С. Хрущев во время осмотра обломков самолета У-2. 1960 год

Создатели «оборонного щита» — академики А.Н. Туполев, А.И. Микоян, И.В. Курчатов

Главный маршал авиации К.А. Вершинин, академики М.В. Келдыш и С.П. Королев

Н. С. Хрущев в Вене
3 июня 1961 года

Н. С. Хрущев
и Дж. Кеннеди
во время визита
в Вену

Н. С. Хрущев и Ф. Кастро

Н. С. Хрущев в кругу семьи.
Слева направо: первый ряд — внучка Юлия, Никита Сергеевич
Хрущев, внук Никита Аджубей, Нина Петровна;
второй ряд: зять Алексей Иванович Аджубей,
дочь Юлия Никитична, сын Сергей Никитич, невестка
Галина Михайловна Шумова, дочь Рада Никитична,
внук Алеша Аджубей, дочь Елена Никитична. 1960 год

Н. С. Хрущев с внуками и собаками

ПРАВДА

СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета КПСС

В Президиуме Верховного Совета СССР

Первая полоса газеты «Правда» от 16 октября 1964 года

Последний снимок при жизни
Рядом с Хрущевым — академик Реваз Гамкрелидзе

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием извещают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Сообщение в «Правде» о смерти Н.С. Хрущева

Скульптор Эрнст Неизвестный работает над памятником Н.С. Хрущеву

Надгробный памятник на Новодевичьем кладбище работы Эрнста Неизвестного